

**Советская история
в зарубежной
историографии**

Alain Blum et Martine Mespoulet

L'ANARCHIE BUREAUCRATIQUE

Statistique et pouvoir sous Staline

**Paris
Éditions la Découverte
2003**

Ален Блюм, Мартина Меспуле

БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ АНАРХИЯ

Статистика и власть при Сталине

**Москва
РОССПЭН
2006**

Издание осуществлено при поддержке
Национального центра книги
Министерства культуры Франции
Перевод с французского *В.М. Володина*

История СССР и особенно история сталинизма нередко представляются как нечто исключительное. Их суть определяется термином «тоталитаризм». В центре теории тоталитаризма — идея всеобъемлющего подчинения индивида власти, осуществляемой одним человеком или же всемогущей партией. В работе «Истоки тоталитаризма», появившейся в 1951 году, Ханна Арендт подчеркивает атомизацию общества и разрушение всякого публичного и плюралистического политического пространства в стране, управляемой таким образом¹.

Тоталитаристский подход постулирует взгляд на советскую историю как политическую, почти не оставляя места для общества. При этом политика рассматривается не как выражение специфических переплетений или столкновений между социальными группами, а как строящаяся автономным образом по логике самодостаточности и действий, имеющих главным образом внутреннюю целевую предназначенность. Социальные связи не принимаются во внимание, реально действующими полагаются только политические отношения. Под таким углом зрения Октябрьская революция — это государственный переворот, осуществленный одной отдельной группой, большевиками, действовавшей как автономный круг лиц². Общество не становится объектом рассмотрения, поскольку, оставаясь как бы в атомарном состоянии, оно оканчивается подчиненным исключительно силе политического решения. Существование каждого человека зависит от его места в вертикальной иерархии, исключительно политической по своей сути. Например, раскулачивание представляется как результат решения, спущенного сверху и навязанного деревне³. Оно истолковывается совсем не как результат реальной социальной напряженности между жителями городов и сельским миром, а скорее как война власти против крестьянства, как выражение неприязни Сталина и некоторых других руководителей по отношению к крестьянству⁴. Точно так же репрессии и крупные чистки 1937–1938 годов рассматриваются как следствие только решения тирана, а не как выражение возможных социальных трений, которые расшатывали советское общество 1930-х годов.

Блюм А., Меспуле М.
Б 71 **Бюрократическая анархия: Статистика и власть при Сталине / Пер. с фр. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. — 328 с. — (Российская история в зарубежной историографии).**

В своей захватывающей книге Ален Блюм и Мартина Меспуле на примере истории статистического управления проливают свет на взаимоотношения науки и власти при Сталине. После нескольких лет разысканий в российских архивах советского периода они участвуют в переосмыслении сталинизма и сталинского террора, опираясь на углубленное изучение биографий тех, кто участвовал в управлении сталинским государством.

Прослеживая жизненный путь этих людей, данная работа помогает лучше понять, как утвердилась безраздельная власть Сталина и почему потерпела провал его попытка построить монолитное государство, которое господствовало бы над атомизированным и покорным обществом. Не смешивая историю СССР с историей сталинизма, авторы показывают, что последняя является результатом не только действия коммунистической идеологии, но и внутренних противоречий среди политических лидеров и администраторов, часть которых стремилась строить прогрессистское государство.

- © «Российская политическая энциклопедия». Перевод, 2006
© Éditions La Découverte, Paris, 2003

В 1941 году Оруэлл писал:

«Тоталитарное государство характеризуется тем, что оно командует мышлением, но не устанавливает его раз и навсегда. Оно сначала устанавливает непререкаемые догмы, а затем изо дня в день меняет их. Оно нуждается в таких догмах, потому что ему требуется абсолютное подчинение своих субъектов, но оно не может избежать изменений, которые диктуются императивами силой политики. Оно провозглашает себя неизменным и в то же время изо всех сил стремится уничтожить даже объективную истину»⁵.

В этих нескольких строках Оруэлл развивает мысль, которая в конечном счете вступает в противоречие с идеей тотальной эффективности системы: навязанный порядок, сколь бы жестким он ни был, оказывается неспособным помешать возникновению беспорядка; более того, он сам и производит его. Здесь позиции Оруэлла и Ханны Арендт совпадают.

Эта характерная черта функционирования сталинской власти была замечена еще в 1970-е годы историками, которых позже стали называть «ревизионистами», поскольку они оспаривали способность тоталитарной теории проникнуть в суть системы⁶. По их мнению, подобное теоретическое прочтение игнорировало внутренние противоречия и социальную напряженность. Теория тоталитаризма строилась на основе моделирования объекта, который она определяла по поверхностным признакам.

Ревизионистский же подход, напротив, попытался проникнуть в политику, чтобы понять ее как выражение трений, столкновений и борьбы на различных уровнях общества, пронизанного противоречиями различного типа⁷. Тогда революция 1917 года представляется уже не как изолированный акт или государственный переворот, а как взрыв народного насилия, который Ленин и большевики использовали, чтобы взять власть⁸. Коллективизация, даже если она началась по решению Сталина, является следствием социальных конфликтов, в которых противостояли новые слои городского населения и сельский мир⁹. Что же касается чисток 1937–1938 годов, они явились не только исключительно продуктом единоличной воли Сталина, но и выражением глубоких социальных конфликтов, в которых противостояли вновь выдвинувшиеся и старые буржуазные специалисты, новые и старые социальные классы¹⁰.

Смягчение правил доступа к архивам советского периода в 1991 году дало импульс для многочисленных исследовательских работ, новаторский подход в которых позволил преодолеть непримиримость ревизионистской трактовки и тоталитарной теории¹¹. Результаты этих исследований стимулировали разработку не упрощенной, а более комплексной истории, не только со-

циальной истории политики, но и политической истории общества¹². Признание за индивидами активного участия в действии, показ со всей очевидностью трений и конфликтов, внутренне присущих группам руководителей, вели к разрыву с представлениями о системе сталинской власти как монолитном блоке. Таков был главный вклад этих работ. Вскрывая изъяны этой системы, они показали, что политические позиции и принимаемые решения были продиктованы различного рода социальной логикой, и поэтому более четко выявили людей, которые находились за фасадом аппарата. Ныне возникла необходимость проделать более тонкий анализ поведения и причин выбора действий, чтобы лучше понять саму природу сталинского государства и системы власти, которая его строила.

Изучение одного из учреждений позволяет проследить эту социальную логику в действиях, относящихся к самой сердцевине повседневной деятельности государства, к механизму принятия политических решений. С этой точки зрения статистическая служба оказывается привилегированным наблюдательным пунктом: будучи главным ведомством, где осуществляются подсчеты, необходимые для управления страной, оно представляет собой существенный конституирующий элемент истории государства и управленческой практики¹³. Производство статистических данных не является формальным выражением государственности, оно само творит реальности. Классификация по национальному или профессиональному признаку, например, это — инструмент работы статистика с социальной сферой, сконструированные им категории, которые затем принимаются социальными акторами за свои собственные¹⁴. Используя их, индивиды приходят к тому, что начинают манипулировать ими как готовыми клише для прочтения и истолкования своего окружения. Тогда категории имеют тенденцию уже не оставаться только представлениями, а становиться фактами, реальностью, допускаемой всеми. Более того, эта операция по овеществлению вскоре приводит к определению направления политических действий, что, в свою очередь, заставляет политиков больше настаивать на реальности категорий, разработанных статистиками.

В случае СССР при Сталине этот подход оказывается тем более уместным, что речь идет о государстве, которое превратило использование чисел в одно из центральных оснований своей политической аргументации. Легитимность большевистского государства как государства научного частично основывалась на утверждении о научном характере принимаемых решений, исходящих от власти. Статистика была источником информации и средством принятия решения, но она была также и орудием власти, так как должна была подтвердить точность государственной политики. Превращенная в доказательство основательности действий государства, она символически способствовала строитель-

ству социально-экономического мира сталинского государства. Эта функция чисел наглядным образом проявляется в осуществлении планирования: здесь одно и то же число оказывается одновременно и целью, которой необходимо достичь, и доказательством действия. Между тем и другим не должно быть расхождения.

Возможно ли в этой связи рассматривать статистику при Сталине как замысел, работающий на установление полного контроля? По мнению Ханны Арендт, в этом не может быть ни малейшего сомнения, а статистика иллюстрирует саму природу тоталитаризма, системы власти, сложившейся на базе фикции однородности общества и соответствия цифре¹⁵. Государству только и остается, что подверждать соответствие между числами и фактами или изучаемыми явлениями. В свою очередь, уверенные в убеждающем вселили представлений, выраженных числами, руководители такого государства стремятся использовать статистику для усиления эффективности пропаганды. Более того, поняв формирующую силу статистического описания, они целиком использовали его для изменения не только представлений о реальности, но также и реалий самого общества. Вот что пишет Ханна Арендт по поводу СССР:

«Это верно также по отношению к некоторым странам пробелам, а именно тем, которые касаются статистических данных. Такие пробелы просто доказывают, что в этом отношении, как и во всех других, сталинский режим был безжалостно последователен: все факты, которые не согласовывались или которые были способны не согласовываться с официальной фикцией, — данные об урожаях, преступности, подлинных происшествиях, “контрреволюционных” выступлениях в противоположность последующим фиктивным заговорам — трактовались как недействительные. В полном соответствии с тоталитарной неприязнью к фактам и действительности, все данные этого порядка не только не стекались в Москву со всех четырех концов огромной территории, а напротив, доводились в первую очередь до сведения соответствующих мест. Это делалось посредством их публикации в “Правде”, “Известиях” или других официальных московских органах для того, чтобы каждый район, каждый округ Советского Союза получал свои статистические данные, официальные и фиктивные, абсолютно так же, как он получал не менее фиктивные нормы, которые ему предписывались пятилетними планами»¹⁶.

Эта связь между политической системой и природой статистических выкладок представлялась Арендт вполне очевидной: поскольку сама система по природе своей является создателем иллюзий и лжи, она только и может, что распространять статистическое описание, подвергнутое манипуляциям и измышле-

ниям по образу и подобию своих собственных принципов действия. Вместе с тем, подобный подход не ставит перед собой вопросы относительно природы учреждения, которое производит эти числовые данные, он не стремится вскрыть черный ящик административной жизни. Он поступает так, как если бы эта администрация не существовала. В частности, он абстрагируется от того факта, что за видимыми параметрами этой продукции функционирует учреждение, в котором работают люди, подготовленные к работе со статистикой, а не к тоталитарной системе представлений. Точно так же он оставляет в стороне вероятность напряженных противоречий между различными кругами, инстанциями, где принимаются решения, или организациями, где эти решения исполняются.

Между тем в СССР 1930-х годов цифры, касающиеся демографии, а также планирования, обнаруживают все возрастающее расхождение между словом и делом, а следовательно, в силу этого, и отсутствие всеобъемлющего контроля политической власти над производством данных. Из этого вытекали столкновения и конфликты между политическими руководителями и статистиками. Вот тогда-то Статистическое управление и было поставлено под сталинский контроль. Таким образом, некоторые стороны функционирования статистики или ЦСУ могут стать разоблачительными в том, что касается практических действий по исполнению власти, а также, разумеется, механизмов проведения чисток, использования перестройки учреждений с целью установления и поддержания личной власти Сталина, равно как и повседневной практики насаждения социально-политического порядка.

Советская статистическая служба в период между мировыми войнами характеризуется двояким образом: с одной стороны, она вписывается в линию устойчивой институциональной преемственности по отношению к старому строю. С другой, она оказывается подверженной влиянию всякого рода неожиданностей, связанных с новым строем, и вместе с тем именно она их замечает, проводя опросы и собирая данные. В этом плане она, так же как и те данные, что она производит, образует собой пространство, где проявляются внутренние противоречия в управлении советской экономикой и советским обществом. Действительно, на протяжении всей истории СССР производство данных было в центре столкновения между имиджем, который руководители хотели создать для своей страны, ее политического строя, и реальностью непрерывной серии катастроф, которые, как вехи, отмечали ход этой истории. Указывая на разрыв между дискурсом и реальностью, статистика становится ставкой в политической игре, превращающей числа в символ, в ущерб их способности наблюдать и констатировать.

История Центрального статистического управления с 1918 по 1939 год может поэтому быть прочитана как история двой-

ного конфликта: один из них — это конфликт с политическими руководителями, являющийся выражением острых противоречий между двумя различными концепциями государства, а другой — с прочими органами административного управления, милицией и контрольными органами, конфликт, который отражает разнородные логические линии формирования этого государства.

Статистический инструментарий, в частности категории, используемые для того, чтобы обозначить и классифицировать индивидов, также стали объектами конфликтов. Отрицание русского колониализма посредством утверждения образа однородного национально-географического пространства, конструирование новых форм семьи и так называемого «бесклассового» общества входили в число составляющих при разработке новой социальной модели и в силу этого факта стали объектом конструирования новых статистических категорий. В данной работе ставится задача проанализировать также средства, используемые для того, чтобы «научно» строить советскую иллюзию, акты, которые за этим следовали, и формы сопротивления статистиков политическому строительству реальности посредством цифр.

Рассматриваемая таким образом история Центрального статистического управления охватывает область более широкую, чем только история одного учреждения. Занимая промежуточное положение между людьми, за которыми оно ведет наблюдение, и политическими директивами, навязываемыми ему сверху, управление показывает нам индивидов, стоящих перед лицом государственного аппарата. Раскрывая их поведение, например в области сельского хозяйства и семейных отношений, показывая мало податливый характер демографических процессов по отношению к политическим призывам, оно обозначает или даже показывает пределы значимости этих последних¹⁷. С другой стороны, это управление само по себе представляет историю людей, которые работают, получают директивы от властей и реагируют на них, а в некоторых случаях даже противятся их исполнению. К тому же эти люди в силу выполняемых ими функций оказываются фактически внутренне связанными с властями. Они участвуют в управлении страной, а ответственные лица имеют прямые контакты с руководителями самого высокого ранга, которым они поставляют информационные сведения, ориентирующие их в политических действиях.

Анализ всех этих трений и противоречий позволяет по-новому осветить не только процесс строительства репрессивного сталинского государства, но и заявить о том, что сохранялись зоны автономии и было сопротивление гражданского общества¹⁸. Затрагивая таким образом послереволюционную историю и сталинизм, такой новый взгляд может быть направлен и на период

советской истории между двумя мировыми войнами, а также объяснить некоторые стороны восстановления Советского Союза после Второй мировой войны. Рассмотрение истории этой страны через призму истории Статистического управления позволяет расширить обзор, ограниченный констатацией значимости политических решений или же только изучением процессов социального насилия¹⁹.

Реконструкции отдельных судеб и конфликтов между людьми, поставленными в положение ответственных работников и носителей власти в сталинской администрации и тем не менее остающимися наследниками другой концепции государственного управления, позволяет пролить свет на сложность ситуаций и поведения индивидов и групп.

Попов, Осинский, Минаев, Милютин, Краваль, Верменичев, Саутин, Старовский — эти восемь человек сменяли один другого на посту главы советского статистического ведомства между 1918 и 1941 годами. Пятеро из них были расстреляны в период между 1937 и 1939 годами. Зато последний, Старовский, останется на своем посту в течение целой трети века, вплоть до 1975 года, то есть до своей кончины. Саутин, продолжавший свою карьеру, скончается в том же году. А первый, Попов, основатель этого административного органа, был отстранен в январе 1926 года из-за того, что открыто и напористо пытался противостоять Сталину. Тем не менее он будет продолжать занимать ответственные посты в советской администрации вплоть до семидесятипятилетнего возраста. На фоне неоднозначных позиций индивидов (их участия в выработке сталинской политики и сопротивления политическому строительству, которое все более и более расходилось с их ожиданиями) вырисовывается вся сложность картин социально-политической жизни.

Цель, поставленная здесь, заключается в том, чтобы не связывать себя чересчур монолитными подходами, а иметь возможность взглянуть на государство сквозь призму человеческого материала, людей, которые его составляют и которые его строят. Облечь сталинизм в плоть и кровь — значит сделать еще более очевидной разыгранную им человеческую драму. Некоторые историки сделали это, сосредоточив внимание на выявлении характера отношений, трений и конфликтов в самых высших сферах власти, в частности в Политбюро ЦК партии²⁰. Направляя взгляд на инстанции, в которых принимались наиболее важные правительственные решения, они открыли пути новаторского исследования с целью понять природу центрального правительства и роль сталинского окружения. Со своей стороны, мы избрали путь, который, даже если он частично и является наследником такого подхода, делает центром внимания главным образом повседневное функционирование государства и одного из его административных управлений. В данном

случае служащие статистического управления оказываются на перекрестке между решениями политической власти и их осуществлением в контакте с населением. Когда статистики ставят вопросы о трудностях выполнения своих задач, их высказывания оказываются для нас поучительными в плане понимания как логики государства, так и реакции субъектов их опросов. Они доводят до нашего сведения то, что касается собственных практических действий управленцев, способа мышления и мнений, которыми они руководствовались в своих действиях, но также и то, что изменялось в ходе накопления ими опыта, их личного и профессионального продвижения и их противоречий с опытом тех людей, которые их окружали. Делая это, они информируют нас о людях, и благодаря этому абстрактное сталинское государство обрывает плоть.

Мы будем исходить не из того, что эти люди намеревались сделать, а скорее из их действий, восстанавливая процедуры принятия решений и формы профессионального сопротивления статистиков, если удастся отыскать следы этого в архивах. Поэтому изучение конфликтов, споров и переговоров будет занимать центральное место в нашем исследовании. Анализ жизненных путей и способов вхождения людей в различные круги предоставит нам возможность осветить самое главное, чтобы способствовать пониманию индивидуальных позиций людей. Учреждения будут рассматриваться главным образом изнутри, как пространства практического действия, но и как места формирования связей солидарности и форм как индивидуального, так и коллективного опыта действующих лиц.

I

Большое недоразумение

Истории жизни

Судьбы двух людей воплощают два различных момента в истории советского Статистического управления в период между двумя мировыми войнами. Представители одного и того же поколения, получившие схожее образование, близкие по роду профессиональной деятельности и политическим взглядам до Октябрьской революции, Павел Попов и Олимпий Квиткин могли бы иметь одну и ту же судьбу. Однако при выполнении ответственной работы на самом высоком уровне администрации в два весьма отличных друг от друга момента истории СССР, в 1920-е и в 1930-е годы, и особенно в период установления сталинской власти, они оказались перед лицом двух различных форм вмешательства политической власти и применения репрессий. Они участвовали в утверждении этой власти, оставаясь в оппозиции к ней. В 1920-е годы сопротивление директивам этой власти привело к отстранению первого; в 1930-е годы такая же позиция вызвала арест и физическое устранение второго. Жизнь этих двух людей позволяет проследить двадцать лет истории, на протяжении которых Сталин прибегал к наиболее насильственным формам репрессий с целью установления безраздельной власти. Их жизнь позволяет понять, каким образом опытные люди, получившие образование до революции, и их деятельность как управленцев, принимавших участие в этой истории, переплелись с действиями сталинской политической власти.

Павел Ильич Попов

16 июня 1918 года кандидатура Павла Ильича Попова, которому тогда было сорок шесть лет, большинством участников Всероссийского съезда статистиков была предложена на должность начальника нового Центрального статистического управления РСФСР. После того как Ленин утвердил это предложение, Попов становится первым руководителем статистического управления большевистского государства. Этот пост он будет занимать почти восемь лет.

Он родился 12 января 1872 года в Иркутске. Его отец был писарем, а мать — домохозяйкой. После окончания учебы в одной из семинарий Попов становится учителем в своем городе. В 1895 году он уезжает из Сибири в Санкт-Петербург, где поступает в высшее учебное заведение. Несколько месяцев спустя учеба была прервана, так как в 1896 году он был арестован за участие в печатании социал-демократических текстов¹.

Вот тогда-то и начинаются годы ссылки и депортаций, которые на своем опыте познали многие русские статистики этой эпохи². В декабре 1897 года, после полутора лет тюремного заключения, власти устанавливают запрет на пребывание Попова в Санкт-Петербурге и в Москве. Его отправляют в ссылку под надзор властей Уфы. Он остается там в течение трех лет, сначала в сельском районе, а позже в Уфе, где работает в статистическом бюро земства. Эти органы были созданы в 1864 году для управления с учетом местных интересов 34 губерниями Европейской России. В их обязанности входили организация и финансирование некоторых обязательных служб, например социального страхования, и они располагали большой свободой действия в других областях, прежде всего — в сфере образования и здравоохранения. В целях обеспечения статистической информацией о территории, которой они должны были управлять, в соответствии со своими нуждами они организовали специализированные службы, обеспеченные квалифицированными кадрами. Подобно другим статистическим управлениям, расположенным в городах, где не было университетов, управление города Уфы принимало на работу людей, находившихся в политической ссылке, которые составляли контингент квалифицированных работников.

Из-за своего политического положения Попов не имел права занимать постоянные штатные должности в государственных административных учреждениях. «...До 1905 года администрация губернских городов меня как политически неблагонадежного не утверждала на постоянные штатные должности в земских учреждениях, и поэтому пришлось заниматься работами, не требующими утверждения губернской администрации. Такими работами являлись статистические работы, которые проводились земством»³. Земское статистическое управление могло, например, нанимать на временную работу статистиков для оценки недвижимости и земельной собственности для налоговых нужд. Попов, принятый на работу в соответствии с этим положением, провел несколько углубленных исследований по сбору данных об экономическом положении крестьянских хозяйств и частной земельной собственности. Таким образом, он специализировался в сельскохозяйственной статистике, непрерывно пополняя свои знания о деревне.

Уфа стала первым этапом в череде его продолжительных поездок по России, когда он работал в различных земских управах: в Самаре в 1901 году, Смоленске в 1901–1902 году, Вологде с 1902 по 1904 год. В Уфе он занимал должность заместителя руководителя службы. В 1904–1905 годах Попов учился в сельскохозяйственной академии в Берлине.

Вернувшись в Россию после революции 1905 года, он уже мог проживать в Санкт-Петербурге и Москве. Сначала он был принят на службу как статистик земской управы Харькова, на Украине, для проведения исследований по вопросам деятельности сельских хозяйств. Вознаграждение не заставило долго себя ждать. В начале 1906 года его принимают на службу в статистический отдел городской управы Санкт-Петербурга. Там он включился в другой род деятельности по ведомственной статистике. Занимаясь по долгу службы сбором данных, касающихся народного просвещения, одновременно он продолжает работать над сбором сведений о частных сельскохозяйственных предприятиях Харьковской губернии. Этот труд он закончит уже на месте после 1907 года, когда будет приглашен на работу в губернское земство. В начале 1909 года он вновь направляется в юго-восточные районы империи, став помощником заведующего Статистическим отделом Переселенческого управления Министерства земледелия в Семиреченской волости, в городе Верный (ныне — Алма-Ата, Казахстан). Находясь на этой должности, он руководит сбором сведений, касающихся казахских хозяйств.

Таким образом он повышает и свою профессиональную подготовку в области статистики, а заодно и свое знание российской территории. К опыту владения земской и городской статистикой вскоре добавляется опыт работы над статистикой государственного управления. Тем не менее с конца 1909 года он возвращается к земской статистике в качестве заведующего статистическим бюро Тульского губернского земства. На этой должности он останется вплоть до февраля 1917 года.

Следов нелегальной политической деятельности Попова в течение всего этого периода, конечно же, осталось совсем немного. Его симпатии к социал-демократическому движению, а затем и к социал-демократической партии, по всей видимости, заметно усилились со времени его первого ареста в Санкт-Петербурге. Он был участником подпольной социал-демократической сети в Харькове, а также и подпольных организаций Тулы, где его присутствие на партийных собраниях было зафиксировано царской полицией⁴.

Вследствие всего этого его профессиональное продвижение происходило неравномерно, оно определялось тем, где он оказывался в силу обстоятельств, предопределенных его перемещениями как политического ссыльного. На каждом этапе, под-

чиняясь необходимости приспособляться к новой ситуации в очередной ссылке, он, тем не менее, старается воспользоваться подвернувшимися возможностями для работы в качестве служащего в сфере статистики. Поступая так, он расширяет области, в которых осуществляет сбор и обработку сведений, и обогащает свою подготовку практической деятельностью. Частая смена мест службы не нанесла большого ущерба его профессиональной карьере. Даже напротив, он повышает уровень своего профессионального образования посредством постоянного накопления знаний, которое было свойственно всем работникам статистической службы в ту эпоху, что и подготовило его к возможности занимать ответственные посты. Во всех городах, где он находился, он завязывал профессиональные, дружеские, даже политические связи, которые пустит в дело после Октября 1917 года, чтобы организовать Центральное статистическое управление большевистского государства.

Карьерный рост Попова проливает свет и на разнообразные проявления его личности. Он сумел вникнуть в сферу знаний, которая не ограничивается какой-то одной локально-географической местностью, а простирается на значительную часть российской территории. Он внутренне вписался в среду, для которой статистика была общим отправным пунктом и которая объединяла людей самого разного социального происхождения — потомков дворян, мещан, ремесленников, торговцев и даже грамотных крестьян. Эта среда имела основой своего единства профессиональную идентификацию, истоки которой создавались еще до революции и которая служила основанием для особой формы социального признания. Люди, входившие в эту среду, занимали также одинаково враждебную позицию по отношению к царскому самодержавию⁵. Дружеские политические связи Попова складывались, прежде всего, во время его ссылки. В частности, он встретился тогда с двумя выдающимися личностями, которые будут иметь большое значение для его карьеры после Октября 1917 года, а именно с А. Д. Цюрупой⁶, находившимся в ссылке в Уфе с 1897 по 1901 год, и с Лениным. Вот что он писал об этом позднее:

«С Владимиром Ильичем я познакомился в Уфе, когда я был в ссылке. Он проездом из Сибири (из ссылки) заезжал в этот город, где жила Н. К. Крупская. Вторым раз я виделся с Владимиром Ильичем в Финляндии после революции 1905 года»⁷.

Попов и Цюрупа установили прочные дружеские отношения. Когда последний стал занимать высокие должности в большевистском правительстве и до середины 1920-х годов⁸, он оказал Попову влиятельную поддержку.

Тем не менее начиная с 1918 года Попов ставит на первое место свои связи с Лениным, которые, впрочем, были до рево-

люции не очень тесными. В действительности тот факт, что его пути пересеклись с путями Ленина, не оказал значительного влияния на Попова до 1917 года. Его приобщение к марксизму, которое произошло позже, не было вызвано этой встречей. Его приход к руководству Статистическим управлением, по всей видимости, не был прямым следствием его связей с Лениным, а скорее результатом его профессиональной деятельности еще до революции. Тем не менее сам факт знакомства с Лениным, несомненно, благоприятно повлиял на его назначение.

Процесс формирования Центрального статистического управления проливает свет на назначение Попова его начальником. Решающую роль в этом сыграла Первая мировая война⁹. Начальным этапом стал съезд статистиков земств и городов, созданный Особым совещанием по продовольственному делу в декабре 1915 года, который избрал Попова ответственным секретарем и заместителем председателя исполнительной комиссии статистических съездов. Это признание предоставило ему возможность активно участвовать во всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. Вполне логично он оказывается затем, с марта 1917 года, во главе статистического управления, в обязанности которого входила обработка данных, полученных в ходе этой переписи. Он был назначен на эту должность уже Временным правительством. Его назначение в 1918 году руководителем нового статистического управления представляется, таким образом, вполне закономерным, независимо от его политических связей.

В течение восьми лет, когда он занимал эту должность, он стремится осуществить проект, в котором статистика рассматривается как путеводная нить для принятия политических решений, а в качестве основополагающего принципа утверждает независимость в работе статистиков по отношению к политическим управленцам. Он мобилизует всю сеть бывших земских статистиков и приводит в соответствие с европейскими стандартами свою концепцию независимости научно-административного корпуса государственных статистиков по отношению к политическим властям. В течение всего этого периода он сталкивается с сильным противодействием. Находясь в самой гуще внутренних и внешних конфликтов своего управления, он со всей настойчивостью защищает его, равно как и тех людей, которые в нем работают. Он без колебаний обращается непосредственно к Сталину, проявляя исключительную твердость, когда упрекает его в ошибках и неверном истолковании цифровых данных. Он ополчается также против Бухарина и Зиновьева. Его действия и предпочтения, когда он осуществляет формирование своей руководящей команды или когда реагирует затем на различные нападки, могут быть поняты только в свете того пути, который он прошел до революции.

После многочисленных столкновений с руководителями других административных управлений или политическими руководителями Попов в январе 1926 года был отстранен от занимаемой должности в Статистическом управлении. Эта дата знаменует перерыв в его деятельности и профессиональной карьере. Она знаменует также поворот в судьбе Статистического управления. Среди тех людей, которые имели отношение к его становлению и затем были отстранены от занимаемых должностей до конца 1920-х годов, Попову принадлежит особое место. Выдвинутые против него обвинения в действительности были обращены и в адрес всего Статистического управления. Эти обвинения служат примером того, как политическая власть пыталась навязать иную форму статистического понимания работникам управления. В свою очередь, позиция самого Попова проливает свет на нормы и ценности, которыми руководствовался весь профессиональный корпус статистиков, вышедших из прежнего строя.

Отстранение первого главы Статистического управления стало началом попыток со стороны большевистской власти прибрать к рукам управление, где получила развитие форма профессиональной независимости от политического руководства, основанная на концепции, по которой государственной статистике отводилась роль, отличная от той, что представляло себе это руководство.

После своего отстранения Попов, с июля 1918 года имевший ранг народного комиссара¹⁰, исчезает из рядов крупных советских руководителей. Его более поздние официальные биографы не приводят почти никаких фактов из жизни Попова после 1925 года. Его профессиональные поездки за пределы границ СССР и контакты с зарубежными коллегами обрываются на этой дате. Это явилось новым испытанием для человека, который провел два месяца в Бельгии в 1923 году и два месяца в Риме в 1925 году, когда созывались международные съезды статистиков. В то время, с 1898 по 1926 год, он занимал не менее одиннадцати различных должностей, связанных со все более и более возрастающим уровнем ответственности, в период с 1926 по 1948 год он занимает только четыре должности, при этом с гораздо меньшим уровнем ответственности: с 1926 по 1931 год является членом президиума Госплана России, членом коллегии Института конъюнктуры Статистического управления, членом президиума Сельскохозяйственной академии. Позже он назначается руководителем отдела сельского хозяйства Госплана России. Он оставляет эту должность 30 декабря 1948 года в силу возраста и состояния здоровья. 4 января 1949 года, когда он становится членом научно-методологического совета при ЦСУ в возрасте 76 лет, — последняя веха его карьеры на службе у советского государства. Чуть позже, в 1950 году, он скончался.

Отстранение с поста главы Статистического управления в 1926 году не означало профессиональной смерти Попова. Оно означало существенный поворот в судьбе этого ведомства. А сам Попов смог продолжить свою профессиональную деятельность, но лишь вне сферы, которую власть считала наиболее важной, находясь под контролем или без реальной власти. Так он становится управленцем, не обладающим реальной независимостью, несмотря на то что некоторые его действия служили напоминанием о сильной личности, проявившей себя в ходе создания высококвалифицированного научного управления. В 1938 году, например, чтобы объяснить расхождения между различными статистическими данными, он пишет: «Фашисты Германии, Италии, Японии и троцкистско-бухаринская банда шпионов, провокаторов и диверсантов постараются использовать это расхождение для своих вражеских политических целей... Исчисления Госплана и ЦУНХУ (аббревиатура названия, которое тогда носило Статистическое управление. — *Авт.*) вредительски ошибочны, ненаучны, а между тем эти исчисления широко известны за границей»¹¹. За этим потоком политически закодированных слов, по всей видимости, все еще скрывается стремление защищать концепцию научности статистики от людей, играющих числами в угоду разного рода вариантов их политического использования.

Складывается впечатление, что после 1926 года произошло раздвоение личности Попова. Не по этой ли причине его не коснулись чистки, имевшие место в конце 1930-х годов? В некоторых отношениях профессиональное долголетие Попова удивляет. Вторая мировая война, конечно же, серьезно поколебала его позиции, но в 1947 году, в возрасте 75 лет, он все еще на коне. Уже в 1938 году Верменичев, немного позже возглавивший на короткое время службу статистики, отмечает, что он стал руководителем Статистического управления, заменив арестованного Краваля. Однако в докладе, направленном Молотову, выражается неблагоприятная оценка и подчеркивается, что Попов постепенно отстраняется от высоких ответственных постов¹².

Десятилетие спустя, 1 декабря 1947 года, заместитель начальника отдела кадров Центрального Комитета партии, давая ему характеристику, пишет:

«Товарищ Попов хорошо знает планирование сельского хозяйства. При его активном участии в 1947 году разработаны проекты постановлений о пригородных зонах по обеспечению г.г. Ярославля и Горького картофелем и овощами; о садоводстве в РСФСР и о развитии птицеводства в колхозах республики. Впоследствии по этим вопросам были приняты решения Совета Министров РСФСР»¹³.

С тех пор все это представляет собой слабое отражение человека, который в начале 1920-х годов стремился создать цент-

рализованнный статистический аппарат, защищал его кадры от всевозможных внешних нападков и окружал себя интеллектуальной элитой, вызывавшей недоверие и враждебность со стороны властей. Тем не менее он получил звание «заслуженного деятеля», был награжден орденом Трудового Красного Знамени Верховным Советом СССР 1 августа 1939 года за участие во Всесоюзной переписи населения 1939 года. Символично, что этой чести он удостоился не за прошлую работу в качестве статистика 1920-х годов, а за работу, в которой не играл сколько-нибудь важной роли, оставаясь просто одним из исполнителей.

Тем не менее одно замечание, написанное тем же начальником отдела кадров ЦК партии в 1947 году, позволяет составить представление о некоторых эпизодах из его прошлого:

«Секретарь парторганизации Госплана РСФСР тов. Егорова характеризует тов. Попова П.И. скромным, дисциплинированным и принципиальным членом партии. Он систематически работает над повышением своего идейно-теоретического уровня. Принимает участие в партийной работе, проводит консультации с членами партии, самостоятельно изучающими историю ВКП. В работе т. Попова П.И. имеется недостаток. В обращении с работниками отдела сель. хоз. он проявляет грубость»¹⁴.

Такое отношение может рассматриваться как форма неприязни по отношению к слабо подготовленным в области статистики членам партии. Уже в 1924 году он ведет себя аналогичным образом, когда отказывается принять члена партийной ячейки Статистического управления, что вызвало негодование ее руководителя. Внимание к политической работе, отмеченное в цитируемом выше отрывке, не обязательно означает веру в партию. Оно свидетельствует скорее о приспособленческом поведении разочаровавшегося человека, который всегда (до 1926 года) был уверен в том, что научная истинность статистики стоит выше истинности, утверждаемой партией.

Управленец, которому не было равных, со своим видением государственной деятельности, стал послушным бюрократам, работающим в тени. Вопреки всему этому он все же не смог скрыть чувство неприязни к людям, занявшим ответственные посты в силу партийной принадлежности, а не потому, что они разбирались в статистике, в то время как он сам оказался на менее значимой должности при своем уровне компетенции. И если чисток он сумел избежать, то, тем не менее, не избежал длительного отстранения, длившегося до самой кончины.

Попов пережил царские репрессии конца XIX века против оппозиционных сил, первые годы большевистской России, последние годы сталинской диктатуры, избежав великих чисток

1937 года, гекатомб Второй мировой войны и чисток с 1948 по 1953 год, которые, между прочим, вновь коснулись ответственных работников экономико-статистического ведомства. Может быть, он смог избежать высылки или даже казни из-за того, что его сильная личность проявила себя в тот период, когда репрессивные методы еще не были такими, как в 1930-х годах? Не преждевременное ли отстранение от должности спасло ему жизнь?

Олимпий Аристархович Квиткин

А вот О.А. Квиткин, руководивший бюро переписи населения в 1930-е годы, в 1937 году был расстрелян. Вместе с тем его судьба вполне могла бы быть такой же, как судьба Попова. Родившийся 12 ноября 1874 года в Черниговской губернии на севере Украины, он принадлежал к тому же поколению, что и Попов. Сын полковника царской армии и женщины благородных кровей, он получает медицинское образование в Московском университете в период с 1894 по 1896 год, а позже вступает в социал-демократическую партию. После ареста в 1901 году его отправляют в ссылку в Вологду, где он пробыл до 1904 года. Там его берут на работу в качестве статистика в земское статистическое отделение. Там же он и познакомился с Поповым, который был заместителем управляющего в период с 1902 по 1904 год. Политическая деятельность Квиткина в то время представляется более активной, чем деятельность его коллеги. Так, уже в апреле 1905 года он участвует в Лондонском съезде большевиков.

Оставаясь членом социал-демократической партии вплоть до 1909 года, он принимает участие в различных студенческих выступлениях. Затем отдаляется от активной революционной деятельности, в чем его будут упрекать уже во время ареста в 1937 году (объясняя это «неприспособленностью к политической деятельности»¹⁵). Он уезжает в Париж, где с 1911 по 1913 год изучает математику в Сорбонне. После возвращения в Москву зарабатывает себе на жизнь частными уроками и переводами, а позже, с 1914 по 1916 год, работает в департаменте переселенцев Союза городов и земств в Москве на должности инструктора. Затем он поступает на работу в бухгалтерию одной из московских фармацевтических лабораторий.

В феврале 1919 года он оставляет эту должность и становится помощником начальника отдела городской статистики Центрального статистического управления. Ссылки также сыграли определяющую роль в его судьбе. Встреча с Поповым в Вологде и математическое образование оказались полезными при назначении на эту должность.

Он становится заведующим отделом городской статистики 1 марта 1921 года и входит в коллегию Статистического управления.

В этом качестве он отправляется в командировку в Самару для определения масштабов голода. С этого момента его профессиональная деятельность тесно связана со всеми перипетиями становления советской статистики.

В 1925 году он проводит два месяца в Берлине, где изучает методику демографической переписи, проводившейся в Германии в том году. После возвращения в Москву его на какое-то время отстраняют от работы в статистическом ведомстве. Это было вызвано начавшимся «делом о хлебофуражном балансе» — напряженным конфликтом между статистиками и некоторыми политическими руководителями, среди которых был и Сталин, по поводу оценки урожая и процесса социального расслоения в деревне¹⁶.

В ноябре 1926 года его восстанавливают на работе и назначают руководителем, ответственным за демографическую перепись. Позже он становится во главе бюро переписи населения¹⁷, а еще позже, в 1932 году, вновь назначается на должность начальника, ответственного за перепись населения, пост, который он занимает вплоть до своего ареста в 1937 году.

Документы Контрольной комиссии и протоколы допросов, проведенных НКВД в 1937 году, позволяют судить о нем как о свободомыслящем человеке высоких принципов. Еще в 1921 году он якобы говорил, что голод стал «продолжением политики советского правительства по отношению к деревне» и что «неурожай — это стихийное бедствие, а голод — это результат политики»¹⁸. Эти заявления ему будут поставлены в вину в 1937 году. Когда его арестовали в том же году, в НКВД его вынудили сказать, что Осинский и Краваль изменили данные о численности населения. Вполне вероятно, что речь здесь идет о подтасовке со стороны репрессивного аппарата с целью скомпрометировать этих ответственных деятелей. Но это заявление было приписано Квиткину, поскольку, по всей видимости, оно соответствовало обычной позиции человека, который постоянно прибегал к утверждению профессиональной легитимности в целях самозащиты. Эти требования профессиональной компетентности и научной достоверности неоднократно вменялись ему в вину как в ходе расследования, проведенного в 1933 году Контрольной комиссией, так и во время допросов в 1937 году. В обоих случаях его обвиняли в том, что он основывался исключительно на профессиональной компетентности, когда подбирал своих сотрудников, и упорно игнорировал такие политические критерии, как партийная принадлежность. Его также подозревали в тайной связи с зарубежными источниками с целью получения заслуживающего внимания опыта в подготовке переписи населения 1937 года. А это вполне могло послужить поводом для того, чтобы его причислили к врагам СССР.

В действительности, несмотря на университетский и профессиональный путь, пройденный в статистике еще до рево-

люции, правда, не такой прямой, как путь некоторых из его коллег по Статистическому управлению, Квиткин являлся наследником старой элиты земских статистиков. Подтверждением этого служат его приобщение к широкому кругу коллег и друзей в сфере статистики и его пристрастие к квалификации как источнику профессиональной легитимности. Он принадлежит к числу «буржуазных специалистов», которые подверглись преследованиям в 1930-х годах¹⁹. Перечень связей, в которых его обвинял НКВД в 1937 году, может помочь восстановить эту сеть, пусть даже частично и с осторожностью, из-за характера используемых источников. Среди тех, с кем он поддерживал связи, был некий «химик и изобретатель», эмигрировавший в Соединенные Штаты во время командировки в эту страну, и особенно статистики, арестованные и высланные за антисоветскую деятельность, в том числе бывшие меньшевики²⁰. Квиткина арестовали 22 марта 1937 года по обвинению в том, что в ходе проведения переписи населения он искусственно занижал данные о численности населения. На допросах он не признал ни своих ошибок, ни своей вины. 8 сентября он был приговорен к смертной казни военной коллегией Верховного Суда СССР и казнен в тот же день. Он будет реабилитирован 1 сентября 1956 года²¹.

Обвинения, выдвинутые против Квиткина, выявляют глубокие расхождения между статистиками и политическими руководителями в 1930-х годах. В ходе допросов его коллеги подчеркивали, что они убеждены в том, что статистика образует особую научную сферу, независимую от политики. Это, в частности, и заставило его защищать использование типологии городов, противоречившей политическим представлениям об индустриальной и одновременно пролетарской России. В соответствии с подготовленной в 1931 и пущенной в ход в 1934 году классификацией городов они подразделялись на три типа: промышленные города с трудоспособным населением, более чем на 60 процентов состоящим из рабочих; административные и торговые центры, в которых рабочие составляли от 40 до 60 процентов трудоспособного населения, и непромышленные города, где рабочих насчитывалось менее 40 процентов. В противоположность заявлениям руководителей об урбанизации страны, Баку, Харьков и Свердловск были включены в список торгово-административных центров, а не промышленных городов. Это расхождение между взглядом статистика и политическим представлением о пролетарско-промышленной стране, какой она стала в результате двух первых пятилеток, составит одну из линий обвинения против Квиткина в 1937 году. Отказ подгонять статистические категории под политические требования постоянно ставился ему в вину в 1930-х годах.

Два формы взаимодействия со сталинизмом

Различие в судьбах Попова и Квиткина проливает свет на эволюцию отношений между статистиками из Статистического управления и представителями политической власти в 1930-х годах, а также общую эволюцию методов, при помощи которых сталинская государственная власть навязывалась управленческому аппарату. Обвиненный раньше, в 1920-х годах, Попов, хотя и принадлежал к руководству, был только отстранен от должности и впоследствии оставался на второстепенных или совсем незначительных ролях. Квиткин же, напротив, поскольку был обвинен в конце 1930-х годов, столкнулся с совсем иной формой государственного насилия, а именно — с формой большого террора.

Поскольку Квиткин занимал должность менее заметную, чем должность руководителя, до 1937 года он избежал репрессивных мер, начатых в начале 1920-х годов. И это несмотря на свое прошлое, откровенность в высказываниях и на то, что он оставался приверженцем одной и той же концепции сбора и обработки статистических данных. Различные комиссии, выдвигавшие против него обвинения, могли ссылаться только на его социальное происхождение, что далеко не всегда до 1937 года служило основанием для доказательства вины какого-нибудь «специалиста». Тем не менее и это его не уберегло. Находясь под пристальным наблюдением, он каждый раз фигурировал в первых рядах тех, кто подвергался самой резкой критике. В период между 1924 и 1937 годами в различных рапортах, касающихся сотрудников Статистического управления, содержались злобные выпады против Квиткина, в которых подчеркивалось как раз его социальное происхождение: «Квиткин, сын полковника, дворянин, считает себя состоявшим до 1908 года в Партии большевиков. Квиткин безусловный враг. Характеризует этого человека то, что он до последнего времени не состоял даже членом профсоюза»²². Его коллеги всегда старались защитить его, ибо присущий ему профессионализм был общепризнанным. При каждой из нападок вышестоящий руководитель спасал его от увольнения. А в 1937 году такое шаткое равновесие нарушилось.

По поводу биографий этих людей возникают два вопроса: о поведении и образе действий ответственных управленческих работников в условиях становления сильной политической власти и о формах реагирования последней на различные проявления независимости или противодействия со стороны людей, призванных служить ей. Попов и Квиткин действуют, сообразуясь со своим прошлым опытом и рассматривая в его свете политические решения и принудительные действия, касающиеся их. Вместе с тем Попов как деятель, который внутренне более

сильно включался в процессы преобразования статистического и государственного управления после революции, столкнулся с формой репрессий, побудившей его выработать новый взгляд на происходящее. В то же время Квиткин, занимая высокую должность, продолжает вплоть до 1937 года действовать в соответствии с убеждениями, которые прочно сложились у него еще до революции. Эти два типа отношения к текущей политической истории — следствие различного положения в управленческом аппарате, а также следствие того, какое участие люди принимали в событиях, предшествовавших революции. В то же время различные формы принуждения со стороны центральной власти и различные уловки, которые в ряде случаев сопровождали их, выражают противоречия, раздиравшие команду руководителей.

Таким образом, прослеживая перипетии в судьбах людей, которые находились в гуще событий при формировании советской администрации, статистической администрации в частности, знакомясь с деятельностью первых лиц страны в 1920-х и 1930-х годах, можно осветить историю создания государства в СССР, равно как и историю развития науки, состоявшей у него на службе.

Прошлое на службе у настоящего¹

История советской статистики начинается с парадокса: когда большевистские руководители принимают решение о создании статистической службы сильного централизованного государства, они обращаются с призывом к людям, сформировавшимся в профессиональном плане главным образом в сфере местной статистики, и обращают внимание прежде всего на практический управленческий опыт децентрализованных институтов земств. Эти люди, как и большинство специалистов в других областях, работавших во вновь создаваемых организациях, были выходцами из интеллектуальных управленческих элит Российской империи, того самого старого строя, всякие отпечатки которого большевики хотели стереть с лица земли.

Первый после Октябрьской революции Всероссийский съезд статистиков происходил в Москве 8 июня 1918 года. По своему составу он мало чем отличался от съездов статистиков земств периода 1890–1916 годов, главных представителей которых он и собрал². Точно так же команда первых ответственных работников Центрального статистического управления (ЦСУ)³, сформированная Поповым в июле того же года, происходила из статистической службы, существовавшей на местах, — региональной и городской (см. Табл. 1). Квалифицированные и опытные члены этой команды уже до революции занимали ответственные посты. Их происхождение почти всегда не соответствовало низшему социальному положению, которого требовало новое пролетарское государство. Как выходцы из дворянства, мещанства или мелкой буржуазии, они нередко получали образование в лучших высших учебных заведениях Российской империи, если даже не в престижных зарубежных университетах. Как и представители других элит⁴, они в неменьшей мере включаются на различных уровнях в осуществление планов преобразования государства и общества, провозглашаемых новым строем. Многие из них сами боролись против царского самодержавия и испытали на себе все прелести политических арестов с 1880 года. В группу из одиннадцати руководи-

лей отделов, привлеченных к работе с июля 1918 года, входили шестеро тех, кто был вынужден прервать учебу из-за ареста и последующего тюремного заключения или ссылки.

Они и составляли костяк прежних статистиков в земствах. Общий опыт политической ссылки сближал их политические позиции и предопределял их профессиональную карьеру. Действительно, с начала 1880-х годов между статистиками устанавливаются отношения дружбы и взаимовыручки; они оказывают поддержку тем из своих коллег, кто был лишен права на жительство в Москве или Санкт-Петербурге после ареста, помощь в устройстве на работу в каком-либо провинциальном городе. Управленческие администрации земств были институтами, особенно благосклонно относившимися к этим политическим ссыльным, которым они, в частности, предоставляли работу во вновь создаваемых статистических подразделениях⁵. Статистики переходят из одной управы в другую так, как им было предписано в соответствии с приговорами, которые продолжают выносить даже в провинции тем из них, кто был наиболее активным участником политической борьбы. Эта исключительная подвижность была связана также с профессиональной подготовкой, получаемой благодаря практике и товарищеской поддержке. Районные управы, куда чаще всего и направлялись ссыльные, становились, таким образом, благодатными местами для встреч, завязывания близкого знакомства, и все это происходило на обширной Европейской части территории России.

Преемственность поколений профессионалов

В 1918 году Попов набирает кадры из этой среды, создавая костяк нового Статистического управления. На своем пути ссыльного он иногда встречается с выходцами из провинции; именно они позже становились руководителями того или иного подразделения в управлении⁶. Его кадровый состав пополнялся также за счет участников различных профессиональных съездов, которые постепенно с 1880 года создавали устойчивые статистические структуры земств.

Благодаря схожести жизненных путей, принадлежности к одному поколению и профессиональному опыту работы первая руководящая команда Статистического управления была внутренне особенно однородной, причем эта однородность усиливалась политическими предпочтениями статистиков. Они были носителями политического замысла, в соответствии с которым перед статистикой ставилась задача служить делу строительства современного государства, то есть государства рационального, деятельность которого должна основываться на научных методах познания. Их веру в разумность и силу действия государства в то время разделяло большинство представителей ста-

рых, уже сформировавшихся и реформированных русских элит⁷. Большевистская научная концепция государства казалась им соответствующей такому замыслу. Из-за этого возникло множество недоразумений в их взаимоотношениях с политическими руководителями. Те и другие совершенно по-разному понимали смысл управления государством при помощи числовых данных.

Судьба В.Г. Михайловского (1871–1926) проливает свет на концепцию статистики, которую разделяли первые ответственные работники ЦСУ. После нескольких лет учебы в области естественных наук, прерванной политической ссылкой, этот статистик приобрел богатый опыт статистической работы на местах, сначала в земствах, а позже, с 1897 года, в статистической управе города Москвы. Здесь он совершенствует свою практику сбора сведений и проведения демографических переписей. В частности, он руководит переписью жителей Москвы в 1912 году, осуществлявшейся по образцу европейских переписей населения, одобренному международным статистическим съездом. В воспоминаниях о В.Н. Григорьеве в 1925 году, отдавая ему дань уважения, он характеризует дух статистики, которым руководствовались члены его команды, следующим образом:

«В противоположность петербургской школе проф. Ю.Э. Янсона, который сознательно отмежевывался от запросов муниципальной жизни и стремился замкнуться в узкие рамки академической науки, московская школа характеризуется именно стремлением сочетать научные интересы и жажду отвлеченного познания с жгучими потребностями общественно-политической жизни, с служением нуждам массы населения»⁸.

Горячо поддерживая идею о том, что статистика должна служить обществу и делу социальных преобразований, Михайловский был достойным наследником Григорьева, которого он сменил на посту руководителя московской статистической управы в 1911 году. Заняв этот пост, он развил концепцию сбора статистических данных с целью служения народу и социальному прогрессу, но, во всяком случае, не власти. Независимость ученого по отношению к политике должна гарантировать это соотношение между статистикой и социальной деятельностью. Такая позиция объясняет приверженность Михайловского концепции проведения статистической работы на основе практики, одним из самых страстных сторонников которой он станет, когда займет должность заведующего отделом демографии ЦСУ.

С лета 1918 года и до конца 1920 года число отделов ЦСУ возрастает с десяти до двадцати шести, а число сотрудников, непосредственно занятых статистической работой в Москве и регионах, — до 3000 чел.⁹ Эта структура практически не претерпела изменений вплоть до конца 1925 года.

До января 1921 года расширение первоначальной команды происходило по мере создания новых центральных отделов, но без изменения ее функций. Кончина А.Р. Бриллинга и уход В.В. Степанова были компенсированы людьми того же профиля: Н.Я. Воробьевым и О.А. Квиткиным. Среди двадцати семи работников, занимавших ответственные посты в январе 1921 года, четырнадцать были статистиками, происходящими из земской управы, а трое пришли из городских управлений. Вместе с тем нужно отметить разнообразие в послужном списке у вновь поступивших на работу сотрудников. Семеро из восемнадцати руководителей отделов работали в статистических службах других административных органов. Новым фактом стало то, что два человека пришли непосредственно из высшей школы: М.Н. Гернет, преподаватель Московского университета, и Н.С. Четвериков, бывший ученик А.А. Чупрова в Петроградском политехническом институте.

Прием на работу этих новичков явился вехой, обозначающей приход нового поколения статистиков: многие из них родились в 1880-х годах, а не в 1860-е и 1870-е годы, как их старшие соратники по первоначальной команде. За исключением лишь одного из них, они все были выходцами из управленческой среды, отличной от той, что составляла земства. Прием на службу работников для руководства новыми отраслями статистики, такими, как рабочая статистика, баланс народной экономики, требовавшими новой компетентности, свидетельствовал о первых преобразованиях, осуществляемых в ЦСУ. Но вместе с тем эта кадровая политика шла в русле прежней.

Все это сохранялось вплоть до 1926 года. Попов и Пашковский остаются соответственно главой и заместителем главы управления до конца 1925 года¹⁰. Девятнадцать из двадцати семи руководителей отделов, действующих в 1924 году, уже занимали свои посты в апреле 1921 года, а пятнадцать были выходцами из земских или городских служб. После отстранения Попова от должности в январе 1926 года начальник и первый заместитель начальника уже не были выходцами из земских служб, однако общий профиль руководителей отделов все еще особых изменений не претерпел¹¹. Таким образом, вплоть до 1926 года происходит последовательная эволюция состава статистиков-управленцев вокруг стабильной команды. Статистическая администрация устанавливается в этом плане на основе единого замысла под руководством поколения статистиков, которые выковали свое первое вооружение еще до революции.

Модернизация государства

Руководители отделов, назначенные в июле 1918 года, были носителями замысла, выработанного еще до революции, но не завершенного. В самом деле, хотя сведения, которые они соби-

рали, работая в статистических службах земств, предназначались для местного использования, они, тем не менее, стремились внести единообразие в программы проведения опросов, сравнивать результаты в общенациональном масштабе и проводить совокупный анализ русской экономики и общества. Их научный замысел и практика статистической работы всегда вписывались в единый более широкий вопросник, нацеленный на получение сведений, способных работать на экономические, социальные и политические преобразования¹². Вступление России в Первую мировую войну дало сообществу земских статистиков повод для завершения этого проекта посредством проведения первой всероссийской сельскохозяйственной переписи. Таким путем статистика земств перестала быть только региональной и приобрела общенациональный статус, за неимением пока возможности приобрести статус общегосударственной службы.

Первые институциональные изменения произошли в период войны. В частности, сельскохозяйственная перепись, хотя она проводилась по заказу министерства земледелия, была доверена органу, в полномочия которого входила координация мероприятий, осуществляемых различными службами земств. Тогда-то статистики образовали центральное бюро переписи, и руководил им П.И. Попов, а в дальнейшем оно фактически стало играть роль центрального государственного статистического органа вместо царского Центрального статистического комитета, оставшегося без людей и без средств. Этот орган и породит после революции отдел статистики и переписи Верховного Совета народного хозяйства¹³. А этот отдел составит в дальнейшем первичное ядро руководства ЦСУ. Созданное 25 июля 1918 года Центральное статистическое управление большевистского государства, таким образом, образовалось не на основе прежнего Центрального статистического комитета¹⁴. Статистики организовали его в соответствии с моделью статистических служб европейских государств конца XIX века и строили его вокруг органов, напоминающих крупные статистические подразделения той эпохи. В начале 1920 года ЦСУ еще отражало некоторые черты царского времени и европейских статистических служб, созданных после 1860-х годов.

Наука на службе у государства

Тексты, относящиеся к основанию ЦСУ, выдержаны в духе дискуссий и решений международных статистических съездов XIX века. Как и статистическая служба царского государства, статистическая служба большевиков решительно вписывается в статистический интернационализм эпохи, научный замысел и организационные принципы которого она принимает. «Толь-

ко центральный орган может создать единую статистику в государстве», — провозглашает Попов, выступая перед участниками съезда статистиков в июне 1918 года¹⁵.

Централизация должна была повысить эффективность работы. Вместе с тем такой выбор не был лишен некоторых неувязок. Так, для многих из прежних статистиков земств централизация означала гармонизацию выполняемых работ при уважении к самостоятельности в принятии решений на уровне региональных служб, созданных в сентябре 1918 года. В противоположность этому, в духе большевиков, центральная управленческая служба должна была оставаться единственным центром принятия решений, организационных мер и контроля.

Со своей стороны, Попов, как и другие статистики, стоял ближе к позициям большевиков, чем иных политических партий. Он связывал свое понимание дела с русской статистической традицией, наиболее типичным представителем которой в XIX веке был Ю.Э. Янсон: независимая статистика, считал он, является необходимой для эффективного управленческого функционирования и по научным соображениям. Только централизация производства статистических данных способна гарантировать функциональную основательность и исчерпывающий характер собираемой информации. Но управленческая централизация должна быть не только вертикальной, она должна быть также горизонтальной и соединять в себе всю совокупность статистических работ, до тех пор нередко проводимых разрозненным образом в различных службах народных комиссариатов. Именно в этом научная рациональность сливается с политической эффективностью.

Вместе с тем научная рациональность не имеет права допускать командование со стороны политической рациональности. Напротив, именно она должна проливать свет на принятие политического решения. Этот принцип независимости был записан в уставном тексте службы государственной статистики. Центральное статистическое управление должно быть независимым от какого бы то ни было народного комиссариата и от какой бы то ни было политической инстанции. Поэтому оно непосредственно подчинялось Совету Народных Комиссаров¹⁶. Его руководитель должен был назначаться последним и сам имел ранг народного комиссара с правом совещательного голоса, со всей очевидностью ставил его в положение, близкое к политической власти и одновременно сохраняющее по отношению к ней определенную дистанцию.

Наряду с новым управлением существовали инстанции, обеспечивавшие научную дискуссионность и выполнявшие более специфические управленческие функции. Коллегия как руководящий орган и орган административного управления вклю-

чала в себя начальника, заместителя начальника и руководителей главных отделов. В качестве органа, принимающего решения, она координировала всю деятельность ЦСУ. В той организационной линии, которая была характерной для центральных статистических служб различных министерств в европейских государствах XIX века¹⁷, Совет по делам статистики помимо прочего должен был играть роль верховного научного контролера за выполнением всех государственных статистических работ. Включая в свой состав представителей статистических служб самых различных учреждений, он выполнял консультативные функции, должен был рассматривать и рекомендовать программы сбора статистических данных ЦСУ и различным государственным службам.

Как и до 1917 года, статистические съезды и конференции оставались привилегированными форумами для обсуждений, происходивших в рамках сообщества статистиков. Ни одно крупное статистическое мероприятие, как, например, перепись населения, не могло проводиться без предварительного созыва такого съезда или конференции.

Институциональная независимость статистической службы характеризовалась также созданием статистических служб ЦСУ на местах. Вместе с тем, хотя последние были наследниками статистических служб земств, теперь они подчинялись уже центральной администрации, а не территориальной. В каждой губернии для объединения и координации статистической работы различных управлений на уровне каждого административного подразделения была создана сеть низовых отделений. Большевистская схема двойного административного подчинения была навязана таким образом также и статистической администрации: помимо контроля со стороны партии политический контроль обеспечивался также в каждом территориальном звене исполнительным комитетом местного Совета депутатов¹⁸.

Разрыв между поколениями

Далеко не все люди, входившие в кадровый состав, — руководители, рядовые статистики, счетчики и административные служащие — набирались на работу одним и тем же путем¹⁹. Лица, принятые на работу с 1918 по 1924 год принадлежали к двум поколениям. Из них одно — это люди, родившиеся до 1880 года, а другое — родившиеся в 1880-х годах. Руководители отделов, ответственные статистические работники были представителями первого поколения (больше половины из них родились до 1890 года, а среди этих людей больше трети — до 1880 года), другие же, менее квалифицированные работники принадлежали ко второму поколению (больше половины из них родились после 1880 года²⁰).

Этот разрыв между поколениями создает повод для возникновения бреши между теми людьми, которые обладали знаниями и осуществляли руководство и которым в 1917 году было уже больше сорока лет, и теми, кто находился у них в подчинении, — бывшими красноармейцами и молодыми неквалифицированными горожанами, чье образование было прервано Первой мировой войной и революцией. Чем более высоким уровнем образованности и профессиональной квалификации они обладали, тем более высокое положение занимали. Более четырех руководителей из пяти, принятых на работу в 1918–1919 годах, имели уровень высшего образования, и это в то время, как только менее половины всего работающего персонала имели такое образование. А один работник из десяти не получил вообще никакого школьного образования или получил только начальное. Большая гибкость в критериях приема на работу ответственных руководителей в период с 1920 по 1925 год в гораздо большей мере отражала влияние Первой мировой войны на продвижение сотрудников, чем изменения в тонкостях приема людей на работу. Этот разрыв между двумя поколениями охватывает сочетание самых разнообразных элементов: образовательное продвижение, социальное происхождение, уровень ответственности, уровень достигнутой компетентности и положение в иерархии.

Личные дела, которые можно было посмотреть, дают мало информации о социальном положении персонала в статистической службе. Вопрос о социальном происхождении и социальном положении, в частности, не дает точной информации. Дело в том, что по роду деятельности статистические работники относили себя к «служащим», то есть к весьма широкой и чаще всего используемой в тот период категории, а это скорее скрывало разнообразие в действительном социальном положении работников²¹, чем давало информацию о нем. Поскольку социальное положение могло быть расценено как порочащее человека с общественно-политической стороны, при заполнении служебной анкеты люди намеренно скрывали некоторые сведения о своем профессиональном прошлом и социальном происхождении. Эти сведения стали чаще сообщаться в анкетах с середины 1920-х годов, хотя нет никакой возможности судить о степени их достоверности. Если в 1918–1919 году эти сведения сохраняются в немногим более 10% анкет, то в период между 1920 и 1925 годом они имеются примерно в одной трети анкет, а с 1926 по 1929 год — в 40% анкет.

Тем не менее, при отсутствии точных сведений о сотрудниках, принятых на работу в начале 1920-х годов, знание иностранного языка могло служить прямым указанием на их социальное происхождение и уровень образования и культуры. Так, на французском языке, который при прежнем строе был язы-

ком дворянства и образованных слоев населения, а также на немецком языке говорил один из пяти сотрудников. Такая высокая пропорция свидетельствует о происхождении персонала из привилегированных социальных слоев. Эта пропорция была еще более высокой среди руководства: 40% ответственных сотрудников говорили и читали на французском языке, а 51% — знали немецкий. Знание этих двух языков было тем более важным, поскольку открывало доступ к иностранной литературе, в то время содержавшей богатую информацию по статистике, и углубляло различия между руководящими работниками и более молодым персоналом. Первые, испытывавшие на себе влияние французской и немецкой культуры, фактически образовывали элиту среди персонала. А многие из них имели за плечами годы учебы в Париже и Берлине.

Разрыв между представителями разных полов

Другой причиной расслоения среди сотрудников было разделение труда по половому признаку. Хотя женщины составляли две трети персонала, взятого на работу с 1918 по 1925 год, на руководящих постах их было совсем немного. Так, они составляли менее трети ответственных работников в широком смысле слова, то есть руководителей отделов и их заместителей, чаще всего они были рядовыми работниками и сосредоточивались в основном в управленческих подразделениях. Зато их было много среди работников, исполнявших малоквалифицированную работу, в частности работу счетчиков. Разделение труда по половому признаку перекрывает социальный разрыв между поколениями: руководителями оказываются главным образом мужчины, счетчиками и исполнителями другой малоквалифицированной работы — главным образом женщины. Так, семь женщин из десяти работали на неквалифицированных должностях, в то время как только четверо мужчин из десяти были в таком же положении. Почти девять постов из десяти, не требующих высокой квалификации, были заняты женщинами.

Широкий прием на работу в первые годы открыл доступ к статистической службе женщинам, однако большинство из них проходили туда не через парадные двери. Во время гражданской войны их принимали на работу, поскольку многие мужчины, которые обладали квалификацией в статистике, оказались отправленными в ссылку или были призваны в ряды Красной Армии. Много раз Попов и руководители региональных отделов ЦСУ обращались к политическим властям с просьбами немедленно освободить статистиков от призыва в армию. Потребность в широком использовании женской рабочей силы в эти годы возникла в связи с тем, что нужно было компенсиро-

вать потери в результате Первой мировой войны. Как и в других европейских странах, война привела к массовому приливу женщин на рынок рабочей силы в России.

Сильная ротация кадров, характерная как для Центрального статистического управления, так и для всей советской администрации в 1920–1930-х годах, вынудила женщин играть роль резерва рабочей силы. Они составляли подавляющее большинство работников, проводивших сбор данных, и счетчиков, занимавшихся на временной основе отбором и обработкой данных, получаемых в ходе общих переписей населения. Они входили также в число наименее квалифицированных статистических работников, выполнявших технические функции. Когда начался процесс демобилизации мужчин из Красной Армии, а на работу стали приходить первые статистики, подготовленные уже самим ЦСУ, доля женщин в составе персонала уменьшилась. Поэтому, несмотря на увеличение общей численности кадрового состава, женщины составили только 45% из числа тех, кто был принят на работу с 1925 до 1934 года.

Семейные связи

В 1924 году Центральная контрольная комиссия и партийная ячейка обвинили руководство ЦСУ в семейственности при приеме на работу. Расчетные таблицы, составленные комиссией, казалось бы, подтверждали это. В 1926 году вновь составленный список родственных связей свидетельствует о существовании серьезной опасности, которую представляет собой потенциальная взаимная поддержка как противодействие межличностным отношениям, строящимся только на профессиональной основе²². Сеть родственных связей действительно может показаться даже более опасной, чем клиентелизм, который станет господствующей формой продвижения по службе в СССР в 1930-е годы²³. Осуждение этой практики стало не только выражением навязчивой идеи руководителей. В 1926 году один из десяти работников ЦСУ имел родственника, также работающего в этом управлении²⁴.

Такое положение объясняется как чрезвычайной обстановкой послереволюционных лет, так и устойчивостью воспроизводства социальных отношений. Трудности с приемом на работу квалифицированных и образованных кадров сразу после революции в очень сжатый срок заставили руководство Статистического управления искать их в кругу своих ближайших знакомых. Поскольку этот ресурс был исчерпан, то есть востребованными оказались кадры статистиков, работавших по профилю еще до революции, на работу стали принимать менее квалифицированных, но образованных людей из числа родственников или членов семей статистических работников, уже

занимавших свои посты. Речь, главным образом, шла о женщинах (женах и дочерях) и прежних представителях дворянства, которые искали работу. Этот управленческий аппарат, образованный из элиты старого строя, послужил убежищем для многих представителей дворянства, которые были вынуждены искать работу, чтобы выжить. Революция не смогла искоренить на практике отношения взаимной поддержки и механизмы социально-культурного воспроизводства, существовавшие в различных социальных слоях России до 1917 года. Эти отношения и механизмы сохранялись в той или иной форме в советском обществе и в самом Статистическом управлении.

В первой половине 1920-х годов Статистическое управление представляет собой весьма контрастное зрелище. Построенное на основах целостного организационного замысла и логичного научного обоснования, выработанных командой руководящих статистических работников, оно, тем не менее, образует разнородный социальный мир, подверженный влиянию различных социальных расслоений и противоречий в интересах, которые были связаны с ними. Все это всплывет на поверхность во время чистки, которую организует партия в 1924 году, когда она будет стремиться использовать эти скрытые социальные противоречия как средства достижения политических целей.

Таблица 1
Руководители отделов Центрального статистического управления в июле 1918 и январе 1921 года

Фамилия	Год рождения	Место работы до июня 1918 года	Должность, занимаемая в январе 1921 года	Образование*
П.И. Попов	1872	Земство и управление	Управляющий	В
Е.В. Пашковский	1868	Земство	Заместитель управляющего	В
В.Г. Михайловский	1871	Земство и муниципальное управление	Заведующий отделом демографической статистики	В
А.И. Хряцева	1868	Земство и управление	Заведующая отделом сельскохозяйственных переписей	НВ
Т.И. Семенов	1872	Земство	Заведующий отделом публикаций	НВ
Ф.Ф. Гурьев	1870	Земство	Заведующий отделом статистики финансов	НВ
С.М. Богословский	1870	Земство	Заведующий отделом статистики народного здравоохранения	НВ
Г.С. Поляк*	1888	Управление	Заведующий отделом статистики труда	В
А.Г. Михайловский*	1874	Информация отсутствует	Заведующий отделом статистики продовольствия и кооперативов	В
И.А. Поплавский*	1878	Управление железными дорогами	Заведующий отделом статистики связи и транспорта	В
В.П. Ефремов*	1882	Участник войны 1914 г., городское управление (Тула) и статистический отдел ВСНХ	Заведующий отделом военной статистики	В
Б.С. Ястремский*	1877	Страховое управление	Заведующий отделом статистики страхования	В
Н.Я. Казимиров*	1879	Земство	Заведующий отделом статистики народного образования	В
В.Г. Дубовиков*	1883	Управление и ВСНХ	Заведующий отделом текущей промышленной статистики	В
М.Ф. Заменгов*	1890	Управление	Заведующий отделом баланса народного хозяйства	В
М.Н. Гернер*	1874	Университет и высшее образование в Москве	Заведующий отделом моральной статистики	В

Фамилия	Год рождения	Место работы до июня 1918 года	Должность, занимаемая в январе 1921 года	Образование*
В.И. Массальский*	1874	Город Москва	Заведующий редакционно-печатным отделом	В
Г.И. Шапошников*	1860	Управление и министерство	Заведующий отделом статистики внешней торговли	В
Н.Я. Воробьев*	1882	Земство и отдел ВСНХ	Заведующий отделом промышленной статистики	С (техническое)
Я.А. Осипов*	1885	Земство	Заведующий организационно-инструкторским отделом	С
Б.В. Авилов*	1874	Земство и город	Заведующий отделом статистики обмена	В
А.Е. Лосицкий	1869	Земство	Заведующий отделом статистики строительства и распределения жилья	В
Н.С. Четвериков*	1885	Политехнический институт Санкт-Петербурга, участник войны 1914 г.	Заведующий отделом научной методологии	В
В.М. Колобов*	1864	Земство, управление и ВСНХ (бюро переписи)	Заведующий отделом текущей сельскохозяйственной статистики	С
П.А. Выхляев	1869	Земство	Заведующий отделом статистики научных учреждений и образовательных учреждений по статистике	НВ
О.А. Квиткин*	1874	Земство и город	Заведующий отделом городской статистики	В
Я.В. Бляхер	1869	Земство	Заведующий отделом сельскохозяйственной статистики	НВ

* Вновь принятые работники в период между 1919 и 1920 годами.

** Образование: С — среднее; НВ — незаконченное высшее; В — высшее.
Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 211. Л. 11–12 об.

Чистка как средство управления¹

Первые шаги

Сталин выражает свое неодобрение по поводу функционирования государственной статистики на XIII съезде партии (23–31 мая 1924 года). Он ставит ей в вину главным образом ее недостаточную точность. Эти выпады, которые не были ни особенно точными, ни очень категоричными, напрямую не имели в виду Статистическое управление, а были нацелены скорее на «статистику» как таковую. Тем не менее в результате начинается кампания нападков на это учреждение, а человеком, которому выпадает необходимость ее проводить, хотя и в весьма сдержанных тонах, становится Кржижановский². Подробно цитируя одно из писем Ленина по поводу организации Госплана³ и ЦСУ, он делает такой вывод:

«Прежняя статистика давала нам кладбище цифр, а нам нужны живые цифры... Нам нужен такой подход к хоз. задачам товарищей статистиков, чтобы их премудрость не выливались в толстые книги пыльных библиотечных полок, а чтобы без их кратких, но жизненных указаний не могла бы обойтись ни одна наша крупная хоз. работа»⁴.

В этот период в Статистическом управлении практически не было коммунистов: до июня 1924 года партийная ячейка состояла только из трех членов⁵; у них были отвратительные отношения с руководством, в частности, Попов отказывался принимать их или предоставлять помещения для собраний. Эти партийные активисты оказались изолированными от кадрового состава, по большей части происходившего из социальных слоев, которые могли занять враждебную по отношению к партии позицию. До середины 1924 года эти конфликтные отношения, тем не менее, не выходят за пределы стен управления.

В июле 1924 года Николай Степанович Оганесов, член партии и член Коллегии выездных инструкторов при ЦК, направляется в ЦСУ для ведения политической работы. У него

не было никакой специальной статистической квалификации, и, тем не менее, он становится членом коллегии этого управления. Родившийся в семье крестьян, он сначала был рабочим на нефтяных предприятиях в Баку. В 1913 году вступает в социал-демократическую партию. Служит в российской армии с 1915 по 1917 год, потом становится красногвардейским командиром, а затем командиром Красной Армии с 1917 по 1923 год. Тогда же он участвует в «умиротворении» Кавказа⁶. Он останется в Статистическом управлении вплоть до 1927 года, когда будет назначен Председателем ЦИК Дагестана. В 1928 году поступит в Московскую промышленную академию, где проучится до 1932 года. После этого станет академсом одной из МТС⁷, а еще позже — директором одного из провинциальных транспортных предприятий. Между 1941 и 1945 годами получит властный пост в Совете Народных Комиссаров в Казахстане. Член Центрального Комитета партии до 1946 года, когда он уйдет в отставку. Скончается в 1979 году в возрасте восьмидесяти пяти лет⁸.

Его переход в Статистическое управление хотя и был срочным, должен был способствовать тому, чтобы внести значительные изменения в политические ориентации и позиции в этом учреждении. В течение нескольких месяцев он играет главную роль в дестабилизации организации, основывающейся по большей части на интеллектуальном и профессиональном наследии старого строя, наследии, к которому он не имел отношения и которое ему вообще не было нужно для работы в должности, носящей политический характер.

Как только он начинает работать в Статистическом управлении, он ведет себя как обязательный советник Попова во всем, что касается политических вопросов. С тех пор Попов уже не может самостоятельно улаживать внутренние проблемы, и у него складываются напряженные отношения с Оганесовым.

Спустя некоторое время после выступления Сталина на съезде партии и прихода Оганесова в Статистическое управление Комиссариат рабоче-крестьянской инспекции⁹ принимает решение, несмотря на официально выраженную враждебность со стороны Попова, провести «кадровую проверку». Комиссия для этих целей была образована 25 июля 1924 года, но любопытно, что она не проделала никакой работы. Однако после этого решения партийная ячейка в ЦСУ проявляет активность и уже предлагает серию репрессивных мер и выступает с нападками непосредственно на управляющего. Она объявляет о проведении чистки, которая, однако, не дала ощутимых результатов. Тогда-то и становится определяющим вмешательство Оганесова. Он пишет непосредственно Сталину, испрашивая у него разрешение на прием и личное вмешательство.

В то же время он обращается к Попову, чтобы указать ему на все организационные недостатки Статистического управления. После того как он объясняет, что его приход в это управление непосредственно связан с выступлением Сталина на XIII съезде партии, он уточняет, что сам отказывается рассматривать основополагающую деятельность, то есть научную работу, считая, что ее изучением должна заняться специальная комиссия. Таким образом, он довольствуется только критическими высказываниями по поводу личного состава работников, подчеркивая, что

«по социальному составу — 11% (64 чел.) дворяне, 2,3% (13 ч.) — духовного звания, остальные называют себя мещанами и крестьянами или вовсе скрывают свое социальное положение, однако среди них оказались: родственники губернаторов, крупных промышленников, бывшие помещики, белые офицеры и находившиеся на территории белых в период гражданской войны (45 чел.). Прием сотрудников по кумовству и родственным связям является системой, в связи с чем в ЦСУ... 82 чел. — женщины, в возрасте от 45 до 60 лет и выше...

Ряд антиреволюционных элементов нашли убежище и покровительство в ЦСУ. (Пример: Макаров и Макарова — родственники золотопромышленников, Лимкина — арестована за меньшевистскую агитацию, Мухин — выслан из Башпреспублики за политическую неблагонадежность и мн. др.)

В противовес всему изложенному — коммунистов за 6 лет было только 3 и то низших сотрудников. Попытки вовлечь коммунистов постоянно разбивались о враждебное сопротивление администрации ЦСУ»¹⁰.

Оганесов предлагает провести чистку, которая не затрагивала бы научных работников. В докладной записке, направленной Попову, он сохраняет уважительный тон, но защищает аргументы из статьи, опубликованной в «Правде» 20 июля 1924 года, в которой приводились сведения об общей численности работников и подчеркивалась излишняя свобода высказываний в ЦСУ¹¹. Он продолжает:

«Павел Ильич, Вы, наверно, скажете, что это мелочь... но я скажу Вам: нет, это не мелочь... нужно гнать их вон в шею, будет лучше, они вам не друзья»¹².

В октябре Рабоче-крестьянская инспекция создает новую комиссию для изучения личного состава¹³, в которую входят представители инспекции, партийной ячейки, руководства Статистического управления (в частности, Попов) и ГПУ¹⁴, нацеленного на политические репрессии. Оганесов не входил в ее состав, но продолжал играть важную закулисную роль.

Работа комиссии продолжалась с 4 по 12 ноября 1924 года. Напряженность в отношениях между Поповым и Молочниковым, представителем ГПУ, была значительной. Первый противился в первую очередь систематической проверке всего личного состава и требовал составления предварительного списка для проверки. Его требование было принято, а это, в свою очередь, доказывает, что даже в трудной ситуации сфера влияния Попова была весьма обширной. Он сам предложил для включения в список только одну фамилию, фамилию одного из коммунистов... Все остальные, вошедшие в список, были предложены совместно ГПУ и партийной ячейкой, которая в этом сыграла преобладающую роль. Последняя предлагает включить в список сто три фамилии из шестисот восьмидесяти четырех человек, работавших в ЦСУ, включая Попова и его заместителя Пашковского. В окончательный список эти две кандидатуры не войдут, и список будет состоять из ста одной фамилии¹⁵. Ячейка начинает играть решающую роль, отбирая кандидатов для контрольной проверки. В результате всей этой затеи она укрепит свои позиции, поскольку список останется секретным. Таким образом, она вместе с другими членами комиссии располагает сведениями о том, кто из сотрудников учреждения оказался под угрозой увольнения.

Протоколы, составляемые в ходе каждого из пяти заседаний комиссии, позволяют понять логику, которой она руководствовалась в своей работе. Приводимые ниже выдержки из одного из протоколов, составившихся после каждого заседания, проливают свет на критерии принятия решений¹⁶.

Таблица 2

Слушали	Постановили
<p>1. Михайловский В.Г., Завед. отделом, 52 г., ст. ст. 28 лет.</p> <p>Т. Молочников считает необходимым заменить Михайловского членом РКП(б) ввиду того, что Михайловский почти не бывает в отделе, что отражается на ходе работ отдела, и кроме того характеризует Михайловского как антисоветский элемент.</p> <p>Т. Попов считает Михайловского ценным работником и находит невозможным замену Михайловского другим лицом.</p>	<p>Оставить Михайловского, как специалиста.</p> <p>Заменить одного из помощников Михайловского членом РКП(б).</p>

Слушали	Постановили
<p>3. Гайдарова Г.И. — пом. зав. отд., мещанка, отец присяжн. поверен., ст. ст. 7 лет.</p> <p>Т. Кибинев характеризует ее как антисоветский элемент, манкирующую служебными обязанностями.</p>	<p>Считать, что пом. зав. Гайдарова может быть заменена, так как не является статистиком-специалистом, временно оставить в должн. пом. зав. отд. впредь до замены ее чл. РКП(б).</p>
<p>4. Даниленко С.С. — делопроизводит. отдела канц. работ с 1919 г., ст. ст. не является, мещанка, 40 лет.</p> <p>Т. Молочников характеризует Даниленко как антисоветский элемент.</p> <p>Т. Кибинев характеризует Даниленко как человека, враждебно относящ. к партии и профорганизациям, и считает необходимым снять ее с работы.</p> <p>Т. Попов возражает против снятия ее с работы.</p>	<p>Снять с работы как антисоветский элемент, заменив Даниленко членом РКП(б).</p>

Антисоветская позиция, социальная принадлежность или же квалификация как «чуждый элемент» служили главным основанием для требований об увольнении, формулируемых либо Кибиневым, представителем партийной ячейки, либо Молочниковым, представлявшим ГПУ, которые были наиболее активными членами комиссии. Попов брал слово преимущественно для того, чтобы оспорить утверждения и поставить во главу угла профессиональную ценность статистиков. Он сделал только одно исключение по отношению к помощнику заведующего отделом промышленной статистики А.М. Буфатину¹⁷. Между тем Кибинев характеризовал его как одного из лучших работников этого отдела! Таким образом, друг другу противостояли две непримиримые позиции.

В действительности все усилия комиссии сводились к тому, чтобы заменить отдельных работников, попавших в список, членами партии. Попов стремился обратить такую стратегию на пользу Статистическому управлению, настойчиво подчеркивая, что коммунистов, обладающих нужной, уже сформировавшейся компетенцией, просто нет. Он надеялся таким способом не допустить осуществления принятых решений. Тем не менее из ста одного рассмотренного дела решение об увольнении было принято в шестидесяти трех случаях. Среди подлежащих увольнению за социальное происхождение двадцать семь квалифи-

цировались как дворяне, семеро как «почетные граждане», четверо как дети духовных лиц, девять как дети чиновников, и только шестнадцати было поставлено в упрек иное социальное происхождение. В конечном счете собственно статистики особенно не пострадали, чистка затронула главным образом административный персонал¹⁸. Тактика Попова, состоящая в том, чтобы как можно решительнее защищать первых в силу их компетентности, дала результаты, зато она привела к тому, что ЦСУ лишилось части своих управленческих кадров. Эта позиция имела целью сохранить в первую очередь людей, составляющих основу научного обеспечения выполняемой работы. В итоговом докладе комиссии подчеркивается неконструктивная позиция Попова:

«...В то время как большинство высказывалось за снятие, Комиссия все же не могла добиться согласованности в своей работе с представителями ЦСУ. Все эти дворянки-старухи, впервые взявшиеся за работу в советских условиях, чтобы получить трудовые документы и избавиться от более тяжелой работы и др. «неприятностей» советского строя, защищаются представителями ЦСУ как опытные работники и пришедшие в ЦСУ в трудное для него время, чтобы спасти советскую статистику»¹⁹.

В докладе делается такой вывод:

«Мы считаем, что проведение в жизнь наших постановлений будет первым шагом к окоммунизированию важнейшего для Союза аппарата ЦСУ, и партийные органы в дальнейшем должны обратить на него самое сугубое внимание».

Тем не менее эта первая операция по контролю личного состава мало способствовала увеличению численности коммунистов. 1 ноября 1924 года в ЦСУ насчитывалось все еще лишь пятнадцать членов партии и пять кандидатов²⁰. Поэтому некоторые коммунисты рассматривали данную чистку как неудавшуюся и подавали в отставку в начале 1925 года. Так случилось, в частности, и с секретарем ячейки в январе 1925 года, который писал:

«Атмосфера [в ЦСУ] была насыщена антисоветскими настроениями благодаря тому, что в аппарате ЦСУ подавляющее большинство сотрудников аппарата состояло в лучшем случае из чуждого, а в худшем случае враждебных и Компартии и Соввласти элементов...»

В октябре 1924 г. Попов, предъявив мне как секретарю ячейки партбилет, просил зарегистрировать его как члена комячейки. То обстоятельство, что т. Попов, не подавая заявления своего в ячейку о приеме его в ряды РКП(б), получил партбилет, нас обескуражило. На наш запрос Хамовнический Райком сообщил, что т. Попову партбилет был выдан на основании Постановления Орг-бюро ЦК РКП(б)²¹.

Огорчение этого активного коммуниста, таким образом, только усилилось благодаря вступлению Попова в члены партии в октябре 1924 года. Членство в партии ему было предоставлено непосредственно Центральным Комитетом²², а партийная ячейка ЦСУ была проинформирована об этом самим Поповым! Следствием его вступления в партию стало то, что политическая ситуация внутри управления коренным образом изменилась. Поскольку партийная ячейка была наиболее резко настроена против личного состава Статистического управления, а особенно против его управляющего, вступление в партию Попова и его присутствие на партийных собраниях грозило спутать все карты. Но, по всей видимости, члены первичных организаций хотя и были проводниками партийного влияния, сколько-нибудь решающей роли не играли. Этим может объясняться упорство, с каким Попов противился политическому вмешательству в тот период.

Противостояние

И в самом деле, едва только решение комиссии по чистке было принято, Попов сделал все возможное, чтобы не выполнять его. В феврале 1925 года он направляет в Рабоче-крестьянскую инспекцию список лиц, которые были уволены. Их всего лишь двадцать! И что особенно примечательно, он, по всей видимости, пытается заманить комиссию в ловушку, включая в него нескольких лиц, по которым она не принимала решения и которые уволились или были уволены совсем по другим причинам. Кроме того, он взял на работу только пятерых новых сотрудников, коммунистами из них были лишь четверо. Пятый, Старовский²³, не член партии, станет в 1939 году руководителем Статистического управления²⁴.

Инспекция не замедлила отреагировать и обжаловала такие действия уже 14 февраля. Она подчеркнула также, что ничего не было сделано для улучшения трудовых отношений. А это вынудило активных членов партии уйти из управления²⁵. 11 марта Попов направляет новый список, опять-таки содержащий фамилии только двадцати шести человек, из которых двое сами подали заявление об уходе, в частности Копин, один из активных коммунистов, работавший там со дня основания управления и особенно враждебно настроенный против руководителя ЦСУ. На этот раз Попов принял на работу двадцать человек, но из них только восемь были коммунистами. Вызванный в инспекцию 22 мая, он «категорически отрицал медленность проведения в жизнь указанного постановления, мотивируя свои соображения тем, что постановлением Коллегии срок исполнения ему не указан и что работа в этой области, по его соображениям, им проделана достаточная»²⁶. В заключение он пишет,

что не будет больше действовать в этом направлении, так как считает список ошибочным и требует его пересмотра.

Инспектор, ответственный за это дело, возражал, но, тем не менее, такое новое рассмотрение состоялось, что свидетельствует как о поддержке, которую Попов еще сохраняет в верхах, так и о противоречиях внутри политического аппарата в тот период. Инспекция возвращается к своему первоначальному решению в отношении шестнадцати человек. Попову этого мало, в связи с чем он пытается обратиться к высокопоставленным политическим деятелям. Со своей стороны, 29 августа Михайловский, заведующий отделом демографической статистики, которому грозило увольнение, но который в итоге удержался на своей должности, пишет непосредственно Каменеву, бывшему в то время заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров. Это письмо было передано Кубышеву, комиссару Инспекции. Михайловский просит его «оказать содействие сохранению работоспособности отдела демографии»²⁷, отмечая, что комиссия потребовала отстранения различных лиц без конкретных на то оснований.

16 октября 1925 года, то есть почти через год после начала чистки, состоялось новое заседание комиссии для рассмотрения девяти последних спорных случаев. Между тем Попова вынуждали уволить еще тридцать семь человек. Инспектор, ответственный за дело, терпение которого иссякло, пишет докладную записку, чтобы прояснить ситуацию:

«В третий раз и, надеюсь, в последний раз я ознакомился с заявлениями ответственных руководителей ЦСУ т.т. Попова, Авилова и Михайловского по вопросу об оставлении сотрудников, назначенных к увольнению...

Вновь по этому делу я сносился с ГПУ т. Молчаниновым [!]. Беседовал из ЦСУ с тов. Осиповым, Управляющим делами ЦСУ, с тов. Шишковым, членом Коллегии ЦСУ и ученым секретарем...

В заключение я должен со всей откровенностью сказать, если мы и дальше позволим тянуть канитель с увольнением, то мы сами своей собственной нерешительностью будем подрывать авторитет ЦК РКП(б) и Наркомата РКИ»²⁸.

В этой докладной записке много говорится о напряженной обстановке, в которой происходила чистка, об очень сильном сопротивлении Попова и его административного аппарата, но также и о росте силы контрольных органов. В конечном счете Оганесов быстро исчезает со сцены, как только его работа заканчивается, а два члена партийной ячейки увольняются. Наконец, Попов получает свой партийный билет. Первоначальная манипуляция, по существу создающая внутреннюю напря-

женность, уступает место более жестким методам контроля и чистки, результатом которых стало упрочение связей, закрепленных в институциональном плане, между управлением и партией. Попов располагает значительным полем для маневрирования, что позволяет ему добиваться многообразного пересмотра списков предложенных кандидатур. Тем не менее власть контрольной комиссии усиливается по мере того, как ведутся обсуждения, а увольнения избегают в конечном счете лишь несколько человек из шестидесяти трех включенных в список.

В 1924–1925 году произошел крутой поворот: роль контрольных комиссий и ГПУ усилилась, а это вело к утрате ЦСУ части своей институциональной и политической самостоятельности. Проведенная чистка предвосхитила все возрастающее вмешательство репрессивных органов в разрешение управленческих конфликтов. А на примере Оганесова можно наблюдать также появление новых персонажей, а именно — партийной бюрократии. Эта личность, подобных которой позднее можно будет встретить гораздо чаще, своей карьерой была обязана не особой профессиональной квалификации, а принадлежности к партии. Его продвижение по службе — путь партийного выдвиженца. Его деятельность оказывается тем более осуществимой, что он не поддерживает никаких прочных отношений с членами управленческого аппарата, в который проникает. Обязанный с самого начала выполнять контрольные и партийно-политические задачи, он только по этой причине становится руководителем после получения высшего технического образования в период Великого перелома, в контексте политики обновления кадров в начале 1930-х годов²⁹.

«Ваша большевистская идея»

Представление об общей атмосфере, царившей в Статистическом управлении, и характере отношений между людьми дают переписка и протоколы, относящиеся к его работе. Множество деталей, фиксируемых этими документами, позволяют восстановить картину повседневной жизни управления, в частности, в обстановке конфликтов и сильной напряженности начала 1920-х годов.

В конце 1924 года это была жизнь людей, по большей части сформировавшихся до революции и вышедших из социальных слоев, не обладавших революционной легитимностью в глазах новых руководителей. Почти треть из них имела буржуазное происхождение, пятую часть составляли выходцы из дворянства, как потомственного, так и не потомственного, некоторые происходили из духовных слоев. Бо-

лее четверти пытались вообще не указывать свое социальное происхождение³⁰.

Возникло расхождение между взглядами политических руководителей на статистиков, получивших образование до революции, и тем, как они сами себя представляли. Социальные категории, которые использовались первыми, отвергались вторыми. Так, Михайловский, когда защищал свою помощницу Гайдарову, отмечает, что она была дочерью агронома. В качестве критерия, который большевистские руководители стремились навязать для классификации сотрудников, он использует профессиональную, а не классовую принадлежность. Статистики подчеркивали значимость профессиональной специализации в классификациях индивидов и утверждали иерархию между ними, которая основывалась на достигнутом уровне компетентности. Политические руководители, со своей стороны, манипулировали типологией классовости, сведенной к пяти-шести группам, и отрицали профессию как элемент не только личностной характеристики³¹, но и характеристики социального расслоения. Таким образом, у них было упрощенное представление о социальном мире, сведенное к нескольким группам, разделенным антагонистическими интересами.

Глубокий антагонизм существовал также между ответственными работниками, сформировавшимися до революции, их ближайшими родственниками и друзьями, с одной стороны, и новыми, малоквалифицированными работниками, вышедшими из низов. На этой почве и будет разворачиваться практика обвинений в адрес руководителей ЦСУ. В частности, руководство квалифицировалось членами партии как цитадель, противящаяся кадровому обновлению, рассадник кумовства. Резкость нападок на этот тип отношений соответствовала политическим установкам, нацеленным на подрыв основ социальной стабильности, в частности — различных форм отношений профессиональной, дружеской, семейной солидарности, которые укрепляли сопротивление персонала этого управления политическим решениям.

В противоположность этому, партийная ячейка предстает как полностью изолированная, рассматриваемая статистиками как сборище отдельных лиц, склонных к насильственным действиям и не представляющих собой профессиональную среду, равно как и спаянную группу, обладающую легитимностью в их глазах. Один из ее членов пишет:

«...Имеющиеся члены партии с высшей квалификацией не могли найти применения своих познаний в стенах ЦСУ в силу того, что администрация, состоящая из “своих людей”, вела определенную линию выживания коммунистов, как это было с

товарищами коммунистами на съезде статистиков в 1922 году... На каждом шагу дается чувствовать, что “мы вас терпим, как навязанное нам зло”»³².

Социальная разобщенность оказывается, таким образом, и разобщенностью политической, что, в свою очередь, все больше и больше усиливает напряженность в отношениях на рубеже 1920-х и 1930-х годов. Из протокола общего собрания видно, что служащие управления крайне неактивно включались в политическую работу.

«Нашему коллективу (заявляет Оганесов) недостает гражданского духа. Люди очень мало участвуют в собраниях, митингах и манифестациях. Они не ходят на общие собрания, организуемые партийной ячейкой»³³.

Большая часть персонала открыто выражала враждебность по отношению к большевикам вообще, равно как и к большевикам из Статистического управления, которые, как правило, не были специалистами, но выдвигали требования новой легитимности и новой авторитетности от имени революции и большевистских принципов. Часто свободно высказывались враждебные заявления, к примеру, в ходе общего собрания, на котором Оганесов выступил с отчетным докладом о работе комиссии по чистке, он цитирует слова «некой Бабаевой», которая якобы заявила:

«Напрасно, мол, хотят нас организовывать, что нам ваша большевистская идея, нас нечего организовывать, мы не дети. Вы не забудьте, что у нас разная идеология и разные интересы, что у нас в ЦСУ работают разношерстные люди»³⁴.

Напряженность в повседневных отношениях проявлялась, в частности, в мелкой зависти, что могло стать основанием для обвинения, а затем и увольнения. Например, Михайловский пишет Каменеву, чтобы защитить одну из своих сотрудниц, отмечая:

«[Критическое замечание] тов. Кибинева формулировано буквально так: “манкирует службой и является антисоветским элементом”. Это [неразборчиво] утверждение т. Кибинева (ныне уже уволенного из ЦСУ) является возмутительной ложью и, как мне достоверно известно, продиктовано только желанием свести личные счеты: т. Кибиневу хотелось выжить Чеканинскую из занимаемой ею казенной комнаты»³⁵.

Столкновения из-за нехватки помещений были обычным явлением. Нервозность персонала только усугублялась секретностью, в атмосфере которой проводилась чистка. Что же касается первой операции этого рода, то она вызвала чувство стра-

ха. Поэтому Попов выдвигает успешно реализованное требование: беседы с людьми должны проводиться, «дабы не нервировать аппарата»³⁶. Напряжение достигло апогея во время общего собрания, на котором Оганесов взял слово, чтобы объявить о чистке и обосновать ее. Он стал объектом нападения, когда уходил с собрания, и потерял сознание³⁷. Доклад, подготовленный партийной ячейкой по этому поводу, без всяких прикрас передает атмосферу, царящую в Статистическом управлении, с достаточной точностью описывает нетерпимость в личных и служебных отношениях между людьми:

«Тов. Оганесов, тотчас же по прибытии своем в ЦСУ, поднял вопрос о чистке аппарата от нелояльных и непригодных элементов. [...] Этот факт создал в стенах ЦСУ чрезвычайно тревожное и озлобленное настроение, которое вышло далеко за пределы круга непосредственно задетых чисткой лиц, так как по понятным причинам список вычищенных сохраняется в тайне и никто из сотрудников ЦСУ не может с полной уверенностью сказать, что он этой чисткой не задет. [...] Само собой разумеется, что объектом озлобленного настроения сотрудников ЦСУ является тов. Оганесов, которому приписывается и инициатива и наиболее активная роль в этой чистке. Это настроение особенно рельефно выявилось на последнем общем собрании сотрудников, с активным участием т. Оганесова... В процессе дискуссии по этому вопросу по адресу коммунистов раздавались возгласы: “кровопийцы”... “долгой”, “сволочь” и т.д.»³⁸

Личность Оганесова воспринималась как символ насилия, насилия политического и, может быть, расистского (он был выходцем с Кавказа):

«Самое покушение состоялось через два часа после собрания, при выходе тов. Оганесова из ЦСУ. [Далее следует описание этого покушения, во время которого Оганесова сильно ударили, после чего он долгое время находился без сознания.]

Мы сразу же и единодушно отвергли версию о покушении по ошибке, так как... тов. Оганесов одет в шинель комсостава, в кавказской шапке, с типичным кавказским лицом: такие фигуры встречаются очень редко в Москве...

...Мы полагаем, что массовые аресты среди неблагополучных элементов ЦСУ... дали бы богатый материал для следствия»³⁹.

Жесткость обращения ячейки (требование провести массовые аресты) превосходит то, что произойдет в 1930-х годах. Наконец, она свидетельствует уже о частичной потере законной власти административной иерархией перед лицом политического вмешательства, дающего в руки членов партии власть, которой они не располагали внутри ЦСУ.

«И пошло здесь над нами тиранство»

Доносы — это форма народного самовыражения, традиционная для России⁴⁰. В советское время было модным рассматривать их как результат разрыва социальных связей или как следствие прямого подстрекательства со стороны советской власти с целью манипулирования и использования в социальных и межличностных конфликтах в коллективе⁴¹.

Некоторые доносы, вызванные чистой 1924 года, еще не имели четко выраженной политической направленности, а выражали скорее социальное напряжение, существовавшее между несколькими малоквалифицированными работниками ЦСУ и основной массой его служащих и специалистов по статистике. Они относятся главным образом к повседневному поведению членов коллектива, настроенных враждебно по отношению к партии. Два шофера, Н.И. Смирнов и Титов⁴², заявляют о своей революционной сознательности, своей преданности новому строю как основе для лучшего разоблачения позиций, занимаемых остальными работниками:

«Прибыли мы в 1920 году из автомобильной роты как красноармейцы на должность шоферов ЦСУ, и пошло здесь над нами тиранство. Продовольствие нам почти не давали, прямо с голоду умирали, хотя и полагалось нам, но все оттягивали»⁴³.

Употребив слово «тиранство», они хотели отметить существование пережитков старого строя и подчеркнуть тем самым живучесть социальных антагонизмов.

Истопник Чургунов прибегает к тем же методам: сплетни превращаются в разоблачения⁴⁴, и в ход идет такая наполненная глубоким смыслом терминология, как «тирания» и «эксплуатация»⁴⁵. Он уличает некоторых лиц и в расхищении средств ЦСУ, и в использовании автомашин в личных целях для поездок за продовольствием в сельскую местность. Затем следуют обвинения, сначала расплывчатые, по поводу явно враждебного отношения к новой власти:

«Когда приходилось спрашивать, то только одно получалось: что, мол, мы в этом не виноваты, а виновата Советская власть, она нарочно вас и морит с голоду, несмотря на то, что вы ее защищаете. [...] мы вам не партийные и не саботажники»⁴⁶.

Позже обвинения становятся более целенаправленными. Управляющий делами К.А. Ломов становится объектом обвинений, выраженных в самых резких тонах, которые станут нормой в 1930-х годах:

«У Константина Андреевича Ломова [...] отношение было к нам самое контр-революционное. Когда к нему приходишь, то

получаешь ответ: “Вы мне не мешайте работать, да вообще я с вами и разговаривать не желаю, с некультурными людишками”. [...] даже такие были случаи, что если назовет какая-нибудь курьерша Ломова товарищем, а не господином, то расчет в одну минуту. Вот какие были случаи. Он мог бы и нас тоже выгнать, но мы были красноармейцы и насчет этого он был слаб. Во время Кронштадтского мятежа, [...] они подняли головы все квартиру, это были Павел Петрович Любимцев и Константин Андреевич Ломов, которые говорили, что молодцы матросы. Я как сейчас помню, в эти дни ходил к Ломову, и он только смеялся над нами и говорил: теперь ваша политика пропала...

У нас ЦСУ — это все помещицы, дочери губернаторов, вся чистокровная буржуазия, которая и до сего времени еще живет по старой привычке.

К.А. Ломов был у нас и есть по сие время царь и бог»⁴⁷.

Эти письма отражают еще не полностью сформировавшееся конфликтное сознание⁴⁸. Их авторы постоянно противопоставляют «мы» и «они». «Мы» — это исключительно разоблачители, которые безуспешно пытаются привлечь на свою сторону других членов коллектива, чтобы хотя бы создать видимость борьбы одной группы против другой. Так начинается развиваться процесс утверждения собственной важности, позволявший сделать «нормальным» разоблачение, когда оно выводится за рамки простой личной жалобы посредством обобщения ее предмета и значимости⁴⁹. Но пока он идет медленно, и разоблачения кажутся малообоснованными и не увязанными с действующими законами.

Шоферы пытаются апеллировать к социально-политической легитимности, которую связывают исключительно с тем, что в прошлом они служили в Красной Армии. Слово «красноармейцы» пять раз упоминается в письме⁵⁰. Это становится основанием для новой социальной идентификации: они — солдаты законной власти, власти большевиков. Никаких ссылок не делается на рабочее, крестьянское или какое-либо другое социальное происхождение, которое могло бы узаконить их позицию каким-то иным образом.

А вот местоимение «они» оказывается более глобальным и относится к недифференцированной группе, связанной с царским, буржуазным прошлым угнетателей. Этот набор слов оказывается вместе с тем более разнообразным. «Они» — это те, кто причастен к тирании, царизму и религии, кто придерживается «контрреволюционной» позиции, вызывающей неприязнь. Сама такая позиция означает отстранение одновременно социальное (употребление обращения «господин», а не «товарищ») и политическое (использование выражения «ваша политика» для обозначения политики большевиков). В используемой тер-

минологии смешаны социальные понятия и обличительные эпитеты: «помещицы, дочери губернаторов, чистокровная буржуазия, сохранившие свои прежние привычки белогвардейцы и кровопийцы, черносотенцы»⁵¹.

Эти письма свидетельствуют о том, что меняется характер доносов: на смену свойственному прежнему режиму доносу приходит новый, с чертами, характерными для большевистского СССР⁵². Необходимо отметить, что большевистский классовый язык пока еще не употребляется.

Тем не менее эти разоблачения в прямом смысле слова не являются единственными способами постановки под удар того или иного человека. Нападки, объектом которых стал Попов, были совсем иного рода. Их можно рассматривать как классическую форму конфликта между руководителем администрации и частью персонала. Упреки в его адрес указывают на то, что не принимались во внимание их требования, на неприязнь, выраженную Поповым ко всему, что исходило от партийной ячейки, повседневные неприятности, такие, как невозможность пользоваться по своему усмотрению помещением для собраний. Попов характеризуется партийной ячейкой как

«...бюрократ, не имеющий никакого желания привлечь и использовать членов РЖП(б) и профорганизации. Он игнорирует требования комячейки и профорганизации и лицемерно действует по отношению к Центральному органу партии. [...] Диктатор, не дающий проявить другим сотрудникам творческой силы и инициативы»⁵³.

По всей видимости, в начале 1924 года все эти разногласия не выходят за рамки классического трудового конфликта и не могут пока истолковываться как осуждение власти, поскольку она еще окончательно не стабилизировалась. И все же они приобретают совершенно иное значение вместе с усилением роли партии внутри ЦСУ и, в частности, с приходом Оганесова. Однако оставление Попова на его должности и его вступление в члены партии быстро сводит их к обычному конфликту. Напротив, ожесточенность, проявленная ячейкой в отношении некоторых лиц, в частности — администратора Ломова, все больше становится похожей на практические действия по разоблачению. Действительно, выдвинутые против него обвинения граничат с явно выраженным требованием о его устранении. Если учесть важность этого учреждения, становится понятным смысл критики по поводу повседневного поведения его сотрудников, которая приобретает разоблачительный характер. Превращение обвинений в орудие борьбы, их легитимация контрольной комиссией и использование время от времени ГПУ изменяют их природу. Доносительство представляет собой не столько процесс как таковой, сколько инструмент борьбы⁵⁴.

Другая форма надзора и социального контроля, которая в то время существовала, исходила непосредственно от ГПУ. Этот орган располагал относительно точными сведениями о социальном происхождении персонала, часть которых поставлялась партийной ячейкой. Анкеты, заполняемые при приеме на работу, служили главным источником этих сведений, но, по всей видимости, ГПУ, за несколькими исключениями, не было способно установить точным образом социальное происхождение тех людей, которые его «скрывали». Оно не имело возможности навязывать что-либо в этом отношении, кроме того, что ему сообщалось. К категориям, которые обычно использовались для обозначения социального происхождения (дворянин, духовный, мещанин, интеллигент, чиновник) добавляется факт пребывания на территории, занимаемой белой армией в период гражданской войны. Ранее выполняемые политические функции сообщаются очень редко либо потому, что они не были известны, либо потому, что персонал ЦСУ политикой не занимался.

ГПУ также черпало свою информацию из сообщений партийных ячеек, созданных по месту жительства персонала, которые собирали сведения об антисоветской или даже враждебной позиции того или иного лица, об образе жизни и средствах, которыми оно располагало. Слухи, которые ходили на работе, передавались, скорее всего, некоторыми работавшими там коммунистами. Но сведения были неточными и сводились к обвинениям в антисоветском поведении или к осуждению позиции, занимаемой во время мятежа в Кронштадте. Они отражали, главным образом, внутреннее соперничество, зависть и подозрение к кому-нибудь из представителей элиты, вышедшей из привилегированных слоев, существовавших до революции. Заявления, которые делались по таким вопросам в ходе общих собраний личного состава, в ряде случаев письменно фиксировались и передавались куда следует.

Все это дает возможность составить представление о двойственном имидже общества и осуществляемом им контроле на протяжении первых десяти лет после революции. С одной стороны, наглядно видно, как происходило становление системы контроля, которая по прошествии пяти лет оказалась уже хорошо обкатанной. А с другой — становится понятным, как возникла система сбора сведений, которую реформы 1921 года в рамках новой экономической политики (НЭП), не столь жесткой, оставили прежней. С одной стороны, ГПУ уже располагало множеством личных дел, легко доступных для работы, даже если они и оставались еще не полными. А с другой — только некоторая вольность в тональности, даже просто выраженные откровенной враждебности к нескольким коммунистам

Статистического управления, созданного в 1918 году, быстро истолковывается как антикоммунистическая и антисоветская позиция.

Банальность?

Конфликт, возникший в ходе чистки 1924 и 1925 годов, говорит о некоторой банальности в жизни управления, где изо дня в день происходят мелочные местечковые столкновения и трения, распространяются слухи, что а priori не могло получить сколько-нибудь широкого размаха. Такая ситуация кажется банальной, так как на первый взгляд подобное можно видеть повсюду и в других местах, в любой стране, в какое угодно время. Поначалу партийная ячейка противится этому в традиционных формах. Нет ни особо сильных столкновений, ни чрезмерно силовых конфликтов. До конца 1923 года ничто не позволяет предвидеть интенсивность конфликта, который возникнет позже.

Пертурбационным элементом в данном случае выступает то, что идет извне, от ряда решений, которые в конечном итоге изменяют критерии легитимности и места, отводимые индивидам и группам, входящим в это управление. Партийная ячейка внезапно начинает занимать чересчур важное место по сравнению с тем, что она занимала ранее, а несогласие, выраженное совсем незначительным числом лиц, со всей существующей служебной иерархией вдруг становится легитимным. Это ведет к образованию сплоченной группы, представляющей основную часть личного состава и противостоящей этой незначительной по численности группке, отношение к которой до того времени было неприязненным. Обвинениям и нападкам с ее стороны подвергается любое поведение, рассматриваемое как проявление прежних привилегий. Ревность и зависть находят политические обоснования, чтобы вылиться наружу. А вот обозначение «специалист» («спец») еще не превратилось в обличительную категорию, как это произойдет в конце 1920-х годов.

Вместе с тем эта пертурбация остается под контролем различных высокопоставленных лиц, принадлежащих к кругу центральной политической власти. Включив управляющего ЦСУ в комиссию по проверке личного состава, а затем выдав ему партийный билет, политические руководители умело подготавливают почву для быстрого возвращения к прежней ситуации, характеризовавшейся некоторой стабильностью. Ослабив внутреннюю сплоченность управления и вынудив его руководителя согласиться с проведением чистки, которой он не хотел, а, напротив, делал все, чтобы избежать ее, они дают ему возможность держать ситуацию под контролем и сначала даже избежать от возмутителей спокойствия посредством их увольнения.

Несмотря ни на что, один вопрос все же остается. Стратегия, описываемая ниже, не была выражением действительного намерения, существовавшего с самого начала. Она является результатом противоречий и колебаний ответственных политических руководителей, которые отвечали ударом на удар. Проводившаяся чистка фактически показала, что стали появляться колебания и что требования вмешательства иногда удовлетворяются, хотя и не всегда. Поэтому во всем этом затруднительно было бы усматривать предустановленную конструкцию. Даже наоборот. Все эти различные формы вмешательства, быть может, и играли роль формирующего образца для последующих чисток. Можно предположить, что эта столь часто наблюдавшаяся стратегия дестабилизации, за которой, начиная с коллективизации, следовало усиление контроля, в ходе то единичных, то массовых операций, последовательно проводилась посредством первых экспериментов с чистками.

Ученый, администратор и большевик

Ученый и политик

В обстановке чистки 1924 года и критики, исходящей от руководящих партийных деятелей по поводу их работы, Попов и его ближайшие сотрудники не стали ввязываться в игру в политические обвинения, а стремились, напротив, отстоять приоритетность научного характера работы. Попов не отвечает на упреки в антисоветских взглядах или в социальном происхождении того или иного сотрудника ЦСУ, а, наоборот, систематически подчеркивает их научную и профессиональную значимость. В особенности он подчеркивает, что невозможно найти коммуниста, способного справиться с теми задачами, которые выполняли люди, попавшие под обвинения. Он настойчиво продолжает борьбу, которую вел против Ленина еще в 1921 году, чтобы защитить качество статистической продукции, создаваемой его управлением.

Он делает вид, что готов немедленно заменить обвиненных сотрудников, если бы такие коммунисты существовали. Руководитель отдела демографической статистики Михайловский поступает таким же образом, когда защищает своих сотрудников. Он доказывает, что ЦСУ не является особым инструментом новой социалистической власти, а представляет собою управление, которое имеет научную специфику, осуществляет операции с помощью уже достаточно определившихся процедур и принимает участие в европейских обсуждениях в этой сфере. Он подчеркивает, в частности, что подготовка переписи населения 1926 года представляет собой важнейшую задачу, требующую огромной компетенции, и, следовательно, в такой ответственный период ЦСУ должно быть ограждено от всякого риска дестабилизации¹.

Этот конфликт был предвестником последующей дискуссии, которая будет основываться на концепции противопоставления буржуазной статистике статистике социалистической, то есть противопоставления статистики как науки, нацеленной на поиск абсолютной истины и стоящей выше политики, статистике, служащей политике.

Сильный спрос со стороны Советского государства на числовые данные приводит Попова и его сотрудников к необходимости глубоко поразмыслить над рациональностью используемых статистических категорий и улучшением оценочных методов. С их точки зрения, эта работа не имеет никакого политического содержания, за исключением того, что относится к новому виду государственных требований. Их позиция — это позиция статистических управленцев, которые поставили себя на службу строительству основ современного государства, то есть государства рационального, служащего общим интересам. Статистика обеспечивает его эффективность, поставляя цифровые данные для действия и предвидения².

И здесь Попов совершенно недвусмысленно смешивает социализм, коммунизм и концепцию модернизации государства. В свое время та же вера в способность государства провести модернизацию подтолкнула его, как и многих других специалистов и экспертов в различных областях, к служению в начале 1917 года Временному правительству³. Но государство нуждается в том, чтобы научное знание освещало ему путь. Поэтому Попов со всей твердостью защищает научный характер статистики в ответ на критические замечания, сделанные Бухариным и Зиновьевым в июне 1924 года:

«Я не сомневаюсь, что тов. Зиновьев, говоря, что статистика “врет”, не имел в виду статистики, как научной дисциплины, ибо сказать вообще, что “статистика врет” — значит сказать, химия врет, физиология врет — все науки врут. [...] Поэтому-то статистика не может в каждый данный момент дать желаемой цифр. Она дает материал для объективного изучения действительности. Она дает цифры, отображающие жизнь... Не нужно стараться получить желаемую цифру. Всегда необходимо вдумываться в цифры, отражающие жизнь так, как она есть [...]»⁴.

В ответ на критику в статье, появившейся 2 февраля 1925 года в журнале Госплана «Плановое хозяйство», он вновь со всей убедительностью отстаивает эту позицию:

«Не подумайте, уважаемые товарищи, что я против критики. О нет! Критика всегда полезна, полезна она и тогда, когда критик подвергает добросовестному разбору научное учреждение, полезна и тогда, когда она поверхностна, пристрастна, неверна и в своих исходных предпосылках, и неверна в своих выводах. В первом случае критика непосредственно помогает научной работе научного учреждения и его работникам, во втором — она как бы демонстрирует перед научными исследователями те ошибки, которых он избежал в своей работе, ту поверхностность и слабую разработанность в трактовке темы, которую дает плохо ориентирующийся критик в вопросе, который он не смог охватить. [...]

Да будет нашим лозунгом: “Даешь научную и добросовестную критику!”»⁵

Что касается Попова, то ученый в нем брал верх над политиком, наука и прикладная наука для него относятся к разряду реальностей, которые подчиняются своим собственным законам. Политические ссылки на Ленина или Октябрьскую революцию являются вторичными и используются только для того, чтобы оправдать законность статистического управления, а не его работу. А оправданием для нее служит только наука.

Сталин не разделял этого мнения. На XIV съезде партии он нападает на Центральное статистическое управление. Он начинает свое выступление с трибуны съезда 18 декабря 1925 года с сильной критики нескольких числовых данных, представленных ЦСУ:

«...Практически он [крестьянский вопрос] стоит так, что после того, как мы Октябрьскую революцию проделали, помещиков выгнали и землю роздали крестьянам, ясно, что Россию мы более или менее осереднчали⁶, как выражается Ленин, и теперь середняк составляет в деревне большинство, несмотря на процесс дифференциации...

Если поверить [некоторым] руководствам, то оказывается, что при царе бедноты было у нас что-то около 60%, а теперь у нас 75%; при царе кулаков⁷ было что-то около 5%, а теперь у нас 8 или 12% [...] Эти цифры — хуже контрреволюции. Как может человек, думающий по-марксистски, выкинуть такую штуку, да еще напечатать, да еще в руководстве? [...] Ежели при царе проводилась политика насаждения кулака, [...] если правительство было такое, что оно гнало всю дифференциацию, и всё-таки было бедноты не более 60%, то как могло случиться, что при нашем правительстве, Советском правительстве, когда частной собственности на землю не имеется, т. е. земля изъята из обращения, стало быть, существует эта препона против дифференциации, после того как мы занимались раскулачиванием года два, когда мы от всех методов раскулачивания до сих пор еще не освободились, [...] — как могло случиться, что при таких препонах у нас оказалось будто бы гораздо больше дифференциации, чем при царе, гораздо больше кулаков и бедняков⁸, чем в прошлом? Как могут болтать такую несусветную чепуху люди, именующие себя марксистами? Это ведь смех один, несчастье, горе (Смех)»⁹.

Для Сталина политика советского государства направлена на конкретную цель, которая обязательно достигается или только поставлена, поэтому цифры, которые могут подтвердить ее, — хорошие; в противном случае они ложные, ибо политика, проводимая большевиками, идет в правильном направлении.

Попов открыто отвечает ему 22 декабря 1925 года. В письме, выдержанном в исключительно жестких тонах¹⁰, он настаивает на исправлении информации, с которой выступил Сталин:

«С кафедры партийного Съезда, говоря о работе ЦСУ, Вы сделали ряд *неверных*¹¹ [ложных] утверждений.

Вы один из ответственных руководителей партии, и я надеюсь, что Вы не откажетесь с кафедры того же Съезда исправить свои неверные утверждения. [...]

1) Неверно [ложно] Ваше утверждение, что будто бы *по ЦСУ* выходило, что *товарных излишков у зажиточных оказалось 61%*. Неверно [ложно] это потому, что хлебофуражный баланс, как определенная статистическая операция, *не мог определять товарные излишки* [...]

Вас, во-первых, несомненно, неверно информировали о сущности статистической операции (балансе), и, во-вторых, Вы (когда присутствовали в Политбюро¹²) *не обратили* внимания на мои *категорические заявления*, что хлебофуражный баланс ни в коем случае *не определял товарных излишков и не мог определять*.

2) Неверно [ложно] Ваше утверждение, что будто бы “недавно” ЦСУ дало цифру 42% товарных излишков. *Неверно [ложно] потому, что ЦСУ не давало такой цифры*. Вы, очевидно, не совсем разобрались в тех цифровых данных диаграммы, которые я демонстрировал в Политбюро. [...]

3) Неверно [ложно] Ваше утверждение, что будто бы ЦСУ *подгоняло цифры* под то или другое предвзятое мнение.

Неверно [ложно] потому, что ЦСУ научное учреждение и *мошенничеством не занимается и никогда не занималось*. [...]

Ваша обязанность с той же высокой кафедры или опубликовать *мое письмо*, или заявить, что Ваши утверждения не соответствуют действительности.

Вы обязаны знать, что ЦСУ не частное учреждение. Оно научное учреждение, выполняет определенные работы, необходимые для социалистического строительства. [...]

Вы, стойкий и старый партийный товарищ, привыкли говорить правду, и поэтому я глубоко убежден, что Вы и теперь скажете и члену партии, и населению правду — что Ваши утверждения о деятельности ЦСУ не соответствуют действительности в указанном мною отношении.

С коммунистическим приветом, П. Попов»¹³.

Это письмо знаменательно тем, что в нем на одной странице изложено все, что составляет природу Статистического управления и позицию специалистов, ставших на сторону революции, но требующих признания их профессионализма перед лицом политики и доверительных отношений с центральным политическим руководством.

Мы не будем здесь вступать в детальное обсуждение вопроса об оценке экономических балансов, которые были характерны для всего десятилетия. Отметим все же, что ставка в игре, которую вел тогда Сталин против Зиновьева и Каменева, была фундаментальной. Речь шла о том, чтобы выяснить, крепнет ли в условиях нэпа сельская буржуазия, располагающая большей частью урожаем, и определить долю продукции, удерживаемую государством. Каменев, как и Зиновьев, на основе цифр ЦСУ отстаивали необходимость возврата к более сильной пролетарской власти перед лицом угрозы со стороны кулаков. Бухарин и Калинин, которых в то время Сталин поддерживал, ратовали за противоположное. Между тем хлебофуражный баланс был новаторским разработанным в то время статистическим инструментом, позволяющим оценить производство и потребление крестьян.

Хлебофуражный баланс был одобрен 21 июля комиссией экспертов ЦСУ и опубликован в его бюллетене¹⁴, затем 9 октября представлен в Госплан, с «улучшениями». Комиссия Рабочекрестьянской инспекции, возглавляемая Яковлевым, была создана в середине октября. 3 и 10 декабря Попов был вынужден защищать позицию ЦСУ перед Политбюро Центрального Комитета партии¹⁵. 12 декабря Яковлев представляет свои собственные, резко критические выводы. Во время партийной конференции Московской области Куйбышев, комиссар Инспекции, поддерживает эти упреки. Создается комиссия ЦСУ для защиты работы, проделанной статистиками. 18 и 24 декабря этому посвящаются два заседания коллегии ЦСУ¹⁶.

В ходе пленума выступающие, которые возражали по этому пункту Зиновьеву и Каменеву, давали не цифры, а выражали убеждения, аналогичные утверждениям Сталина. Куйбышев, который подвел итоги, был категоричен. Проблему образуют не столько цифры, сколько выводы, которые из них можно сделать¹⁷. А если эти выводы не служат интересам Сталина во внутренних конфликтах между политическими руководителями, значит, и исходное основание рассматривается как ложное, а эти статистические данные объявляются неверными. Цифры не только создают действительность, как оказывается, на них власть делает ставку.

Впрочем, Куйбышев, не переставая умело поддерживать Сталина, не впутывает в это дело само учреждение. Перед лицом давления тех людей, которые желали бы уничтожения ЦСУ, он решительно становится на его защиту:

«...Нам говорят: но, хорошо, вы критикуете хлебофуражный баланс ЦСУ, вы доказали всю паткость, все недостатки, всю невозможность положить его в основу каких либо практических и экономических мероприятий, — тогда тем более нельзя класть его в основу каких-нибудь политических выводов. Все это, мне

кажется, доказано с полной очевидностью. Но нам говорят, что, разрушив баланс ЦСУ, мы не разработали своего баланса, не представили другого варианта хлебофуражного баланса, не представили своей схемы, своих группировок нашего крестьянства и тех или других социально-экономических групп. Мы этим не задавались и выполнить такую задачу не могли, потому что эта работа, естественно, является задачей специального органа, постоянно работающего в этом направлении»¹⁸.

Нет оснований расценивать это заявление ни как попытку смягчить положения, выдвинутые Сталиным, ни как противостояние его линии на дестабилизацию всего управленческого аппарата. Ничто не указывает на точно определенную позицию Сталина по этому вопросу. Но такое заявление выражает устойчивый характер сильных разногласий внутри руководящего аппарата и колебания значительного числа его членов перед необходимостью вступить в активную фазу устранения статистического управления и его специалистов.

В ответном письме Сталину от 22 декабря Попов выражает уверенность в том, что наука вообще и верность статистических данных в особенности не могут быть поставлены под сомнение политикой. Он противопоставляет научную компетентность политическим высказываниям и утверждает необходимость распространения цифровой информации в партии и среди населения. Статистика служит не только для того, чтобы править, она служит также для того, чтобы информировать население, — принцип, характеризующий всю совокупность европейской статистики с конца XIX века. С его точки зрения, именно здесь проходила демаркационная линия между советским строем и царским режимом с его недоверчивым отношением ко всякому распространению цифр. Для Попова и его сотрудников нет оснований для разделения на статистику буржуазную и статистику социалистическую. Теоретический фундамент советской статистики является тем же самым, что и фундамент дореволюционной статистики. Только социально-политическое использование цифр разнится.

Этот конфликт выявляет антагонизм между статистиками и политическими руководителями, который основывается на фундаментальном противоречии между плановым управлением страной, требующим использования точных статистических данных, создаваемых профессионалами, и статистикой, предназначенной для того, чтобы служить орудием пропаганды, и подкрепляющей политические декларации. Это — неразрешимый конфликт в логических построениях, когда большевики, с одной стороны, утверждают, что коммунизм должен основываться на научном подходе, и доказывают, таким образом, законность системы, которую они создают, а с другой — стремятся навязать свою собственную концепцию действительности, под-

крепить высказывания, служащие в первую очередь их собственным интересам или же интересам момента, равно как и инструментом для разрешения противоречий между руководителями.

Итог этим противоречиям подвел Каменев в своих иронических замечаниях по поводу «своего собственного заблуждения» в заключительной части его конфликта со Сталиным в ходе XIV съезда партии:

«Я боюсь сейчас касаться какой бы то ни было цифры. Мне достаточно прикоснуться к цифре, чтобы потом эти цифры были «опровергнуты»! Это не потому, что сами по себе цифры плохи, а потому, что цифры втянуты в политическую борьбу. Но есть один авторитет, на который я могу положиться, как на каменную гору, это — цифры, которые не будут опровергнуты, цифры тов. Молотова, предс. Крестьянской комиссии ЦК. Он не страдает ни одним из тех пороков, которыми мы страдаем: ни маловерием, ни пессимизмом, ни паникерством. И вот в последнем докладе, недели две назад, он сказал, что у нас в деревне от 40% до 45% бедняков. Как его тут не обвинят в недооценке середняка, как не скажут, что он съел середняка, — я не знаю. Итак, у нас 40–45% бедняков. Впредь до разъяснения ЦКК я буду придерживаться определенного мнения о том, что такое бедняк, а когда ЦКК скажет иначе, я буду думать иначе. (Смех.) ЦКК уже сказала, как нужно и сколько нужно считать кулаков, середняков и т.д. (Смех. Голос с мест: «Это неплохо!»)

Напротив, очень хорошо. Теперь, по крайней мере, сказано — сколько, как и что. Теперь будет спокойнее»¹⁹.

Здесь проявляется вся сущность тоталитарной статистики, как ее понимала Ханна Арентс. Но в тот период она еще не вела к потрясениям в статистическом процессе. Вера Попова и его сотрудники в силу науки вселяла в них уверенность в своей самостоятельности по отношению к партии и политическим руководителям. Для этих наследников европейской статистической традиции XIX века объективность статистики не может быть поставлена под сомнение и должна превалировать над политическими соображениями²⁰. Попов останется верным этой позиции до конца 1930-х годов, даже после великой чистки 1937 года.

Ученый и администратор

Вся история советского Центрального статистического управления отмечена конфликтами между представителями администрации вокруг их компетентности. Эти конфликты были тем более острыми, что функции статистики не были определены окончательно. В представлениях одних статистика была средством наблюдения за социально-экономическими процессами в

стране с целью их понимания, в представлениях других — средством планирования, стоящим на службе у ведомств, которым поручены организация и регламентирование этих процессов.

Еще даже до создания Госплана²¹ Ленин выражал беспокойство по поводу характера и использования статистических данных, производимых ЦСУ, и настаивал на быстром использовании их для нужд экономического управления в стране. В 1921 году, как только Госплан был создан, между этими двумя управленческими аппаратами возникли весьма напряженные отношения.

Постепенно это противостояние вылилось в конфликт, потребовавший прямого вмешательства Совета Народных Комиссаров 23 июня 1925 года. Рыков, бывший тогда его председателем, созвал у себя многочисленное собрание высокопоставленных лиц, которые имели то или иное отношение к статистическим данным, поставляемым ЦСУ. Присутствовали, в частности, Цюрупа (в то время председатель Госплана), Громан и Вишневский (работавшие в нем), несколько высокопоставленных лиц Высшего Совета Народного Хозяйства и, наконец, многие ответственные работники самого Статистического управления, в том числе Попов, кое-кто из его ближайших сотрудников, таких, как Хрящева и Михайловский, и несколько руководителей региональных статистических отделений²².

Открывая заседание, Рыков отметил, что к нему поступают многочисленные жалобы на работу ЦСУ. Громан ознакомил собравшихся с содержанием критических замечаний о работе этого управления и потребовал слить его с Госпланом. Он упрекает ЦСУ в том, что оно не предоставляет обоснованных цифровых данных, ссылаясь в подтверждение на тот факт, что изначальные оценки нередко подвергаются корректировке. Он отмечает, что «действительно с первых же дней работы Госплана начались попытки Госплана получить необходимый материал от ЦСУ в надлежащем количестве, [...] и в надлежащие сроки. Вот тут и началась трагедия. Я не боюсь быть смешным, употребляя это слово»²³. Он подчеркивает, что конфликтные состояния порождаются оценками урожая в 1921 году, которые представляют большую важность, поскольку сделаны во время сильного голода. Он отмечает, что затем «начались миллиардные разногласия между Госпланом и ЦСУ. ЦСУ три года боролось с цифрами Госплана. [...] Понятно теперь, почему в ноябре 1922 года было вынесено пост. Презид. Госплана, где говорится, что данные ЦСУ не могут служить основанием для плановой работы»²⁴. Он в этой связи предлагает подчинить Статистическое управление Госплану, а представителям различных отраслевых министерств — обеспечить полномочное присутствие на заседаниях руководящей коллегии ЦСУ. Таким

образом, в соответствии с предложенным им решением предполагается особая роль и характер работы Статистического управления. В результате некоторые его функции как центрального органа передавались бы различным министерствам. Оно теряло бы также свою наблюдательную роль и становилось исключительно средством осуществления планирования. Критика других выступавших сводилась к тому же; они, к примеру, говорили о низком качестве промышленной статистики или же повторяли уже высказанные критические замечания по поводу данных о социальном расслоении в деревне. Представитель Высшего Совета Народного Хозяйства Кафенгауз, представитель Совета Труда и Оборона и Госплана Крицман, сотрудник Громана в Госплане Вишневский выступали менее резко, но также в критической манере²⁵.

Эти обвинения заставляют сплотиться представителей ЦСУ, и они демонстрируют сильную профессиональную солидарность. Они доказывают необходимость сохранения самостоятельности Статистического управления и отстаивают правильность сделанных оценок. Все настаивают на том, что статистики должны обладать монопольным правом на производство статистических данных, и на недопустимости манипулирования ими. Они подчеркивают также, что эти статистические данные обязательно будут содержать в себе погрешности по причине тех методов, которыми пользуются для сбора сведений. К примеру, данные об урожайности будут содержать погрешности, поскольку крестьяне будут опасаться, что ими воспользуются для налогообложения и реквизиций. Точно так же вопрос, касающийся расслоения в деревне, не поддается анализу единственным способом, а поэтому должен стать предметом многих исследований. Такой способ придания относительности абсолютному характеру числовых данных не может быть понят политическими руководителями, стремящимися показать только реальность.

Аргументы, которые использовали статистики для самозащиты, иногда приобретают личностный характер, напоминая о прежних столкновениях. Хрящева обвиняет Громана в том, что он не высказался исключительно в пользу улучшения статистической работы, а сказал, что «он совершенно сознательно и с самого начала не вошел в ряды работников гос. статистики. Не потому ли он теперь желает подчинить ЦСУ Госплану, что там существует он сам? [...] Госплан очень изобретателен в цифрах вообще; он может любую цифру получить по каждому отдельному случаю. Недаром существует анекдот, что если сотрудник Госплана предлагает одну цифру и она почему-либо не вызывает доверия, то он уходит в другую комнату и через две минуты приносит другую»²⁶. Подчинение Госплана политическим властям противопоставляется здесь самостоятельности

ЦСУ, а личные склоки смешиваются с политическими и научными расхождениями.

Но помимо прочего этот спор тянет за собой более глубокий конфликт, в котором некая управленческая структура, связанная главным образом с политической концепцией планирования, противостоит статистическому управлению, сосредоточенному вокруг научно-критической концепции статистического производства. В этой связи Михайловский отмечает, что «*статистика никогда не может дать абсолютно точного учета, а всегда только цифры, более или менее приближающиеся к истине*»²⁷. Таким образом, цель производства данных состоит в приближении к истине посредством определения степени точности даваемых оценок. Михайловский, как и Попов, ссылается на международную традицию в производстве статистических данных и универсальную значимость суждений по этому вопросу. Первый приводит пример с проблемами соответствия, возникшими в Соединенных Штатах между данными сельскохозяйственных опросов и цифрами переписи населения. Второй широко цитирует Майра, немецкого статистика, пользующегося авторитетом в Европе, чтобы оправдать неточности в производстве статистических данных.

По результатам обсуждений Рыков и Цюрупа отказываются от принятия какого-либо решения. Рыков выражает только пожелание начать публичное обсуждение с участием других институтов, в частности — Академии наук и Рабоче-крестьянской инспекции. Он ждет также, чтобы съезд статистиков специально занялся этим. Таким образом, он полагается на специалистов в поисках способов разрешения конфликта, совершенно недвусмысленно представляющего собой противостояние двух конкурирующих друг с другом учреждений, которые объединяют статистиков и экономистов, развивающих разные концепции производства и использования статистических данных. Ни Рыков, ни Цюрупа не хотят истолковывать эти институциональные разногласия в политических категориях, позволяя самим ученым овладеть предметом спора. Но вместе с тем политические ссоры не обошли стороной эту научную полемику. Тем не менее, хотя эти политические руководители в данный момент не превращают соответствующие разночтения в инструмент борьбы, они уже располагают оружием для того, чтобы нападать на руководство ЦСУ на его собственной почве, то есть на почве научной аргументации. Позиция Рыкова и Цюрупы выявляет также и неоднородность групп руководителей. Они, в отличие от Сталина, со всей серьезностью относятся к учреждениям, созданным со времени революции для административного управления государством. Они верят в строительство современного государства. Сталин же, напротив, отдает предпочтение исключительно политической стратегии и уже пользуется

учреждениями для ее проведения. В тот момент первые, по всей видимости, не предусматривали возможности политического использования этих конфликтов, что делает второй.

Внешняя конфигурация властей

Эти различные противоречия проливают свет на способы вмешательства политических инстанций и конфигурацию властей, внешних по отношению к ЦСУ. В ходе различных фаз строительства и преобразования статистического аппарата Центрального Комитета партии, Политбюро, а также Совет Народных Комиссаров вмешиваются каждый по-своему, чтобы разрешить возникающие конфликты, определить линии осуществления институциональных реформ или поменять людей, которым поручено совершать политические действия, нужные этим властным структурам. Статистическое управление оказывается включенным в сеть учреждений, которые, каждый со своей стороны, стремятся навязать посредством собственного способа вмешательства или собственных действий свою легитимность.

Совет Народных Комиссаров и Центральный Исполнительный Комитет являются самым выражением законности управленческой власти. Большинство декретов, относящихся к созданию или преобразованиям ЦСУ, исходят от совместных решений этих двух инстанций, по собственному статусу стоящих во внешнем отношении к партии. Статистическое управление оказывается также включенным в цепочку ведомств, в обязанность которых входит управление экономикой страны, параллельным управленческой политической структуре, во главе с Высшим Советом Народного Хозяйства. Созданный в декабре 1917 года, он должен контролировать самые главные экономические действия. Однако область его компетенции остается расплывчатой, а его отношения с другими министерствами промышленной сферы — сложными. Наделенный полномочиями по осуществлению координации деятельности ведомств экономического характера, он играет важную роль в выработке первого пятилетнего плана. Вместе с тем его компетенция быстро уменьшается вместе с созданием в декабре 1920 года Совета Труда и Обороны, в обязанности которого входила координация всех действий комиссариатов в сфере экономики и который становится высшей советской инстанцией в этой области.

Он был характерным явлением в советской системе управления: одно учреждение нередко дублировало другое, а конкуренция между ними делала их действия малоэффективными. Это смешение ролей обнаруживается и в сфере статистического производства. С начала 1921 года различным управлениям вменяется в обязанность производство цифровых данных для разработки экономических мероприятий государства, в частно-

сти, для Высшего Совета Народного Хозяйства и Госплана. Они окажутся в отношениях прямой конкуренции со Статистическим управлением, которое будет вынуждено отстаивать свою компетенцию перед посягательствами с их стороны.

Государственная администрация представляет собой один из станových хребтов советской политико-административной системы. Второй — Коммунистическая партия, ее Центральный Комитет и три его основные инстанции — секретариат, Политбюро и организационное бюро. Большинство решений Совета Народных Комиссаров и Центрального Исполнительного Комитета ставятся на одобрение Политбюро. Это — приоритетная инстанция, где принимаются решения, ведущие к преобразованиям в административной структуре Статистического управления. Постановления Совета Народных Комиссаров, нередко подписанные совместно с Центральным Исполнительным Комитетом или Советом по Труд и Обороне, относящиеся к организационным изменениям, все без исключения подлежат утверждению со стороны Политбюро. Назначения руководителя ЦСУ определяются непосредственным решением Политбюро, так же как, начиная с 1926 года, и назначения членов коллегии по предложению руководителя²⁸.

Несмотря на тексты, которые объявляют о его институциональной независимости, Статистическое управление явно подпадает, таким образом, под политический контроль. Автономия учреждения в этом случае оказывается в зависимости от способности его управляющего вести переговоры с политическими руководителями о том, что могло ее гарантировать. От развития этих переговорных отношений и соотношения сил зависело будущее ЦСУ, его персонала и его продукция. Многообразие контрольных органов делает задачу управляющего тем более трудной. Действительно, с первых же лет советской власти была установлена двойная структура контроля. Намерение Ленина состояло в создании администрации, независимой от Совета Народных Комиссаров, чтобы контролировать реализацию решений и функционирование управленческих служб. Декрет от 14 февраля 1917 года о рабочем контроле устанавливает ее принципы. 7 февраля 1920 года рождается комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции. Эта структура быстро дублируется созданием другой — структуры партийного контроля, в принципе независимой от Политбюро: комиссия партийного контроля появляется в марте 1923 года. В апреле 1923 года, без формального акта о слиянии Комиссия партийного контроля и комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции сближаются, президиумы обеих комиссий становятся почти смешанными. Этот новый механизм постепенно претерпевает изменения, не меняя по-настоящему свою сущность. Таким образом, двойная структура исчезнет в начале

1934 года и будет заменена Комиссией советского контроля, которая станет единственным контрольным органом, одновременно административным и партийным.

В действительности с начала 1920-х годов этот орган не был автономной контрольной инстанцией, а представлял собой рычаг в руках Политбюро или Совета Народных Комиссаров, главным образом уже с 1924 года. В случае со Статистическим управлением он будет играть две существенных роли: с одной стороны, придавать законный характер критическим замечаниям, относящимся к его работе и касающимся его руководителей, основывая их на мерах, официально представляемых как независимые от центра принятия политических решений; а с другой стороны, постоянно разворачивать чистки внутри этого управления. Сталин ясно понял в этот самый момент, каким именно образом он может использовать такой институт, и превратил его в один из своих главных командных рычагов.

Сопrotивление или недоразумение?

В связи с тем, как протекали и завершились первые конфликты между Статистическим управлением и большевистскими руководителями, возникает вопрос о логике, определяющей их позиции: является ли она выражением только поведения, вызванного сопротивлением, или же связана также и с недоразумением?²⁹

Формирование советской статистики приходится на тот начальный период, который мы называем большим недоразумением между статистиками и большевистскими руководителями. Первые сформировались под влиянием концепции современного государства как управляющего общественными делами, наследника традиций европейской статистики³⁰. Они горячо защищают эту концепцию. Как и их предшественники в XIX веке, они считают науку основой своей профессиональной деятельности, что позволяет им претендовать на обладание истинной, более глубокой, чем истина политика, и не отождествляемой с ней³¹. Познания не могут быть предметом переговоров, они являются целью сами по себе и позволяют правителям ориентировать свои политические решения.

На этих убеждениях зиждилась институциональная и человеческая сплоченность Статистического управления. Она имела своим основанием профессиональный состав, в котором связи строились на общей вере в приоритет науки и замысла коллективного труда, дающего знание, стоящего на службе рационального государства. Корпус статистиков составляет структуру административного пространства, но не целиком перекрывает его, поскольку рядом с ним находится неквалифицированный персонал, который эту веру не разделяет. Тем не

менее именно статистики определяют основные направления в производственной деятельности этого управления и практические действия всех работающих в нем людей.

В период с февраля по октябрь 1917 года статистики, подобно экономистам и другим научным работникам, принимали непосредственное участие в работе Временного правительства, занимая посты министров и помощников министров³². После Октября они полагали, что могут продолжать служить государству и общественному благу, даже если не разделяют всю совокупность политических идей большевиков. Они полагали, что смогут играть роль просто арбитров в политике и давать советы руководителям, стоящим на службе у современного государства. Большевистские руководители разделяли вместе с ними веру в эффективность приложения научно-технического знания к управлению экономикой и обществом³³. Они знали некоторых из них, марксистов с давних времен, и могли считать их близкими людьми, если бы не были членами партии. Они им доверили, как и другим специалистам, вышедшим из прежнего строя, организацию центрального управления³⁴. Вынужденные обратиться к ним за помощью, они полагали, что смогут с ними сотрудничать, навязывая при этом свой собственный замысел. Вера в науку у новой власти давала статистикам основание считать, что они смогут поставить свою профессиональную компетенцию на службу такому замыслу без всяких возможных возражений. В этом-то и заключалось недоразумение.

Некоторые руководители, в особенности Сталин, уверовали в превосходство политики с начала первого же конфликта вплоть до отрицания любого познавательного действия, которое означало бы примат учреждения, претендующего на владение научной истиной, значимость которой стоит выше политических убеждений партии. В то время как руководители ожидали от них прежде всего поставки технических знаний и умений, статистики, напротив, стремились развернуть научное действие. Они основывались на знаниях, которые выходили за рамки простой статистической техники и внутренне вкрапывались в традиционное понимание мира с тенденциями универсализма. Это недоразумение было связано с двойственностью статуса Статистического управления в целом. Находясь в самом центре системы государственного управления, оно оказывалось на пересечении между миром знания и миром власти³⁵.

Таким образом, статистики видят в революции повод для осуществления научного, профессионального и политического замысла, за который они боролись до 1917 года. Это и вынуждает их фактически следовать правительственной логике, по меньшей мере, на протяжении первой половины 1920-х годов. Они разрабатывают средства качественного учета и осуществляют статистические опросы большого масштаба. Таким

образом они поставляют руководству картины, панорамы, которые оно использует для разработки социально-экономических мероприятий в духе, в ряде случаев далеко от выводов статистиков.

Уверенные в своих результатах статистики упорно противостоят политическому давлению, даже весьма сильному и угрожающему. Способ формирования этого ведомства отчасти служит тому объяснением. Судьбы института определяет группа людей, чувствующих солидарность друг с другом, прошедших дорогами ссылок и связанных между собой общей идеей статистики, представителей одного и того же поколения. В частности, они выступают против использования статистики, которое считают неправомерным. Их позиция усиливается тем фактом, что в рядах самих политических руководителей нет единства ни по поводу концепции взаимоотношений между политикой и статистикой, ни по поводу способов влияния на эти взаимоотношения. Некоторые из них, как и статистики, хотели строить современное государство, в котором управленческий аппарат обладал бы долей самостоятельности. Другие, напротив, считали, что успех их действий возможен лишь в условиях строгого контроля, и его необходимость они отстаивают в борьбе в рамках партии.

Но даже при такой сплоченности статистики не могут избежать того, что они сталкиваются с напряженными отношениями и формами давления, которые они стараются как-то уладить. Это заставляет их примириться с неприемлемым, в частности, с увольнением кое-кого из них, и допустить постепенное формирование, пусть косвенным образом, новой логики власти, новой солидарности, новых приемов утверждения легитимности. Это и послужит причиной постоянной нестабильности, характерной для 1930-х годов. Прочность этого профессионального коллектива оказывается частично поколебленной в результате давления со стороны поколения молодых малоквалифицированных работников, которые познакомились на собственном опыте только с напряжениями и острыми конфликтами двух первых десятилетий XX века, возникновение которых было исключительно хаотичным, пусть в той же самой статистической культуре.

Эпилог

Для рассмотрения вопроса о хлебофуражном балансе Политбюро собирается в первый раз 3 декабря 1925 года с участием Сталина, Бухарина, Каменева, Рыкова и Троцкого³⁶, затем во второй раз 10 декабря 1925 года, чтобы вновь продолжить рассмотрение «работы ЦСУ в области хлебофуражного баланса». В обсуждениях выступают Куйбышев, Яковлев (оба ответственных руководителя Рабоче-крестьянской инспекции), Цилько,

Струмилин и Попов, который со всем жаром защищает свою работу³⁷. Затем Политбюро принимает серию лаконичных решений:

«а) Согласиться в основном с выводами коллегии НК РКИ СССР по работе ЦСУ о хлебофуражном балансе;

б) Признать, что ЦСУ и т. Поповым как его руководителем были допущены крупные ошибки при составлении хлебофуражного баланса, сделавшие баланс [...].

в) Согласиться с постановлением коллегии РКИ о необходимости смены т. Попова на посту руководителя ЦСУ другим товарищем.

г) Поручить т.т. Рыкову и Куйбышеву в двухнедельный срок подыскать соответствующую кандидатуру и с заключением Оргбюро внести ее на утверждение Пб.

д) Предложить СНК СССР назначить временно исполняющим обязанности управляющего ЦСУ тов. Папковского.

е) Принять следующую основную директиву работникам ЦСУ: иметь в виду, что ЦСУ есть важнейшее научное учреждение Республики, цифровые данные которого имеют первостепенное значение для управляющих органов Республики, что от ЦСУ требуется точная, объективно научная, свободная от политических соображений работа, что всякая попытка подгонять цифры под предвзятое мнение будет рассматриваться как уголовное преступление»³⁸.

Таким образом, Попову приходится отвечать своей головой, хотя это решение, перегруженное угрозами, не будет приведено в исполнение немедленно. Совет Народных Комиссаров дождется 5 января, чтобы выполнить свое первое решение (о временном назначении Папковского). Несколько статистиков будут отстранены, но большинство останется в аппарате ЦСУ. Они будут продолжать выполнять свою профессиональную работу, не отказываясь от ее научных требований, оставаясь людьми, которые хорошо осознают возможность применять многие числа далеко не так, как требует их концепция. Первая страница оказалась перевернутой. Статистики осознали недоразумение.

II

Администратор и бюрократ

Будет буря

После того как непродолжительное время обязанности управляющего ЦСУ исполняет Пашковский¹, бывший заместитель Попова, 4 февраля 1926 года руководство принимает Осинский², подлинное имя которого было Валериан Валерианович Оболенский. Его назначение исполнено огромного смысла. Это означает, что управление намереваются прибрать к рукам политики. Осинский родился в 1887 году. Его отец, ветеринар, разделял радикальные идеи. В 1907 году, в двадцатилетнем возрасте, Осинский вступает в социал-демократическую партию. В Москве, а затем в Берлине он в течение двух лет изучает политэкономия. Как активно работающий большевик с длительным стажем, сразу же после Октября он становится во главе двух значительных экономических учреждений в новом государстве: Государственного Банка России и Высшего Совета Народного Хозяйства с момента его образования в декабре 1917 года. Он будет занимать два эти поста вплоть до марта 1918 года.

Будучи видной политической фигурой, он не был, однако, близок к Ленину. Он входил в состав группы «левых коммунистов»³ и руководил их печатным органом — журналом «Коммунист». Все эти люди были противниками подписания Брест-Литовского мирного договора⁴, сторонниками сильной централизации в экономике и национализации банков. По существу, они упрекали Ленина и Троцкого в том, что те пошли на неприемлемый компромисс с капитализмом⁵. Со своей стороны, Ленин ставил им в вину то, что они стали жертвами «детской болезни» левизны⁶. В этот период Осинский становится главным теоретиком государственного капитализма в России, превознося необходимость бескомпромиссных решений, например быстрой отмены денег. В 1920 году он становится председателем Исполнительного комитета Тульской губернии и членом коллегии одного из руководящих органов — Комиссариата продовольствия. В 1921–1923 годах он является заместителем председателя Высшего Совета Народного Хозяйства, затем на-

значается послом в Швецию в 1923–1924 годах. В 1925 году он становится членом президиума Госплана.

В отличие от Попова, он не обладал никаким опытом работы в области управленческой статистики, когда стал во главе ЦСУ. Его назначение было актом политическим в двояком плане: как старый большевик, он был гарантом действий со стороны человека аппарата, прекрасно знающего его пружинные механизмы, поэтому ему можно было доверять. Его профессиональная карьера — это карьера опытного управленца, привыкшего к постам политической значимости. Таким образом, он был не только человеком партии. В ключевой момент развития отношений между Госпланом и ЦСУ, которые становились все более и более напряженными в этот период, преимущество его кандидатуры состояло в том, что он был экономистом, а не статистиком, и входил в руководящую команду Госплана. Он, следовательно, предстает как человек, которой вполне мог служить связующим звеном между двумя этими учреждениями и поставить статистику на службу плановым направлениям советской экономики. В автобиографии, написанной в 1926 году, он, впрочем, уточняет, что был назначен на эту должность вопреки своему желанию, поскольку в то время был погружен в исследовательскую работу по сельскому хозяйству в зарубежных странах⁷. Быть может, также и его оппозиционная политическая позиция учитывалась как козырь, чтобы навязать ему новые формы работы в управлении, имевшем фрондерскую репутацию? Кроме того, поскольку он не принадлежал к составу статистиков, его нельзя было заподозрить в возможных тайных связях с ними. Во всяком случае, его приход в Статистическое управление знаменует собой действительно поворотный пункт в жизни этого учреждения, случившийся как раз перед самым концом нэпа и переходом к более управляемой и централизованной экономике, организованной на базе плана.

Первые же институциональные изменения, казалось бы, только подтверждают эти новые ориентации. Статистическое управление и орган планирования сближаются: в течение 1926 года многие члены Госплана входят в коллегию ЦСУ (см. табл. 3). Эта коллегия уже не представляет собой, в сущности, коллектива ответственных статистических работников, как было в начале 1920-х годов. В этом органе по надзору и определению основных направлений в производстве статистической продукции заседают представители других учреждений, активных потребителей цифровых данных. Тем не менее Осинский в силу своих личных качеств не идет послушно на поводу у Политбюро. Известный в партии своей идейной независимостью⁸, он не был бюрократом, исполняющим чужую волю, его деятельность внутри ЦСУ не была нацелена на избавление от всякого профессионализма, даже напротив. Осуществление миссии,

которая ему была доверена, то есть налаживания работы этого управления, оказывается очень непростым, комплексным делом, так как он тоже был привержен идее о подлинной самостоятельности Статистического управления и уважении автономии научных действий. Он верит в статистику как научную дисциплину, производящую истину. Как человек высокой культуры, он обращается к научному наследию, уходящему корнями в XIX век. Поэтому он создает руководящую команду, внутри которой критерием основополагающего выбора остается научная компетентность: в начале 1928 года половина его работников не были членами партии⁹. Примечательный факт: Осинский сохранил в должности своего заместителя Пашковского, верного соратника Попова на этом посту с октября 1918 года¹⁰.

В своей речи, произнесенной в ходе Всесоюзного статистического съезда в январе 1927 года¹¹, он, между прочим, отказывается ставить под сомнение компетентность статистиков ЦСУ. Напротив, он подчеркивает все богатство наследия дореволюционной русской статистики:

«[...] мы унаследовали от прежнего поколения точно так же большой багаж статистической культуры, который был выработан как, главным образом, земской статистикой, так отчасти — надо это констатировать — и другими статистическими организациями бывшей Российской империи. [...] Тут совершенно достаточно упомянуть хоть бы о наших исследованиях по урожайной статистике, которые несомненно являются лучшими в мире»¹².

Таблица 3

Члены коллегии ЦСУ при Осинском

Назначенные 11 мая 1926 года, вскоре после прихода Осинского	
Ф.И.О. и занимаемая должность	Из какого учреждения пришел
Трахтенберг Иосиф Адольфович (заместитель управляющего)	Госплан РСФСР
Красильников Митрофан Павлович (заместитель управляющего)	ЦСУ
Дмитриев Василий Федорович	Красная Армия
Смит-Фалькнер Мария Натановна	Институт красной профессуры
Пашковский Евгений Владимирович (заместитель управляющего)	ЦСУ
Волков Александр Михайлович** (до 16 ноября 1926 г.)	
Шишков Александр Матвеевич**	ЦСУ
Косиор Владимир Викентьевич (до 23 декабря 1926 г.)	

Последующие назначения до 1 марта 1928 года (уход Осинского)	
Ф.И.О. и занимаемая должность	Из какого учреждения пришел
Керженцев Платон Михайлович (12 августа 1926)	Министерство иностранных дел (посол в Италии)
Зейлингер Владимир Иванович (11 января 1926)	Госплан Украины
Крицман Лев Натанович (12 февраля 1926)	Госплан РСФСР
Смирнов Михаил Владимирович (24 февраля 1927)	
Черных Алексей Сергеевич (21 июля 1927)	
Немчинов Василий Сергеевич (7 сентября 1926)	Статистическое управление Урала
Обухов Владимир Михайлович (16 ноября 1926)	ЦСУ
Громан Владимир Густавович (12 февраля 1926)	Госплан РСФСР
Середа Семен Пафнутьевич (23 июня 1927)	ЦСУ
<p>Курсивом выделены фамилии лиц, остававшихся членами коллегии 1 марта 1928 года, в момент увольнения Осинского.</p> <p>* Протокол Политбюро от 29/4/1926, № 22, декрет Совета Народных Комиссаров СССР от 11 мая 1926 года, Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик, раздел II, статья 96.</p> <p>** Различные протоколы Политбюро и декреты Совета Народных Комиссаров. Даты в скобках соответствуют утверждению на Политбюро вступления в члены коллегии.</p>	

Начало его выступления было панегириком советской статистике, представленной наследницей российской статистики. Статистика урожайности, которая была, однако, изобретением Попова, прославлялась как одно из соцветий советской статистики. Он подверг критике организацию региональных и местных управлений, а также высказывался против того, что статистическую продукцию продолжают создавать слишком много управлений, то есть отсутствует монополия ЦСУ и недостаточна централизация в этой области. Преследуя сугубо организационные цели, эта критика фактически была повторением того, на чем Попов настаивал еще в 1918 году. Она ни в чем не затрагивала институциональную легитимность Статистического управления как научной организации, а также законность работы, выполняемой им до сих пор.

Как и его предшественник, Осинский встает на защиту руководимого им учреждения, как только оно начинает подвергаться новым нападениям. Например, 5 августа 1927 года он пишет Рыкову, бывшему тогда председателем Контрольной комиссии и Совета Народных Комиссаров, письмо, в котором защищает производимые его управлением исследования перед

лицом нападков, исходящих из Комиссии. Он отвергает разнообразные критические замечания, выдвинутые против ЦСУ различными политическими деятелями¹³. Затем он настаивает на проведении широкомасштабных статистических работ. Избранная им тактика защиты учреждения, по всей видимости, почти не претерпела изменений по сравнению с предыдущими годами.

Вместе с тем некоторые элементы более наглядно свидетельствуют о политической предопределенности прихода Осинского на пост главы Статистического управления. Прежде всего, речь идет о назначении второго заместителя управляющего, члена партии, явно для того, чтобы выполнять по преимуществу политические функции. Иосиф Адольфович Трахтенберг, профессор политэкономии из Москвы, занимает эту должность с 1 февраля 1926 года. Он сочетает университетское образование в области экономики с большевистским прошлым¹⁴. Очевидно, что он получил свое назначение не только потому, что был членом партии. Его образование в области права и экономики, полученное до 1917 года, сближает его в интеллектуальном отношении со многими статистиками из ЦСУ. Вместе с тем он удостоился доверия как член президиума Госплана, кто мог бы ускорить работу по сближению этих двух ведомств.

В 1927 году он уступает место другому члену партии — Платону Михайловичу Керженцеву, который тоже не был статистиком. Он родился в семье врача в 1881 году и учился на историко-филологическом факультете Московского университета. В 1904 году вступил в социал-демократическую партию и стал большевиком. После двух арестов в 1904 и 1906 годах он нелегально живет в России в течение шести лет, затем выезжает за рубеж, где остается вплоть до революции. Его опыт корреспондента «Правды» в Париже, начиная с 1912 года, служит ему добрую службу после его возвращения в Москву. 1 января 1918 года он назначается заведующим иностранным отделом «Известий ВЦИК», а затем становится заместителем главного редактора. С 1919 года до конца 1920-го он — ответственный руководитель РОСТА, советского информационного агентства. Параллельно он является членом коллегии Комиссариата просвещения с 1918 до конца 1920 года. Сфера его деятельности — идейно-политическая пропаганда. Знание иностранных языков составляет другой козырь для его карьеры. В конце 1920 года он поступает работать как дипломат в Комиссариат иностранных дел, затем назначается послом в Швейцарии и в апреле 1925 года послом в Италии. В 1926–1927 годах после возвращения в СССР он становится председателем редакционного совета издательского дома ОГИЗ, затем быстро переходит в ЦСУ в качестве заместителя управляющего в 1927–1928 году, прежде чем стать заместителем

заведующего агитационно-пропагандистским отделом ЦК в 1930 году¹⁵. Как человек, преданный партии, он занимает должности, на которых ему поручается следить за тем, чтобы к ее политической линии относились с уважением. Судя по всему, он не стремился вмешиваться в научные направления деятельности Статистического управления, оставляя эту область заботам Осинского.

Хлебофуражный баланс, объект конторля

Участие Осинского в спорах по поводу хлебофуражного баланса показывает, что он как личность оказался более вовлеченным в политическую борьбу, чем Попов. Не ограничиваясь только передачей цифровых данных властям, на основе их он делает также выводы, имеющие отношение к общим направлениям, перед выбором которых стоит страна. С момента его прихода в ЦСУ он формирует смешанную команду для разработки баланса. Он обращается к авторитетным экономистам и агрономам из Госплана: Громану, Вишневскому, прежним противникам Попова, к Кондратьеву, директору Института конъюнктуры при Комиссариате финансов, и к статистикам ЦСУ, завоевавшим авторитет своими работами, касающимися урожайности и продовольственного вопроса, — Обухову, Дубенецкому, Лосицкому и Михайловскому.

Аграрная проблема вновь потрясает Статистическое управление в конце 1927 года. Прогнозы, публикуемые ЦСУ по поводу сельскохозяйственного снабжения, вынуждают, согласно Осинскому, опасаться наступления глубочайшего кризиса. Ставка в анализе такого рода была основополагающей, поскольку аграрный вопрос будет определять коренной поворот в 1928–1929 годах, который приведет к отходу от нэпа, к сплошной коллективизации крестьянских хозяйств и форсированной индустриализации страны. Ритмы планируемой индустриализации, далеко выходящие за пределы возможностей страны, в действительности должны были достигаться за счет экспорта сельскохозяйственных излишков с целью получения капиталов, необходимых для финансирования инвестиций. Оценка этих излишков, таким образом, становилась вопросом первостепенной важности. Между тем структура хлебофуражного баланса в особенности легко поддается манипулированию в том, что касается запасов зерна, сохраняемых крестьянами. Оценка этих резервов оказывается тем более сомнительной, что крестьяне подозреваются в сокрытии их подлинной величины и утаивании этих запасов по причине чересчур заниженного уровня навязываемых цен и чересчур завышенного уровня цен на промышленные изделия и их дефицита¹⁶. Высокая оценка свободных запасов зерна позволяет планировать высокий уровень экспортных

продаж, а вследствие этого и более высокие темпы индустриализации. А contrario, у нее имеется и социальный подтекст: многочисленные насильственные действия, которым подвергаются крестьяне при изъятии у них зерна в количествах больших, чем они были способны поставить, включая и запасы, оставленные для посева.

Хлебофуражный баланс, по всей видимости, оказывается тогда единственным творением Статистического управления, которое привлекает наибольшее внимание политических руководителей страны, в частности членов Политбюро. Примечательно, что оно должно было одобрить комитет, созданный для оценки урожая¹⁷. Это новое образование свидетельствует о стремлении еще более усилить политический контроль над Статистическим управлением.

В период между сентябрем 1927 года и июнем 1928 года, когда проходил Пленум ЦК партии, на котором обсуждался вопрос об этих оценках¹⁸, разворачиваются ожесточенные споры. В балансе 1927–1928 года оценка запасов намного превышала действительные, впрочем, эти цифровые данные оспаривали члены экспертной коллегии ЦСУ. Осинский нервничает, начиная уже с сентября 1927 года, из-за иллюзорного характера оценок запасов, поскольку объемы зерна, собранного в закрома государства, остаются весьма далекими от того, чтобы подтвердить такой прогноз. Он вновь выражает свое беспокойство в декабре во время XV съезда партии. В длинном письме, адресованном Сталину и Рыкову 12 декабря, он подробно излагает свою точку зрения. Опираясь на точные сведения об уже собранном урожае, он отстаивает идею о необходимости повысить закупочные цены на зерно, чтобы побудить крестьян выбросить его на рынок в большем количестве. Он, кроме того, совершенно недвусмысленно выступает за продолжение нэпа, одним из самых пылких инициаторов которого он и сам был. Он не противится ускоренной индустриализации страны, но стремится обосновать утверждение о том, что она должна опираться на сбалансированное соотношение между ресурсами и инвестициями и что эти ресурсы могут исходить только из внутренних источников страны.

Его манера обращения к политическому руководству отличается от манеры Попова. Будучи сам человеком политики, он обращается к политическим руководителям доверительным образом. Так, например, в начале письма он уточняет:

«Излагаю вкратце, только для вас двоих, свои соображения о современном нашем экономическом положении, которые (соображения) не считаю возможным высказывать на партийном съезде по двум причинам: 1) открытое их высказывание могло бы подорвать нам кредит за границей [...] 2) выступление мое могло бы быть [в] нынешней политической обстановке понятым

как нападение на прежний состав ЦК, а между тем, по моему мнению, заниматься такими атаками есть дело весьма несвоевременное и вредное»¹⁹.

Таким образом, Осинский вносит изменения в способ поддержания отношений между Статистическим управлением и представителями власти. Вместе с тем он, именно как руководитель этого управления, подчеркивает в противоположность тому, что заявил Рыков: «Мы, наоборот, находимся в начале весьма глубокого хозяйственного кризиса, гораздо более сильного, чем осенний кризис 1923 года или весенние затруднения 1925 года»²⁰. Отмечая, что эти мрачные прогнозы основываются на статистическом изучении кривых, отражающих поступление зерновой продукции, он называет причины кризиса как результат ошибочной экономической политики: «а) низкие цены на хлеб и б) недостаток ходовых в деревне товаров, продаваемых по невысоким ценам». И добавляет: «Я трижды (в январе 1927 г. в ПБ, летом 1927 г. на одном из пленумов ЦК и в начале осени 1927 г. по докладу т. Микояна о плане хлебозаготовок в ПБ) указывал товарищам, что цены на хлеб надо повысить»²¹.

Осинский продолжает заострять внимание на недостатках социально-экономической политики по отношению к крестьянам. В частности, он со всей остротой описывает «кризис сборов пожертвований», после чего с ноября 1927 года последовало быстрое сокращение поставок сельскохозяйственной продукции.

Таким образом, он совершенно четко ведет себя как политический деятель, вовлеченный в общее экономическое управление страной более активно, чем Попов, и не ограничивается только тем, что подчеркивает научную обоснованность своих соображений. По-своему в весьма ответственной манере он доводит их только до сведения Сталина и Рыкова, чтобы обратить их внимание на проблему, которую он считает очень серьезной. Вместе с тем он высказывается с наименьшей ясностью и продолжает выражать большое доверие к числовым данным, разработанным управлением, которое он возглавляет, чтобы обосновать свой анализ.

Приход этого политического деятеля, таким образом, не внес значительных изменений ни в деятельность ЦСУ по отношению к политической власти, ни в его способ самозащиты. Статистики продолжают выступать сплоченными рядами перед лицом нападков со стороны политических деятелей, стоящих у руля власти. Профессионализм учреждения признается и защищается Осинским. Научный характер его работы вновь находит свое подтверждение, чем и объясняется тот факт, что по своему профилю статистики, поступившие на работу в 1927 и 1928 годах, существенно не отличаются от тех, кто пришел на работу после революции. Вместе с тем два важных изменения все же были осуществлены: сближение с Госпланом и изменение характера отношений между управлением и политическим руководством.

Отстранение Осинского

Осинский был снят с поста руководителя ЦСУ 1 марта 1928 года²². Это произошло незадолго до состоявшегося в апреле Пленума ЦК, который стал определяющим в отходе от нэпа и в установлении безраздельной власти Сталина²³. Именно с этого момента речь идет о том, чтобы утвердить и широко распространить чрезвычайные меры по изъятию зерна у крестьян, начатые в январе 1928 года. Статья 107 уголовного кодекса РСФСР, нацеленная против спекулянтов и скупщиков, начинает в это время в массовом порядке применяться против крестьян. Эти меры, противоречащие анализу Осинского, ясно означают отказ от нэпа и переход к полностью централизованной командно-административной продовольственной политике. В ходе Пленума ЦК, который проходил с 4 по 12 июля 1928 года, Осинский станет одним из главных противников линии, навязываемой Сталиным. Однако отстранение Осинского от руководства Статистическим управлением уже лишило его возможности легитимно использовать научную аргументацию, построенную на статистических данных, которыми он располагал.

Владимир Павлович Милютин, который тоже был большевиком с большим стажем, заменяет Осинского со 2 марта 1928 года²⁴. Он входит также в состав Совета Труда и Оборона, политического органа, от которого зависит Госплан. Он являет собой другой тип кадрового партийца, занимавшего главным образом политические посты.

Милютин родился в 1884 году в семье сельских учителей Курской губернии России, вступил в социал-демократическую партию в 1903 году и стал сторонником меньшевиков. В 1910 году он становится большевиком. После Февральской революции 1917 года он находится в Саратове, где становится председателем местного совета²⁵. В конце мая на Петроградском съезде он избирается в состав Центрального Комитета партии. В начале 1918 года в течение нескольких месяцев занимает пост народного комиссара земледелия, затем становится заместителем председателя Высшего Совета Народного Хозяйства с сентября 1918 по 1921 год. Будучи сторонником сильной централизации экономики, он играет заметную роль как заместитель А.И. Рыкова²⁶, в ту пору председателя ВСНХ. До революции Милютин получил высшее экономическое образование в Московском коммерческом институте, широко известном в этой области²⁷. С 1922 по 1924 год он занимает чисто политический пост представителя Коминтерна в Австрии и на Балканах. После возвращения в СССР становится членом коллегии комиссариата Рабоче-крестьянской инспекции с 1924 по 1927 год. Параллельно с 1925 по 1927 год он является также заместителем председателя Коммунистической академии²⁸.

Его переход в Рабоче-крестьянскую инспекцию, по всей видимости, оказался решающим в последующем назначении главой ЦСУ. Как член его руководящего органа в ходе различных контрольных проверок, объектом которых оно стало в 1924–1925 году, он хорошо знал функциональные особенности и характер работы этого управления, хотя и наблюдал за ними, главным образом, в политическом плане. Рабоче-крестьянская инспекция вновь предстает как ключевое учреждение власти, которое Сталин использует для контроля и манипулирования управленческим аппаратом. Приход Милютина усиливает установление бюрократической формы управления административным аппаратом, но в еще большей степени демонстрирует новую стратегию управления политическими конфликтами. С этого момента Сталин использует верных ему людей, которые участвовали в кампаниях критики управленческого аппарата и сообщали, например, в Рабоче-крестьянскую инспекцию цифровые данные, соответствующие сталинским установкам на тот момент и противостоящие данным ЦСУ.

Так, Милютин берет слово в ходе работы апрельского пленума 1928 года, чтобы отстоять цифры, посредством которых зерновые запасы крестьян переоцениваются. Стиль его выступлений резко отличается от основательного и обдуманного характера речей Осинского. Научная аргументация полностью оказывается подчиненной политической линии, а способ подачи аргументации напоминает о том, что она прошла через Рабоче-крестьянскую инспекцию.

Тем не менее приход Милютина не изменяет глубоко организацию Статистического управления. Например, вновь назначенная коллегия управления почти не отличается от своей предшественницы²⁹. Вместе с тем заметные перемены происходят в процессе назначения заместителей управляющего. В то время как в начале 1928 года их было только два, один — член партии, Керженцев, а другой — статистик Пашковский³⁰, то теперь их стало три. Остался Пашковский, уже достигший шестидесятилетнего возраста, поэтому близкий к уходу на пенсию, и два представителя молодого поколения — Отто Юльевич Шмидт, родившийся в 1891 году, член партии, математик, астроном и географ, и Лев Натанович Крицман, 1890 года рождения.

Шмидт является ученым-партийцем. Когда он пришел в ЦСУ, он уже был профессором Московского университета с 1923 года. С 1921 по 1924 год он руководит государственным издательским обществом, Госиздатом, а потом становится главным редактором «Большой Советской Энциклопедии» с 1924 по 1941 год. Он является также членом Центрального Исполнительного Комитета СССР. Вместе с тем, по всей видимости, его собственная роль в его скоропалительном переходе в ЦСУ, которое он оставляет в 1929 году³¹, была минимальной. Совсем

иной случай представляет собой Крицман. С 14-ти лет разделяя позиции меньшевиков, он уехал за границу, где находился вплоть до Октябрьской революции. В течение этих лет, проведенных за пределами страны, он изучал химию в университете Цюриха³². По возвращении в Россию в начале 1918 года он переходит на позиции большевиков и занимает руководящие должности в двух ключевых учреждениях — в Высшем Совете Народного Хозяйства и в комиссии, которая затем станет Советом Труда и Оборона. В 1921 году он становится членом Президиума Госплана, а с 1923 года — членом редакционного комитета газеты «Правда». Позже занимает различные административные должности в научных институтах, созданных новой властью, является членом Президиума Коммунистической академии с 1923 года, директором Сельскохозяйственного института Коммунистической академии в 1928 году, директором Института экономики при Академии наук РСФСР. Возглавляя группу марксистов-аграриев, руководит работами по исследованию процессов социально-экономической дифференциации в сельском хозяйстве³³ и поэтому оказывается в центре дискуссий по аграрному вопросу и вопросу о социальном расслоении³⁴ в деревне. Таким образом, он вполне подходил для назначения членом коллегии ЦСУ в конце 1926 года, когда там полным ходом шли дискуссии о методе построения хлебофуражного баланса, о качестве критериев и результатов оценки урожая. Наконец, его должность заместителя председателя Госплана с 1925 года была козырем для ускорения сближения между ЦСУ и Госпланом перед принятием первого пятилетнего плана³⁵. Это сосредоточение функций директора или верховного администратора научных институтов, имевших стратегическое значение для экономической политики, проводимой большевистскими руководителями, характерно для движения партийных интеллектуалов такого типа. Их использовали, поскольку они были политически преданными и обладали организаторскими способностями.

Подчинение статистики плану?

В 1929 году при Статистическом управлении создается Экспертный совет, в состав которого, в частности, входит Кржижановский, в то время председатель Госплана. Тогда вопрос о координации работы между этими двумя ведомствами вновь ставится в повестку дня для обсуждения в Совете Народных Комиссаров и Политбюро. В конце года Милютин, Кржижановский и Каганович представили совместный проект, разработанный единой коллегией, объединяющей ЦСУ и Президиум Госплана, «имея в виду необходимость увязки работы этих двух органов»³⁶. Вместе с тем принятие решения несколько раз откладывалось, что свидетельствовало о трудностях, вызванных

проектом. Сам Молотов посчитал необходимым для себя заняться этим делом и предложил текст, который более точным образом определял взаимоотношения между этими двумя учреждениями. Хотя этот документ и устанавливает средства координации, он, тем не менее, подчеркивает следующее: «Сохранить ЦСУ СССР и ЦСУ союзных республик как самостоятельные Наркоматы, с решающим голосом в СНК и СТО, назначив управ. ЦСУ СССР зам. Пред. Госплана». Часть членов коллегии Статистического управления должна войти в состав Президиума Госплана.

Но, очевидно, таким способом не удалось разрешить конфликт, и поэтому принятие хотя бы какого-то решения опять откладывается. Наконец, 20 декабря 1929 года Политбюро принимает решение утвердить резолюцию председателей Совета Народных Комиссаров и Совета Труда и Оборона СССР: Статистическое управление входит в состав Госплана и становится подразделением этой администрации. В начале 1930 года Милютин на посту заведующего подразделением, которое теперь называется Сектор экономической статистики Госплана, заменяет Сергей Владимирович Минаев, молодой партийный управленец. Он родился в Одессе, на Украине, в 1900 году, получил среднее коммерческое образование в Николаеве и вступил в члены партии в 1918 году. После того как он работал в качестве председателя исполнительного комитета города Таганрога в 1920–1921 годах, затем в течение двух лет работал в Харькове в 1922–1924 годах, в 1925 году он становится заместителем заведующего Статистическим управлением Украины и заместителем председателя Госплана Украины. Таким образом, на этот раз к руководству сектором статистики и экономики Госплана СССР пришел партийный выдвиженец, уже привыкший работать в условиях сближения этих двух ведомств.

В результате этой реформы статистика утрачивает свой институциональный статус, финансовую автономию и особое место, став полностью зависимой от руководства Госплана. Кроме того, руководящая коллегия сектора имеет в гораздо большей мере политический профиль по сравнению с тем, что было до тех пор. Только два ее члена из одиннадцати не состоят в партии. Она подвергается также радикальному омоложению, так, например, шесть ее членов стали работниками учреждения в 1930 году³⁷ и только один, Василий Немчинов, работал в ЦСУ еще в начале 1920-х годов.

Эту управленческую реформу можно было бы истолковать как положившую конец самостоятельной истории статистики в СССР, как окончательное преобразование статистического управления в счетный придаток для планирования. Однако личностные и институциональные факторы продолжают действовать, поглощение управления и смена руководства оказываются недостаточными для создания нового учреждения, обладающего стабильными функциями.

И действительно, нападки в 1930 году меняют свою направленность, они нацелены на работников планирования. Обвинение, выдвинутое против Кондратьева в рамках процесса над «крестьянской трудовой партией», было связано с экономическими прогнозами, сделанными Институтом конъюнктуры Комиссариата финансов. Процесс привел также к включению в список обвиняемых Громана, который работал в Госплане и был членом коллегии ЦСУ. Против Зейлингера, бывшего в прошлом работником Статистического управления и старым членом его коллегии, также было выдвинуто обвинение³⁸. Оценочные прогнозы урожайности вновь оказываются лежащими в основе и этих обвинений. Глубокий сельскохозяйственный кризис 1928–1929 годов приводит к тому, что Молотов со всей резкостью выдвигает против Громана обвинения в занижении уровня урожая 1929 года. Милютин не становится на его защиту³⁹. Его переход в Рабоче-крестьянскую инспекцию ослабляет учреждение, до того времени способное к твердому противостоянию.

Работы, выполненные группой Громана, подвергаются ожесточенной критике. А он сам был даже арестован. После того как он был «свидетелем обвинения» в ходе процесса по делу Кондратьева, он сам становится одним из обвиняемых по делу «партии меньшевиков». На этот раз ему вменяется в вину не столько подготовка неточных статистических данных, сколько неверный анализ в категориях экономического прогнозирования. А бывшие меньшевики, которые были работниками Госплана, оказались затронутыми в первую очередь.

Но дает ли это повод для утверждения, что статистический сектор вновь обретает более значимую автономию, поскольку Госплан сам оказывается отнюдь не в безоблачной зоне? 16 декабря 1931 года, год спустя после процессов по делам Кондратьева и Громана, создается новое статистическое управление — Центральное управление народнохозяйственного учета СССР при Госплане (ЦУНХУ). Этот орган вновь получает значительную финансовую и организационную самостоятельность и имеет намного больше работников по сравнению с эфемерным статистическо-экономическим сектором. Вместе с тем стоит обратить внимание на то, что слово «статистика» исчезло из его названия⁴⁰. Минаев остается руководителем лишь в течение короткого времени. 11 января 1932 года Осинский возвращается к руководству этой организацией⁴¹, а Минаев становится одним из двух его заместителей вместе со статистиком-экономистом Станиславом Густавовичем Струмилиным. Этот последний родился в 1877 году в дворянской семье, вступил в социал-демократическую партию в 1903 году и стал меньшевиком в 1906 году. Он остается членом партии меньшевиков вплоть до 1920 года, а в партию большевиков вступает в 1923-м. Этот человек, некогда активный политический деятель, получил высшее статистичес-

кое образование в Петрограде в период с 1908 по 1914 год, когда там преподавал Александр Чупров.

Струмилин руководил Статистическим управлением Главного топливного комитета в 1916 и 1917 годах, статистическим подразделением Комиссариата труда в Петрограде в 1918 и 1919 годах, затем статистическим подразделением Комиссариата труда в Москве вплоть до 1921 года. С апреля 1921 года он является членом президиума Госплана. Его двойное образование экономиста и статистика и его опыт в планировании объясняют его назначение в качестве заместителя Осинского в 1932 году.

Любопытно, что новое учетное управление целиком остается похожим на прежнее ЦСУ. Назначение Осинского идет параллельно с усилением веса статистиков в аппарате управления, а личность нового руководителя вновь придает реальный авторитет учреждению. Разрабатывается проект проведения переписи населения, который предусматривается осуществить в 1933 году.

Это спокойствие длится, однако, очень недолго. 16 декабря 1932 года Политбюро вновь нападает на работу нового Статистического управления⁴², обвиняя его в том, что оно совершило «ряд грубейших политических ошибок». Ему в вину вменяются одновременно обнародование тенденциозных цифровых данных, отражающих заниженный уровень потребления трудящихся и объем сбора урожая 1932 года, а также заниженное выполнение пятилетнего плана (который, согласно Статистическому управлению, был выполнен только на 78%, а не на 100%). Эти ошибки объясняются буржуазными пережитками, присутствующими этому управлению. Политбюро направляет выговор в адрес Осинского, но не увольняет его, а предписывает ему следить более внимательным образом за работой его ближайших сотрудников. Минаев также получает строгий выговор как ответственный за оценку уровня выполнения задач пятилетнего плана и оказывается уволенным. Редактор бюллетеня Статистического управления, обвиненный в публикации ложных данных, также получает строгий выговор с предупреждением, как и заместитель заведующего сельскохозяйственным сектором, «давший для публикации тенденциозные данные об урожае в 1932 году». Первый отстраняется от должности члена коллегии Статистического управления. Статистик Немчинов, которого посчитали ответственным за неверные цифры сбора урожая, также оказывается уволенным. Наконец, принимается решение о проведении еще одной контрольной операции. Межлауку, заместителю председателя Госплана, Антипову, заместителю комиссара Рабоче-крестьянской инспекции, и Ежову⁴³ поручается провести проверку личного состава управления и «очистить его от чуждых советской власти элементов»⁴⁴.

И вдобавок ко всему, Осинский был поставлен под прямой политической контроль посредством назначения Ивана Краваля в качестве помощника управляющего. Он до этого был заместителем наркома труда, одним из инициаторов введения паспортов в 1932 году⁴⁵. До того времени его продвижение по линии образования и профессиональная карьера были тесно связаны с его членством в партии. По происхождению из крестьянской семьи, он вступил в члены партии в возрасте двадцати двух лет в 1919 году и в то же время поступил на учебу в Высшую партийную школу Витебской области. С 1922 по 1924 год он оканчивает свое образование в качестве учащегося Института красной профессуры в Москве. Затем входит в Высший Совет Народного Хозяйства, в котором руководит отделом экономики труда в период между 1926 и 1928 годами и является членом его президиума с 1928 по 1930 год, когда становится заместителем наркома труда. Его приверженность Сталину не подвергалась ни малейшему сомнению. А.С. Попов⁴⁶ назначается заместителем заведующего по кадрам⁴⁷.

Эта совокупность мер как будто бы повторяет меры, принятые в 1926 и 1928 годах. Вместе с тем на сей раз решения Политбюро идут значительно дальше. Впервые Статистическому управлению и Госплану, находящемуся под контролем со стороны ГПУ, отдается приказ больше не публиковать собранные данные. А те управленцы, которые этот запрет нарушат, будут за это нести уголовную ответственность. Им приказано обеспечить «полную секретность разрабатываемых материалов»⁴⁸. Текст решения предписывает также «обязать Пред. Госплана СССР и нач. ЦУНХУ привлекать к уголовной ответственности с предварительным арестом лиц, уличенных в разглашении каких-либо цифр или материалов в Госплане»⁴⁹. Устанавливается статистическая секретность. И более того, ГПУ поручается контролировать соблюдение этих решений.

Этих решений, тем не менее, окажется недостаточно, чтобы превратить статистическое управление в послушного производителя заказных цифр, соответствующих ожиданиям Сталина или Молотова. Эта последовательность в осуществлении усилий с целью скрыть истину не сможет противостоять надвигающейся катастрофе, достигшей своего пароксизма в апреле 1933 года, то есть наступлению великого голода, который охватил СССР, а статистики подводили его итоги.

Великий голод

1928 год, ставший переломным в процессе установления Сталиной своей всеобъемлющей диктатуры, ознаменовал собой также и начало самого драматического провала в советской политике, приведшего к голоду 1933 года. Коллективизация сельских хозяйств,

не принимаемая огромной массой крестьян и проводящаяся силой, привела, в частности, в 1930 году к аресту, высылке и казни сотен тысяч крестьян. Крестьянский мир оказался вследствие этого глубоко дезорганизованным, а драматически низкий сбор урожая в 1931 году вызывает острейший голод в стране. Но, чтобы выполнить задачи пятилетнего плана, Сталин принимает решение сохранить и даже увеличить размеры экспорта пшеницы, чтобы обеспечить стране валютные поступления, необходимые для индустриализации. Таким образом, он отказывается принимать в расчет факт снижения объема сбора урожая и настойчиво продолжает требовать изъятия зерна в таких значительных количествах.

Летом 1932 года первые показатели в оценке урожая оказываются явно ниже намеченных планом. Руководители партии Украины и Северного Кавказа понимают, что невысказано будет добиться выполнения плана, и в период с августа 1932 года по март 1933 года требуют внесения корректив. В ответ Сталин и Молотов разворачивают кампанию по разоблачению элементов, враждебно настроенных к советской власти, — кулаков и решаются на репрессивные меры, аналогичные тем, что принимались в начале коллективизации: высылка крестьян, насильственное изъятие урожая и семенного запаса и т.д.⁵⁰ Несомненно, что в середине лета 1932 года Молотов предчувствовал затруднения, но его колебания, как и колебания Сталина, продолжались недолго.

Голод заявляет о себе на Украине, на Северном Кавказе, на Нижней Волге и в Казахстане весной 1933 года и достигает кульминации в апреле. Он поражает с невиданной до тех пор силой не только эти районы, но и всю территорию СССР. Правда, в этот момент Политбюро решает наконец направить в деревню дополнительные семена для посевов, однако в его намерения входит прежде всего обеспечение следующего урожая, а не удовлетворение продовольственных нужд населения. Принимается множество решений, которые ограничивают перемещения крестьян, бродящих в поисках пищи. Человеческие потери оказываются огромными: на всей территории СССР от голода умерли приблизительно 6 миллионов человек. Смертность в ряде районов Украины возросла в десять раз за несколько месяцев. Этот кризис оказался особенно разрушительным, поскольку его жертвами стало ослабевшее население, которое уже с 1918 года страдало от недоедания и даже голода в ряде районов⁵¹.

Эта человеческая драма скрывалась властями, в результате страна не получала никакой международной помощи. Практически было запрещено употреблять слово «голод» в официальных выступлениях того периода.

Напротив, демографы Статистического управления вели регистрацию этой катастрофы из месяца в месяц, конечно, без

должной точности, но уверенно. Разумеется, отделы актов гражданского состояния (ЗАГСы⁵²) с трудом справлялись со своими обязанностями в районах, где катастрофа получила наибольший размах, и, тем не менее, они продолжали регистрировать смерти и рождения и направлять эти сведения в службу Статистического управления, занимающуюся вопросами демографии. В этой службе, таким образом, оказались сосредоточенными реальные научные доказательства, менее всего вызывающие сомнения, о масштабах этого голода. Михаил Вениаминович Курман, в то время руководивший сектором статистики населения, составляет таблицы, отражающие размах катастрофы от региона к региону. Таким образом, он собирает бесспорные доказательства драмы, которую трудно отрицать. Она сказалась на численности населения и нашла отражение при регистрации актов гражданского состояния.

Статистика как доказательство⁵³

С 1933 года не только недостатки и искажения в регистрации гражданского состояния, но и перемещение и потери населения, связанные с коллективизацией, делают затруднительной любую прогнозическую работу, даже простое описание, тем не менее необходимую для разработки планов. Статистики сталкиваются с противоречивыми требованиями со стороны государства, которое настаивает на точных числовых данных, необходимых для подготовки пятилетних планов, но в то же время отказывается признавать со всей очевидностью реальность и размах в движении населения. С. Каплун, заведующий сектором статистики населения и здравоохранения Статистического управления, сталкивается с этой дилеммой с мая 1933 года, когда собирается комиссия для подготовки второго пятилетнего плана и выработки прогнозов численности населения⁵⁴. Институт экономических исследований Госплана должен был разработать соответствующие проекты в сотрудничестве со Статистическим управлением. Представители последнего в составе комиссии, Каплун и Сикра⁵⁵, подчеркивают низкое качество числовых данных, которыми они располагают, «огромнейшую мобильность населения, затрудняющую приведение в соответствие данных о родившихся и умерших с той массой населения, к которой они фактически относятся», и «ослабление руководства загсами со стороны местных исполкомов, выразившееся в отсутствии ответственных лиц в областях и районах, отсутствии инструктажа, подбора работников ЗАГС и пр.»⁵⁶ Они делают вывод, что нет никакой возможности дать такие прогнозы, и неодобрительно относятся к решению руководителя комиссии сделать это несмотря ни на что.

Первые решения, в которых нашел отражение зарождающийся конфликт, были приняты Политбюро 20 февраля 1934 года.

Тогда оно потребовало, чтобы комиссии партийного и советского контроля провели проверку рождаемости и смертности в регистрациях актов гражданского состояния за 1933 год и внесли поправки в заниженные данные о регистрации⁵⁷. Этот выпад был связан прежде всего с экономической стороной вопроса. И в самом деле, речь шла об оценке производственных факторов. Вопрос был также прямым следствием голода 1933 года. Перед лицом данных по гражданскому состоянию, которые давали руководящим инстанциям более чем очевидное объяснение демографической катастрофы, ответ, имевший исключительно политический смысл, ставил в положение обвиняемого Статистическое управление и под сомнение — собранные им данные.

По всей видимости, политические руководители стремились навязать статистикам свое собственное видение страны, не давая им при этом никаких указаний относительно того, как подгонять их данные под этот образ. Подозрения были вызваны, однако ответ не мог исходить от самих статистиков.

В начале марта 1934 года на места была направлена специальная комиссия для проведения контроля регистраций, в состав которой входили члены сектора статистики населения Статистического управления и комиссий советского и партийного контроля. Она привела в действие классические, но точные контрольные средства, заключающиеся в том, чтобы сопоставить данные о смертности и рождаемости, зарегистрированные в актах гражданского состояния, с результатами опроса, проведенного среди населения ряда территорий для определения числа умерших и родившихся за последние годы. Места, выбранные для этих опросов, четко свидетельствуют о знании статистиками последствий голода 1933 года: речь шла о районах, больше всего пострадавших от голода, в частности на Украине и в Республике немцев Поволжья. Отчеты о результатах этих контрольных мероприятий ни в коей мере не скрывают размах трагедии 1933 года, хотя слово «голод» встречается лишь один раз. Намеки в более чем достаточной степени ясного характера не оставляют почти никакого сомнения относительно истолкования, которое дают всему этому статистики.

Так, 21 марта 1933 года Курман сообщает Каплуну:

«Специальное обследование, проведенное в сентябре и ноябре 1933 г. по поручению Крайкома ВКП(б) в Павловском, Медвеженском, Краснодарском и Обливском районах, установило также большой недоучет смертей. Так, например, по Кавказскому (?) району фактическое число смертей превышало зарегистрированное примерно в два раза. Приблизительно то же в других районах. Сообщения Райинспектур в других районах НХУ дают по большинству районов недоучет смертей в 50, 60 и даже 80%. (Материал в виде сводной таблицы имеется у председателя КСЖ тов. Левина)»⁵⁸.

В итоговом примечании от 31 марта 1934 года, скорее всего предназначенном Кравалю, Каплун в совершенно ясных категориях, хотя и с некоторым замешательством объясняет причины наблюдаемого роста смертности и падения рождаемости:

«Из всего сказанного выше по Украине видно, что динамика естественного движения населения, в особенности смертности, дает поразительно закономерную картину как по месяцам, так и по географии и типам населенных мест, целиком корреспондирующую с известными нам данными о явлениях, происходивших в конце 1932 и 1933 г.г. на Украине»⁵⁹.

Курман излагает точно такую же аргументацию в длинной записке, датированной 4 апреля 1934 года, которую он направляет Кравалю: «Обращает на себя внимание то обстоятельство, что не хватило книг учета смертей. Не было ни одного случая недостатка книг записи рождений. Вполне вероятно, что нехватка книг учета смертей в этих сельсоветах была вызвана повышением в них в 33 г. смертности»⁶⁰. Наконец, он отмечает, что «по ряду сельсоветов обследователями установлено наличие негласных указаний, чтобы в случае заявления родственников умершего о том, что причиной смерти был голод, писать “источение” (Республика немцев Поволжья), либо “не известно” (Украина)»⁶¹. И он делает вывод, не допускающий ни малейшей двусмысленности, что, «таким образом, обследованием выявлен сравнительно незначительный переучет смертей и очень большой их недоучет»⁶².

В длинном ответном письме, адресованном в апреле 1934 года Кагановичу и Куйбышеву⁶³, Краваль повторяет положение, которое он всегда выдвигал:

«Прекращение регистрации в книгах ЗАГС вызывалось тем, что этих книг не хватало при массовых смертях. Комиссии, создаваемые сельсоветом, имели своей первой целью убрать трупы и их похоронить. Задача же учета смертных случаев, естественно, являлась для них второстепенной. [...]»

И, наконец, считаю необходимым указать, что, несмотря на все бесспорные дефекты первичного учета смертей и рождений в сельсоветах, дефекты, главным образом лишающие эти записи их огромного государственного значения, даже конъюнктурные данные 1933 г., при всей их указанной выше неполноте, бесспорно своевременно и достаточно чутко отражали основные процессы, происходившие в движении населения в связи с экономическими процессами, имевшими место в 1933 году»⁶⁴.

Краваль не скрывает подлинные масштабы кризиса и подчеркивает его последствия. Невозможность напрямую сказать о некоторых фактах или описать их вынуждает его прибегать к косвенным методам изложения, хотя в своей основе это ниче-

го не меняет. Такая позиция, основанная на подозрении, сохраняется в контексте конфликтных отношений с комиссиями вплоть до выхода на сцену НКВД в июне 1934 года.

Вместе с преобразованием ГПУ в НКВД СССР и расширением полномочий комиссариата Политбюро вводит элемент напряженности между управлениями, который меняет поле полемики. В самом деле, с момента своего создания 10 июля 1934 года НКВД оказывается непосредственно включенным в дело⁶⁵, так как ответственность за регистрацию актов гражданского состояния (рождений, смертей, браков и разводов) также была вменена ему в обязанность⁶⁶. В его составе был создан отдел записи актов гражданского состояния⁶⁷.

Ответственные за предварительный сбор данных работники НКВД вносят полицейскую логику в происходящий конфликт. Строя свои суждения на том факте, что несколько смертельных исходов были просчитаны по ошибке дважды, они стремятся поставить под общее сомнение значимость собранных статистических данных, не внося при этом в них никаких корректив. Они даже приходят к выводу, что количество рождений было, несомненно, занижено, а число смертных случаев завышено:

«В процессе реорганизации Загсов в сельских советах Отделом Актов Гражданского Состояния НКВД выявлены вопиющие факты преступно-небрежной и прямо вредительской работы заведших в некоторых сельсоветах антисоветских элементов.

Во многих сельсоветах обнаружена попытка путем всяческих махинаций создать впечатление о вымирании населения в СССР. [...]

Органы же УНХУ бесконтрольно и без всякой проверки пользовались искаженными данными и делали по ним неверные выводы»⁶⁸.

Тем не менее Краваль не отступает. Он пишет Ягоде, в то время народному комиссару внутренних дел, хорошо иллюстрируя факт смещения центра конфликта, разворачивающегося между этими двумя управлениями. Он критикует работу отделов записи актов гражданского состояния, чтобы защитить свое собственное учреждение. Делая это, он непосредственно атакует сам НКВД. Он подчеркивает, что Статистическое управление неоднократно обращалось в исполнительные комитеты различных республик с жалобами по поводу недостаточного охвата территории отделами ЗАГС. И ко всему еще он показывает, что невозможно переоценить число смертей⁶⁹.

Контрольные комиссии становятся на сторону НКВД и перекладывают всю ответственность на Статистическое управление. Вместе с тем, за неимением конкретных аргументов, они, как и в середине 1920-х годов, возлагают вину на социально-поли-

тические позиции личного состава Статистического управления. В пространном заключении они указывают, что группой, занимавшейся процессами движения населения, руководила «беспартийная Сифман»⁷⁰, которая «[...] ведет антисоветскую агитацию», заявляя, «что в СССР ухудшается положение трудящихся, с каждым годом увеличивается смертность и уменьшается рождаемость населения в СССР (по данным НКВД)»⁷¹. Вслед за этим подчеркивается отсутствие коммунистов в составе Статистического управления:

«Руководство всей работой по учету населения фактически осуществляет заместитель начальника сектора т. Курман, кандидат в члены партии. Несмотря на явную порочность сводных цифр, которыми ЦУНХУ оперирует, он, вместо того чтобы относиться к этим цифрам критически и добиваться улучшения постановки дела первичного учета, считает выведенные его сектором цифры правильными и противопоставляет их цифрам, названным т. Сталиным на XVII съезде партии. [...]

Еще больше неблагополучие в бюро переписи населения. Возглавляет это бюро Квиткин, беспартийный, б. дворянин, с 1904–08 г. был в РСДРП. О Квиткине НКВД сообщает, что он «распространяет слухи о резком уменьшении населения в Союзе, шельмуя цифры населения, приведенные т. Сталиным на XVII съезде партии». В этом же бюро работает консультант Успенский⁷² — сын служителя культа, антисоветски настроенный (по данным НКВД). Там же работают Флоринская⁷³ (консультант) — дочь служителя культа, Успенская (старший статистик — дочь служителя культа), Леонтьева (старший статистик — дочь купца), Неслуховский (начальник секции), бывший дворянин, Гибшман (старший консультант), бывший дворянин, вычищался при чистке соваппарата по первой категории.

Таким образом, важнейшее дело подготовки переписи населения 1936 года находится в руках чуждых людей, во главе с упомянутым Квиткиным.

Вместе с тем необходимо заметить, что вообще в аппарате ЦУНХУ из 300 с лишним основных работников (экономисты и выше) имеется около 50 чел. выходцев из чуждой среды (дворян, служителей культа, торговцев и т.д.)»⁷⁴.

Этот текст ясно показывает, что в 1935 году были налицо все элементы, которые в дальнейшем будут использованы для обоснования чисток в аппарате статистики с марта 1937 года. Это — осуждение несоответствия между заявлениями Сталина на XVII съезде партии и цифровыми данными, представленными Статистическим управлением; констатация демографических тенденций, которые не соответствовали официальным теориям об увеличении численности населения СССР и росте рождаемости; наличие в управлении «специалистов социально

чуждого происхождения». В НКВД уже были также заведены дела, содержавшие документы о враждебных настроениях и антисоветизме.

Незавершенное разрешение конфликта

Этот конфликт вокруг цифр, отражающих численность населения, казалось, нашел форму разрешения, когда Политбюро 2 июля 1935 года приняло постановление о создании комиссии в составе Ягоды, Ежова и Кравалья для подготовки декрета о переписи населения и расчете естественного движения населения⁷⁵. 28 июля Краваль назначается главой Статистического управления вместо Осинского⁷⁶. Наконец, 21 сентября Политбюро одобряет декрет, посвященный подсчету естественного движения населения⁷⁷; способ разрешения этого конфликта вскрывает всю трудность в принятии решений и просто в нахождении нужного решения. Сталин еще явно не был готов к решительным действиям. Краваль, несмотря на то что он настойчиво защищает своих подчиненных, обвиненных контрольной комиссией, назначается начальником. Несмотря на обвинения, которые получают в свой адрес работники, отвечающие за перепись населения, они останутся на своих местах, как, например, Квиткин, который обеспечивает руководство, а также Курман, Успенский и Флоринская. Наконец, постановление по вопросу о естественном движении населения сводит лоб в лоб Статистическое управление и НКВД. Последний предлагает усилить контроль как за работой отделов ЗАГС, так и за работой Статистического управления и его региональных органов с целью отстранить от нее «социально чуждые» и малоквалифицированные элементы.

В этом можно обнаружить хотя бы частично ту же логику, что и во время чистки статистического аппарата в 1924 году. Вместе с тем вследствие реформы НКВД политическая тактика меняется. Тенденция состоит в том, чтобы дать возможность разрешению конфликта между двумя ведомствами, из которых одно строит свою легитимность на научных основах, а другое — на осуществлении репрессивной функции, хотя специальные направления действия еще не устанавливаются. Тем не менее, это не изменяет глубоко характер позиций, отстаиваемых Статистическим управлением, чье руководство продолжает выдвигать на первый план профессионализм, основывающийся на твердой вере в достоверность наблюдений, проведенных статистиками. Преобразования, которые претерпевает это учреждение с середины 1920-х годов, в частности — обновление части его личного состава и присоединение к Госплану, фундаментальным образом не изменили его позиции: учреждение защищает своих специалистов и отказывается отвечать на неконкретные

доводы по поводу роста народонаселения. Методы, которыми пользуется Краваль для защиты от нападков своих заместителей, сильно напоминают то, что делал Попов десятью годами раньше, чтобы спасти основную часть личного состава от намечаемой чистки. А с другой стороны, НКВД расширяет поле применения своих прерогатив, претендуя на роль контролера, возлагаемую до того времени на иные учреждения (Рабоче-крестьянскую инспекцию в 1920-х годах, а позже — на Комиссию советского контроля). Допустим, что невозможно только на основе истории статистики переносить это замечание на всю сферу деятельности управлений. Все равно эта новая ситуация, тем не менее, свидетельствует о расширении активности и самостоятельности этого полицейского института. Он становится способным непосредственно контролировать другие управления, несмотря на то что возникает риск спутать контрольные и репрессивные меры, причем уже не только на индивидуальном, но и на институциональном уровне.

Этот конфликт показывает также а contrario, что политические руководители, близкие к Сталину, и особенно он сам, еще не сумели выработать цельную аргументацию в обоснование своих позиций. За неимением адекватных аргументов он вынужден противопоставить логику репрессий научно-управленческой логике. Он поручает НКВД и контрольным комиссиям заботу о действенных мерах, не предлагая своих решений. Таким образом, статистики не получают конкретных уточнений относительно политических требований. Сталкиваясь с исключительно расплывчатыми и плохо определенными сигналами, они оказываются не в состоянии расшифровать скрытую в них политическую логику. И хотя они исключают из своего лексикона несколько терминов, исключенных из официального словаря, в частности слово «голод», они, тем не менее, продолжают подчеркивать значительность смертности в 1933 году или же исключительные демографические перемены, которые были характерны для этого года.

Решения 1935 года на какое-то время положили конец полемике. Статистическое управление вплоть до середины 1937 года продолжает направлять доклады о демографическом положении, в которых всякий раз, когда это было возможно, подчеркивалось повышение рождаемости, как, например, в 1936 году. Но эти же документы продолжают в меньшей мере сигнализировать о повышении смертности в том или ином месяце. Упомянув о том, что «повышение смертности от абортов вызвано, по-видимому, недостаточным наблюдением органов милиции и Наркомздрава за выполнением закона о запрещении абортов»⁷⁸, они включают в список виновных другие административные службы. А это только увеличивает напряженность между ними и Статистическим управлением.

Крайнее решение

До 1937 года глубокие преобразования, которые затронули структуру статистической службы, ее руководство и личный состав за восемнадцать лет ее существования, кажется, не уменьшили ее способность к аргументированному сопротивлению. Сталин и его ближайшие соратники не смогли пока подчинить себе это управление.

С другой стороны, появление НКВД как нового действующего лица наряду с контрольными инстанциями, а в ряде случаев и вместо них, позволяет предполагать, что смещение контроля и репрессий мало-помалу будет иметь тенденцию к тому, чтобы стать единственной формой ответа на конфликты. Это смещение порождено невозможностью примирить научную законность с необходимостью отвечать на требования, адресуемые властью профессиональным управленцам. 1937 год может быть, в таком случае, истолкован как логическое завершение развития этой тенденции.

Теперь становится легко понятно, что представляло собой в период 1930-х годов проведение переписи населения. Между тем для разработки пятилетних планов необходимо было иметь актуальные числовые данные о трудоспособном населении — сельском и городском, занятом в сельскохозяйственном и промышленном производстве, о количестве детей школьного возраста и людей пожилого возраста. Все эти сведения были необходимы Госплану и любому другому ведомству, занимающемуся экономикой. Вместе с тем массовый и публичный характер демографической переписи превращает ее в обоюдоострое оружие. С одной стороны, цифровые данные должны были свидетельствовать о торжестве социализма в СССР и о целостности территории, узаконить существование государства нового типа и его непреходящий характер, подтверждать глубокие социальные преобразования в стране, стоящей на пороге коммунизма. Но, с другой стороны, было недопустимо, чтобы они разоблачали ошибки сталинского политического выбора, в частности огромный человеческий ущерб, причиненный форсированной коллективизацией.

Проекты переписи населения

Руководствуясь научной управленческой логикой, статистическая служба стремится как можно раньше провести перепись населения. Минаев, новый управляющий, предлагал провести ее уже с 1930 года. Именно на это укажет Квиткин в 1937 году, во время допросов после ареста. Вместе с тем это требование не было представлено на рассмотрение Политбюро, что показывает, что оно, скорее всего, не стало убедительным для высших политических инстанций¹. Зато, напротив, проект с полной серьезностью рассматривался в 1932 году и был включен в повестку дня заседания Политбюро 22 апреля 1932 года. По представлению Молотова, на этом заседании было принято решение о проведении переписи населения в декабре 1933 года². Опытная

перепись населения была проведена с 13 августа 1932 года³. Вопросник был очень похож на вопросник переписи 1926 года, качество которого было очень высоким⁴. Он содержал много конкретных вопросов о мобильности населения, об уровне грамотности и о профессиональном состоянии. Как и в 1926 году, жилищные условия остаются объектом особого внимания, в частности, это относится к случаям совместного проживания нескольких семей в одной квартире и наличия удобств (водопровод и т. п.). Логика статистической преемственности пока все еще превалирует, так как в этом проекте еще не находит выражения новое представление об обществе.

В апреле 1933 года перепись, проведение которой предусматривалось в декабре, была отсрочена и перенесена на 1934 год⁵. Она была еще раз перенесена в июне 1934 года, в этот раз — на январь 1936 года⁶. Высокопоставленные руководители партии и государства начали уделять этому самое пристальное внимание с конца 1935 года. Несколько раньше Осинский был отстранен от выполнения своих обязанностей («по собственному желанию») и заменен его заместителем Кравалем. В период между серединой декабря 1935 и апрелем 1936 года не менее четырех заседаний Политбюро были посвящены вопросам организации переписи⁷. Наконец, постановлением Совета Народных Комиссаров дата проведения переписи назначается на 6 января 1937 года⁸.

Тогда же были разработаны несколько проектов переписного листа. Из трех вариантов, сохранившихся в архивах, два обозначались как проекты переписных листов для переписи 1936 года⁹. И только один имел пометку 1937 года¹⁰. Разнообразие вариантов вопросов, добавления и изъятия, в частности, проливают свет на те формы обсуждений и столкновений, которые имели место между политиками и статистиками в связи с этим мероприятием и по поводу формулировок¹¹.

Уже и первый проект больше не содержал в себе ссылок на жилищные условия. В ходе разработки всех трех проектов вопросы, относящиеся к профессиональной деятельности, оказались сведенными к предельному минимуму. Категории социального положения были значительно упрощены, они были сформулированы так, чтобы подчеркнуть единство общества и прогрессивное значение исчезновения всякой социальной стратификации. Вопросник 1937 года подтверждает и усиливает тенденцию, начатую в конце 1920-х годов, которая состояла в том, чтобы устранить из статистики один из ее главных принципов — доскональное изучение общества. Эта логика крайнего упрощения видна всюду: так, если в первом из проектов вопрос об уровне грамотности разграничивал тех, кто умеет читать и писать, тех, кто умеет только читать, и тех, кто вовсе неграмотен, в последнем проекте он формулируется одним вопросом: «Грамотен ли?» Стремление показать успехи ликвидации неграмотности явно превалирует над

стремлением коснуться с достаточной точностью сути дела. Наконец, исчезновение всяких ссылок на характер родственных отношений внутри семьи может быть истолкован как выражение стремления игнорировать все связующие узы, за исключением единственной нити, связывающей людей с государством.

Совет Народных Комиссаров и Центральный Комитет партии часто вмешивались в процесс редактирования опросных листов, чем и объясняется большая часть внесенных в них поправок. 26 марта 1936 года Краваль напоминает руководителю комиссии по проведению переписи, что тот должен рассмотреть все переписные листы, поскольку «перечень всех бланков, заполняемых при переписи, должен быть утвержден СНК». Переписной лист, помеченный как представленный в Центральный Комитет партии, показывает, что главное в поправках состояло в максимальном упрощении большинства оставшихся в итоге вопросов¹². Сам Сталин внес в него ряд поправок¹³. Краваль подтвердил якобы, что «переписной лист, краткий, ясный и глубоко содержательный, с первого до последнего вопроса был написан лично товарищем Сталиным»¹⁴. Впрочем, состав комиссии по подготовке проведения переписи формировался главным образом на основе политических критериев.

Говорить то, что есть, но чего не должно быть

Многочисленные факты вмешательства со стороны политиков свидетельствуют об отказе статистиков понимать действительные намерения политического центра или о невозможности для них сделать это. И тем не менее этого вмешательства будет недостаточно, чтобы разрешить возникшие проблемы. Очень скоро, как только первые оценки были получены, стало ясно, что больше нет возможности скрывать значительное уменьшение населения и глубокие следы, оставленные голодом 1933 года. Организаторы переписи были в этом уверены еще до начала ее проведения, поскольку различные опытные переписные листы 1936 года со всей очевидностью показали, что численность населения СССР, по-видимому, остается намного ниже той, на которую рассчитывал Сталин.

В 1934 году на XVII съезде партии он заявил, что произошел «рост населения Советского Союза со 160,5 миллионов человек в конце 1930 года до 168 миллионов в конце 1933 года»¹⁵. Использование этих чисел было символическим. Мощь СССР демонстрировалась быстрым ростом численности советских людей. А чтобы иметь возможность провозгласить эти цифры, Сталин основывался на прогнозах Госплана, построенных посредством экстраполяции наблюдаемых темпов роста населения в годы после переписи 1926 года, исходя из предположения о росте численности населения с 1926 по 1937 год на 3 миллиона

жителей в год. В 1935 году он вновь указывает, что годовой прирост населения СССР, который он оценивает в 3 миллиона человек, равняется всему населению Финляндии¹⁶.

В этом сценарии последствия коллективизации и голода 1933 года оказались стертными. Сведения о гражданском состоянии, которыми располагало Статистическое управление, вели к предположениям, весьма далеким от тех, что давал Госплан. По этому поводу Курман докладывал, что после XVII съезда Осинский, тогда еще возглавлявший Статистическое управление, беседовал со Сталиным и спросил у него, откуда берутся цифры численности населения, которые тот назвал. Сталин ответил ему, что он сам знает, какие цифры ему называть¹⁷. В ходе одного из последующих заседаний ЦК, посвященного переписи населения, Сталин якобы сказал: «У нас с Кравалем есть расхождения в цифре населения, что ж — перепись покажет, кто прав»¹⁸.

Другие свидетельства и последующие обвинения раскрывают нервозность, охватившую статистиков, оказавшихся перед лицом заметного расхождения между предусматриваемой и ожидаемой численностью населения. Даже если нельзя доверять признаниям, вырванным у обвиняемых на допросах в НКВД и использованным против Кравала, Квиткина и других, они достаточно хорошо выражают суть этих сомнений. К примеру, Краваль, рассматривая предварительные расчеты в свете будущего проведения переписи, якобы заметил: «Ну что же, будем производить перепись, а там посмотрим»¹⁹. Почти в то же время он якобы высказывал суждение, будто «резкое снижение поголовья скота, выявившееся в ходе последней переписи, стало результатом политики партии в области коллективизации»²⁰. Он якобы сказал также: «Накануне переписи, в ходе обмена мнениями с руководителями УНХУ УССР, выяснилось, что общая численность населения республики не превышает 29 миллионов человек, тогда как в официальных отчетах фигурировала цифра в 35 миллионов»²¹. Один из ближайших сотрудников Кравала якобы обвинил его на допросе в НКВД в том, что тот после прихода к руководству ЦУНХУ «умышленно искажал показатели численности населения, пытаясь языком цифр доказать, что политика партии в этом вопросе является неправильной, что она проводится не в интересах масс, что политика коллективизации и индустриализации привела к вымиранию огромных масс населения, что политика партии не улучшила, а ухудшила материальное положение трудящихся, а отсюда — отсутствие прироста населения на Украине, в Казахстане, на АЧК, в Курской области и в Поволжье»²².

Другое обвинение, выдвинутое против Кравала, состояло в том, что в январе или феврале 1936 года он якобы заявил одному из своих сотрудников, что в Статистическом управлении

«оперируют большим количеством неверных, раздутых цифр и дают им неправильное политическое освещение. Между тем многие цифры, в частности цифры о населении, совсем не так, как их рисуют, и политические выводы из них могут быть только одни: политика партии неправильна, она ведет страну к катастрофе. Мы имеем в ЦУНХУ все возможности доказать это цифрами, и мы должны это сделать, люди у нас есть. Если другими средствами невозможно добиться изменения политики партии, мы должны цифрами показать, что политика партии обанкротилась, что результатом ее явилось вымирание населения. Таким путем мы должны добиваться изменения политики партии. Сделать это надо как можно скорее»²³.

Согласно другим обвинениям, Квиткин, имея в виду результаты анализа данных частичной переписи 1932 года, в ходе одной из бесед, состоявшихся в мае или в июне 1936 года, якобы развил «так называемую теорию», согласно которой прирост численности населения снижается по мере улучшения уровня жизни населения. Чем более высок уровень материальной обеспеченности, тем меньше рождаемость.

Споры по этому вопросу в то время были значительными: речь шла о том, чтобы установить, является ли прирост населения зависящим от уровня жизни. Кое-кто поддерживал это положение, в то время как другие, опираясь на пример капиталистических стран, а также и на пример СССР, придерживались противоположного утверждения, которое в дальнейшем оказалось правильным. Таким образом, теоретически важный, но классический по сути спор был использован для обоснования подозрений и обвинений.

Наконец, по заявлению одного из руководителей отдела статистики народонаселения Статистического управления Украины, Квиткин во время пребывания на Украине якобы сказал ему:

«На XVII съезде партии Сталин говорил о том, что в СССР 168 миллионов населения, а несколько позже им же указано, что в СССР ежегодно рождается около 3 миллионов (население, равное Финляндии). После этого в правительственных отчетах фигурировали только эти примерные цифры»²⁴.

Разумеется, нельзя вполне доверять этим заявлениям, полученным на допросах в НКВД. В частности, политические трактовки, предположительно высказанные Кравалем и Квиткиным, частично были спровоцированы, если вообще не выдуманы, самим НКВД либо принадлежат различным людям, сотрудничавшим с ним, с целью снять с себя ответственность и спасти свою жизнь. Тем не менее, «признания» Квиткина, по всей видимости, были сфабрикованы на основе его собственных слов, возможно, вырванных из контекста, а возможно, и нет. В самом деле, якобы высказанные им утверждения соответству-

ют идеям, приписываемым ему постоянно в различных донесениях на него в течение 1930-х годов или содержавшимся в его собственных работах. Напротив, Краваль гораздо менее подходит на роль человека, стоящего в решительной оппозиции к партии. Вместе с тем ничто не дает права исключать действительную прозорливость с его стороны по отношению к цифрам, которые он получал. Находясь в гуще людей управления, статистические работники которого решительно отстаивали научный характер своей работы, этот политический деятель тоже стал защищать создаваемые ими данные. Как бы там ни было, в период подготовки переписи статистики, располагавшие результатами различных исследований, уже знают причины этих демографических катастроф. Все осознают несоответствия, которые им предстоит сделать очевидными, и противоречия, по поводу которых им предстоит давать объяснения. НКВД заставляет их говорить об истории так, как она протекает, но сам этот простой факт делает их виновными, поскольку эти факты как раз такие, какие Сталина не устраивают. Это показывает, что подлинная история различных катастроф того периода известна всем. Это показывает также, что на допросах, далеких от того, чтобы представлять собой искусственные конструкции, вынуждали говорить правду людей, ставших свидетелями этой истории. НКВД вынуждало обвиняемых говорить о том, что действительно происходило, но не должно было происходить.

Бесспорное свидетельство цифр

Центральный Комитет партии внимательно следил за предварительными результатами переписи и работой по их уточнению, проводимой Статистическим управлением. Через два дня после начала переписи Политбюро принимает решение создать проверочную комиссию под председательством Я.А. Яковлева, заведовавшего сельскохозяйственным отделом Центрального Комитета²⁵. С декабря 1926 по декабрь 1929 года он был заместителем наркома Рабоче-крестьянской инспекции. В 1930 году его избирают членом ЦК. Одновременно, с декабря 1929 по апрель 1934 года, он является народным комиссаром земледелия. Выбор этого политического деятеля, имевшего опыт контроля над административной деятельностью и занимавшего ключевой пост во время коллективизации и голода, не очень удивляет. Состав комиссии из двенадцати членов, тем не менее, сохраняет некоторое равновесие между управленцами-статистиками и политическими бюрократами. Среди первых фигурирует П.И. Попов, первый руководитель Статистического управления, Смудевич, известный своими познаниями в области санитарной и социальной статистики, и Немчинов, известный экономист и агроном, сыгравший активную роль в составлении хлебофуражных балансов.

В числе вторых И.Д. Верменичев представляет собой характерную фигуру нового партийного бюрократа, выдвинувшегося благодаря своей преданности. Этот человек, сделавший классическую бюрократическую карьеру, родился в 1899 году в Средней Азии в крестьянской семье. В 1920 году он был представителем Туркестана в Комиссариате по делам национальностей, позже, немного проработав в ЦСУ и в Госплане, становится начальником ЦУНХУ 23 мая 1937 года, незадолго до своего ареста 5 декабря 1937 года и расстрела 9 февраля 1938 года.

Уравновешенный состав комиссии²⁶ показывает стремление пока еще сохранить научную обоснованность контрольных операций. Осуществляется ряд проверок на местах. Отчеты различных членов комиссии направляются Сталину и Молотову в период с 4 февраля по 25 марта 1937 года. Проверочные операции заключаются в том, чтобы посетить выбранные места и сравнить число людей, учтенных в переписи, с теми, кто есть на самом деле. Вот что отмечает один из контролеров, проводивший проверку в деревне недалеко от Москвы: 140 из 6 899 жителей не были вообще занесены в списки, причем 87 из них присутствовали во время проведения переписи, а 24 заполнили переписные листы, но «по ошибке» были вычеркнуты, так как в день переписи не пришли. Он отмечает, что «массовый пропуск людей при переписи был обнаружен в бараках, где проживают строительные рабочие. На этом участке заполнение переписных листов производилось в один день без последующего контрольного обхода. И поэтому были переписаны лишь те рабочие, которые находились в бараках, а работающие на строительстве оказались пропущенными»²⁷.

Большинство других отчетов очень походили на этот и почти всегда были построены по одной и той же схеме, вероятно, определенной заранее. Сопроводительные письма, переданные Яковлевым Сталину и Молотову, полны угроз в адрес статистиков. Например, 25 февраля 1937 года он указывает, что «зам. Председателя комиссии М. Гегечкори первым приводит много примеров пропусков населения, уловленных такой несовершенной проверкой, которая могла быть организована посланными на Украину товарищами в 1–2 дня; во-вторых, она показывает основные источники недоучета, созданные в результате своеобразной организации переписи населения ЦУНХУ»²⁸.

С 11 февраля 1937 года Краваль пытался объяснять эти цифры численности населения в одном из докладов, направленных Сталину и Молотову²⁹. Он не подвергает ни малейшему сомнению результаты переписи и совершенно твердо поддерживает организацию работы по ее проведению. Он описывает районы, в которых имело место снижение численности населения, «привлекая внимание к следующей ситуации: в эту группу вошли районы, в которых сопротивление кулаков коллективизации

оказалось наиболее жестким и непосредственным, а это, в свою очередь, повлияло на цифры, показывающие численность населения»³⁰. Он прилагает даже карту, на которой совершенно четко показаны районы, где отмечено снижение численности населения. Попутно он вновь резко критикует работу отделов записи актов гражданского состояния, которая, по его мнению, остается неудовлетворительной, несмотря на то что они вошли в состав подразделений НКВД. Он критикует также работу по проведению переписи населения в больших городах. Он решительно вступает в полемику с НКВД, которую вел в 1933-м и особенно в 1934 году. Совершенно очевидно, что он не осознал того факта, что ситуация глубоко изменилась, а соотношение сил стало совсем другим.

Доклад, направленный Курманом Кравалю, еще более точный³¹. Краваль потребовал, чтобы тот объяснил ему разницу между предположительными и действительными цифрами. Первоначально, понимая всю опасность, которой он подвергается, Курман отказывался сделать это, но в конечном счете оказался вынужденным дать объяснение³². Он подтверждает свою сдержанность на допросе в НКВД, отмечая, что так ему приказал Краваль³³. Он подтверждал это заявление и после освобождения из мест заключения. В докладе, который он подготовил в 1937 году, он указывает на источники расхождения между предположениями Госплана, использованными Сталиным в его докладе на XVII съезде партии, и цифрами, полученными при переписи, оказавшимися менее 8 миллионов. Он объясняет, что смерти в сельской местности не подсчитывались, что уровень смертности занижался на протяжении всех 1930-х годов, в особенности в 1933 году, и что в Средней Азии происходила массовая эмиграция³⁴. На допросе Курману будет поставлено в вину то, что в качестве объяснения он сослался на огромную смертность заключенных в лагерях³⁵.

Еще раньше, 22 марта 1937 года, Яковлев направил Сталину и Молотову копию доклада, написанного Курманом Кравалю, уточняя, что:

«Курман в этой записке объясняет результаты переписи. Он

1) заявляет, что за последние годы 2 миллиона населения эмигрировало из СССР.

2) набавляет без единого доказательства 1 миллион к числу зарегистрированных в актах гражданского состояния смертей в 1933 году.

3) приписывает без единого доказательства Наркомвнуделу смерть полутора миллионов человек, регистрация которых будто бы не попала в общегражданскую регистрацию.

Эти цифры весьма похожи на приводимые фашистами³⁶.

Записку Курмана мы изъяли в неофициальном порядке из ЦУНХУ»³⁷.

Эти замечания тут же вызвали грубую политическую реакцию. Попав в руки Яковлева по каналу, характер которого не уточняется, они послужат основанием для последующих разоблачений и обвинений. На следующий же день Яковлев был принят Сталиным³⁸. Курман был арестован вечером того же дня. Немного позднее он был выслан. Начался процесс репрессий.

В отчетном докладе, подготовленном уже после ареста Курмана, Яковлев и все члены проверочной комиссии отмечают главные недостатки при проведении переписи: использование ошибочных методов, стремление провести перепись в один день, плохо составленные инструкции, отсутствие учета лиц, находящихся в поездках, и даже назначение самой даты переписи (она совпала с традиционным русским праздником — Новым годом) и т.д. Выводы были сделаны в угрожающих политических формулировках:

«1. Перепись была организована с нарушением самых элементарных правил.

2. Перепись была проведена вредительски, имея предвзятой задачей доказать фашистскую ложь о смерти в СССР от голода и эмиграции из СССР в связи с коллективизацией нескольких миллионов человек.

3. Пропущено при переписи, судя по вышеприведенным данным, не менее 4% населения или около 6,5 млн человек»³⁹.

Эта цифра 4% приводит численность населения к тому уровню, о котором объявил Сталин, что и нужно было Яковлеву.

Краваль дважды был принят Сталиным — 3 апреля вместе с Яковлевым и 25 апреля⁴⁰. Между различными главными действующими лицами нарастает состояние напряженности. Краваль обвиняет Яковлева в том, что тот заранее наметил 3%-ную недооценку численности населения, хотя и претендует на то, что пришел к ней только в своем докладе; Яковлев отвечает в письме Сталину 18 мая 1937 года:

«Для характеристики методов, которыми Краваль защищает шайку вредителей, проводивших перепись, прошу сравнить прилагаемые при сем мои телеграммы товарищам, проверявшим перепись, с клеветническим заявлением Кравала Вам и тов. Молотову о том, что мы будто бы кому-то “предписывали” найти не меньше 4 процентов населения, пропущенного при переписи.

Тов. Краваль вместо того, чтобы разобраться, почему и как он оказался во главе шайки вредителей, пытается оболгать товарищей, вскрывших по-партийному его ошибку»⁴¹.

Яковлев был принят Сталиным спустя два дня после отправки этого письма⁴². Двумя неделями позже, 31 мая 1937 года, Краваль, обвиненный в том, что покрывает своих сотрудников, был арестован в своей квартире, расположенной в знаменитом

«доме на набережной», где проживали многие из руководителей⁴³. 21 августа 1937 года военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила его к смертной казни с конфискацией принадлежащего ему имущества. Приговор был приведен в исполнение в Москве 26 сентября, хотя Краваль так и не признал своей вины.

Враги народа

Аресты Курмана и Кравалья лишь на несколько недель определили другие многочисленные аресты, в результате которых статистический аппарат оказался обезглавленным. Квиткин, руководитель бюро переписи, был расстрелян. Его заместитель Брандгендлер был отправлен в лагерь, где и умер в 1942 году⁴⁴. Многие ответственные работники в центре и на местах были арестованы, а затем сосланы или казнены. Верменичев, ставший начальником Статистического управления 23 мая 1937 года, провел основную работу по внутренней чистке. Ее итог он подвел в декабре 1937 года следующими словами:

«Враги народа, хозяйничавшие в ЦУНХУ, сознательно дезорганизовали работу ЦУНХУ и проводили вредительскую политику в области организации труда. [...] Такая политика привела к исключительной текучести аппарата ЦУНХУ»⁴⁵.

Он и сам был арестован сразу после этого, 5 декабря 1937 года, приговорен к смертной казни 8 февраля 1938 года и казнен в тот же день. На допросах, когда он говорил о своем «саботаже» в работе Статистического управления, то заявил, что не имел возможности причинить сколько-нибудь значительного ущерба, так как фактически никого не знал в этом управлении! Тем не менее он был обвинен в том, что был членом контрреволюционной организации и занимался активным саботажем⁴⁶.

В течение нескольких лет три четверти личного состава работников были заменены, и в 1939 году в аппарате Статистического управления оставалась только четвертая часть сотрудников, работавших в 1935 году. Текучка кадров была значительной, а увольнения — частыми еще и до 1937 года, но тогда они затрагивали главным образом верхушку, хотя судьба тех, кого они касались, чаще всего тоже была драматичной. Нет возможности перечислить всех, кто был арестован, сослан или расстрелян, особенно это касается сотрудников региональных управлений⁴⁷. Такое случилось со многими людьми, упоминаемыми в данной работе, и можно утверждать, что не менее половины работников, занимавших руководящие посты или должности специалистов, были расстреляны⁴⁸.

В то время, когда проводились эти массовые репрессии, политические руководители не представляли, как быть с сами-

ми результатами переписи. До сентября 1937 года не было принято никакого решения. Никакие цифры не были опубликованы, первый отчет был выполнен только в августе 1937 года Писаревым и Хотимским. Эти статистики предлагают целый ряд поправок, которые в итоге должны вместо 162 миллионов жителей дать 168,5 миллиона. Их аргументация, казалось бы, могла бы быть принятой, поскольку воспроизводила критические соображения и выводы, ранее уже сформулированные комиссией Яковлева. Авторы доклада предлагали даже проект постановления, содержащий в себе помимо прочего такой пункт: «Разрешить ЦУНХУ внести в материалы переписи населения 1937 г. поправку на недоучет, дифференцированную по республикам, краям и областям. Принять предложенный ЦУНХУ общий размер поправки на недоучет по СССР в размере 4%»⁴⁹. Это постановление принято не было. Напротив, 23 сентября 1937 года ЦК партии аннулирует перепись и принимает решение о проведении новой переписи в январе 1939 года⁵⁰.

Трудно понять, что вынудило искать решения в этом направлении, а не подтасовывать результаты. Но очевидно, что при такой постановке вопроса репрессии против статистического аппарата получали «оправдание». Что касается Статистического управления, то у него появилась возможность путем проведения новой операции узаконить предшествующее решение и возродить профессиональную логику работы. Наконец, такое постановление включало в себя необходимость как можно быстрее вновь запустить в дело региональные и центральные органы. Сам Яковлев, выдвинувший критические аргументы и предложения по корректировке, был арестован сразу же после принятия этого постановления 12 октября 1937 года. Немного позже, 29 июля 1938 года, он был расстрелян.

Возникает другой вопрос: почему чистка обошла стороной некоторых статистиков, которые участвовали в разработке результатов переписи и, по всей видимости, не заняли определенных позиций, способных служить им защитой от репрессий? Среди них были Владимир Старовский, член методологической комиссии в 1932 году, который даже подписал одну из работ с предисловием Кравалья, оказавшегося в числе «врагов народа» (эта книга была изъята из распространения в 1938 году, так как в ней «содержится много ошибочных положений»⁵¹), Арон Боярский, ближайший сотрудник Брандгендлера, и П.И. Попов, чье дело, находившееся в НКВД, могло, как и в случае Кравалья и Курмана, послужить отличной базой для обвинения. Никто из них не был арестован. Что определяло этот выбор — стремление сохранить минимальное ядро компетентных профессионалов или же в выдвижении обвинений все зависело от случайности? Архивные документы

сегодня не позволяют с достаточной точностью дать ответ на этот вопрос. Ясно, однако, что больше всего пострадали люди, занимавшие руководящие посты в управленческом аппарате. А вот другие, вероятнее всего, случайно, из-за того, что их фамилии упоминались на допросах. Те же, кто мог составлять сплоченную группу, систематически находились под ударом.

Эта чистка, похоже, была попыткой покончить раз и навсегда с противоречиями, возникавшими в период с 1929 по 1933 год. Столкнувшись с катастрофической демографической ситуацией, политическая власть, в частности Сталин, не сумела ни навязать, ни предложить какого-либо решения. Все формы давления, развертывание, в частности, конфликта между НКВД и Статистическим управлением, напряженность и намеренно поддерживаемая подозрительность не привели к тому, чтобы статистики занялись фальсификацией данных. Они не предоставили статистических данных, которые могли бы замести следы произошедших драматических событий. Единственное решение, пришедшее на ум властям, — это отрицать реальность ставших очевидными фактов, обвиняя людей, фиксировавших эти факты, и приказывать, чтобы перепись была проведена заново. Политический ответ оказался исключительно репрессивным.

Это «решение», абсурдное и неэффективное в условиях, когда произошел крах социально-экономической политики, что станет очевидным в 1939 году, ознаменовало собой настоящий рывок в распространении лжи. Статистика перестала быть средством познания и превратилась в орудие пропаганды. Репрессии привели к исчезновению людей, которые поставляли данные, противоречащие официальной линии, или просто ставили под сомнения слова Сталина; людей, бывших носителями профессиональной культуры, унаследованной от того периода, который вождь желал считать пройденным. Репрессии, нацеленные на подлинный разрыв между прошлым и будущим, должны были стереть следы первого, уничтожая вместе с людьми все, что напоминало о нем. Цель также состояла в том, чтобы разрушить все межличностные связи, способные сплотить людей или группы, которые могли бы вклиниться в отношения между народом и властью и помешать установлению безраздельной авторитарной власти. Однако эти репрессии не смогли перечеркнуть ни уже выполненной статистической работы, ни ее методологических оснований, ни административной организации, служившей для нее рамками. В действительности, из-за отсутствия детальных указаний или точных ориентиров Статистическое управление было не в состоянии переориентировать свою работу и сделать так, чтобы цифровые данные отвечали задачам политической пропаганды.

Незавершенная нормализация

Планирование переписи 1939 года не было сугубо формальным мероприятием, а повлекло за собой серию подготовительных операций на протяжении всего 1938 года. Они являют собой уникальный пример последствий большой чистки. Методы проведения новой переписи, оценка числовых данных, их распространение и интерпретация показывают, насколько изменились отношения между статистическим управлением и политическим центром. Весь процесс подготовки и проведения этой переписи сопровождался урегулированием отношений между статистиками и политическими руководителями. Первые стали объектом различных форм манипулирования и давления. И хотя их реакция говорит о том, что были пределы давления, она также показывает влияние, которое оно могло оказывать на принятие решений статистиками. Подготовка переписи 1939 года проливает свет на взаимодействия между руководителями страны и статистиками, находившимися в центре проведения любых демографических переписей. Манера согласования решений, принимаемых каждой из групп главных действующих лиц, позволяет судить о способе осуществления власти и, в частности, о пределах возможностей навязывания тотального контроля над статистической работой.

Редактирование нового переписного листа служит тому примером. Вопросник 1937 года подвергается переработке с целью изменить все, что стало предметом критики: вопрос о национальной принадлежности был значительно упрощен, вопрос о грамотности был сформулирован так, чтобы в числе грамотных оказалось как можно больше людей. Вопрос о вероисповедании был устранен, так как предыдущая перепись показала, что антирелигиозная борьба оказалась частично безуспешной. Были внесены и другие изменения, а заполнение переписного листа не должно было происходить в один день⁵².

Трудности подготовительных мероприятий нарастали. Они увеличились еще больше из-за дезорганизации общегосударственного и региональных управлений статистики, вызванной чисткой 1937 года. Личный состав оказался совершенно обновленным, на работу принимали в самом срочном порядке, независимо от того, шла ли речь о подчас малокомпетентных руководителях или же о простых переписчиках. Статистическое управление стремится, вместе с тем, набирать в первую очередь людей, уже участвовавших в переписи 1937 года и в переписях, проводившихся после 1920 года. Оно дает директиву своим региональным отделениям обратить «особое внимание на тех, кто участвовал в проведении переписи 1937 года и кто, по мнению общественных организаций, хорошо справлялся со своей работой»⁵³.

Это письмо было написано Писаревым, который и предложил внести изменения в результаты переписи 1937 года, ссылаясь на ошибки в ее проведении. Любопытно, что он предлагает обращаться к людям, принимавшим в ней участие на местах, признавая тем самым необходимость опираться на какую-то компетентность. Вместе с тем здесь делается уступка партии. Опирается следует только на людей, заслуживающих доверия с точки зрения социальных организаций, связанных с партией. Таким образом, любой переписчик ставится под политический контроль. Впрочем, позволяет использовать в качестве контрольных некоторые рабочие документы переписи 1937 года, например, такие, как списки населенных пунктов⁵⁴.

Новая кампания, призывающая к активному участию в переписи, была выдержана даже в более угрожающих тонах, чем предыдущая. В 1926 году пропагандистский плакат призывал «давать точные ответы на все вопросы, задаваемые человеком, проводящим опрос». А вот другой, опубликованный в 1937 году, требовал: «Покажем пример высокой сознательности и организованности!» Лозунг, выдвинутый в 1939 году, дает пример того, что нужно делать: «Проведем перепись населения по-большевистски! Долг каждого гражданина принять участие в переписи и дать правильные ответы на все поставленные вопросы!» Проекты лозунгов были того же оттенка:

«Всесоюзная перепись населения 1939 года — смотр всемирно-исторических побед социализма в СССР. [...]

Никакая строительная работа, никакая государственная работа, никакая плановая работа немыслима без правильного учета. А учет немыслим без статистики (Сталин). [...]

Царская Россия была тюрьмой народов. В Советской стране растет и крепнет великий союз равноправных народов. Образцово учесть национальный состав СССР при переписи населения»⁵⁵.

В статье «Всесоюзная перепись — важнейшее государственное дело», опубликованной в «Правде» 29 ноября 1938 года, подчеркивалась важность переписи и напоминалось о риске саботажа⁵⁶. Уже в первых строках отмечается, что «далеко не все местные партийные и советские организации поняли значение переписи». Статистическое управление действительно несколько раз выражало беспокойство по поводу недостатков в подготовке переписи во многих районах. Подчеркнув, что советское население быстро растет, автор статьи в более явных политических тонах пишет: «Перепись 1937 года показала громадный интерес советского народа к этому важнейшему мероприятию. Презренные враги народа, сидевшие в ЦУНХУ, сделали все для того, чтобы свести на нет результаты переписи. Враги теперь разоблачены. Всесоюзная перепись 1939 года должна отобра-

зить точную и правдивую картину жизни советской страны»⁵⁷. Статистики становятся врагами народа, а он — гарантом «хороших» результатов новой переписи.

С этого момента ведется более систематическая пропаганда, чем два года назад: так, с 26 декабря 1938 года практически каждый день появляется одна статья, в которой каждый раз повторяются одни и те же формулировки. 10 января на первой странице «Правда» призывает: «Провести перепись организованно, без единого пропуса, без ошибок!» Перепись состоялась с 17 по 24 января 1939 года. А последняя статья в газете появилась в этот же день.

Все это нисколько не облегчило трудности регистрации населения, как и во время предыдущей переписи. И не помешало выражению оппозиционных настроений: то здесь, то там кто-то заявлял о принадлежности к «православной национальности» или еще о том, что является «царским подданным». Кто-то притворялся глухонемым, боясь арестованным, как в 1937 году. Один из инструкторов дошел до того, что даже объяснял группе своих счетчиков, что цель переписи — выявить густонаселенные районы для перемещения населения⁵⁸. Эти проявления оппозиционных настроений квалифицировались, разумеется, как антисоветские и, по всей видимости, ничем не отличались от того, что было в 1937 году, несмотря на всю мощь репрессий, которые перед тем обрушились на страну.

Манипулирование

Были проведены три вида переписи: перепись гражданского населения, перепись населения, подконтрольного НКВД (как работников самого НКВД и членов их семей, так и высланных, заключенных и других специальных категорий перемещенных лиц), перепись военнослужащих. В первом случае подсчеты осуществлялись со всей тщательностью, а бюллетени объединялись по всей территории СССР. Итоговые цифры численности населения во всей стране и в различных регионах уже подвергались первичной подтасовке. Самые вопиющие состояли в том, что в списки повторно зачислялись переписанные лица двух специальных контингентов (НКВД и армия). В инструкциях на этот счет указывалось, что население, занесенное в списки специальных контингентов переписи, должно быть перераспределено в соответствии с инструкциями для каждого района. Причины такого перераспределения в этих директивах не разъяснялись. Заместитель заведующего Статистическим управлением отправляет телеграмму определенному числу региональных статистических управлений такого содержания:

«Бюро всесоюзной переписи населения предупреждает Вас, что в итоги переписи по отдельным республикам и областям не-

обходимо будет включить некоторые контингенты, разрабатываемые в централизованном порядке.

В ближайшее время Вами будет получена телеграмма, в которой будет указано число подлежащих включению в итоги отдельно для городского и сельского населения, в том числе для некоторых определенных городов.

Схема телеграммы такая:

Нархозучет нашего циркуляра
город 1135 200 1335 1315, село 4300 515 4815 4111, в том числе Ивановск 630 120 750 700 19926

Телеграмма означает, что в итоги городского населения необходимо дополнительно включить мужчин 1135, женщин 200, обоюго пола 1335, в том числе 18 лет и старше 1315.

В итоги сельского населения необходимо включить мужчин 4300, женщин 515, обоюго пола 4815, в том числе 18 лет и старше 4111.

Из общего дополнения к численности городского населения необходимо включить в итоги по городу Ивановску мужчин 630, женщин 120, обоюго пола 750, в том числе 18 лет и старше 700.

В конце телеграммы приведен контрольный итог — 19926.

По получении телеграммы такого рода Вам необходимо распределить сельское население между сельскими территориальными единицами, а городское население (за вычетом присоединяемых к определенному городу) между всеми остальными (т.е. не поименованными в телеграмме) городскими поселениями. Распределение произвести пропорционально численности населения.

После получения нашей телеграммы все сводки, содержащие итоги без присоединения, должны быть изъяты и сосредоточены в спецчасти. Изъять нужно будет и все сводки у райинспекторов. Для справок (когда они будут разрешены) и для рассылки в районы могут быть использованы только полные (с включением наших добавлений) сводки.

Одновременно нами дается указание о представлении сводки по форме № 1 и 2 с итогами переписи. Эти сводки должны также включать добавления.

При механизированной разработке переписи итоги разработки по централизованным контингентам будут присоединены на станциях к итогам по отдельным территориальным единицам.

Получение настоящего циркуляра подтвердить телеграммой следующего содержания: "Москва Союзнархозучет Яковлеву циркуляр получен".

Зам. Начальника ЦУНХУ, Начальник бюро всесоюзной переписи населения Бозин, Начальнику УНХУ ... 21/3/1939»⁵⁹.

Эта инструкция заслуживает того, чтобы быть приведенной целиком и полностью, так как ее стиль выражает одновременно заботу о точности и об осторожности, то есть всю двусмыслен-

ность осуществляемых манипуляций. Манипуляция цифрами территориального распределения населения имеет совершенно ясный смысл: заключенные и высланные лица, в частности, включаются в численность населения не тех мест, где они содержатся, а их распределение диктуется из Москвы, без всякого контроля со стороны региональных отделений. Их работники просто включаются в дело, поскольку в обязанности этих отделений входит выполнение части работы. Более того, все, кто в округе участвует в подсчете бюллетеней, не имеют права пренебрегать этой манипуляцией цифрами, поскольку им не разрешено сохранять прежние цифровые данные (тем не менее, они не были уничтожены, а сохраняются в секрете). А как же работники на местах истолковывали то, что не было регламентировано? Разумеется, руководители переписи никогда не упоминали о том, кто были люди, подлежащие перераспределению. Они никогда не уточняли, что речь идет о высланных и заключенных, однако приводимый пример не позволяет усомниться в том, что речь идет об огромном избытке взрослого населения.

Тем не менее эта практика своеобразного манипулирования (в буквальном смысле «создания» новых людей не было), по всей видимости, сохраняла за переписью ее вполне серьезный, даже реалистический характер. Это может служить объяснением того, что региональные руководители были очень обеспокоены тем, как будут восприняты первые результаты, которые они получили. Это напоминает беспокойство, охватившее Курмана и Кравая в 1937 году. Директор статистической службы Украины, кажется, был по-настоящему напуган, если судить по письму, которое он отправил 28 февраля 1939 года в Центральное управление:

«По предварительным данным переписи 1939 года, численность населения УССР составляет 29 391 тыс. человек⁶⁰.

Полученные данные могут быть несколько увеличены за счет разработки контрольных бланков. [...] Таким образом, окончательный результат численности населения по УССР необходимо ожидать в количестве 29 600 тыс. человек.

Сравнивая эти данные с дефектными данными переписи 1937 года (28 386 тыс. человек) и естественным приростом за 1937–38 гг. (1 478 тыс. человек), то получается численность населения на 300 тыс. человек меньше, чем по переписи 1937 года. Исходя из дефектности результатов переписи 1937 года, мы полагаем, что этот разрыв будет равен — 700–800 тыс. человек»⁶¹.

Беспокойство управляющего украинской статистической службой и заведующего бюро переписи населения, которые обнаружили, что численность, определенная в 1939 году, получается ниже экстраполяции численности переписи 1937 года, можно, конечно, понять. Они были еще не в курсе перераспре-

деления людей, подвергнутых репрессиям, которым Украина сможет широко воспользоваться, чтобы скрыть следы дефицита, вызванного голодом⁶².

Двое руководителей украинской статистической службы попытались объяснить получающееся расхождение между результатами 1939 года и результатами 1937 года или, скорее, то, что «должно было бы» получиться в подсчетах 1937 года, если бы перепись не была «дефектной». Для этого им придется здорово изловчиться в рассуждениях, чтобы доказывать одновременно научную обоснованность переписи 1939 года и ошибочность переписи 1937 года. Выдвинув аргументацию в подтверждение того, что перепись была проведена безукоризненно и, следовательно, полученные результаты точны, они пытаются объяснить очевидный дефицит в 700–800 тыс. жителей рядом причин. К ним относятся перемещение жителей из целых населенных пунктов в пограничных районах, переселение жителей из старых местечек в Биробиджан, ежегодный отъезд молодежи на учебу за пределы Украины, высылка репрессированных лиц и их семей с Украины, снижение иммиграционного потока в Донбасс из других республик, организованная вербовка рабочих рук для работы за пределами Украины, выезд за пределы Украины в порядке отправки на принудительные работы, возрастание контингента призывников и даже отъезд девушек на Дальний Восток по призыву Хетагуровой⁶³.

Иногда в качестве причины указывается сталинская репрессивная политика, как это делал в свое время Курман. Вместе с тем, в отличие от него, количественных оценок не предлагается, а иммиграция на Украину не сопоставляется с эмиграцией. Более того, анекдотические объяснения соседствуют с основательными аргументами, что, по всей видимости, свидетельствует об отказе руководителей брать на себя лишнее и проводить серьезный анализ фактов.

Это беспокоило статистических работников еще до начала переписи. Так, в одном из докладов, адресованных Сталину и Молотову, от 15 января 1939 года, П.И. Попов⁶⁴ указывает:

«По данным Госплана СССР, население в 1937 г. (конец второй пятилетки) будет равняться 180,7 млн чел. К началу 1939 г., согласно установленного Госпланом коэффициента, во вторую пятилетку население должно равняться 183,7 млн чел.

Перепись 17 января 1939 г. определит численность населения в пределах 170–175 млн чел. Разница, таким образом, выразится в 14–8 млн чел.»⁶⁵

Это соображение, широко развиваемое в его докладе, опирается на таблицы, дающие численность населения СССР с 1 ян-

варя 1927 по 1 января 1938 года, что частично подтверждает результаты переписи 1937 года, хотя ссылок на нее нет нигде. Несмотря на репрессии, которые затронули большинство статистического руководства, как раз исключительно из-за расхождений между прогнозами Госплана и численностью, даваемой Статистическим управлением, Попов выражает уверенность в том, что перепись 1939 года даст цифры численности, совпадающие с последними. Уверенный в достоверности данных наблюдения и в том, что не будет манипулирования цифрами, он остается убежденным в том, что перепись будет осуществлена по всем правилам.

Центральному управлению было нелегко заставить прибегать к манипуляциям на местах, поскольку в переписи участвовало множество людей и требовалось вносить изменения в уже собранные числовые данные и отбрасывать их. Интенсивная переписка между ответственными статистическими работниками на местах и Центральным управлением с конца 1939 по начало 1940 года свидетельствует о полном расстройстве статистики, которое было спровоцировано этими изменениями. Все цифры, публиковавшиеся на местах и исходившие из Москвы, цифры, которыми располагали на местах и приводимые центром, все время расходились. Возникающие из-за этого проблемы оказывались тем более чувствительными, что речь шла о разрешенных публикациях первых и редких результатов в печатных органах республик. А между тем они не соответствовали цифрам, официально приводимым в обобщающих докладах. Пропорциональное перераспределение контингентов населения выполнялось с огромными трудностями. Некоторые ответственные работники сигнализировали даже о фактах явных искажений итоговых результатов. Так, один из руководителей регионального статистического управления отмечает, что численность, дающая уровень мужского населения по национальности в его регионе, является явно преувеличенной, что, разумеется, объясняется перераспределением контингентов, являющихся по преимуществу мужскими. Заместитель заведующего бюро переписи вынужден был по этому случаю сухо призвать его к порядку. Он подчеркивает, что «необходимо указать Вам на полнейшую недопустимость (тем более в открытом письме) ставить вопрос о каком-то искусственном изменении итогов переписи по части соотношения между числом мужчин и женщин отдельных национальностей»⁶⁶. Он уточняет, что эти результаты были предоставлены только в распоряжение ответственных работников региональных статистических управлений и ни в коем случае не должны получать широкую огласку. Это показывает, насколько всякая публикация результатов оставалась под пристальным вниманием сверху и должна была ограничиваться цифрами, которые не были бы способны раскрыть эти

манипуляции. Таким образом, всякая публикация соотношения населения по возрасту, полу и национальности оказывалась под запретом.

Кроме того, оставалась еще одна очень деликатная задача — довести эти результаты до сведения Сталина и Молотова. В марте 1939 года в первом документе по этому вопросу Вознесенский, председатель Госплана, и Саутин, руководитель Статистического управления, обосновывают итоговые цифры⁶⁷ следующим образом. После заявления об успешном проведении переписи они подчеркивают, что перепись не может охватывать полностью все население, так как некоторые лица отказываются участвовать в переписи (те, кто нелегально живет в городах, члены религиозных сект, преступники и т.п.). Затем они поясняют, что, когда некоторая часть населения в силу необходимости ускользает от внимания счетчиков, проводящих перепись, «коэффициент погрешности отдельными буржуазными статистиками определяется в 1–2%». Любопытный идеологический выверт: слова «буржуазные статистики» позволяют, таким образом, двум нашим авторам внести коррективы в итоговые результаты переписи, чтобы достичь численности более 170 миллионов. Подсчитанное население составляет по численности 167,3 миллиона человек, но к этому необходимо добавить 1,1 миллиона жителей, попадающих в перепись за пределами их постоянного места жительства (временно отсутствующие) и внести еще одну поправку величиной в 1%.

В результате регионального перераспределения численность населения Украины становится практически равной численности 1926 года. Саутин не стремится скрыть этот факт, прямо отмечая, что в некоторых районах, в частности, в том, что был назван Сталинским, численность населения значительно выросла! Речь идет о промышленных районах Украины, которые действительно оказались в зоне значительной иммиграции. Вместе с тем Саутин и Вознесенский уточняют, что «численность населения как Украинской, так и Казахской республик будет Госпланом в значительной степени выправлена за счет прибавления к ним части населения, переписанного в особом порядке НКВД и НКО»⁶⁸. Таким образом, манипулирование откровенно предписывается и обосновывается. Речь, прежде всего, идет о том, чтобы заверить политическое руководство не столько в отражении действительных процессов, сколько в итоговых данных, которые будут приемлемыми и подходящими для обнародования.

Эта позиция, тем не менее, оказывается иллюзорной, если принять во внимание заявление, сделанное Сталиным на XVIII съезде партии 19 марта 1939 года. Он упрекает Госплан, используя аргументы, которые ему предоставил П.И. Попов, в том, что тот зависил численность годового прироста населения в своих

прогнозах: «Некоторые работники Госплана старого состава [...] считали, например, что в течение второй пятилетки ежегодный прирост населения в СССР должен составить три-четыре миллиона человек или даже больше этого. Это тоже была фантастика, если не хуже»⁶⁹. Но ведь этим самым он косвенно подтверждает правильность численных итогов переписи 1937 года! Из этого достаточно хорошо явствует, что Сталин использует статистику только символическим образом и почти не интересуется наблюдаемой реальностью. Цифры в самом деле оказались превращенными в орудие пропаганды и перестали быть инструментарием для исследования. Таким образом, становится невозможным прогнозировать ожидания Сталина.

Последний из итоговых докладов был передан Молотову в апреле 1940 года Старовским, новым руководителем статистической службы⁷⁰. Этот текст дает прекрасные примеры формулировок, которые станут характерными для передачи деликатных данных политическим руководителям вследствие крупных чисток конца 1930-х годов. В первую очередь акцент делается на индустриализации, то есть приоритетном направлении сталинской политики. Районы, где численность населения резко возросла по причине миграций в эти зоны, описываются детально. Напротив, неудобные цифры, источники которых неприемлемы, излагаются при помощи хорошо отработанной риторики. Автор доклада накладывает друг на друга результаты наблюдения (например, падение численности населения в каком-то районе) и объяснение, которое соответствует генеральной линии, высказанной официально (и которое как факт не является ложным), но не углубляется в истоки проблемы. Например, Старовский отмечает сокращение численности населения во многих районах Украины (в некоторых — составлявшее более 30%), которое не могли сгладить перераспределения контингентов НКВД и армейских призывников, но не объясняет его подлинных причин. Выдвигая в качестве главной причины переселение в сторону промышленных регионов, он полностью искажает действительные источники и превращает его в наблюдение позитивного характера, поскольку этот отъезд населения является благоприятствующим индустриализации страны, чего и хотел Сталин. В таком же, а быть может, в еще более замечательном духе он обращает внимание на то, что число детей в возрасте трех, четырех, пяти и шести лет ниже числа детей в возрасте семи лет. Возрастная пирамида, построенная по критерию возраста, подчеркивает провал в начале десятилетия, что указывает на последствия голода и общее снижение рождаемости в период с 1933 по 1935 год, что было бы, разумеется, неприемлемым для объяснения аргументом. Тогда Старовский находит специальную уловку, уточняя, что «уменьшение числа детей в этих возрастах связано с пониженной рождаемос-

тью в годы, предшествовавшие изданию закона о запрещении абортов». Таким образом, приводимые цифры позволяют оправдать и принятие этого закона, а следовательно — и сталинской политики вообще.

Наконец, по поводу национального вопроса Старовский подчеркивает, что идет процесс как коренизации, находящий свое выражение в возрастании практики пользования языками различных республик (белорусским, таджикским и т.п.), так и ассимиляции (а следовательно, исчезновения) двух национальных общностей — мордвы и евреев. Но снова анализ предельно упрощен, а то и просто неверен и предназначен просто для того, чтобы предоставить какие-то аргументы для выступления, рассчитанные на того, кто должен будет слушать его.

В конечном счете суммарные цифры в масштабах всей страны почти не подвергаются фальсификации. Меняется только их региональное распределение. Однако и при этом в результатах находят отражение катастрофы прошлого, какие бы коррективы в них ни вносились. Трудности в изменении цифр все равно остаются. Манипуляции относятся, главным образом, к приемам риторики, будь то умолчание или искажение. Любая цифра используется то так, то иначе, чтобы оправдать ранее принятые политические решения. Она, следовательно, уже не может быть основанием для споров, критики или просто исследования, а обязательно должна быть оправдательным источником.

Таблицы международных сравнений используют цифры, которые представляют СССР в более благоприятном свете, чем Соединенные Штаты и страны Западной Европы: темпы роста численности советского населения, конечно же, оказываются более высокими. С этого момента становится заметной также исключительная бедность публично распространяемой информации: после появления двух коротких статей в «Правде»⁷¹ больше не было опубликовано никаких сведений о результатах переписи.

Судьбы трех статистиков тридцатых годов

В ходе этого нового десятилетия появляются новые люди, отличающиеся от тех, которые были характерны для 1920-х годов. Мы уже рассказывали о судьбах троих из них ввиду их активной роли в организации переписи 1937 года. Они позволяют судить о новых ответственных работниках Статистического управления, работавших там перед великой чисткой.

Служебный путь Владимира Никоновича Старовского был, прежде всего, путем развития статистика после революции. Он родился в 1905 году в крестьянской семье, жившей в Республике Коми, и принадлежал к новому поколению статисти-

ков, получив образование в Московском университете в 1920-х годах. Он начал работать уже в четырнадцать лет в одном из областных статистических отделений своей республики. В 1923 году поступает в университет, затем, в 1925 году, еще студентом, становится статистическим работником ЦСУ. В это время он, таким образом, уже имеет практический опыт статистической работы, включая участие в переписях, поскольку ему доводилось участвовать в операциях, проводимых в ходе переписи 1920 года. Он не был членом партии, в которую вступит только в 1939 году, то есть в том самом году, когда станет ответственным за перепись населения, а затем заместителем начальника ЦУНХУ, перед тем как получить назначение на пост начальника нового статистического управления (снова ЦСУ), которое заменит ЦУНХУ, в октябре 1940 года. С марта 1941 года он являлся также заместителем председателя Госплана.

Он очень рано начал работать с лучшими статистическими работниками Центрального статистического управления, такими, как Ястремский и Хотимский, а в 1933 году участвует вместе с ними в подготовке⁷² важного учебника по статистике. Он принимал активное участие в различных дискуссиях 1930-х годов, развивая концепцию отмирания старой статистики и разработки новой «социалистической статистики». Оставаясь в полной мере в курсе европейской статистической традиции, он всегда тщательно заботился о том, чтобы придать своим выражениям надлежащую форму: его работы изобилуют критическими суждениями, необходимыми для того, чтобы политические узаконить его положения. Этими изысками дело не кончилось. Вскоре он совершал неожиданные теоретические повороты и был вынужден даже публиковать самокритичные работы, как, например, в 1960 году, по истории советской статистики, в которой он «признается», что защищал теории, поддерживаемые Осинским, в то время как позднее была выявлена их ошибочность. Через семь лет после смерти Сталина (март 1953 г.) и через четыре года после выступления Хрущева с докладом на XX съезде партии (февраль 1956 г.), разумеется, стало возможным говорить об Осинском, расстрелянном 1 сентября 1938 года и реабилитированном 13 июня 1957 года⁷³. И все же Старовский с осторожностью осуждает свои прошлые привязанности как крайние. Нет сомнений, что он укрывается мантией «самокритичности», как уже поступал в 1937 году для самозащиты, поскольку допросы Осинского, скорее всего, и его втянули в процесс. И вот вновь, уже в 1960 году, он перекладывает на Осинского ответственность за свои теоретические заблуждения. Эта тактика непрерывного приспособленчества дает ключ к пониманию того, почему карьера этого человека была столь долгой, как ему удалось избежать репрессий в 1937 году, а затем, оставаясь бессменным управляющим советской статистикой,

пережить Сталина, отставку Хрущева и сохранить свой пост в течение большей части брежневского правления. Он скончался, все еще оставаясь на этой должности, в 1975 году, пятьдесят лет спустя после поступления на работу в ЦСУ.

Его познания в статистике не вызывают никакого сомнения, даже если считать, что его работы не отличаются большим глубиной. Благодаря этим знаниям в области статистики он становится подходящим кандидатом для проведения переписи 1939 года, когда большинство из статистиков, занимавших руководящие должности в 1937 году, были арестованы. Документы, написанные им в этот период, свидетельствуют о сильном давлении, которое он испытывал, и о страхе, который он внутренне переживал в течение всего периода подготовки этой переписи. Думал ли он тогда о внесении изменений в цифры, чтобы не испытать участь своих предшественников? Или же он просто пустил в ход цензурный механизм? А *posteriori* это может быть только из разряда простых предположений. Тем не менее относительная вера в «объективность» статистики, которую он вполне мог иметь в силу своего образования и практической работы, вместе с трудностями, возникающими в ходе изменения цифровых данных при сохранении соответствия в целом, вынуждают нас склониться ко второй гипотезе. Как бы то ни было, он хорошо выдержал это испытание, так как заменил Саутина на посту управляющего ЦУНХУ сразу же после проведения переписи. Все его последующее поведение несет на себе печать этого опыта. Оставаясь мастером самоцензуры в статистике после Второй мировой войны и руководителем обедненной статистической системы, в частности в период брежневского застоя, он устоит в многочисленных конфликтах, которые будут возникать между руководимым им управлением и другими институтами.

Лазарь Соломонович Брандгендлер и Михаил Вениаминович Курман не смогли получить такого шанса. Принадлежа к тому же поколению, хотя и позднее, чем он, поступив на работу в Статистическое управление, они испытали на себе ту же напряженность до 1937 года и приняли участие в тех же конфликтах. Вместе с тем они ближе стояли к такой персоне, как Квиткин, чем к Старовскому: твердая устремленность к профессиональной строгости и убежденность в том, что они участвуют в строительстве науки, необходимой для государства, были характерны для их творчества и деятельности. Они оба были евреями, родившимися до революции, первый в пределах черты оседлости, второй — в Средней Азии. Курман родился в Лепеле, городе Витебской губернии в Белоруссии, 20 июня 1905 года. Его отец был учителем-меламедом. Брандгендлер родился 21 апреля 1908 года в Андижане, в семье служащих. Оба воспользовались завоеваниями революции, чтобы поехать учиться в один из двух

советских столичных городов, первый поступил на факультет математики Ленинградского университета, где изучал статистику, а второй — в Институт народного хозяйства имени Плеханова в Москве, где велась подготовка определенного числа статистиков и экономистов для плановых и статистических служб. Отзывы о них и их собственная карьера говорят об их искренней увлеченности происходящими революционными преобразованиями. Они оба вступают в комсомол. Еще в студенческие годы им довелось самим принимать живое участие в критических выступлениях против позиций некоторых статистиков, именуемых «буржуазными». Курман становится кандидатом в члены партии в 1931 году.

Общим у них было то, что они сформировались в период, когда преподаватели еще оставались под влиянием статистической культуры царской эпохи, стремясь развивать новую статистическую теорию, новые методы статистики. Поэтому они научились критиковать своих предшественников, будущих «врагов народа», и почерпнули статистическую технологию из учебников, написанных последними.

Тем не менее их собственные первые работы очень разнятся между собой. Курман начинает свою профессиональную деятельность в 1927 году в статистическом управлении Ленинграда, а год спустя поступает на работу в Центральное статистическое управление в Москве в качестве руководителя отдела статистики движения населения. В его обязанности входит статистика рождений, смертей и браков, то есть сектор, который особенно будет на виду в течение тех лет, которые последуют за драмой, вызванной голодом 1933 года. Он рано начал публиковать свои работы по статистике. Анализ этих работ показывает, что он очень хорошо владел теорией и технологией этой дисциплины, а также был способен на подлинно критический взгляд в статистике⁷⁴. Из его отчетов и публикаций, а также воспоминаний, написанных после освобождения из лагеря на Колыме⁷⁵, вырисовывается образ человека добросовестного и интеллигентски порядочного. Хотя он и был сосредоточен в основном на счетной логике, тем не менее, в меньшей мере у него сохранился широкий подход к статистике, который роднит его со статистиками 1920-х годов.

Перепись 1937 года стала для него фатальной. 22 марта он стал первым статистиком, который был арестован в своей квартире, расположенной на Новослободской улице, дом 62. В 1960 году, через несколько лет после освобождения из мест заключения, он рассказал о своем аресте и депортации:

«Это случилось в ночь с 21 на 22 марта 1937 года. Вошли три человека, одетые в гражданское, но под пальто были видны мундиры. Они очень схватились за литературу, которая была у меня на столе. На столе лежала книжка моя — курс лекций, которые

я прочитал начальникам отделов статистики населения Советского Союза. И лежала еще книга, которую я писал тогда для Соцэкзага, "Динамика населения России и СССР". Один из них долго сидел и перелистывал, делая какие-то заметки. Затем все это было забрано, о чем составлен был протокол. Попутно были изъяты "Курс исторического материализма" Бухарина, стенографические отчеты XIV и XVI съездов партии и, кажется, XIV и XV партконференций, "Политическая экономия рантье" Бухарина.

Он меня спросил: "Зачем вы у себя храните контрреволюционную литературу"? Я говорю: "Эта литература издана "Соцэкзагом". Это во-первых. А во-вторых, вы видите, что как раз книжка "Исторический материализм" Бухарина даже не разрезана». — "Тем более", — говорит он»⁷⁶.

Курмана отвезли на Лубянку.

«Прошла первая ночь, конечно, без сна, потому что я никак не мог понять, за что меня взяли. Я еще мог понять, что других взяли. Айхенвальда — я знал примерно, за что его могли взять [человек близкий Бухарину, также оказавшийся на Лубянке]. Но я-то, я-то ни в чем не виноват»⁷⁷.

Это утверждение несколько удивляет, оно, по всей видимости, показывает, какая дистанция разделяла сферу сталинского политического действия и сферу повседневной работы статистической службы, слепоту, преднамеренную или нет, или же отсутствие чувства реальности у этих людей перед началом крупномасштабных чисток.

Уже на первом допросе Курман понял, что причина его ареста имеет отношение к переписи населения⁷⁸. Люди, которые его допрашивали, пытались вынудить его назвать имена нужных им лиц:

«Первый разговор [со следователем] был примерно такой. Вы, молодой коммунист, советский человек, понимаете, в какое мы сейчас живем время. Вы слышали и читали про роль Зиновьева, про дело Пятакова, Бухарина, конечно, понимаете, что враги народа развили бешеную деятельность, чтобы свести на нет все успехи Советского государства. Оказалось так, что и вы, хотели вы этого или не хотели, объективно помогали им. [...] Мы к вам обращаемся как к советскому человеку, как к старому комсомольцу, кандидату партии с тем, чтобы вы, независимо от своей собственной вины, помогли нам распутать весь этот узел провокаций и вредительства, которые у вас, в вашем учреждении, имеются»⁷⁹.

Решением военной коллегии Верховного Суда СССР от 28 сентября 1937 года, через короткое время после аннулирования результатов переписи, Курман был приговорен к десяти годам тюремного заключения с последующим поражением в гражданских

правах на пятилетний срок и конфискацией имущества. Как он пишет в своих мемуарах, он был обвинен в том, что «распространял клеветнические инсинуации по адресу вождя партии товарища Сталина; будто бы он фальсифицировал данные о численности населения на XVII съезде партии».

Он так рассказывает о возвращении в свою камеру в Лефортовской тюрьме после вынесения приговора:

«Любопытна была эта дорога из зала суда в камеру. Меня вели вниз по ступенькам. Когда мы дошли до угла, ступеньки шли вниз и еще какие-то ступеньки вели направо. Там стоял человек, который глазами спросил: куда? А мой конвоир показал: прямо. Направо была дорога для осужденных на смерть, я так понимаю. А может быть, я и ошибаюсь. В общем, меня повели и привели опять в каменный мешок»⁸⁰.

Из тюрьмы он был выслан в Магадан, в лагерь на Колыме, где и проведет десять лет. Освобожденный в 1947 году, он вновь был осужден Министерством государственной безопасности СССР 1 июня 1949 года по тем же обвинениям и сослан в Казахстан. Его реабилитировали решениями от 20 августа 1955 и от 22 октября 1955 года⁸¹. После полного освобождения он пережил участь множества людей, подвергшихся высылкам, оставаясь на протяжении почти двадцати лет изолированным от своей профессиональной среды и безнадежно пытаясь найти хоть какую-то урезанную форму профессиональной интеграции. Предпочтя устроиться в Харькове, на Украине, он завязывает кое-какие контакты с демографами, возобновляет деятельность, и, тем не менее, остается несколько в стороне от научно-профессионального мира, в котором жил до ареста.

Несколько моложе был Брандгендлер, родившийся в 1908 году. Он стал работать в Статистическом управлении в 1927 году после окончания учебы в Плехановском институте. Он был назначен на должность заместителя начальника бюро переписи населения по предложению Квиткина. В его деле, содержащем описания допросов, все соотносится с проведением переписи 1937 года. Он был арестован 28 марта 1937 года в своей квартире, расположенной на улице Разина, 16. Решением военной коллегии Верховного Суда СССР он был приговорен к десяти годам тюремного заключения с последующим поражением в гражданских правах и конфискацией имущества. Его также сослали на Колыму, где на короткое время его пути пересеклись с путями Курмана.

Он так и не признал своей вины. 25 сентября 1937 года он направил Сталину следующее письмо:

«1937 г. 25 сентября. Мне, Брандгендлеру Лазарю Соломоновичу, сегодня объявлено об окончании следствия по моему делу. 21 сентября 1937 г. я подавал начальнику отдела заявление, в

котором указывал, что данные мною на следствии показания об участии в к.р. [контрреволюционной] вредительской организации являются ложными, и просил вызвать меня для дачи новых показаний. Прошу приложить к делу это заявление»⁸².

Тогда же он написал длинное письмо председателю Верховного Суда СССР, в котором описывает, в каких условиях проходили его допросы, что и вынудило его подписать ложный протокол:

«Я обвинен в принадлежности к контрреволюционной организации. Это обвинение “подтверждается моим собственным признанием”, показаниями бывшего начальника бюро переписи населения ЦУНХУ Госплана СССР О.А. Квиткина и работника ЦУНХУ УССР И. Вейцблита. Все эти показания являются ложными. Мое “признание” было вынуждено рядом насильственных мер со стороны следователей и угрозами арестовать не только меня, но и мою семью — жену и ребенка — если я откажусь подписать соответствующий протокол. В отношении жены эта угроза, насколько мне известно, была приведена в исполнение. [...] Я подписал протокол, но еще до окончания следствия 12.IX.37 г. я подал начальнику 4-го отделения ГУГБ НКВД СССР заявление, в котором писал, что мои показания — сплошная выдумка и что никогда ни в какой к/р [контрреволюционной] организации я не состоял»⁸³.

Он подчеркивает также, что был принужден высказать несправедливые обвинения в адрес своих коллег и что обвинения, высказанные другими коллегами против него самого, были у них вырваны, вероятнее всего, точно таким же способом. Наконец, он еще раз подчеркивает свою полную невинность и требует пересмотра своего дела. Но этого не произошло. Он скончался на Колыме 11 июня 1942 года.

Выводы

Работники статистического управления были прямыми свидетелями разнообразных катастроф, которые произошли в СССР в период между двумя мировыми войнами. Сводя воедино данные, относящиеся к гражданскому состоянию, и выстраивая длительные хронологические ряды событий, они имели возможность непосредственно наблюдать следы, оставленные голодом или репрессиями. Занимаясь сбором данных различного происхождения, отделы записи гражданского состояния, занимающиеся регистрацией рождений и смертей среди гражданского населения, администрация лагерей ГУЛАГ имели возможность видеть всю сложность системы регистрации и размах репрессий⁸⁴. Наконец, переписи населения, в особенности переписи 1937 и 1939 годов, служат отражением этих катастроф,

то есть синтезом а posteriori всех провалов коллективизации, и, в частности, дают точное представление о голоде. Политическая функция переписи населения делает еще более чувствительной роль управленческой администрации, служащей связующим звеном и барьером, которая должна реагировать на политический заказ и не прекращать работать в качестве наблюдателя того, что происходит в обществе. Как орудие пропаганды, предназначенное для утверждения единства страны и успехов социализма, перепись каждый раз начиналась с информационно-массовой кампании, проводимой посредством выдвижения многочисленных лозунгов и публикации брошюр.

С другой стороны, расширение прерогатив НКВД в 1934 году вносит существенные изменения в характер напряженных отношений, которые пронизывают управленческий аппарат и государство в целом. Даже если реформа предназначалась для того, чтобы придать ГПУ видимость законности и правовых рамок⁸⁵, НКВД все равно стал главным собеседником администрации Статистического управления. Это приводит к смешению полицейской власти и статистического регистрирования; вводя в дело логику репрессий и подозрений, лишает конфликт всяких теоретических оснований.

Вместе с тем место НКВД по отношению к другим административным управлениям, по всей видимости, до 1937 года еще полностью не определилось. В этот момент дестабилизация, вызванная коллективизацией и голодом 1933 года, еще не приобрела законченной формы. Сталин, по всей видимости, еще не сделал выбора в пользу доведения до крайности репрессивных мер, как это произойдет в 1937 году. Позволяя конфликту развиваться, он не дает этому кризису какого-либо «разрешения». Он довольствуется тем, что позволяет столкновениям проявиться, сталкивая друг с другом носителей управленческой власти. А вот 1937 год предстает в таком случае как завершающий в этом процессе: принимается решение устранить следы катастрофического голода и особенно свидетелей глубоких противоречий травмированного общества. Эти решения приводят к репрессиям в отношении тех людей, которые выступали посредниками между центральной политической властью и обществом, тех людей, которые продолжали давать итоговые свидетельства провала коллективизации и социальной напряженности, ставшей ее порождением. Более того, жертвы репрессий оказались не только профессионалами или свидетелями, но и людьми, так или иначе заставлявшими Сталина констатировать этот провал, в частности, провал его политики сплошной коллективизации. Была ли это статистика урожая, поголовья скота или статистика естественного движения населения, все цифры несли на себе печать драмы, разыгравшейся в период с 1929 по 1934 год.

Бюрократическая анархия

Таким образом, репрессии стали результатом отсутствия решения и представления о том, как справиться с последствиями коллективизации и голода, которые невозможно было скрыть, не фальсифицируя собранные статистические данные. Это было также логическим завершением противоречия, внутренне присущего развитию сталинского государства. Административная экономика усиливала значение планирования как способа управления, а цифры оказывались в самом центре споров, которые выражали различные противоположные тенденции, существовавшие в Политбюро, относительно того, в каких политических и экономических направлениях следовать и какую политику проводить в отношении деревни. Таким образом, возникал антагонизм между двумя способами использования цифр — научным и политическим. Наконец, репрессии выявили безудержное развитие устремления к уничтожению всего того, что могло бы усилить любую группу, потенциально нацеленную на ориентацию против власти и способную затормозить нарастающее утверждение авторитарной власти.

С этой стороны 1933 и 1937 годы представляют собой вехи в утверждении диктатуры Сталина, несущие на себе печать насильственной коллективизации, экономического провала и социально-демографических катастроф, которые последовали вслед за ней. СССР в этот момент окончательно отстраняется от процессов строительства современного государства. Это кладет конец надеждам, которые питали представители элит, вышедших из царского периода и принимавших участие в строительстве большевистского государства. Но вместе с тем — и чаяниям пришедших им на смену людей, которые хотя бы частично формировались под влиянием такой же концепции государства. Чистки 1937 года, являющиеся следствием нарушения политического, экономического и социального равновесия, вызванного коллективизацией и голодом, на какое-то время разрушают значение их усилий и устремлений.

Стабильность и нестабильность

Напряженность, существовавшая между периодами нестабильности и стабильности, порождаемая последовательной сменой контрольных операций, репрессий и фаз успокоения, характеризует жизнь Статистического управления в 1920-х и 1930-х годах. Она нарушает всю совокупность отношений, которые связывают людей в работе и в повседневной жизни учреждения, укрепляет спайку коллектива. Вмешательство различных инстанций и групп, находящихся вне жизни ЦСУ, чтобы разрушить эти связи и внести элементы нестабильности, противодействует стремлениям статистики укрепить стабильность в их деятельности на основе постоянства личного состава и отношений между его членами. Правильная оценка силы этих связей и понимание трансформации их природы может помочь, хотя бы частично, пролить свет на смысл сталинского способа действий.

Эти связи могли предшествовать приходу на новую работу: например, когда речь идет о знакомствах и дружеских отношениях, завязавшихся на основе предыдущих контактов на профессиональной почве или возникающих в ходе перемещений по стране. Они могли также рождаться внутри самого учреждения. В таком случае эти связи зиждутся на общности научной культуры и профессиональных ориентиров, служащих основой для взаимного признания. Вопрос о знаниях и компетентности оказывается тем более значимым, поскольку он стоит в центре конструкции, определяющей профессиональную легитимность и социальное признание группы.

С 1924 года ротация кадров Статистического управления, протекавшая по фазам, свидетельствует об этой напряженности¹. Работники там подолгу не задерживались, редко более двух-трех лет (см. рис. 1 в конце главы)². Какой год ни взять, менее четверти служащих имели стаж работы в этом учреждении более пяти лет. Довольно часто сменялись также и руководители отделов и секторов, что, конечно же, имело тенденцию к дестабилизации работы. В 1926, 1932 и, конечно же, в 1937 году

произошла их замена в массовом порядке. В другие годы была большая стабильность, а внутри персонала могли утверждаться более прочные связи.

Таким образом, нестабильность возникает под влиянием внешних обстоятельств. Как только в дело вмешивается какой-то внешний фактор, происходят изменения в руководстве или преобразования в самом учреждении, вновь назначенные стремятся упрочить структуры, создать стабильные, благоприятные условия для статистической работы и для поддержания или установления связей взаимной поддержки. Попов, Осинский и даже Краваль в определенной мере были убеждены, что они должны защищать ведомство, в котором эффективная организация основывается на поддержании высокого уровня профессиональной компетентности. Формы внешнего вмешательства, с которыми им приходилось сталкиваться, напротив, были нацелены на утверждение бюрократической организации, в которой люди занимали бы тот или иной пост только в силу функциональной необходимости и где отношения между людьми были бы исключительно функциональными и обезличенными. В таком случае обновление работающего персонала ни в чем не повредило бы активности бюрократии, так как должностная функция, понятая, в сущности, только как техническая, в принципе в силу необходимости не связана с длительностью стажа. Таким образом, отдельные личности становились бы взаимозаменяемыми в мире, в котором все противостоит стремлению создать стабильные управленческие формы.

Нестабильность 1930-х годов предстает, таким образом, как крайнее выражение бюрократических противоречий, устанавливающихся с середины 1920-х годов. Эти противоречия характеризуются стремлением заставить каждого члена персонала выполнять строго должностную функцию и устранять любую форму отношений между сотрудниками, которая могла бы способствовать возникновению сплоченных групп, то есть источника недовольства существующим порядком.

Два резервных источника рабочей силы

Эти напряженные отношения между двумя формами управленческой организации оказывали существенное влияние на способы приема на работу, которые сопровождали чистки. В контексте повторной ротации персонала, циклы которой возникают стихийно, высшее руководство было вынуждено спешно принимать на работу многие десятки, чтобы не сказать сотни, новых сотрудников. Между тем приверженность критериям компетентности, проявляемая различными руководителями, сменявшими друг друга на посту главы Статистического управления, вынуждала его колебаться в выборе процедуры ускорен-

ного найма на работу, который, тем не менее, оставался необходимым для обеспечения непрерывности в осуществлении статистической работы. Это объясняет нерешительные шаги, совершаемые периодически. В течение некоторого времени прием на работу и увольнения шли в паре: многие из вновь поступивших на работу лиц оставались на своих постах лишь в течение весьма непродолжительного времени и уходили столь же быстро, как и приходили.

В эти моменты быстрого обновления кадров и трудностей с приемом на работу руководство прибегло к источникам резервной рабочей силы, в рядах которой на первом месте находились женщины и евреи. В пропорциональном отношении количество женщин среди служащих возрастает в течение всего периода 1920-х и 1930-х годов. Однако резкие изменения этого соотношения можно заметить в ходе чисток и проведения других технических операций. Составляя резерв рабочей силы, женщины занимают в основном должности, не связанные с квалификацией. После каждой из фаз обновления кадрового состава, следующей за очередной чисткой, они вновь постепенно отстраняются, в частности в силу преобладания враждебного отношения к женщинам. Например, в конфликте 1924–1925 годов партийная ячейка ЦСУ без малейших колебаний выразила эту женоненавистническую позицию.

Евреи составляли другой резервный источник рабочей силы, притом весьма квалифицированной, в управленческом аппарате, состоявшем в основном из русских. В СССР в период между войнами национальная принадлежность имела особое социально-политическое значение. До 1917 года большая часть евреев была сосредоточена в пределах черты оседлости, уже давно сложившейся на западных окраинах империи. Им было запрещено жить постоянно за пределами этой черты без особого разрешения. Они не могли также занимать посты на государственной службе, в то время как многие из них имели высшее образование. Революция предоставила им право покинуть эти территории и перебраться в новую столицу, где их уровень знаний позволил им заменить часть высокообразованной царской элиты, отправившейся в эмиграцию. Поскольку они никогда не состояли на службе у царского правительства, новые руководители воспринимали их как элиту, которая не была замешана в «сотрудничестве с царизмом». Отмена прежнего законодательства по отношению к ним давала им возможность занимать должности в управленческом аппарате.

В период между двумя мировыми войнами они сталкивались с весьма противоречивым отношением к себе, даже с враждебностью со стороны населения и внутри партии, но в ряде случаев могли полагаться на поддержку официальной идеологической пропаганды, осуждающей антисемитизм.

Те из них, кто работал в Статистическом управлении, почти все родились в пределах черты оседлости или же в Средней Азии. Две трети среди них составляли мужчины. В силу их более высокого образования они занимали руководящие должности в более высоком соотношении по сравнению с русскими (один из пяти был руководителем или заместителем руководителя отдела, тогда как только один русский из десяти занимал такую же должность). Аналогично дело обстояло и с должностями, требующими экономистов-статистиков (почти один к двум против менее чем одного к трем среди русских).

Хотя изученные личные дела, как правило, не позволяют более или менее точно определить дату их прибытия в Москву, можно предположить, если судить в соответствии с переписью 1926 года³, что они прибыли в столицу почти в одно и то же время, что и все остальное еврейское население Москвы той эпохи. В 1897 году в Москве постоянно проживало менее пяти тысяч евреев. В 1923 году их было около ста тысяч, а в 1926 году — сто тридцать тысяч на два миллиона жителей, которых тогда насчитывала столица. Их приток начался в начале Первой мировой войны и стал особенно значительным в период между 1917 и 1920 годами, в результате чего они образовали вторую по величине национальную группу постоянных жителей этого города (6% населения). В 1926 году только взрослый еврей⁴ из двадцати, постоянно живших в Москве, родился в самой столице, тогда как четверть русских того же возраста были уроженцами самой Москвы. Эти евреи селились главным образом в центральных районах города, именно там, где проживали наемные работники и служащие.

Служащие Статистического управления, таким образом, мало чем отличались от обычных жителей столицы. Тем не менее кое-какие различия были. В то время как по соотношению число евреев мужского и женского пола в Москве было приблизительно равным, среди работавших в Статистическом управлении евреев были почти только одни мужчины. Несомненно, причина этого заключалась в том, что при приеме на работу учитывалась в основном квалификация. А различия ее уровня в зависимости от пола были характерными для всех национальностей.

На примере статистиков-евреев просматриваются общие тенденции того периода в плане антисемитизма. Если до 1925 года евреи составляли менее 10% личного состава, то в конце 1920-х годов евреем был один служащий из пяти. Напротив, в середине 1930-х годов евреи были весьма малочисленными в Статистическом управлении. Чистки 1937–1938 годов коснулись их весьма противоречивым образом. В первое время евреи во время чисток пострадали весьма основательно, затем в начале 1938 года их снова стали принимать на работу, а потом — опять увольнять.

Изменения, которые претерпевает личный состав в 1930-х годах, показывают, как глубинные процессы, связанные с социально-политическим контекстом, уменьшают значение общей профессиональной культуры. В частности, разнообразие районов, служивших источником поступления кадров, расширяет диапазон социальной и национальной диверсификации вновь принимаемых на работу лиц.

Национальная принадлежность составляет один из факторов стратификации, которые определяют неодинаковость социальных и профессиональных позиций. Она также способствует ослаблению связей, которые обеспечивали сплоченность внутри учреждения. Будучи сильным элементом юридической стратификации населения империи еще в XIX веке, этот критерий был использован после революции для создания управленческой политической структуры в СССР. Как административная категория национальная принадлежность служила для характеристики каждого гражданина в многочисленных документах, в частности в профессиональных личных делах. Как это делалось внутри партии и в других управленческих структурах, многочисленные таблицы отражали структуру Статистического управления по национальной принадлежности в период с 1918 по 1939 год. При анкетировании персонала, проведенном в 1920 году, уже учитывался родной язык, служивший критерием для определения национальной принадлежности⁵.

Статистическое управление ничем не отличалось от всех советских учреждений: доля русских снижалась на протяжении всего этого периода. Почти девять служащих из десяти заявляли о своей русской национальной принадлежности в момент создания ЦСУ и только семь из десяти — в 1930-х годах. Параллельно отмечалась диверсификация происхождения других служащих: в то время как евреи составляли основную часть персонала в начале периода, украинцы и особенно армяне, а также узбеки и азербайджанцы стали занимать все большее место среди персонала к концу 1930-х годов.

Статистическое управление никогда не принимало на работу большого числа лиц, имевших рабочее происхождение. Один из десяти принятых на работу в 1920-е годы заявлял о таком социальном происхождении, а в 1930-х годах — лишь двое из десяти. Напротив, люди, которые квалифицировались как выходцы из буржуазной среды или из семей дворян, в 1920-х годах были достаточно многочисленны (почти четверо из десяти). Они приходят и уходят в соответствии с ритмами чисток. Их остается еще двое из десяти вновь принимаемых на работу в 1930-е годы — десятилетие, которое характеризуется глубоки-

ми преобразованиями внутри советского городского общества, явившимися следствием значительного наплыва сельских жителей в города. Этот процесс, вызванный коллективизацией с 1929 года, должен рассматриваться как основной в историческом анализе 1930-х годов⁶. Это глубочайшее изменение социального состава затрагивает не только рабочее население городов, но и управленческий персонал. Служащие Статистического управления, имевшие крестьянское происхождение, составили более трети вновь поступивших на работу как в 1920-е, так и в 1930-е годы. Значительные перемены произошли именно в это последнее десятилетие: тогда гораздо больше выходцев из крестьян стали занимать ответственные посты по сравнению с 1920-ми годами. Если до 1930-х годов не более одного из десяти человек заявляли о своем крестьянском происхождении, то потом они стали составлять более четверти всех ответственных работников. Отметим, тем не менее, что это не привело пока к исчезновению сотрудников буржуазного или дворянского происхождения. На их долю приходилось почти три пятых руководящих работников до 1930 года, а в дальнейшем — две пятых.

Рост числа выходцев из сельской местности сопровождается также нарастанием разнообразия среди кадрового состава по региональному происхождению. В течение 1930-х годов персонал начинает поступать из все более разнообразных и удаленных от столиц регионов. До 1930 года около половины сотрудников, пришедших на работу в Статистическое управление, родились в Москве или в прилегающем к столице регионе. В следующее десятилетие работников с таким происхождением становится менее одной трети. Из западных районов и с Северного Кавказа в поисках работы в Москву прибывает много людей, согнанных со своих мест коллективизацией или подталкиваемых к переездам индустриализацией страны. Они приезжают из районов, где коллективизация получила наибольший размах (рис. 3 и 4 в конце этой главы). Эта диверсификация кадрового состава изменяет способ, посредством которого устанавливаются отношения взаимного признания внутри статистической службы, ослабляя, в частности, цементирующую роль одинакового происхождения.

Многие заведующие или члены коллегии Статистического управления, которые быстро сменяют друг друга после ареста Кравая в 1937 году, сами имеют крестьянское происхождение. Родившись далеко от Москвы, они прошли классический путь члена партии, отмеченный сменой занимаемых ответственных постов, связанных с их политической карьерой. Иван Васильевич Саутин, недолгое время занимавший пост управляющего после ареста Верменичева, в свою очередь сменившего Кравая, родился в конце 1902 года в семье крестьянина из района Вологды. Некоторое время он был рабочим, а затем с 1924 по

1928 год занимал должности директора в школах. После вступления в партию в 1927 году он получает высшее образование в Ленинградском педагогическом институте имени Герцена, где учился с 1928 по 1931 год. В 1931 году становится аспирантом для подготовки кандидатской⁷ диссертации в Государственной академии истории материальной культуры. После защиты диссертации в 1933 году его назначают заведующим кафедрой политэкономии одного из институтов Ленинграда, затем он становится заместителем директора этого учреждения. В 1935 году он уезжает в Москву и в Институте красной профессуры ведет курс политэкономии и мировой политики. В 1937 году назначается заместителем директора этого института по учебной части. Он становится начальником Статистического управления 2 февраля 1938 года и остается на этой должности до февраля 1939 года⁸.

Его заместитель Дмитрий Данилович Дегтярь был украинским крестьянином. Родившийся в 1904 году, он начинает работать на Украине в своем собственном крестьянском хозяйстве, а затем в составе артели. После вступления в партию в 1926 году учится на рабфаке своего района, затем поступает учиться в Институт народного хозяйства имени Плеханова в Москве. С 1930 по 1932 год он становится аспирантом и готовится к защите кандидатской диссертации в Институте экономических исследований Госплана СССР. После защиты диссертации его назначают деканом Советской академии планирования в 1932/1933 учебном году. Затем он уезжает в Сталинград, где занимает пост заместителя директора, а потом директора машинно-тракторной станции до 1935 года. Одновременно он выполняет политические поручения и становится партийным секретарем небольшого городка в том регионе. Затем возвращается в Москву. Некоторое время он занимает пост секретаря центрального комитета Союза трикотажной промышленности Москвы, а потом назначается заместителем начальника Статистического управления в начале сентября 1938 года, на посту которого останется до 1939 года⁹.

Эти два человека получили образование в новых вузах Советского Союза¹⁰. Их жизненный путь был характерным в условиях проводимой партией с середины 1920-х годов политики социального продвижения рабочих и крестьян посредством их обучения¹¹. Членство в партии служило предпосылкой для такого выдвижения, которое открывало дорогу к бюрократической карьере. Последовательное назначение на посты в различных управленческих администрациях и на предприятиях больше зависело от удостоверенной степени преданности партии, чем от квалификации, необходимой для выполнения должностных обязанностей. Обладание специальной профессиональной культурой больше не было обязательным, на пер-

вом месте стояла политическая компетентность. Не было больше надобности в принадлежности к какой-либо профессиональной группе, осуществлявшей совместную деятельность, даже наоборот. Эти люди явно не были знакомы между собой до того, как заняли свои ответственные должности и стали работать вместе. Крестьяне по происхождению, они в своей карьере были всем обязаны тому продвижению, которое утверждалось партией в рамках развития главным образом политического образования.

Солидарность поколений

Смена поколений облегчала смену кадров Статистического управления. Она многим обязана естественному обновлению, связанному с уходом на пенсию лиц пожилого возраста. Она была также следствием таких событий, в ходе которых поколения сменялись внезапно вследствие институциональных потрясений (см. рис. 2 в конце главы). Так, ускоряя изменения во внутренней структуре личного состава, чистки резко изменяли соотношения между поколениями работников. Несмотря ни на что, эти перемены оказывались менее радикальными, чем можно было бы предположить, но они больше затрагивали руководящий состав.

Эти обновления, независимо от того, были ли они естественными или спровоцированными, имели огромное значение в повседневной жизни Статистического управления, учитывая, в частности, то, что они открывали дорогу поколению, прошедшему через новые советские институты, дававшие высшее образование. Энтузиазм молодежи, пришедшей на работу в 1930-х годах, был с большой проницательностью описан Верой Николаевной Максимовой. Она была супругой сначала статистика Брандгендлера, а позже Арона Яковлевича Боярского, одного из самых известных демографов после Второй мировой войны. Она поступила на работу в Статистическое управление в 1929 году. Вот что она пишет:

«Мы так фанатически верили в неизменную правоту наших лидеров, что безоговорочно осуждали тех, кого рекомендовалось осуждать. Еще задолго до 37-го года, в период работы в Госплане и ЦСУ, нам уже были названы те, кого следовало считать чужими и не заслуживающими доверия. [...] Так и получилось, что мы уверовали в себя и в свое право (и даже обязанность!) третировать опытных старших работников, теоретиков и практиков статистики.

Честно говоря, думается, что тогдашние лихие наскоки наших “молодых корифеев” (Хотимского, Боярского и Бранда) на madame Smit [...] отнюдь не всегда были достаточно аргументированы, как и последующие атаки А. Боярского

на В.С. Немчинова. Но всем им приписывалась буржуазность, а этой этикетки вполне хватало, чтобы, не задумываясь, кричать: “Ату его!”»¹²

Вместе с тем эти потрясения не смогли уничтожить все формы солидарности и глубоких связей между статистиками, даже вертикальные связи между поколениями внутри одного и того же учреждения. Товарищеские отношения складывались еще в учебных заведениях, например в Институте имени Плеханова в Москве, где бок о бок учились те, кто позже придет на работу в Статистическое управление. Максимова подчеркивает значение этих связей, никак не влиявших на уважение, которым пользовались некоторые преподаватели, делившиеся знаниями, полученными еще до 1917 года или в 1920-х годах — период, когда у статистики был иной статус. Она также отмечает, что цель нападок, идущих от «энтузиазма», состояла в том, чтобы усилить этот тип солидарности, и они были направлены главным образом против лиц, находящихся вне формировавшихся новых кругов:

«А врагом мы готовы были назвать любого, кто думал или даже только чувствовал иначе, чем мы. Ну, а раз враг, то и борись со всей силой идейного энтузиазма! Это было упрощено и облегчено тем, что до поры до времени обвинения и осуждения носили, во-первых, частный характер, то есть не были массовыми. Во-вторых, в самых серьезных случаях осуждение обставлялось в виде серьезного политического процесса, на котором даже крупнейшие бывшие лидеры сами признавали свою вину(!). И в-третьих, среди них не было людей, которых кто-либо из нас знал бы лично, знал бы изнутри их внутренний мир и возможности враждебных действий. А о методах, которыми добывались эти “чистосердечные” признания, мы, естественно, и понятия не имели»¹³.

Организация беспорядка

Противоположно направленные силы воздействовали на управление на уровне персонала и организационных структур. Формы стабильности сосуществовали с фазами нестабильности. Эту напряженность порождало стремление сталинской власти изменить внутренние отношения в управлении, подорвав всякую основу для возможного возникновения солидарности, а также сделать иными роль и формы работы и создания статистической продукции. С виду казалось, что беспорядок играл роль организационного принципа, вводимого извне политическими властями. Это дает оправдание употреблению выражения «бюрократическая анархия» для обозначения одновременно и форм, и результата такого способа действия.

Всякая индивидуальная связь, которая могла породить отношения солидарности, а следовательно, и оппозиции, подпадает под подозрение. Любая дружеская связь осуждается. К примеру, когда помощник Кравалю А.С. Попов был арестован, ему ставили в вину дружеские отношения со своим начальником после поступления на работу в Статистическое управление. А также дружеские отношения между их семьями. Незадолго до своего ареста он был вынужден отречься от этой дружбы на собрании партийной ячейки Статистического управления:

«Мне стыдно сегодня выступать, я являлся заместителем Кравалю. Его я знаю с 1932 года, бывал у него на квартире, я отношусь к числу друзей Кравалю. Это может подтвердить Уряшзон. После новой женитьбы Кравалю я стал реже посещать его квартиру, вечеринки стали собираться реже, но мы не придавали этому никакого значения. В итоге создалась семейственность. Я узколобый делег и политический слепец.

Я ему доверял потому, что знал, что наверху ему доверяют. Я смотрел — дали человеку орден, дали билет на пленум, это меня и успокаивало...»¹⁴

В действительности за этим недоверием ко всем дружеским связям, которые в данном случае а posteriori квалифицируются как семейственность (этот термин широко использовался в середине 1920-х годов для обоснования разоблачения), стояло то, что любая форма близких отношений между двумя людьми могла вызвать подозрительность. Следование одинаковым курсом, одинаковое социальное происхождение, принадлежность к одной и той же рабочей группе — все эти ситуации вызывали сомнение, подозрительность и опасение заговора, формирования контрреволюционной группировки или даже контрреволюционной партии. Всевозможные обновления статистического аппарата каждый раз были направлены на то, чтобы разрушить один или несколько элементов такой солидарности, но не достигали своих целей. Они проводились для того, чтобы создать чисто функциональную бюрократию, в рамках которой человек остается строго привязанным к своему месту. Но они наталкивались на сопротивление со стороны людей, которые образовывали коллектив внутри управленческого аппарата, обладающего своей собственной профессиональной спецификой.

Кроме того, изменения в методах работы способствовали нарастанию напряженных отношений той же самой природы. Компетентность противопоставлялась политическому использованию цифр. Как будут потом докладывать те, кто допрашивал Кравалю после его ареста, он был назначен начальником в 1935 году, поскольку было «необходимо критическое отношение к цифре»¹⁵:

«[Во время] беседы В.В. Куйбышева с Кравалем первый говорил, что он не одобряет позицию Кравалю, направленную на защиту полученных в его управлении цифр. Куйбышев говорил, что у Кравалю нет необходимого критического отношения к цифре. Необходимо базироваться не только на счетном аппарате, но и проверять каждую цифру политически, ибо в аппарате Кравалю есть много старых статистиков, да и к тому же и у Осинского этот политический подход также отсутствовал. ЦК послал Кравалю в ЦУНХУ именно для того, чтобы он обеспечил получение критически проверенной цифры»¹⁶.

В 1930-х годах управляющий уже не назначался для того, чтобы давать интерпретации. Миссия статистиков должна была состоять не в том, чтобы понимать, а в том, чтобы поставлять цифровые данные, позволяющие управлять другими административными службами, и в особенности для того, чтобы разрабатывать планы. Роль статистического управленца должна была заключаться только в передаче политическим руководителям числовых данных, касающихся внутреннего управления мира администрации. Единственный смысл его существования состоял в том, чтобы производить эти статистические данные, чем он и должен был заниматься со всей тщательностью. Впрочем, сталкиваясь с цифровыми данными, которые противоречили утверждениям политических руководителей, они, и особенно Сталин, видели лишь один выход из возникающей ситуации — бесперывно менять персонал. Чистка 1937 года явилась чрезвычайным и решающим фактором. Но одновременно она стала и окончанием длинной серии санкций и актов давления, начатой в 1924 году, темпы которой ускорились с 1928 года. Чистка явилась признанием бессилия и недостаточной эффективности власти, которая из раза в раз пользовалась неверными методами.

Сигналы или инструкции?

Это «решение проблемы», рассчитанное на то, чтобы установить безраздельную авторитарную власть, является во многом результатом неясности, если не отсутствия точного и долговременного политического замысла, который поддавался бы определению и мог бы быть понятным для управленцев. Конфликты вокруг переписей населения и реакции статистиков, их растерянность в целом ряде случаев перед лицом обвинений или разоблачений показывают, что для них совсем не просто было постичь смысл политического требования, в частности, потому, что оно само не было сформулировано четким образом. Это проливает свет на способы функционирования политической власти в 1930-х годах. Так, политическая власть, то есть Сталин и Политбюро, позволяет развиваться конфликту между Статисти-

ческим управлением и НКВД, не выдвигая с самого начала каких-либо установок по поводу того, чего она ожидает. Заставляя комиссии советского и партийного контроля вмешаться, она вводит элементы сомнения, создает нестабильность, ставя под вопрос функционирование самих управленческих служб, но не предлагает ничего, что способствовало бы пониманию ситуации. Развертывание этого конфликта оставляет впечатление, что в первой половине 1930-х годов политические руководители ждали от Статистического управления, что оно будет поставлять цифры в подтверждение обоснованности уже принятых экономических мер, а отнюдь не цифровые данные, которые могли бы помочь в их формировании. Дескать, статистикам надлежит согласовывать цифры с политическими речами.

В мире умолчаний, где периодически возникают угрозы из-за отсутствия точных директив со стороны власти и из-за противоречивых сигналов, руководители отделов статистики, особенно стоящих на виду, как, например, отдела демографической статистики, выработали для себя рабочие процедуры, надеясь по возможности избавить управление и его персонал от малейшего риска. Чтобы наладить работу управления в условиях нестабильности и нарастающих угроз, они пытались расшифровать то, что считали сигналами, посланными властями сознательно или не сознательно. Они сумели отыскать в инспекционных отчетах, в противоречивой аргументации, в обвинениях как против всего учреждения, так, в особенности, против отдельных работников различные источники информации, чаще всего косвенные, которые давали им редкие ориентиры. Отдельные следы этих сигналов обнаруживались на различных уровнях — от политического центра к Статистическому управлению, от самого управления к ответственным работникам, от центра к регионам. Расшифровка следов была необходимой для того, чтобы понять до конца логику принимаемых решений, в ряде случаев абсурдных и иррациональных, но связанных с предыдущими предписаниями.

Источники в прессе дают указания на некоторые крупные политические ориентиры. Например, в середине 1920-х годов Попов реагирует на некоторые статьи и выдвигает контраргументацию. Пресса вмешивалась также и в ход осуществления переписей. Перепись 1937 года предварялась множеством статей, которые превозносили ее полезность и ее цели, а перепись 1939 года — беспартийной критикой предыдущей переписи. Но вместе с тем, когда анализируешь в деталях появившиеся в то время статьи, замечаешь, что они не дают никаких ключей для понимания того, чем именно было мотивировано осуждение некоторых руководителей Статистического управления в этом плане. Они, как правило, очень неконкретные и не содержат никаких особых намеков на то, каким ориентирам над-

лежит следовать. По всей видимости, статистикам было очень трудно найти в них ответы на возникающие у них вопросы.

Отчетные доклады съездов партии составляли другой очень важный источник информации. Резкость реакции Попова на положения, высказанные Сталиным на XIV съезде партии 1925 года, свидетельствует о том внимании, с которым статистики относились к заявлениям, сделанным по случаю этих символических моментов. Выступление Сталина с трибуны XVII съезда в 1934 году, в котором он называет цифру численности населения, предоставленную Госпланом, вызывает последующую реакцию со стороны статистиков, уже сознающих появившуюся на горизонте опасность.

Несколько редких документов, циркулирующих внутри самого управления, дают указания на ориентиры, определенные самими руководящими работниками после 1937 года. Так, Старовский в 1938 году передает Саутину записку о ликвидации неграмотности в СССР, в которой подчеркивает, что цифра неграмотных была «искусственно преувеличена» в ходе предыдущей переписи. Это и стало одной из причин, по которой были аннулированы результаты этой переписи¹⁷. Затем следует еще одна записка, которую он пишет в тот же день¹⁸, озаглавленная: «Справка об опубликованных данных, характеризующих грамотность населения СССР», в которой перечисляются заявления Сталина, где приводятся цифры по этому вопросу¹⁹.

Стремление дать такие точные указания — редкость для руководителя, и, по всей видимости, оно не имело важных последствий. Так, в итоговом отчете о переписи 1939 года, отправленном 5 апреля 1940 года, в частности Молотову, председателю Совета Народных Комиссаров, Старовский указывает процент грамотных лиц, и эта цифра не превышает данных за 1937 год. Сам доклад остается, тем не менее, до такой степени расплывчатым, что население, с которым соотносится этот показатель (взрослое население моложе пятидесяти лет), само не поддается определению²⁰.

Наконец, остаются еще сигналы, передаваемые в ходе бесед, следов которых на сегодня, разумеется, не осталось. Несмотря на это, несколько свидетельств, а также разоблачений позволяют составить о них некоторое представление и понять, что коммуникации на этом уровне между центральной властью и управлением были чрезвычайно ограниченными. Напомним о свидетельстве Курмана по поводу беседы, которая состоялась у Осинского со Сталиным после XVII съезда партии, в ходе которой первый спросил у руководителя страны, откуда была взята цифра численности населения, приведенная в докладе. Наконец, следует упомянуть некоторые обвинения, выдвинутые в период между 1937 и 1939 годами против сотрудников ЦУНХУ. Эти обвинения оказываются, по всей видимости, всего лишь

механическим повторением официальных нападок в прессе на авторов переписи, но они не дают никакой дополнительной информации.

Переписка между центральным управлением и региональными управлениями делает в достаточной мере очевидным расплывчатый характер сигналов, исходящих из политического центра (или даже их полное отсутствие), и свидетельствует о неуверенности руководства. Многочисленные документы показывают, что руководители в различных региональных статистических управлениях не знали, что делать с результатами и документацией 1937 года, и требовали инструкций. Некоторые из них даже выражали сомнения по поводу достоверности результатов переписи 1939 года, в частности, когда им передавались итоговые цифровые данные, включающие подсчеты специальных контингентов.

Анализ сигналов, направляемых в случае необходимости, показывает прежде всего их расплывчатый, противоречивый и неконкретный характер, в результате чего они становятся мало пригодными, чтобы сориентироваться в обстановке беспорядка и нестабильности. Работники Статистического управления оказались перед лицом власти, для действий и вмешательства которой были характерны отсутствие последовательности и связности или какого-либо замысла, способного стать более ясной руководящей линией в их действиях. Произвол в ходе репрессий еще более усиливал эту неуверенность. Отсутствие точных указаний может объяснить то упорство, с которым вплоть до 1939 года отстаивали свою линию управленцы, продолжавшие защищать приоритет статистических результатов по отношению к политическим утверждениям. Непредсказуемость реакций Сталина, который после переписи 1939 года и в противоположность оценкам переписи 1937 года станет критиковать не ответственных за проведение этой новой переписи, а работников Госплана, могла только усилить такую позицию. Статистики полагаются на свою единственную уверенность в том, что их знания и технология верны. Такова будет и позиция Попова в отношении результатов переписи 1939 года²¹.

Другими указаниями на отсутствие ориентировок и сигналов общеполитического характера служит тот факт, что цензура трудов, которые выходят после чисток 1937 и 1938 годов, не выглядит как следующая одной точно предписанной линии. С арестами ответственных работников Статистического управления книги, вышедшие за их авторством или же содержащие упоминание их имен, изымались из продажи или передельвались так, чтобы вытравить из них всякое упоминание о них или всякую ссылку на их труды. Эти запреты были следствием решений либо самого Статистического управления, либо, реже, Главного управления по делам литературы и издательств, то есть Главлита²².

Управляющий статистическим ведомством создал 14 апреля 1938 года комиссию, чтобы подвести итоги этой цензуре и принять решение об уничтожении других работ этого характера. Причина, по которой надлежало переработать или запретить ту или иную работу, почти всегда заключалась в том, что в ней упоминалось имя какого-нибудь «врага народа». В итоге Главлит наложил запрет лишь в отношении нескольких книг, и очень небольшое их число было изъято из обращения из-за их содержания. Подавляющее большинство работ пострадало по инициативе самого Статистического управления, исключительно из-за того, что были репрессированы их авторы. Этот выбор не был продиктован никакими фундаментальными соображениями.

Чистка, аресты обозначают некую политическую заминку, но этот сигнал лишен какого-либо конкретного содержания, не несет никакой ясной информации о том, в каком направлении следует двигаться.

Провал бюрократического абсолютизма²³

Способ действия сталинской власти в отношении к Статистическому управлению характеризуется намеренно создаваемым институциональным беспорядком и непоследовательностью в характере вмешательства государства, которое, тем не менее, провозглашало проект научного и рационального правления и управления. На примере этого учреждения виден подлинный размах бюрократического абсолютизма сталинского государства (если воспользоваться выражением Раймона Арона, чтобы охарактеризовать его сущность): господство одной-единственной партии, бюрократическая организация государства, в которой партийные структуры переплетены с управленческим аппаратом, и возникновение государственной бюрократии, состоящей из партийных выдвиженцев²⁴. В действительности вряд ли можно говорить о существовании однородной, не имеющих аналогов государственной бюрократии в 1920-е и 1930-е годы. Частично автономные формы организационной и профессиональной логики продолжали существовать внутри некоторых администраций, включая и Статистическое управление²⁵. Имело место не столько некое единое целое, сколько наложение учреждений и административных управлений, функционирующих частично по своим собственным правилам и практическому опыту.

Для истории Статистического управления в этот период характерно столкновение между двумя моделями власти и бюрократической организации. С одной стороны, мы имеем управленческую организацию бюрократического типа, сравнимую с организацией многих управлений на рубеже XIX и XX веков и

основывающуюся на рационально-функциональной организованности, нацеленной на эффективность, в которой принцип компетентности служит гарантией этой эффективности. С другой стороны, сталинское руководство ставит целью строительство государства, единого для всех, основывающегося на бюрократии, организованной по критериям единой модели — все административные учреждения и институты функционируют в соответствии с одними и теми же правилами и принципами. Эта государственная бюрократия образует общность, в которой члены партии назначаются на ключевые посты в различных учреждениях, чтобы следить за соответствием их деятельности политической линии партии.

Напряженность между этими двумя формами бюрократической организации оказывается сильной и постоянной внутри Статистического управления, тем более что сами статистические работники открыто и во всеуслышание выдвигают свои требования. Речь идет о требовании ставить именно научно-техническую компетентность в качестве основания их профессиональной легитимности и институциональной самостоятельности — условия, необходимого для выполнения их работы на службе у государства, которое, по их убеждениям, является реальностью, существующей отдельно от партии. В этом мы отдаляемся от веберовской модели в той мере, в какой функции, хотя и являются дифференцированными, исполняются не только в индивидуальном масштабе, но и становятся предметом ответственности команд.

В контексте профессионализации, которая была специфичной именно для статистиков в конце XIX века, требование компетентности влекло за собой образование групп профессионалов, связанных между собой прошлым образованием и составом общих познаний. Корпоративизм, присущий этой профессиональной солидарности, препятствует любому процессу разъединения. Рабочие команды, которые регулярно разрушаются, должны столь же регулярно восстанавливаться, чтобы сохранить возможность коллективного труда, необходимого для проведения крупномасштабных опросов. Вместе с тем любая смена персонала означает необходимость принимать на работу по-новому сформировавшийся персонал. В 1930-е годы сосуществуют поэтому два поколения статистиков, сформировавшиеся по-разному, но пользующиеся одним и тем же набором инструментов и действующие в соответствии с одним и тем же требованием научной строгости. Несмотря на образование с марксистским уклоном, поколение, сформировавшееся в конце 1920-х и в начале 1930-х годов, больше не владеет ключами, позволяющими расшифровать политические высказывания и направлять соответствующим образом свою работу. Поэтому управленцы испытывают трудности в понимании прошлого. Статистики и дру-

гие члены персонала Статистического управления упорно держаться за единственный имеющийся в их распоряжении элемент, который они считают легитимным: а именно, свою профессиональную компетентность в области статистики или учета, позволяющую им применять единую систему учета в масштабах всего Советского Союза, страны ставшей олицетворением плановой экономики.

Сталкиваясь с солидарностью этого рода, внешний контроль, обеспечиваемый различными комиссиями, оказывается неспособным затронуть профессиональные основания работы статистиков. Когда они затрагивают содержание, такое может произойти только для того, чтобы приспособить его к политической декларативности, а совсем не для того, чтобы проверить качество рабочих процедур, использованных для производства статистических данных. Внешнее знание правил функционирования, то есть, по Веберу, условия, чтобы в бюрократической организации установилась строгая и единообразная внутренняя дисциплина, в данном случае действовать не может.

Согласно Клоду Лефору, легитимность бюрократа в тоталитарном государстве зиждется исключительно на авторитете власти, доставшейся ему от государства, и исчезает, как только он выпадает из управленческой иерархии²⁶. После этого его легитимность уже не может основываться на его знаниях, поскольку они также принадлежат политической власти.

В условиях демократии, наоборот, имеет место как бы «совмещение» власти и знания, что придает последнему извечную самостоятельность. Клод Лефор вводит здесь особое измерение, а именно — знание, которое позволяет ему провести разделительную линию между демократией и тоталитаризмом²⁷. Тем не менее в начале 1920-х годов в советском Статистическом управлении «совмещения» знания и власти не было. Устремление к такой модели в практическом действии 1930-х годов тоже не увенчалось успехом. Власть не сумела целиком освоить знание. Большевики и Сталин хотели построить государство на научной легитимности. Но это значило привлекать извне определение критериев этой легитимности, предоставленное деятелями науки, а не политическими руководителями. Таким образом, здесь не могло быть «совмещения» между властью и наукой, даже если стремление контролировать знание у политической власти было.

Конфликты, которые мы наблюдали, оказываются, следовательно, результатом напряженности, существующей между различными моделями власти. Работники Статистического управления имели представление о такой законной власти, которая основывается прежде всего на социальной роли науки. А во вторую очередь — на социальной роли техники. Форма авторитетной власти определяется и делается легитимной внутри той или иной профессиональной группы ее членами. Но поскольку

формирование нового класса функционеров обязано своим существованием одному только государству, а его деятельность оказывается узаконенной только потому, что оно привязано к определенной позиции внутри строго определенной иерархии, это формирование становится несовместимым с подобным представлением.

Вместе с тем различие между «научной» легитимностью и легитимностью «технической» значительно: первая охватывает широкое поле знаний, находящихся на службе политике и обществу. У статистика есть что сказать по поводу политического действия, поскольку он полагает, что поставляет «истину», которая и делает возможным справедливое и эффективное социальное действие. Напротив, во втором случае он довольствуется только тем, что передает технику в распоряжение политика. Это в особенности верно в отношении счетных технологий, используемых для планирования.

Замысел бюрократического абсолютизма натолкнулся на авторитет знания в легитимации власти внутри Статистического управления и в концепции управленческой самостоятельности. В сталинском СССР власть осуществляется посредством силы и политических средств; а знание не могло быть первичным, оно должно было находиться в подчиненном положении²⁸.

Узы знакомства и узы признания

Бюрократический абсолютизм отрицает всякую форму социальной дифференциации, существования различных социальных групп, какова бы ни была их природа. Он может существовать только при условии, что происходит атомизация общества и устранение любой формы коллективных связей, которые отличаются от связей, задаваемых и поощряемых властью.

Преобразования в социальной стратификации управленческого аппарата шли в паре с различными формами атомизации советского общества и персонала ЦСУ. Крестьянский мир, выходящий из которого в течение нескольких лет занимали посты в Статистическом управлении, можно считать больше всего подвергшимся атомизации. Крестьяне, которые нахлынули в Москву, подгоняемые коллективизацией или же привлеченные промышленным бумом второго пятилетнего плана, по всей видимости, сохранили очень мало связей со своей изначальной средой.

Постоянное снижение доли русских также способствует атомизации статистической администрации, сопровождаемой разрывом традиционных социальных связей, которые могли служить основанием для солидарности. Приспособление статистического аппарата к различным преобразованиям, пережитым им, неизбежно приводило к разрыву прежних отношений солидарности и к изменению форм легитимизации групп, отдель-

ных лиц и институтов. Связи, которые существовали в этих профессиональных группах, оказывались гораздо более расплывчатыми, а группа в гораздо меньшей мере образовывала единое целое.

В более фундаментальном плане этот разрыв прежних связей солидарности касался не просто отношений знакомства, но и распространялся на то, что мы называем отношениями взаимного признания. В начале 1920-х годов солидарность основывалась на отношениях, возникавших при встречах людей в земствах и в университетах. Эти знакомства между людьми укреплялись благодаря тому, что у них была одинаковая интеллектуальная подготовка и одинаковое восприятие профессии статистика. «Мэтры» (Кауфман, Каблуков) или «великие имена» — русские и зарубежные статистики (Борткевич, Чупров, Янсон, а также и Лексис или Боули) служили эталонами профессионализма. Связи на базе взаимного знакомства и единые эталоны профессионализма начали девальвироваться с 1926 года одновременно с приемом на работу молодежи, получившей образование в советских вузах. Обеднение учебников по статистике, ссылки на «классических» авторов, которых представляли как буржуазных, и стремление прибегнуть исключительно к статистической технике вели к утрате общей профессиональной культуры, находящейся за пределами статистической техники в узком смысле слова. Эта культура, в свою очередь, становится все менее осмысленной и все более сориентированной на включение статистики в народохозяйственный учет, концепция которого низводилась до уровня подсчета нескольких показателей без осмысления их значения.

Этот распад связей, основывающихся на взаимном признании, происходит одновременно с ослаблением потребности в профессиональных критериях. Чистки 1937 года, вызывавшие быструю смену персонала и прием на работу лиц, слабо подготовленных в сфере статистики, усилили этот процесс. На место прежних форм могла прийти другая форма признания, основывающаяся на национальной принадлежности. Конечно, сталинское руководство, поощряя многообразие национальных истоков личного состава работников Статистического управления, не почувствовало для себя риска, создаваемого этим новым источником потенциальной контрвласти. Поэтому-то оно начало нападать на него только впоследствии.

В свете этой логики становятся более понятными постоянные попытки заклеить отношения личностного характера, предположительно существовавшие в тот период, чем и объясняется чрезмерно частое использование признаний в заговорах в ходе чисток 1937 года, суть которых состояла в стремлении выявить круг связей каждого человека. Такое развитие способно подтвердить идею Ханны Арендт о системе, утверждающей-

ся на основе социальной атомизации. Вместе с тем в данном случае речь идет не о законченном процессе, влияние которого распространяется на всю целостность общества, а о постоянном тяготении к атомизации профессиональной среды и стремлении покончить со всем тем, что могло бы напомнить о социальной спайке. И это независимо от того, основывалась ли она на общности происхождения, узаконенности или участия в профессиональной деятельности, базирующейся на общих принципах и ценностях. По мнению Олега Хлевнюка или Шейлы Фицпатрик, чистки 1937 года преследовали цель установить абсолютную власть, порывая со всем тем, что прямо или косвенно могло иметь связь с взаимной услужливостью²⁹. Фактически же, как это было показано, речь в гораздо большей мере идет о том, чтобы подорвать любые связи взаимной поддержки.

Вместе с тем этот процесс может быть понят как внутреннее противоречие управленческой модели, а не как ее следствие, то есть — как вновь и вновь повторяемая — и всякий раз заканчивающаяся провалом — попытка превратить администрацию, характерную для модели современного государства (Etat moderne), в бюрократическую конструкцию. Стремление утвердить государственную бюрократию является одним из центральных элементов сталинского строительства. Он означает подлинный разрыв между зачатками строительства современного государства, основанного на гуманистическом политическом проекте статистиков 1870-х годов, и способом сталинского правления, отвергавшего такую форму государства в пользу все большей концентрации власти в одних руках. Осуществление этой власти должно было быть делом кадров, обязанных своей социальной идентичностью исключительно тому положению, которое они занимали внутри бюрократической иерархии.

Сильные внутренние противоречия этой модели, ограничивали возможности развития и тяготели к непрерывной смене форм управленческой системы. Но в этом сталинский замысел потерпел провал. Репрессии стали в каком-то смысле признанием этого провала. В отсутствие четко определенной программы управленцы-статистики только и занимались тем, что по инерции, по привычке, в силу собственных убеждений или профессионализма, продолжали выполнять работу, начатую раньше. И даже когда эта работа грубо прерывалась и статистики становились жертвами репрессий, сменявшие их люди чаще всего оказывались носителями тех же научных традиций. После каждого такого перерыва, и на протяжении всех процессов обновления кадров, они воссоздавали сети солидарности, восстанавливали узы знакомства или взаимного признания, даже если эти связи уже не обладали той же силой, что в 1920-е годы.

Средняя продолжительность пребывания, месяцы

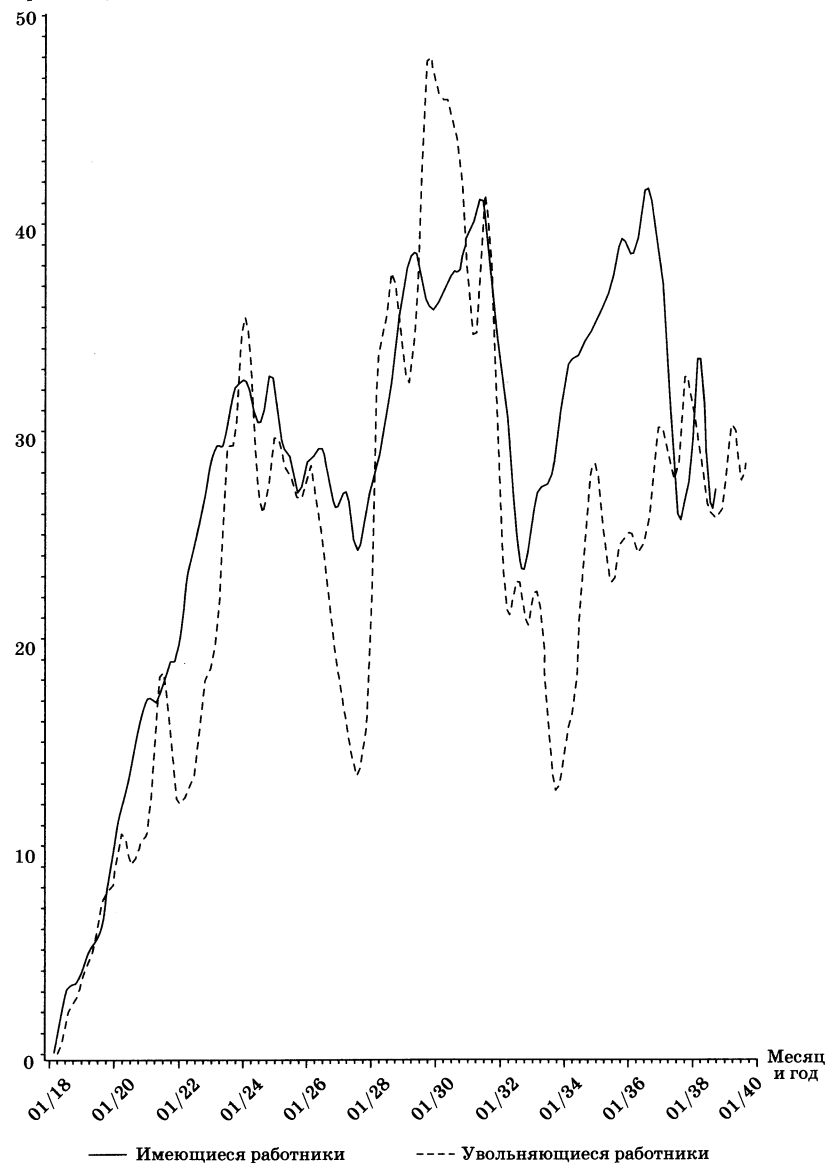

Рис. 1. Продолжительность пребывания работников в Статистическом управлении, в среднем из расчета на определенную дату

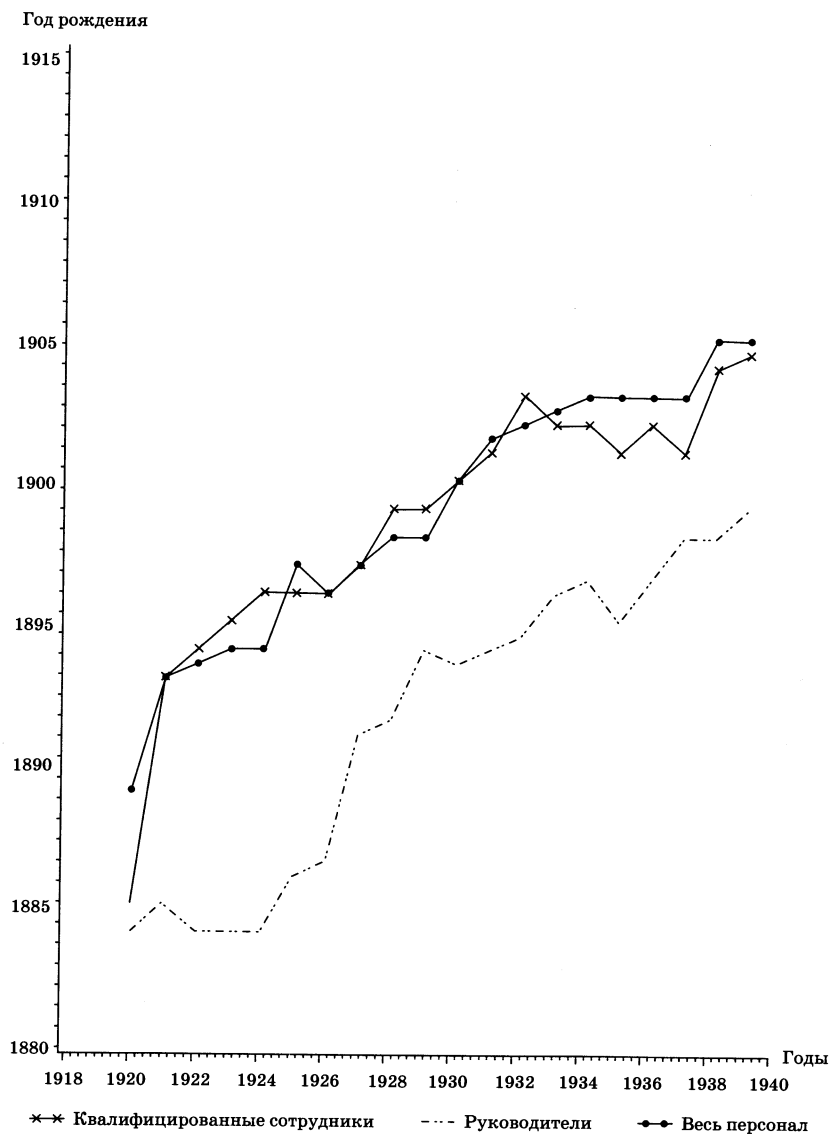

Рис. 2. Среднее поколение по годам пребывания

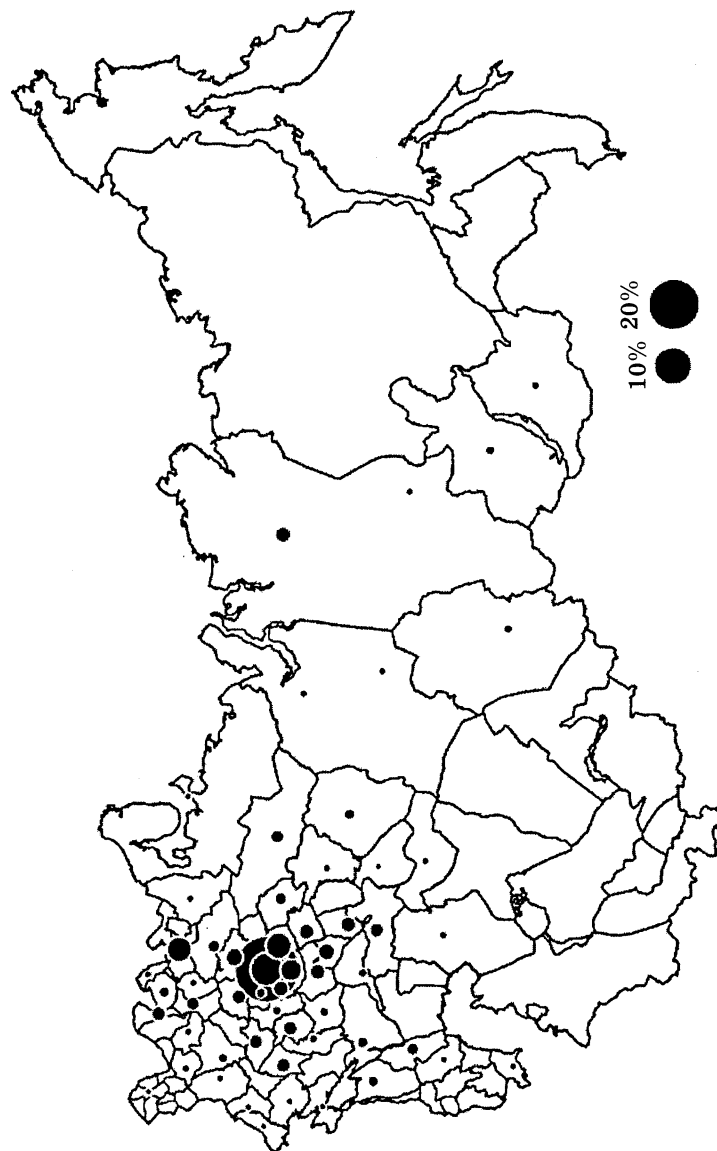

Рис. 3. Районы, из которых пополнялся штат сотрудников Статистического управления с 1917 по 1924 год

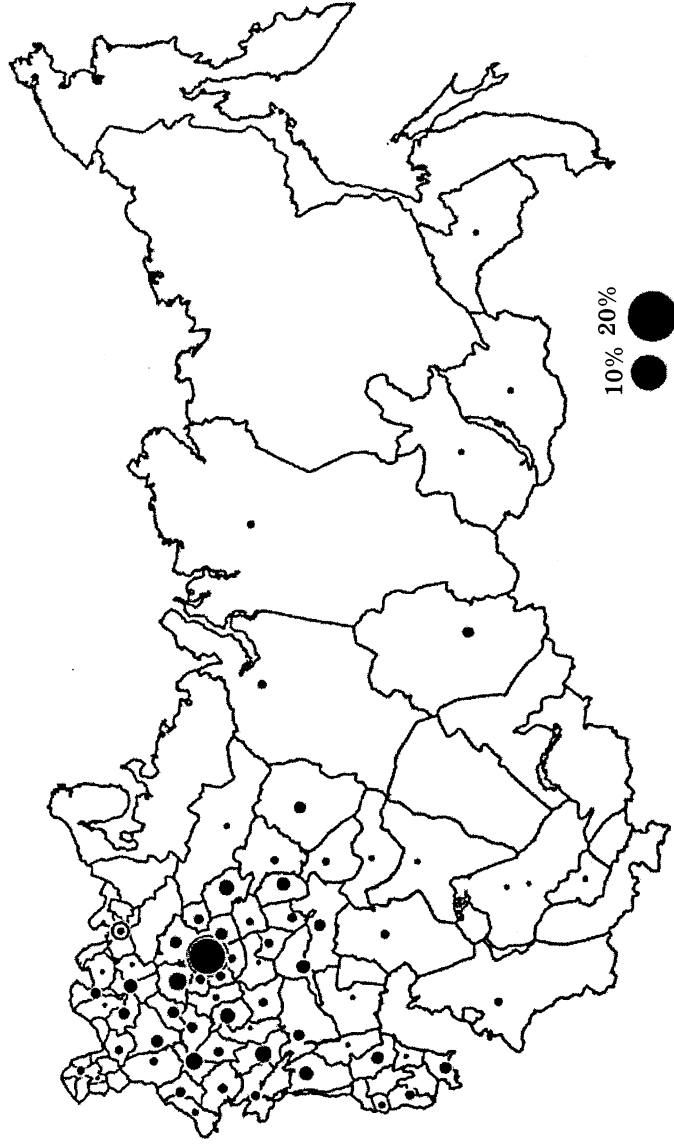

Рис. 4. Районы, из которых пополнялся штат сотрудников Статистического управления с 1930 по 1935 год

III

Ученый и политик

Какая наука нужна социалистическому обществу?

Как и другие дисциплины¹, статистика была вынуждена уже с начала 1920-х годов оправдывать свой статус науки. Статистики стремились разработать инструментарий и параметры осмысления социально-экономических реалий, подходящие для проектов строительства социалистического общества. Они будут вынуждены также отмежеваться от европейских статистиков, которых с конца 1920-х годов будут квалифицировать как «буржуазных», так же как и некоторых русских статистиков дореволюционного периода.

Но в таком случае они сталкиваются с глубоким противоречием. Хотя их деятельность связана корнями с интеллектуальной традицией, делавшей статистику наукой точно так же, как химию или математику, они вскоре будут вынуждены вследствие различного рода конфликтов обосновывать социалистический характер своей работы, а следовательно — ее политический характер. Между тем, по убеждениям, всякая наука занимается поиском истины, которая не может быть политически навязана. Оставаясь средством управления, статистика стоит выше политики, чей путь она должна освещать. А получилось наоборот: вопреки их собственным убеждениям и традиции, которой они следовали, статистики вскоре будут подвержены различным формам политического давления, подталкивающим их к созданию теории и инструментария, соответствующих большевистским лозунгам о строительстве социалистической экономики и общества.

Но до какого предела они могли идти? Какая доля уступок могла войти в их теоретические построения? Каким образом такие уступки могли в ряде случаев ставить их на грань разрыва?² Границы допустимых компромиссов проходили между аргументами, служившими основанием для обвинений против них, с одной стороны, и позициями, которые еще с дореволюционных времен отстаивали различные политические группы и научно-политические круги, в которые они входили, — с другой.

Разработка статистики, стоящей на службе построения социалистического общества, отмечена четырьмя основными мо-

ментами. Первый характеризуется инструментализацией споров и обсуждений, традиционных еще для европейской статистики XIX века, например по поводу использования среднего как преимущественной статистической меры, закона больших чисел и мер дисперсии статистических рядов. Концепция «среднего человека» Кетле, в частности, квалифицировалась как буржуазная, а вот работы Ленина, написанные до революции, активно использовались для построения критической аргументации.

Второй момент заключался в характере различных сигналов, посылаемых репрессивным аппаратом в соответствии с ритмическим ходом советской истории: обычным явлением становится оправдывать аресты статистиков и экономистов, а также проводить судебные процессы над ними на основе обвинений, касающихся существа их статистической работы. Смещение ответственных работников с их постов нередко сопровождалось критическими публикациями в прессе. Это были новые сигналы, которые тоже подталкивали статистиков к более гибким построениям своих теоретических анализов. Напомним, что отстранение от должности руководителя Статистического управления Попова в 1926 году оправдывалось «ошибками», приписываемыми ЦСУ в его оценках хлебофуражного баланса и в способах измерения социального расслоения в деревне, что было в высшей степени вопросом с политическим звучанием. Каждое увольнение, каждый судебный процесс, каждый приговор служили новыми сигналами, исходящими из текстов самих обвинений, для осуждения, разумеется, и некоторых западных статистиков. К примеру, англичанин Пирсон был признан врагом, так как его философский трактат исходил из идей Маха, которого Ленин резко критиковал в «Материализме и эмпириокритицизме». В результате стало невозможным цитировать Пирсона, не осуждая его или же не обрекая самого себя на осуждение. Все эти обвинения основывались на смеси политического разоблачения и научной аргументации. Появляясь в момент какого-либо конфликта или судебного процесса, они тоже действовали как сигналы, хотя и не содержали в себе какой-либо единой логики и не предлагали никакой теоретической альтернативы.

Третий момент заключался в практике планирования, что систематически порождало конфликты между Статистическим управлением и Госпланом. Этот момент затрагивает саму сущность статистического действия и, во всяком случае, перестает быть чисто риторическим. Все возрастающая значимость планирования ставит экономическую статистику в центр выработки числовых данных в ущерб статистике социальной, с XIX века считавшейся приоритетной, и изменяет используемый инструментарий средств. План является не столько дис-

позицией, с которой ведется наблюдение, сколько, прежде всего, инструментарием, показывающим перспективу. Он должен давать соответствующие статистические показатели, чтобы направлять общее прогрессивное развитие страны, давать измерительные данные, касающиеся промышленного развития, и экстраполировать их на перспективу. Статистика должна давать адекватный измерительный аппарат. Показатели цен и производства, например, становятся твердым ядром статистической технологии.

Наконец, четвертый момент — демографическая перепись должна давать образ успешного осуществления замысла строительства социалистического общества. В этом качестве она представляет собой центральное звено в статистическом инструментарии, нацеленном на построение действительности. С середины 1920-х годов производство статистической продукции будет подчинено все более и более частым попыткам вмешательства партии в различные этапы сбора, обработки и обнародования данных. Конструкция категорий классификации индивидов и изучаемых объектов станет предметом обсуждения совместно с органами управления, как и в любой другой стране, но, более того, вынудит статистиков искать всевозможные согласования, чтобы стало возможным применение марксистской теории социальных классов и сталинской схемы понимания наций. Даже конкретные операции по сбору данных будут поставлены под контроль партии и общественных организаций, выступающих в качестве ее придатков.

В более широком плане акцент должен быть сделан на двойном использовании цифр: использовании техническом, чтобы дать плану материал, необходимый для его разработки, а также в качестве аргумента в политических спорах или в осуществлении пропагандистских действий. В различных конфликтах, происходивших на самом высоком уровне с 1924 года, политические руководители используют цифры, чтобы обосновывать и отстаивать свои позиции. В таких случаях статистики, если они продолжают придергиваться «реалистическому» видению статистики, которая соединяет цифры с научной правдой³, становятся косвенными жертвами, но также и исполнителями действия в политическом использовании цифр.

Инструментализация полемики

С точки зрения формы и содержания учебники по статистике, написанные на заре революции, глубоко коренились в европейской статистической традиции. Первые советские статистики прекрасно владели литературой, которую большинство из них изучало при получении образования. Дискуссии, касающиеся значимости различных статистических измерений, цитиро-

вание библиографических источников и недвусмысленные выражения признательности за влияние или по поводу интеллектуального долга четко показывают привязанность русской теоретической статистики к традициям немецкой статистики. Лексис, Рюмелин и Майр были наиболее часто цитируемыми авторами. Некоторые из первых руководителей ЦСУ посещали немецкие университеты во время зарубежных поездок и учебы до революции. Работы английских статистиков Боули и Юла, которые были сторонниками математической статистики, также часто отмечались, однако родственная связь с немецкой статистикой была особенно заметна в специфически русской традиции. Работы Янсона, А.А. Чупрова, Борткевича, Фортунатова или Орженского пользовались авторитетом и служили дополнительным, нередко оригинальным, национальным справочным материалом.

Русские учебники начала XX века, которые использовались и после революции, содержат ссылки на большую часть основополагающих дискуссий этого периода в Европе, и различные поколения советских статистиков будут заимствовать из них категории и после 1917 года. Споры вокруг концепции статистики, которую необходимо разработать в рамках социалистического общества, также будут опираться прежде всего на основополагающие разделения между математической теоретической статистикой и статистикой более описательной, основывающейся на социальном наблюдении, осуществляемом посредством опросов. Расхождения переосмысливались в ходе полемики. В учебнике Кауфмана «Теория и методы статистики»⁴, опубликованном в 1912 году и переизданном в 1922-м, излагается содержание некоторых дискуссий, в то время основополагающего характера. Их научное содержание и смысл будут постепенно меняться, наталкиваясь на политические противоречия.

Маркс, буржуазный статистик и средний человек

Спор вокруг среднего, вокруг закона больших чисел и, в более широком плане, вокруг использования теории вероятностей в статистике был особенно показателен, так как он иллюстрировал уже упомянутые процессы нарастания инструментального использования статистики. Целью в них было спасение среднего в качестве инструмента измерения, принимая в расчет также разнообразную критику, предметом которой оно становилось, в особенности ту, что была нацелена против его истолкования у Кетле. Кауфман представляет среднее как центральный измерительный инструмент, который непосредственно вписывается в традицию, берущую начало от Кетле⁵, принимая при этом на свой счет критические соображения, сформулиро-

ванные Рюмелином и Лексисом по этому поводу. В частности, он подчеркивает близость трактовок Зюсмилляха и Кетле, за исключением того, что механические закономерности, защищаемые последним, ставятся на место божественного порядка, имеющего место у первого. Он отмечает также, что «и сам Кетле, и в особенности некоторые из его последователей, считали именно, что в массовых данных, в частности в данных “моральной статистики” — статистики преступлений, самоубийств и т.п., — можно видеть серьезное противопоставление против допущения свободы воли»⁶. По его мнению, позиция, занимаемая Кетле, по-видимому, ведет к моральному фатализму, отрицающему свободу индивидуальной воли, и к одной из форм социального фатализма, которая вынуждает считать, что общество зависит от каких-то высших законов, против которых совершенно невозможно бороться.

На первый взгляд, позиция, занимаемая Кауфманом, может показаться парадоксальной. Отбрасывая идею о существовании законов, извне управляющих человеческим существом, он может показаться близко стоящим к марксистской концепции человеческой деятельности. Вместе с тем это отбрасывание приводит его через критику среднего человека к преувеличению значимости индивидуалистического подхода в гораздо большей мере, чем глобального или коллективистского, так как свобода воли ставит индивида над всем тем, часть чего он составляет. Поступая так, он ставит себя в положение человека, разделяющего идеи наследия Лексиса, который подчеркивал значимость меры дисперсии, чтобы иметь возможность представить многообразии действительного⁷.

С 1920-х годов закон больших чисел, составляющий один из главных полюсов легитимации статистики как науки, стоящей на службе измерения социальных фактов, подвергся нападкам, исходящим из среды, внешней по отношению к статистикам. В отличие от Кауфмана, те люди, которые подвергли критике его формулировку, не оперировали аргументом о свободе воли, а настаивали на том факте, что замеченные тенденции не являются безусловно обязательными, что как будто бы придавало относительный характер действиям государства. Между тем, с их точки зрения, закон больших чисел как раз и приводил к тому, что социальным процессам приписывался безусловно обязательный характер, а политическому воздействию на общество — характер иллюзорный. Более того, он якобы оправдывал идею устойчивости капитализма, а следовательно — и его незыблемый характер. Таким образом, в противоположность критике с либералистской сущностью, имевшей место в начале века, они вновь включили в свои суждения однозначное видение мира, ставя под сомнение существование закономерностей, которые они ассоциировали с «буржуазными» законами.

Однако для самих статистиков вообще не может быть статистики без закона больших чисел. Поэтому они оказались вынуждены предложить такое его применение, которое не ставило бы под вопрос его теоретическую основательность, но учитывало бы нападки, высказанные в его адрес. Постепенно они вырабатывают аргументацию, итоговую формулировку которой Старовский представит в 1936 году. Правда, ему понадобится виртуозная акробатика в изложении⁸. Сначала он приводит классические примеры, заимствованные из учебников начала века, чтобы проиллюстрировать применение закона больших чисел, то есть постоянство феномена, даже его универсальность, в том случае, если мы имеем дело с большой численностью населения. Он, в частности, приводит в порядке примера соотношение рождений людей мужского и женского пола и пропорцию писем без адреса. Однако, признавая значимость этого закона в указанных случаях, он предлагает и другие примеры явлений, чтобы дезавуировать истолкование, которое придают закону «буржуазные ученые»:

«Буржуазные ученые помимо этих действительно существующих правильностей придумали еще ряд других. Буржуазные ученые утверждали, например, что число преступников (воров, убийц и т.д.) из года в год составляет примерно один и тот же процент к общему количеству населения. Здесь допускалась большая подтасовка, так как процент преступлений сильно меняется: в годы кризисов воровство увеличивается, в годы относительного улучшения — сокращается, но если взять годы экономически одинаковые, то среднее число преступлений и процент преступников к общему числу жителей при одних и тех же социально-политических условиях действительно обнаруживают некоторую устойчивость»⁹.

Следуя однозначной логике марксистского способа мышления, Старовский не ставит под сомнение существование законов, стоящих выше индивидов. Напротив, ссылаясь на историчность этих законов, свойственных некоторой данной социально-исторической системе, представляется как наиболее существенная. Но в таком случае государство может изменять эти законы с целью заменить их другими. Затем следуют все более и более абсурдные примеры, призванные подкрепить эту аргументацию:

«Некоторые буржуазные ученые придумывали еще более замысловатые закономерности. Так, например, известный историк Бокль¹⁰ подсчитал, что в течение восемнадцати лет (с 1826 по 1844 г.) из года в год число преступников во всей Франции равнялось числу умерших в Париже. Сколько человек в Париже умерло, столько же примерно человек в этом же году было во всей Франции осуждено за преступления. Ясно, что здесь случайное совпадение цифр»¹¹.

Этот параграф заслуживает внимания. Он иллюстрирует политический способ аргументации, весьма нередко используемый в те времена для опровержения статистических результатов: когда числа оказываются противоречащими «очевидности», возникает подозрение, что они подтасованы, или же они приписываются воле случая. Тем не менее такое опровержение уже не основывается на каких-то общих соображениях, оно меняет регистр, вплоть до того, что становится анекдотичным. Действительно, в конце 1930-х годов спор об истолковании соотношения в категориях причинности, что и является центральным для рассматриваемых вопросов, еще не очень разгорелся.

Старовский продолжает:

«Буржуазные ученые думают, что есть такие свыше установленные законы, которые человеку понять и объяснить нельзя. [...] И вот, по мнению буржуазной статистики, закон больших чисел — это такой таинственный закон, при помощи которого можно обнаружить и измерить недоступные и непонятные человеческому уму законы. Один из буржуазных статистиков, Зюсмилх, так прямо и писал, что при помощи закона больших чисел выясняется “божественный порядок”. [...] Если есть такие законы, на основании которых явления из года в год повторяются, если в каждом следующем году повторяется то же, что было в предыдущем, — значит, на свете ничто не изменяется, значит, буржуазный строй будет существовать вечно. И напрасно жалуются рабочие на высокую смертность, на голод, на безработицу, на рост преступности. Есть такой закон, что каждый год должен быть определенный процент воров, убийц, самоубийц, голодающих безработных и т.д. Так проповедовали буржуазные статистики по заказу своих хозяев не только двести и сто лет тому назад, но так же проповедают они и в настоящее время»¹².

Неизбежный характер явлений, который, как ему представляется, подсказан статистическими закономерностями, и отсутствие ссылок на историю отвергаются Старовским на том основании, что в таком случае всякое человеческое и политическое действие было бы обречено на бессилие. Споры, которые в конце 1920-х годов велись вокруг теории экономических циклов, развиваемой, в частности, Кондратьевым и раскритикованной за то, что согласно ей после каждого очередного кризиса капитализм возрождается, принадлежат к тому же регистру. Более того, в контексте императивного планирования нельзя допускать, что временной ряд может иметь логическую последовательность в событийных связях, независимо от внешнего воздействия.

Аргументация вновь доводится до абсурда, только бы дезавуировать статистический инструментарий:

«Многие буржуазные ученые на Западе объясняют капиталистические кризисы, голод и нищету пролетариата влиянием солнечных пятен. А американский профессор Мур объясняет всю политическую и экономическую историю человечества влиянием планеты Венеры. Вот до каких нелепостей доходят буржуазные ученые, когда надо объяснить, что все несчастья капитализма вызваны не капиталистами, а Солнцем или Венерой»¹³.

Регистр анекдотичности вновь служит источником, поставляющим элемент доказательности:

«В 1929 г. на Украине судили вредителя Ефремова¹⁴. В судебной хронике сообщалось, что некоторые члены вредительской организации пытались при помощи закона больших чисел установить зависимость между числом пятен на Солнце и судьбой советской власти. По их расчетам советская власть должна была пасть не позднее как в... 1929 г.(!)»¹⁵.

Вместе с тем в данном случае аргумент выходит за пределы анекдотического ряда. Доказательность усиливается указанием на качество того человека, который использовал закон больших чисел, «вредителя», а также указанием на его юридическую участь: он был обвинен в том, что являлся членом вредительской организации. Старовский оказывается вынужденным принять во внимание правовые решения, чтобы высказать критические соображения, в основательность которых он сам по настоящему не верит. Но в конечном итоге он все равно спасает *in extremis* закон больших чисел, прибегая к опоре на отцов-основателей Маркса и Ленина:

«После прочтения всего того, что здесь написано об истории закона больших чисел, у многих читателей, вероятно, сложится впечатление, что закон этот — буржуазная выдумка и что мы рассказали о нем только для того, чтобы показать, какие нелепости проповедует буржуазная наука.

Но это не так.

Мы критикуем неправильное применение закона больших чисел. Этот же самый закон, но уже в правильном применении мы встречаем и у Маркса, и у Ленина. (Маркс называет этот закон законом средних чисел.)»¹⁶.

Теории, представшие перед судом

Оставалось определить социалистическое использование среднего. Его применение было поставлено под вопрос, когда этот показатель стал служить основанием для формулирования законов. Критика такого рода стала обычной практикой в 1930-е годы после судебных процессов над Кондратьевым, Базаровым

и Громаном и осуждения их теории циклов. Это были первые крупные процессы над представителями профессиональных кругов статистиков и экономистов. Сначала, в 1930 году, был арестован Кондратьев, которого судили в рамках «процесса промпартии». Позже, в 1931 году, Громан был обвинен в рамках «судебного процесса над меньшевиками»¹⁷.

В учебнике по статистике, созданном под руководством Ястремского и Хотимского и вышедшем в свет в 1935 году¹⁸, авторы критикуют экономистов из своего ближайшего окружения за то, что они пытались использовать некоторые статистические инструменты в манипуляторских целях, но в то же время стремились выдвинуть аргументы, чтобы спасти статистику от полного осуждения:

«Представители российской буржуазной науки, позднее разоблаченные как вредители, использовали статистику как оружие борьбы против социалистического строительства в СССР. Вредитель Кондратьев доказывал незбылемость капиталистического строя при помощи анализа статистических кривых и одновременно статистически доказывал «невыгодность» индустриализации СССР. Базаров в борьбе против принятых темпов социалистического строительства доказывал свою теорию «затухающей кривой»; по его мнению, пределом развития советского хозяйства является довоенный уровень. Громан доказывал наличие в советском хозяйстве «эмпирических закономерностей» капиталистической России и, чтобы сорвать хлебозаготовки, составил вредительский хлебофуражный баланс. Все они вместе с соратниками и подголосками статистически «доказывали» невозможность и нереальность принятых темпов социалистического строительства и всячески искажали статистические цифры, лежащие в основе социалистического планирования»¹⁹.

Не имея возможности установить теоретические основания статистики, которую можно было бы квалифицировать как социалистическую, статистики тщетно пытаются определить, какой она должна быть, ссылаясь на мотивы, лежавшие в основах осуждающих приговоров. Речь, таким образом, в гораздо большей степени шла о том, чтобы поставить под сомнение так называемые ошибочные толкования или же якобы сделанные фальсификации и искажения данных, чем разработать новую совокупность статистических понятий и методов, собственных социалистической экономике и социалистическому обществу. Развенчание некоторых подходов возникает не из критики конструкций орудий действия как таковых, а из отвержения политических выводов, которые влечет за собой их использование. Следовательно, речь шла в гораздо большей мере о политической дискуссии по поводу использования этих

инструментов, чем о различиях в их теоретических основаниях. К примеру, если какие-то числовые данные использовались в качестве аргументов противниками Сталина в политических спорах, их обязательно нужно было дискредитировать. Например, в конце 1920-х годов и в начале 1930-х Сталин сделал окончательный выбор в пользу форсированных темпов индустриализации, которая финансировалась за счет изъятия в массовых количествах сельскохозяйственной продукции. Это было сделано вопреки мнению многих экономистов — в их числе, в частности, были Кондратьев и Громан, — а также вопреки мнению значительной группы большевиков во главе с Бухариным. Вот тогда-то теории этих экономистов были опровергнуты Сталиным и его окружением, а статистики были вынуждены приспособить свой язык к этой новой ситуации.

В целом осуждение буржуазной статистики затрудняет использование теоретических обоснований и технологических приемов статистики, представленных в работах авторов, которых отнесли в разряд «буржуазных». В результате задачи, стоявшие перед работниками Статистического управления, осложнились еще больше, поскольку эти нападки откровенно и систематически продолжались на протяжении 1920-х годов. В том числе и такими убежденными статистиками-марксистами, как Мария Смит, бывшая членом Коммунистической академии, профессором статистики в Институте народного хозяйства им. Плеханова, а позже в Институте красной профессуры. Бывшая когда-то ученицей Боули, она в гораздо большей мере находилась под влиянием его положений, чем под влиянием русской статистики²⁰. Такая ситуация приводила статистиков 1930-х годов к большому разнообразию в высказываниях и — парадоксально — к знакомству с основополагающими работами «буржуазных» авторов, критикуемых ими. С этой точки зрения, предисловие к коллективной работе, выполненной под руководством Ястремского и Хотимского и опубликованной в 1930 году²¹, свидетельствует об огромной статистической культуре и одновременно о несомненной ловкости, позволяющей выпутаться из затруднительных положений, связанных с политическими позициями. Так, обязательные библиографические ссылки содержатся уже во введении, а их содержание отвергается критикой в адрес буржуазной науки и статистиков, которые зачисляются в разряд ее представителей:

«Математическая статистика до самого последнего времени разрабатывалась буржуазной наукой.

Из числа многочисленных столпов ее достаточно назвать известного махиста²² Карла Пирсона или таких буржуазных экономистов, как Фишер²³, Борткевич, Митчелл, Боули, фашисты — Парето и Джини и т. д.»²⁴

Осуждение Кондратьева также способствовало разоблачению буржуазных статистиков, с кем ассоциировалось его имя, — Митчелла, Боули и Мура, которые активно способствовали разработке теории циклов. Митчелл однажды уже признал свой долг перед Кондратьевым в работе, опубликованной в 1927 году²⁵. Основатели Эконометрического общества в Лондоне в 1930 году, трое статистиков, в августе 1933 года поддержат избрание Кондратьева, находившегося тогда в заключении, членом-основателем этого общества.

Помимо высказываний и соображений, связанных с обстоятельствами, учебники Ястремского и Старовского дают нам ключ к пониманию того, как вырабатывались, моделировались, трансформировались или подвергались критике статистические инструменты в зависимости от определенной политической ориентации. Не отбрасывая теоретические основания, на которых стоит их собственная легитимность, статистики вынуждены подумать над истолкованием значимости некоторых инструментов, используемых ими, или же об использовании иных орудий, лучше приспособленных к контексту данного момента. В таких случаях характер политического действия тяжелым грузом ложится на теоретическую аргументацию. Так, наряду с критическими высказываниями, которые следуют за арестами и процессами и которые вытекают из пассивного, но реалистического взгляда на ситуацию, статистики 1930-х годов начинают вырабатывать инструментарий, необходимый для последующего плано-централизованного управления экономикой и обществом. Это было переходом к подлинному обновлению приоритетных инструментов исследования, но одновременно и к истолкованию полученных числовых данных.

Первые робкие шаги в разработке народнохозяйственного учета

Таким образом, в 1930-х годах советские статистики ведут споры по поводу выбора надежной исходной позиции, необходимой для научной, универсально значимой статистики, и не менее необходимого размежевания между статистикой «буржуазной» и статистикой, стоящей на службе социалистического общества. До какого-то времени эта амбивалентность не вносила существенных потрясений в теоретические основания статистики, а свелась к инструментализации прежних споров. Отметим все же, что теоретические и практические направления статистической работы начали меняться с середины 1920-х годов, прежде всего под влиянием политических столкновений и растущего давления со стороны Госплана. Но это происходило также и вследствие первой смены кадров в ЦСУ и прихода на работу статистиков, получивших образование уже

после революции, в Институте им. Плеханова или в Коммунистической академии.

Первые политические проявления глубинных изменений становятся заметными в начале 1930-х годов в связи с обсуждением вопроса о перерастании статистики в учет «в условиях социализма». На первый взгляд, формы выражения в этой дискуссии выглядели карикатурными. В частности, это видно на примере программной работы Осинского «Что значит учет»²⁶, опубликованной в 1932 году. Роль статистики по отношению к всеобщему учету в ней четко определена:

«Постановка же учета есть в первую очередь задача методологическая и организационная. [...]

Но дело не только в том, что мы проводим индустриализацию, но и в том, что это социалистическая индустрия, что мы строим социалистическую экономику и социалистическое общество. Уже в буржуазных условиях современное крупное предприятие требует высоко развитой постановки учета. Но ведь объясняется это тем, что уже в недрах крупных буржуазных предприятий развивается общественная форма труда, подготавливается обобществление процесса производства. При переходе же к социализму учет должен охватить все сферы хозяйственной и общественной жизни, внедриться во все мельчайшие их составные звенья

[...] Вместе с изживанием остатков капитализма в экономике и сознании людей статистика все больше отстывает на второй план перед прямым народнохозяйственным учетом. Недаром поэтому прежде ЦСУ стало теперь ЦУНХУ. Это переименование не случайно и характеризует перемену в направлении деятельности целой системы органов»²⁷.

На какое-то время эта работа становится главной, на которую ссылаются в работах по статистике. В ней отражено основное изменение: поскольку отныне и навсегда статистика будет служить плану, она сама должна превратиться во всесторонний бухгалтерский учет, то есть давать расчетные основания для общегосударственного планирования. Но в таком случае нужна ли она как особая целостная наука?

«Сохраняется ли статистика при переходе к коммунизму?

Однако то, что на первый план выдвигается учет, еще вовсе не означает полного вытеснения и умирания статистики. Не говоря уже о том, что в сфере изучения стихийных явлений природы завоеванное статистикой место должно за ней сохраниться, статистический метод и операции статистического характера сохраняют свое значение и для общественной жизни — отчасти на время перехода от низшей фазы коммунизма к высшей, отчасти при коммунизме вообще. В последнем случае материалом для применения статистических приемов оказываются такие явления «общественного производства человеческой

жизни», которые общество может регулировать лишь косвенно, — это явления, связанные с факторами биологическими, природными. [...] Так, например, только карикатурой на коммунизм можно признать утверждение, что при нем будут сознательно и непосредственно регулировать и планировать заключение браков и воспроизводство населения. Брачные отношения при коммунизме, наоборот, становятся действительно свободными, поскольку низвергается иго капитала»²⁸.

Осинский понимает пределы применимости такого подхода и отказывается распространять это суждение на все стороны социальной жизни. Он разделяет то, что относится к области биологических явлений, и то, что принадлежит к области социальных поведенческих действий, которые, как он признает, не поддаются ни контролю, ни планированию. Он перенимает идею о существовании некоторого поля свободы людей в их деятельности и идею о некоторых сторонах в их социальных поведенческих действиях, которые не подчиняются биологическому началу.

Эта аргументация будет в дальнейшем временами нарастать. Спустя несколько лет статистика будет отчасти реабилитирована как самостоятельная дисциплина. В 1930 году Сталин утверждал на XVI съезде партии, что «учет немислим без статистики». Эта фраза в последующем будет неоднократно повторяться людьми, которые будут выступать с нападками на Осинского. Когда он был арестован в октябре 1937 года (его расстреляли в сентябре 1938 года), люди, допрашивавшие его, как раз и ставили ему в вину позицию, занятую им по отношению к учету. Отныне требовалось осуждать его теорию и утверждать, что

«в этом отношении “теория” отмирания статистики в условиях социалистического хозяйства, которую упорно проповедовали враг народа Осинский и др., “теория”, подрывающая всю систему народнохозяйственного учета, является вредительской. [...] Значение народнохозяйственного учета в целом и статистики в особенности должно неуклонно возрастать»²⁹.

Статистика будет полностью реабилитирована в 1948 году, когда ЦСУ вновь обретет полную самостоятельность по отношению к Госплану. Более того, ее задачей станет осуществление контроля над расчетами этого управления. Гораздо позднее, в 1960 году, сам Старовский выступит с самокритикой, правда, в умеренных выражениях, по случаю публикации одной работы, касающейся истории статистики в СССР, в которой он укажет:

«В экономической литературе излагались и всякого рода левацкие “теории”, например “теория” отмирания денег при социализме или “теория” отмирания статистики при социализме

(перерастания статистики в учет), впервые выдвинутая в статьях академика В.В. Осинского [...]. Автор настоящей статьи в своих работах, относящихся к 1932–1935 гг., также разделял эту “теорию”. Жизнь наглядно показала никчемность и ошибочность подобных “теорий”, отвлекавших внимание научных кадров от актуальных вопросов статистической теории»³⁰.

Формы, которые приобрело преобразование статистики в учет, несмотря даже на то, что они довольно быстро оказались поставленными под сомнение, тем не менее оказались весьма существенное влияние на применение статистики и используемый ею инструментарий. Прежде всего этот период характеризуется почти полным исчезновением социальной статистики. Научная претензия на универсальную применимость статистики, возникшая в XIX веке и защищаемая в России такими статистиками, как Попов или Гернет, уступает место непосредственному использованию чисел для целей осуществления расчетов, чтобы предоставить в распоряжение Госплана необходимые данные для разработки и числовых оценок пятилетних планов. Статистические данные, производимые в 1930-х годах, были главным образом демографическими, а теоретическое содержание опубликованных программ и учебников по статистике было чрезвычайно обеднено.

Зато быстро развивается новая область статистики, основывающаяся на прогнозировании и конструировании показателей. Прикрываясь традиционной фразеологией, статистики разрабатывают новые подходы, нацеленные на создание общегосударственного учета, отголосок чего мы находим в учебниках, опубликованных в 1930-х годах³¹. В них главы, в которых рассматриваются «относительные величины» и показатели, занимают все более и более важное место, поддерживая иллюзию использования статистических технологий сугубо для учета.

Балансовое соотношение, предназначенное для сравнения двух количественных величин (например, промышленного и сельскохозяйственного производства), «относительные величины» служат инструментами, создаваемыми исключительно для расчетов целевых показателей плана. Сами показатели позволяют установить тесную связь между требованиями планирования и традиционными статистическими действиями. Этот термин обязан своим появлением дискуссии, проходившей в 1920-х годах. Так, в 1925 году Мария Смит оставила использование русского слова «индекс» исключительно для расчета цен. При этом она отметила, что это слово по своему этимологическому происхождению является английским и что русское слово показатель (индикатор) тоже вполне пригодно³². Это замечание свидетельствует о недавнем происхождении этого обозначения в тот период и неуверенности в возможностях его использования. Напротив, в 1930 году Н.М. Виноградова публикует работу, целиком посвященную показателям³³. Границы

применимости термина обретают, таким образом, четкое очертание. Несколько позднее два учебника углубляют положения, касающиеся этой области, — учебник Н.М. Новосельского и Ю.А. Подольского³⁴, появившийся в 1938 году, и учебник Л.В. Некраша, опубликованный в следующем году³⁵.

Программа подготовки кадров по технологии учета на предприятиях и по теории статистики, введенная Статистическим управлением в 1934 году³⁶, учитывала эти новые направления. В ходе рассмотрения программы методологический совет управления подчеркнул необходимость ограничиться тем, что он обозначил как предмет статистики: выработка категорий, расчет среднего и показателей, а также метод опросов. Как видно, речь шла не об объектах изучения, а только об инструментарии. В этой области единственным нововведением, по сравнению с предыдущим десятилетием, был расчет показателей, сфера применения которых была строго определена в рамках планирования, что тоже тормозило некоторые нововведения.

Другое преобразование, происходившее в этот период, — унификация народнохозяйственного бухгалтерского учета в СССР — должно было повлечь за собой установление единой системы учета:

«Прежде всего, совершенно очевидно, что характерная для переходного периода двойственность системы учета — существование и обособление государственной статистики и ведомственного учета — не может дальше сохраняться. Государство как единый хозяин единого народнохозяйственного предприятия должно будет организовать стройную и целостную систему наблюдения и контроля над всем ходом общественного воспроизводства»³⁷.

Эта унификация всех этапов учета, от начальной регистрации до централизованной обработки данных, должна была сделать возможным осуществление единого контроля и единого — как бухгалтерского, так и статистического — истолкования таких демографических показателей, как экономическая активность населения. И в то же время она должна была гарантировать соответствие учетных показателей предприятий общенациональным учетным показателям³⁸. Эта утопическая унифицированная учетная система не была исключительно изобретением СССР. После Второй мировой войны мы можем заметить ее несколько нюансированную форму в европейских странах, стремившихся к созданию своей собственной системы национального учета³⁹.

Учет и планирование численности населения

На демографическом анализе также сказалось широкое применение проекта планирования во всех областях социально-экономической деятельности государства. Его прогностичес-

кий аспект ограничивается теперь включением прогнозов по населению в рамки пятилетнего плана. Вместе с тем требования планирования подталкивают статистиков поставить вопросы о значимости демографического прогнозирования и разработке в этом плане оригинальных методик⁴⁰. Новые теоретические разработки следуют в паре с реальными нововведениями. Прежде всего, долгосрочные, а возможно, и среднесрочные демографические прогнозы рассматриваются как бесполезные для планирования, а метод соответствующих расчетов подвергается критике:

«Так, в ряде буржуазных стран статистические органы и отдельные ученые за последние годы произвели исчисление населения вперед на несколько десятков и даже сотен лет. (В Германии исчисления населения доведены до 1975 г., во Франции до 1956 г., в Италии до 1961 г., в САСШ до 2000 г., в Дании до 2011 г., в Швеции до 2150 г.)⁴¹ Все эти расчеты основаны на данных на определенный момент, которые либо сохраняются абсолютно или берутся относительно устойчивыми, т.е. сохраняют эволюцию изменения за предыдущие годы.

Никакой попытки связать численность населения с развитием, размещением и перемещением производительных сил, с ходом классовой борьбы в обществе, а тем более с изменением социального строя, не сделано. (Собственно говоря, смешно было бы думать, что сейчас, в 1932 г., мы можем установить уровень развития производительных сил для 2130 г., так как, безусловно, после победы пролетариата во всем мире мы будем иметь такой пышный расцвет производительных сил, который мы себе теперь и представить не можем. [...] Очевидно, что не менее смешно было бы сейчас устанавливать высоту рождаемости и смертности для 2130 г.)⁴².

Критика была направлена главным образом на то, что в этих прогнозах не принимаются во внимание характеристики развития экономики и общества. По мнению указанных авторов, это создает иллюзию стабильности и созвучно высказываниям «буржуазных» статистиков по этому вопросу. Вместе с тем, они ссылаются в особенности на необходимость, диктуемую планом, когда подчеркивают обязанность принимать во внимание отношения между различными статистическими величинами. Путь следования предлагался узкий и политически рискованный — между критикой прогнозов, которые предполагали долгосрочную стабильность, и разработкой краткосрочных или среднесрочных прогнозов.

В 1932 году три демографа, в том числе Курман, делают прогнозы, используя метод передвижек по возрастам⁴³. Они прогнозируют по отдельности различные возрастные группы, что было в то время новаторством, хотя и делалось не впервые⁴⁴.

Однако эти прогнозы составлялись только на второй пятилетний план (1933–1937). Вести расчеты было необходимо, прогнозировать детализированный состав населения тоже, но исключительно в рамках строгой логики управления экономикой, для чего не обязательно делать среднесрочные или долгосрочные прогнозы. Все это служит прекрасной иллюстрацией всей сложности соотношений между статистическим наследием и изменениями в разработке статистического инструментария. При нужде со стороны политической управленческой команды иногда подталкивает к нововведениям, становящимся результатом методологических компромиссов, которые статистики вынуждены разрабатывать⁴⁵.

Подобные методологические раскладки бывает очень трудно постоянно использовать. Например, демографические данные, необходимые для того, чтобы прогнозировать показатели рождаемости и смертности по возрастным группам, ставят статистиков перед трудноразрешимыми проблемами. Так, в 1932 году они наблюдали уменьшение рождаемости в Ленинграде уже в течение многих лет, но знали, что рождаемость падает, когда жизненный уровень растет, как это было в развитых капиталистических странах. Тем не менее в своих исследованиях они были вынуждены считаться с официальной идеологией, провозглашавшей, что при социализме благосостояние растет, что способствует росту рождаемости. Это положение вело к длинным рассуждениям, призванным обосновать прогнозирование такого уровня рождаемости, который вопреки всякой очевидности обеспечивал рост населения. Авторы этого прогноза, хотя и понимали, что существует связь между экономическим развитием и рождаемостью, не могли говорить об этом со всей откровенностью. Перед лицом угроз, которым они подвергались в середине тридцатых годов, и стремлением власти использовать их наблюдения в политических целях статистики пытались найти себе убежище в практике учета.

От открытия социального факта к бюрократическому учету

В 1835 году Адольф Кетле, бельгийский математик, астроном и статистик, заложил основы теории общества на базе статистического измерения⁴⁶. Он хотел создать науку об обществе, которая, по аналогии с моделью естественных наук, предоставляла бы концептуально-методологические рамки для понимания социального начала и его преобразований. В конце XIX века Дюркгейм прибегает к помощи статистики, чтобы сконструировать «социальный факт», а затем подвергнуть его анализу⁴⁷. Эта концептуально-методологическая революция отводила статистикам, служащим научному и рациональному правительству, привилегированное место в государстве.

Формы социальной деятельности, которые в тот период осуждались моралью, рассматривались им как формы «социальной патологии». Вследствие этого самоубийства, аборты, проституция и преступность вызвали полемику между людьми, которые утверждали социальный характер отклонений, и теми, кто отдавал предпочтение биологическому объяснению. Самоубийство, возведенное Дюркгеймом в ранг социального факта⁴⁸, становится центральным предметом суждений тех, кого с тех пор именуют моральными статистиками.

Это нововведение социологического анализа имело не только методологическое значение, но и политическое. В самом деле, люди, входящие в правительство, становятся гарантами поддержания определенной формы социального порядка и в особенности, подобно врачу, искоренения всякого выражения нарушений в функционировании «социального тела». Между статистиками и политическими деятелями возникает новый характер отношений: правителям — принятие решений о том, как лечить, статистикам — выявление проблем, формулирование объяснений и предложений по их возможным решениям⁴⁹. Статистика получает легитимацию своей способности находить количественные характеристики человеческого поведения, измерять его распространение и намечать контуры социальных или национальных групп.

В начале 1920-х годов русские статистики, бывшие выходцами из дореволюционного периода, были хорошо знакомы с этими дискуссиями. До 1917 года некоторые из них, такие, как Михаил Гернет⁵⁰, создали целый ряд работ по теме статистической морали о самоубийствах, абортах и преступности⁵¹. Его ученик Михаил Птуха в 1916 году защитил диссертацию по статистике народонаселения и моральной статистике⁵².

В 1920-е годы эти статистики займутся подготовкой многочисленных работ по моральной статистике в рамках отдела ЦСУ, созданного для этих целей. После создания отдела в 1920 году Гернет становится его руководителем. В 1920 году этот отдел насчитывает десять статистиков, в то время как в отделе статистики народного здравоохранения было всего шесть работников. Но в 1930-е годы эти работы будут прекращены. Отдел моральной статистики был упразднен в 1929 году, а в последующие годы вместо рассмотрения этих вопросов статистики будут заниматься проведением подсчетов, оставляя в стороне аналитическую работу.

Такой социальный факт, как аборты, наглядно показывает, как его анализ был сведен к простой бюрократической регистрации⁵³. С начала 1920-х годов в центре статистической работы находились действия по обнаружению «социальных патологий» и их превращение в объекты принятия политических решений, первоначально либеральных, а затем репрессивных. Социоло-

ги, статистики, медики, работники здравоохранения, юристы и политические руководители вели по этим вопросам открытую полемику.

С XIX века эти дискуссии волновали в гораздо большей мере научно-медицинское сообщество, чем политический мир. В самом начале XX века многие русские врачи, разделявшие либеральные взгляды, воспользовались этими спорами, чтобы легализовать соответствующую практику, которая тогда все еще оставалась подпольной⁵⁴. В то время вопрос рождаемости в России еще не занимал столь значительное место, как во Франции⁵⁵. Напротив, положение и права женщин⁵⁶, так же как и социально-экономический контекст этой практики, продолжали оставаться в центре обсуждений. Многие считали, что практика абортов прекратится, когда будут улучшаться условия жизни, а следовательно, она должна быть выведена из-под правового запрета, ибо речь идет о социальном отклонении, а не о преступном поведении⁵⁷.

В результате всех этих дискуссий вскоре после революции, в 1920 году, был принят закон, снимающий уголовную ответственность за совершение аборта, который, таким образом, признается как социальный факт⁵⁸. Правда, это было, скорее, провозглашение принципа, чем закон в строгом смысле, поскольку в нем не предусматривалось никаких конкретных мер. В частности, он не уточняет никакого предельного срока беременности.

В июле 1924 года введение в действие системы индивидуальных регистрационных карточек делает возможной разработку статистики абортов, впрочем, тогда еще далеко не полной⁵⁹. Эта система свидетельствует о стремлении проследить их динамику и особенно выявить их социальную природу. В данном случае статистика используется не для контроля, а для понимания. Знаменательный факт: цифры подготавливаются и публикуются отделом моральной статистики ЦСУ, а не Комиссариатом здравоохранения. Годовой отчет, опубликованный в 1927 году, содержит многочисленные данные, касающиеся причин практики абортов и социально-этнических факторов, которые их определяли. Эта система статистической регистрации работает вплоть до 1936 года, хотя уже начиная с 1927 года соответствующие данные не публикуются. Исследования статистиков свидетельствуют о наличии действительного стремления понять аборт как социальный факт, что и подтверждает заведующий отделом социальной статистики Красильников в предисловии к годовому отчету за 1926 год: «Публикуемые материалы, несомненно, дают возможность для углубленного изучения социального явления — абортов»⁶⁰. Аборт рассматривается как особый и очень важный объект социологического анализа, чье исследование позволяет понять состояние послереволюционного общества. В те годы работы по социологическому анализу пере-

живали в СССР свой апогей, трудно было предположить, что дни их были уже сочтены.

Упорядочение и стремление достичь понимания быстро уступают место запретам и репрессиям. С конца 1920-х годов начинается кампания против аборт, которая кладет конец этому золотому веку социальных изысканий в СССР. Практика аборт запрещается законом от 27 июля 1936 года⁶¹, чему предшествовала широкая кампания в прессе, охватившая после 1935 года всю крупную советскую периодику. Газеты били тревогу по поводу числа аборт, выявленных в годовых итогах за 1920-е годы. Вместе с тем цифры, опубликованные в 1920-х годах, противоречили официальным политическим утверждениям о взаимосвязи между уровнем жизни и аборт.

Согласно этим утверждениям, улучшение жизненных условий приведет к снижению числа аборт, а в более широком плане — к росту числа детей в расчете на одну женщину, как следствие больших возможностей содержания детей в семьях, общественного воспитания детей и социальных механизмов, поощряющих материнский труд. Между тем все статистические данные показывали, напротив, что женщины, являющиеся выходцами из буржуазных кругов, чаще прибегают к искусственному прерыванию беременности, чем женщины из простого народа. Одни в то время требовали развития производства противозачаточных средств, другие отрицали очевидные факты, игнорируя цифровые данные, и поддерживали идею о существовании прямой связи между ростом рождаемости и улучшением жизненного уровня. Триумф второй позиции, более соответствовавшей марксистской догме, приводил к тому, что предпочтение отдавалось исключительно теоретическим аргументам, все работы по социальному наблюдению были отодвинуты на задний план.

Внимание, уделяемое рождаемости, усиленное демографическими катастрофами 1920-х и 1930-х годов, также объясняет победу этой позиции.

Поскольку наблюдения противоречат теории, не остается ничего другого, как предпринять репрессии. В стране создают иллюзию обсуждения. Появляются несколько статей в поддержку сохранения законодательства 1920-х годов, которые, однако, тонут в потоке враждебных статей. Своим тоном они свидетельствуют о происходящих глубоких изменениях, что и подтверждается преамбулой к закону 1936 года с положениями без конкретного содержания. Социальное наблюдение исчезает из деятельности статистического управления.

Аборты становятся объектом обсуждения и законодательной практики без связи с углубленными изысканиями, проводившимися десять лет. Закон больше не оказывается результатом

анализа, а только результатом утверждения политической воли или даже некоей морали. Никаких отсылок к социальным различиям или жизненным условиям в нем не приводится. Детализированная статистическая регистрация также устраняется. Однако подсчеты аборт для медицинских целей продолжают, в особенности тех, что начинались вне клиники, то есть отчасти являлись подпольными. Производство статистических данных превращается в простой учет, предназначенный для слежения за развитием подпольной практики аборт, в орудие контроля над соблюдением законодательных актов и орудие управления в сфере больничной политики. Отчеты, опубликованные в 1938 году, доходят даже до того, что истолковывают снижение уровня рождаемости как результат несоблюдения закона 1936 года⁶². Демографическое поведение уже не рассматривается как отражение социального поведения или как индикатор состояния общества. В 1938 году Саутин, тогдашний управляющий статистикой, подчеркивал:

«Статистические данные показывают, что, после издания постановления ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. о запрещении аборт, производство аборт резко упало [...]. Однако по ряду городов удельный вес аборт продолжает оставаться высоким. [...]

Необходимо отметить, что подавляющее большинство (89–97%) аборт составляют так называемые неполные, искусственно вызванные, начавшиеся вне лечебных учреждений аборты. Таким образом, больницы вынуждены оканчивать эти аборты.

Приведенное положение объясняется тем, что НКЗдрав СССР и его местные органы не ведут надлежащей борьбы с аборт»⁶³.

Умереть в СССР

Исследования, относящиеся к смертности, также свидетельствуют о превращении моральной статистики в бюрократический учет. В начале 1920-х годов отделу моральной статистики было поручено публиковать данные по самоубийствам. Его действия в этой области очень напоминают то, как поступали в случае с аборт. Статистическое управление заключает соглашение с Народным комиссариатом внутренних дел (НКВД) о регистрации самоубийств отделами записи актов гражданского состояния на специальных бланках, начиная с февраля 1922 года. Централизация сбора и публикации данных ведется одновременно с исследованием на базе глубокого статистического подхода к рассматриваемым явлениям. Для заполнения бланка запрашиваются многочисленные сведения о национальности, возрасте, поле, мотиве и средствах, использованных для совершения самоубийства.

Во введении к первому ежегоднику, опубликованному в 1927 году, Гернет пишет:

«Но не можем не подчеркнуть, что новые и разнообразные статистические таблицы этого издания, как увидит читатель из статьи Д.П. Родина, говорят против антропологической теории и за социологическую теорию самоубийств. Конечно, говоря это, мы несколько не хотим уменьшить процент самоубийств вследствие душевных болезней и нервных заболеваний, число которых должно было увеличиться за последние пережитые нами годы империалистической войны, революции и голода»⁶⁴.

Как и у Дюркгейма, самоубийство рассматривается как социальный факт, который объясняется другими социальными фактами, выявляемыми статистикой. Структура ежегодника иллюстрирует это социологическое применение статистики. Первая таблица дает представление о мотивах самоубийств (выявленных почти для 40% случаев), в их числе «душевные и нервные расстройства и болезни», «любовь и ревность», «раскаяние, стыд, боязнь наказания», «отвращение к жизни, разочарование в ней, недовольство жизнью и положением», «горе и обиды», «физические болезни и страдания», «материальные лишения», «изменение материального положения». Это разделение сегодня может показаться наивным, но оно хорошо передает социально-этиологическое основание, которое в то время, в сущности, и определяло исследование причин смертных случаев в СССР. С этой точки зрения, советская моральная статистика начала 1920-х годов явилась несомненным продолжением моральной статистики последнего десятилетия XIX века в Российской империи.

Эта традиция вписывается в стремление социального истолкования смертных случаев, которая и привела советских статистиков к тому, что они оказались в оппозиции к международному сообществу статистиков в конце 1920-х годов⁶⁵. Два принципа в исследовании причин смерти сталкиваются между собой уже в конце XIX века. В соответствии с анатомическим принципом смертные случаи классифицируются по органу, заболевание которого и стало причиной смерти. По этиологическому принципу, предпочтение отдается причине болезни перед ее локализацией. Так, в первом случае грипп будет занесен в графу «болезни органов дыхания», тогда как во втором он будет занесен в графу «инфекционные болезни». Первые международные классификации, предложенные в этой связи, принадлежали Уильяму Фарру и Марку д'Эспину, хотя первый исходил из смешанного принципа, а второй явно тяготел к этиологическому принципу. Но они почти совсем не применялись, и только на заседании Международного института статистики в Чикаго в 1893 году была принята к использованию классификация, предложенная Жаком Бертийоном. Он считал себя последова-

телем У. Фарра, но, несмотря на это, ориентировал свою классификацию на анатомический принцип⁶⁶. Между тем русские очень рано развили систему регистраций пусть не причин смерти, а самих болезней, ставя на первое место, таким образом, этиологический принцип. Когда же они стали стремиться к введению систематической регистрации причин смертельных исходов, то вновь за основание приняли этот же принцип⁶⁷. Хотя в 1920 году они принимают международную классификацию заболеваний с целью сближения с международным сообществом, они целиком не отказываются от прежней классификации. К тому времени классификация сама претерпела ряд изменений, усиливших значимость этиологического принципа. Однако это соглашение, которое в гораздо большей мере свидетельствовало о желании остаться в рядах международного статистического сообщества, чем об изменении убеждений, было поставлено под вопрос в 1929 году, когда советские специалисты безуспешно пытались навязать свою собственную классификацию, основанную на строго этиологических принципах⁶⁸. Эта традиция русских статистиков, подхваченная в 1920-х годах, таким образом, направляла исследование причин смерти в сторону факторов окружающей среды и факторов социально-демографического характера: пола, возраста, жилья, социального положения, уровня образования, семейного положения, национальной принадлежности, времени года. Каждый из этих критериев рассматривался в функции объявленных мотивов. Второй ежегодник, опубликованный в 1929 году, четко свидетельствует о стремлении установить последовательную, выраженную в специальных категориях статистику самоубийств. Повторение одних и тех же рубрик из года в год сближается с рутинной управленческой логикой и отделяется от социологического вопросника, более чувствительного к разнообразию контекстов.

Вместе с тем этот ежегодник был последним, несмотря на заявленные претензии сделать его первым в стандартизированной серии. Позднее о самоубийстве больше вообще никогда не будет идти речь в статистических публикациях, и так вплоть до... 1985 года. Тем не менее цифровые данные продолжали собираться и сохранять, хотя они и не использовались. Внимание на самоубийства обратил НКВД, проводивший специальные расследования в некоторых особых ситуациях⁶⁹. Нередко центральные власти информировались о значительном числе самоубийств, но комментарии все равно оставались самого общего характера⁷⁰. НКВД ограничивался тем, что тревожил власть по поводу того, что продолжало истолковываться как социальная аномалия. Причины самоубийств не изучались. Главное внимание было уделено политическим самоубийствам в рядах членов партии, зачастую многочисленным, но их истолкование и подача весьма варьировались с течением времени. Когда о них

извещалось, то они, как правило, героизировались, чтобы подчеркнуть самопожертвование человека во имя социалистического будущего, или же, наоборот, подавались в разоблачительной форме. Так же как и в случае с абортами, учетно-полицейская логика заменила логику социальной статистики.

Уровень детской смертности также рассматривался как выражение социального состояния. С тех пор как были проведены некоторые исследования по этому вопросу на уровне земств до 1900 года, статистики больше его не затрагивали до начала XX века⁷¹. Они обнаруживают исключительно высокий уровень смертности малолетних детей в России⁷². После 1917 года несколько статистиков, которые проявляли активность в конце XIX века, подняли дискуссию по этой теме. Плохое качество статистического учета затрудняло обсуждения, тем не менее все без исключения искали социально-экономические причины бедствия.

Петр Куркин и Сергей Новосельский, основатели санитарной социальной статистики, с первых лет советской власти продолжают попытки земских врачей создать основы социальной статистики, стоящей на службе санитарной политики. Они вместе с рядом других специалистов проводят исследования, строя методологию которых оказывается, однако, недостаточной, чтобы компенсировать еще очень значительные пробелы в статистической регистрации⁷³. Культурные детерминанты, анализируемые под углом национально-этнических различий, дополняют социально-экономические факторы.

Несмотря ни на что, усилия, направленные на то, чтобы улучшить учетную регистрацию смертных случаев малолетних детей, значительных результатов в первые годы советской власти не дали. Внимание было сосредоточено главным образом на совершенствовании демографической статистики в целом. В отличие от самоубийств, статистики уделяли мало внимания этому вопросу. Только три значительных специальных исследования были опубликованы после революции до начала 1930-х годов, причем все они касались Украины⁷⁴.

Наука возвращается к этой теме в 1930-х годах. Демографические отчеты, подготовленные в это время, продолжают учитывать уровень смертности малолетних детей, но цели статистиков остаются в первую очередь управленческими, без познавательных намерений или стремления к истолкованию. Цель заключается в том, чтобы обратить внимание других управлений на недостатки в их работе. Статистика используется также в качестве орудия контроля в политической работе. А.С. Попов пишет, например, наркому здравоохранения, чтобы объяснить ему его ответственность за возрастание детской смертности в 1936 году из-за недостатков в системе охраны здоровья детей⁷⁵. А вот Хотимский, руководитель отдела статистики народонаселения и здравоохранения в Статистическом управлении,

приспосабливает характер своих выступлений к пропагандистским потребностям. Он говорит, что «по детской смертности СССР имеет ряд крупнейших достижений, свидетельствующих об исключительном росте материального и культурного уровня широких трудящихся масс Советского Союза»⁷⁶, и подчеркивает значительное снижение детской смертности по сравнению с 1910 годом. Несмотря на то что уровень смертности у малолетних детей еще остается достаточно высоким, он пытается отыскать позитивные сравнения, которые могли бы нейтрализовать сравнения неблагоприятные. Так, отметив, что в СССР этот уровень еще очень высок по сравнению с Францией, Германией и Англией, он отмечает, что снижение числа этих смертей с 1911–1913 годов идет самыми быстрыми темпами по сравнению с европейскими странами, хотя, что касается Германии, эти статистические данные более благоприятные. Чтобы выйти из этого неловкого положения, он утверждает: «Однако есть основания предполагать, что публикуемый показатель детской смертности в Германии не отражает действительного положения. Таким образом, по *тему снижения уровня детской смертности СССР стоит на первом месте среди европейских стран*»⁷⁷.

Исследования Статистического управления сближаются с комментариями НКВД. Начальник отдела актов гражданского состояния этого ведомства так начинает доклад о работе по учету естественного движения населения в 1939 году: «Данные всеобщей переписи 1939 года являются ярким показателем всемирно-исторических побед социализма в СССР, триумфом генеральной линии партии Ленина—Сталина»⁷⁸. Затем в этом документе приводятся цифры с единственной целью — отразить исполнение закона, а не дать оценку состоянию общества:

«Детская смертность до 1 года по отношению к общей смертности дает высокий процент и имеет тенденцию роста. [...] Все приведенные цифровые данные наглядно показывают, что работа органов здравоохранения по предупреждению детских заболеваний и по борьбе с детской смертностью поставлена неудовлетворительно и в городе, и, особенно, на селе. Размах проводимых органами здравоохранения мероприятий совершенно недостаточен»⁷⁹.

Зато власти выражают озабоченность качеством регистрации случаев смертности детей. С середины 1930-х годов Статистическое управление начинает оказывать более сильное давление на отделы записи актов гражданского состояния. Во многие районы были направлены специальные комиссии для изучения на местах качества регистрации. Прямые опросы людей позволили выявить факты рождения детей, которые затем скончались. Записи об этих рождениях и смертях затем проверялись в регистрационных книгах записи актов гражданского состояния. Управленческая логика проведения кампании работала в дан-

ном случае прекрасно, но в то же время полученные данные в дальнейшем использовались только для лаконичного сообщения о том или ином приросте в Народный комиссариат здравоохранения или же для того, чтобы просигнализировать о его неудовлетворительной работе.

Переписи населения

В наиболее общем плане проведение различных демографических переписей 1920-х и 1930-х годов всегда содержало в себе момент столкновения между научной логикой, которой следовали статистики, и политическими замыслами руководителей страны. Как показатели мощи, цифры переписи должны были отражать самым непосредственным образом рост человеческих ресурсов страны, а также успехи в строительстве социализма.

С этой точки зрения, аннулирование результатов переписи 1937 года можно воспринимать как свидетельство провала советской власти в этой области. Из-за того, что статистиков не удалось заставить создавать цифровую иллюзию действительности, Сталин одним махом перечеркнул все результаты их работы. Многочисленные формы вмешательства партии в организацию и контроль над ключевыми операциями по одному из самых показательных продуктов, создаваемых Статистическим управлением, не смогли привести к подчинению статистиков политическим соображениям.

Переписи проводились неоднократно в 1920-е годы. Перепись населения 1920 года последовала за промышленной переписью и переписью профессий в 1918 году, а затем сельскохозяйственной переписью 1919 года. Она стала также и последней всеобщей переписью, организованной во время гражданской войны. Но на ее проведение гражданская война воздействовала весьма негативно, так как неохваченными остались целые регионы⁸⁰. Перепись городского населения 1923 года, проводившаяся в лучших условиях, дала для городских зон более полные результаты. Наконец, общая перепись советского населения 1926 года была первой, охватившей всю территорию страны.

Поскольку обстановка была более спокойной, проведение этой переписи не столкнулось с трудностями, как в 1920 году. Знакомство с различными отчетами из регионов оставляет впечатление, что она не была сопряжена с большими сложностями⁸¹. Это была первая перепись после 1917 года, проходившая в обстановке стабильности и с соблюдением всех установленных сроков.

Такой успех объясняется в первую очередь тем, что в регионах демографическая перепись уже давно стала привычным управленческим делом и поэтому получила действительную поддержку, и материальную, и человеческую, со стороны мест-

ных политических органов и самой партии. Эта профессиональная победа статистиков имела, вместе с тем, и обратную сторону: пользуясь возрастающим по значимости местом, которое они стали занимать с 1926 года в информационно-пропагандистских кампаниях, связанных с переписью, политические органы последовательно наращивали свой контроль над организацией основных операций на территориях проведения демографических переписей в последующие годы⁸².

Работники переписи низового звена, осуществлявшие сбор данных при непосредственном контакте с населением, всегда были объектом особого внимания со стороны статистиков ЦСУ. Их прием на работу и подготовка, которые до того подчинялись совершенно четким критериям и правилам, с 1926 года ставятся под контроль партии и общественных организаций.

Как следствие вмешательства последних в проведение операций на местах, работа переписчика относилась к такой сфере деятельности, как *общественная работа*⁸³, сочетавшая в себе действия гражданского характера и политическую активность общественных организаций под прямым или косвенным контролем партии. Задача переписчика начала меняться по своему статусу и составлять предмет другой формы контроля в отличие от той, которую осуществляли профессиональные статистики, заботящиеся прежде всего о соблюдении обязательной научной строгости в действиях.

В 1926 году из десяти переписчиков шестеро были учителями и учащимися средней школы. А выпускники высших учебных заведений, еще не начавшие трудовую деятельность, составляли более трети от общего числа⁸⁴. Молодые коммунисты особенно активными были в сельской местности. Хотя в ЦСУ работало совсем немного членов партии, значительное число членов партийных ячеек на местах уже в то время входило в состав работников, ведущих перепись населения⁸⁵.

Формы вмешательства партии в проведение всеобщей переписи населения на местах укрепились в ходе различных местных переписей, проходивших до 1930-х годов⁸⁶. Постепенно стиралась грань между участием в переписи и выполнением общественной работы, и операции по сбору данных становились непосредственной частью деятельности молодежных организаций, находящихся под эгидой партии. Ввиду важности, с которой была сопряжена эта работа, перепись 1937 года стала объектом огромного внимания со стороны местных органов партии.

Например, в сельских округах Саратовской области кадровый состав персонала набирался по преимуществу из числа членов первичных партийных организаций, в частности, речь идет об окружных комитетах, но также и из числа членов правления сельских советов или же президиумов исполнительных комитетов. Аналогичным образом дело обстояло с городскими округами⁸⁷. Перепис-

чики также должны были по возможности соответствовать такому профилю. Находясь в прямом контакте с населением, они должны были быть безукоризненными во всех отношениях, а главное, как подчеркивалось в протоколе собрания партийной ячейки статистического управления Саратова от 14 ноября 1936 года, чтобы «в ряды работников переписи не могли проникнуть враждебные элементы, жулики»⁸⁸. Списки отобранных лиц должны были направляться в областной партийный комитет для проверки и утверждения, а местные организации служили для этой работы передаточными инстанциями. На критерии, по которым проводился кадровый отбор, уже не распространялись прерогативы статистиков, даже когда их мнение могло еще кого-то интересовать.

В ходе самого проведения переписи в собственном смысле слова «пленум обкома в своем решении от 2 января 1937 года обязал все парторганизации и всех первых секретарей горкомов, райкомов и парткомов ВКП(б) ежедневно лично проверять ход всей работы по всеобщей переписи населения, немедленно устраняя недостатки в работе»⁸⁹. Организация переписи населения ускользала из рук статистиков.

Включение проведения демографической переписи в круг деятельности общественных организаций вело к тому, что научная регистрационная практика смещалась в сторону *общественной работы*, и перепись превращалась в орудие исчисления.

Отвечая на потребности в новом социальном использовании, перепись заимствовала общественные формы выражения и действия у государства нового типа, которое находилось в стадии становления. Ее производственные цели и формы были заново определены. Это не могло быть осуществлено без лишения статистиков части организационных механизмов, в частности — операций по проведению опросной работы на местах. Роль государственных статистиков была сведена к роли технического работника, выполняющего политические задачи.

Значительные изменения, вызванные этой формой контроля над проведением переписи, состояли не столько в возможных модификациях в описаниях, выполненных Статистическим управлением, сколько в том, что она устанавливала непосредственные отношения между партией и населением в связи с проведением операций, научный характер которых статистики хотели сохранить. Напротив, изменения в категориях, представляющих народонаселение, имели совсем иной эффект. Они действительно способствовали изменению научно-управленческой практики из-за вмешательства разнообразных действующих лиц, как политиков, так и статистиков, в действия на местах, в центре и на периферии, что уже само по себе вызывало многочисленные столкновения и споры между ними. Они имели также тенденцию к тому, чтобы коренным образом изменить способы, дающие представление о населении страны.

Приложение

Кондратьевщина — пример использования материалов процессов как источников

Допросы и протоколы процесса над Н.Д. Кондратьевым проливают свет на способы подачи информации, характерные для статистиков и политиков⁹⁰ с конца 1920-х годов. Разумеется, с такими источниками, как протоколы процесса, следует обращаться весьма осторожно. Для европейской историографии эти источники являются совсем необычными, исключительными, неотрывно привязанными к сталинизму. Но тем не менее ими можно воспользоваться со всей необходимой осторожностью, чтобы ответить на вопросы, косвенно содержащиеся в источниках такого рода.

Н.Д. Кондратьев, получивший известность на Западе своей теорией экономических циклов, был директором Института конъюнктуры Наркомфина. Арестованный в 1930 году в рамках первого из громких процессов против «буржуазных спекулянтов», он был обвинен в том, что создал контрреволюционную партию — Трудовую крестьянскую партию (ТКП). Протоколы его допросов должны, разумеется, использоваться с достаточной осторожностью. Вместе с тем, оказавшись в подобном положении, обвиняемые нередко были вынуждены с большой точностью объяснять мотивы своих поступков и действий. Делая это, они сообщали сведения об определенных сторонах функционирования своих учреждений и их отношениях с другими учреждениями. Так, в ходе процесса Кондратьев дает исключительно ясное итоговое описание познавательных и информационных процессов, происходивших в его среде и в среде главных политических деятелей. Его заявления проливают свет также и на способы обмена информацией между этими двумя кругами. Истолкование этих документов подтверждается характером нескольких писем, написанных Сталиным Молотову в начале этого дела⁹¹.

Процесс, который привел к осуждению Н.Д. Кондратьева, передает ту форму институциональной путаницы, которая имела место как в спросе на первоисточники производства информации, так и в последующем способе ее циркуляции. Так, вес-

ной 1927 года должен был собраться Съезд Советов. Незадолго до этого один из двух заместителей народного комиссара земледелия, А.И. Свидерский, указывает Кондратьеву, что Калинин, в то время председатель Центрального Исполнительного Комитета, потребовал от него отчеты по поводу экономического положения, чтобы подготовить собственный отчет. В частности, он уточняет, что «М.И. Калинин просил наркома земледелия А.П. Смирнова о том, чтобы кто-либо из беспартийных специалистов, работающих в НКЗ, написал ему личную, не официальную докладную записку по теме его доклада. Записка должна носить совершенно независимый характер. Она должна содержать возможно более свободную и полную критику экономической политики соввласти, поскольку эта политика имеет влияние на с-хоз.»⁹²

Оправдывая это требование желанием познакомиться с различными точками зрения, Калинин потребовал от него также сделать его собственные предложения, касающиеся будущих направлений в экономической деятельности, в частности в области сельского хозяйства. Кондратьев сначала отклонил это предложение под предлогом того, что даны слишком сжатые сроки и что он занят по своей работе. Однако Теодорович, бывший вторым заместителем наркома, убедил его согласиться с требованием, подчеркивая всю важность такого отчета для государства и ссылаясь, в более широком плане, на то, что было бы странным отказываться в выполнении просьбы, идущей от председателя Центрального Исполнительного Комитета. Тогда Кондратьев в течение двух с половиной недель подготовил такой отчет, занявший 150 страниц. А затем он выделил из него главные «тезисы», уложившиеся в два десятка страниц.

Ознакомившись с этой работой, Калинин лично вызывает его к себе, чтобы выразить ему свое удовлетворение. Он просит его предоставить некоторые дополнительные сведения, в частности — данные в сравнении с другими странами. Одна копия доклада была передана, по его просьбе, Рыкову, в то время занимавшему пост председателя Совета Народных Комиссаров, и в Рабоче-крестьянскую инспекцию, фактически Орджоникидзе, ее председателю, а также Яковлеву, который отвечал за вопросы сельского хозяйства в Центральном Комитете. Смирнов попросил затем Кондратьева подготовить проект резолюции для Съезда Советов, исходя из его текста, специально подчеркнув, что его текст будет передан Калинин.

Тем не менее его предложения не увенчались успехом. Спустя неделю Калинин снова вызвал к себе Кондратьева, чтобы сказать ему, что он не будет следовать его проекту, главным образом по формальным соображениям, заверив его при этом, что текст ему был очень полезен.

По какой причине этот информационный документ не послужил основанием для принятия решения? Какую действительную роль сыграла содержащаяся в нем информация? Этот вопрос тем более напрашивается в свете последующего развития событий. Действительно, вопреки обещаниям, Калинин начал свое выступление на Съезде Советов с того, что назвал людей, которые предоставили ему материалы для подготовки его выступления, и в частности — Кондратьева. Более того, он подверг его суровой критике. Здесь проявляется, несомненно, вся сложность институциональных игр, сложность игр между личностями, а быть может, и группами. Какое место в этих условиях следует отвести выступлениям?

По отношению к вопросам такого рода для исследователя возможны две позиции. Первая может состоять в том, чтобы попытаться установить, в какой момент высказывания Калинина больше соответствовали его мыслям и намерениям. Другая позиция состоит в том, чтобы предположить, что люди совершают те или иные поступки по ходу дела, взаимодействуя с другими людьми, внутри одного или нескольких учреждений. В таком случае речь скорее будет идти об изучении процессов принятия решений, а не об исследовании соответствия намерений, лежащих в основе замысла, который якобы всегда будет иметь логическое продолжение. Фактически, это скорее колебания в процессе принятия решения.

В самом деле, всего неделю спустя Калинин звонит по телефону Кондратьеву в Институт конъюнктуры, чтобы сообщить ему, что намеревается опубликовать свое выступление. По этому случаю он просит передать в его распоряжение дополнительные статистические данные и выверить все цифры в его выступлении. Оставаясь верным своей профессиональной логике, Кондратьев соглашается сделать это, но выражает удивление в связи с тем, что его собеседник не сдержал слова и непосредственно сослался на источник в виде его доклада, тогда как ничто его к этому не обязывало. Калинин признал, что проще было бы держать все это в секрете, пообещал изъять из брошюры наиболее полемическую часть выступления, и это обещание он уже точно сдержал. В какую же игру, таким образом, играл Калинин и по отношению к кому?

Аналогичный вопрос возникает в связи с публикацией в июле 1927 года в журнале «Большевик» статьи Зиновьева под заголовком «Манифест партии кулаков». Зиновьев критикует «тезисы» доклада Кондратьева, который, по всей видимости, он целиком не читал. Впрочем, никто не знал, каким образом он вообще сумел заполучить в свои руки эти «тезисы». Какое место отвести этому усеченному документу? Не лучше ли задаться вопросом о том, что показывает сама сложившаяся ситуация? Может показаться, что текст, подготовленный

Выделение классов в бесклассовом обществе

«специалистом», был использован не как источник сведений, для чего он предназначался, а как инструмент во внутрипартийной борьбе. Но главным в таком случае оказывается не информация как таковая, а цель, ради которой часть ее была предана огласке.

И действительно, когда после возвращения из отпуска Кондратьев узнает обо всем произошедшем и отправляется к Смирнову, тот во время короткой встречи сообщает, что знает о статье Зиновьева, но считает, что нет надобности что-либо предпринимать. Калинин, со своей стороны, разговаривает с ним в более конкретных выражениях и говорит ему, что Зиновьев имел в виду только Центральный Комитет партии. Он соглашается с Кондратьевым, что тот «попал просто между молотом и наковальней», но заверяет его, что никаких официальных мер по отношению к нему в силу этого не последует.

И тем не менее эта история и статья Зиновьева, по собственному признанию Кондратьева, дали «толчок целому потоку критических статей против меня и породили термин “кондратьевщина”»⁹³. В данном случае развязывание репрессивного процесса предстает в гораздо большей мере как последовательность институциональных логик, которые имели мало общего с обвинениями, выдвигаемыми против конкретной личности. Логические основания, определявшие чистки 1937 года, еще не были задействованы полностью.

Можно также считать, что Кондратьев стремился впутать в свое дело Калинина, но, отбрасывая различные источники, это также выглядит весьма сомнительным. Впрочем, Сталин по этому поводу подчеркнул 23 августа 1930 года: «Что Калинин грешен — в этом не может быть сомнения. Все, что сообщено о Калинине в показаниях, — суцая правда. Обо всем этом надо обязательно осведомить ЦК, чтобы Калинину впредь неповадно было путаться с пройдохами»⁹⁴. Калинин, со своей стороны, приказывает своим сотрудникам посмотреть, в какой обстановке он контактировал с Кондратьевым. Енукидзе, секретарь Центрального Исполнительного Комитета, пишет ему 8 октября 1930 года, что он разговаривал с Кондратьевым только так, как это представлено в стенограмме его отчетного доклада на IV Съезде Советов⁹⁵.

Таким образом, во всем этом следует, несомненно, усматривать желание Калинина получить информацию из источников, выходящих за пределы партийного круга и соответствующих высказываний. Впрочем, способ распространения информации внутри учреждений, по всей видимости, формальным образом полностью не контролировался, а поэтому содержал в себе возможность движения части неофициальной информации. Именно эти возможности, скорее всего, и привели к тому, что в руки Зиновьева попали сведения, ему не предназначавшиеся.

Создание классификационных категорий, что занимает центральное место в статистической работе, позволяет составить представление о действительности¹. Подобно тому как объектив фотоаппарата выхватывает элементы, которые затем становятся видимыми, статистик в работе по приведению в порядок социальных явлений из второстепенного выбирает главное. В силу этого факта такая мыслительная операция оказывается не только технической, но и политической. Наполняя смыслом мир, специалист, занимающийся классификацией, дает средства для управления им и даже контроля над ним. По примеру естественных наук работа по статистической классификации отвечает также стремлению найти причины, движущие миром, и понять их природу. Поэтому классификация должна проводиться в соответствии с точно установленными критериями, которые сами становятся объектами споров, разногласий и переговоров².

Разработка классификационных категорий вызвала многочисленные споры между русскими статистиками 1880-х годов. Различие между национальностями составило один из центральных вопросов переписи населения 1897 года. Ее цель состояла в том, чтобы дать представление о разнообразии категорий населения в мультиэтнической империи³. Статистики царской России были менее внимательны к определению социальных различий у населения. Они просто принимали классификацию, подходившую к социальному порядку, который юридически организовывал царское общество⁴. Этот вопрос, напротив, оказался в центре внимания статистиков земств. Задачи опросов для определения размеров налогообложения, которые они и должны были провести, а также их политические наклонности подталкивали их к выявлению внутренних различий в сельскохозяйственном мире, скрытых за внешней стабильностью социального порядка в деревне. Выбор классификационных критериев при подходе к человеку вызвал оживленные дискуссии на съездах статистиков в период с 1880 до 1917 года. Создание комбинационных таблиц со многими переменными по

характеру хозяйств, опросы по определению крестьянских бюджетов, выявление характерных особенностей на основе первичных опросов заставили их конкретизировать критерии для установления различий между типами сельских общин и категориями крестьянских хозяйств.

Статистики ЦСУ использовали это теоретическое и методологическое наследие для выработки первых квалификационных критериев. Опыт статистиков, ранее работавших в земствах, на протяжении 1920-х годов давал пищу для дискуссий о классификационных категориях крестьянских хозяйств. Те категории, которыми пользовались при проведении переписей в европейских странах, оказали влияние на выработку статистической классификации, применяемой для демографических переписей.

Работа статистиков над классификационными категориями социального деления натолкнулась на стремление большевиков привести в соответствие социальную идентичность с теоретической схемой пролетарского социалистического общества⁵. Статистические классификации должны были стать орудиями, предназначенными для демонстрации утопии, а в некоторых случаях и инструментами доказательства, используемыми в конфликтах между большевистскими руководителями. В области сельскохозяйственной статистики споры оказались направленными, в частности, на истолкование социальных различий и социально-экономических изменений в деревне⁶.

Как и в других странах Европы до 1914 года, многосторонность деятельности крестьянства осложняла его классификацию. Изучение классово-структурной структуры в сельских общинах также было трудным делом. В это время сельский мир состоял еще главным образом из мелких семейных производственных хозяйств⁷. Противоречие между политическими замыслами одних и стремлением других к созданию научного знания довело над разработкой классификационных критериев, выполняемой статистиками ЦСУ в 1920-х годах.

Как классифицировать хозяйства при нэпе

Позволяя и дальше действовать в производстве и распределении сельскохозяйственной продукции рыночным механизмам, новая экономическая политика способствовала умножению различий между сельскими хозяйствами и различными промежуточными типами хозяйств. Разного рода ситуации, связанные с многообразием деятельности крестьян, осложняли их социальную классификацию и делали еще более трудным применение марксистской схемы социальных классов. Выбор основополагающего критерия, определяющего дифференциацию, становился вопросом политическим. Статистики ЦСУ стремились не отделять анализ стратификации крестьянства от анализа эволюции организационных форм сельскохозяйственных предприятий, протекающей уже с дореволюционных времен.

Для этого они имели возможность опереться на работы, выполненные еще до октября 1917 года, в частности Г.И. Баскиным в Самарской губернии⁸. Анна Хрящева, руководитель отдела сельскохозяйственных переписей ЦСУ с июля 1918 по сентябрь 1926 года, продолжала теоретическую работу по построению категорий, которую она вела еще с начала 1900-х годов, за что получила признание со стороны своих коллег⁹. Как и другие статистики, занимавшиеся такими же вопросами¹⁰, она строила свое описание различий в деревне на основе эволюции семейного состава и производственных типов сельских хозяйств.

В 1925 году она предложила классификацию, сочетавшую в себе три критерия: характер производства, использование временной наемной рабочей силы и положение по отношению к ремеслу. Включение использования временной наемной рабочей силы было главным новшеством. Вместе с тем главным критерием оставался характер производства. Он служил основанием для выделений четырех крупных категорий хозяйств: хозяйства, которые занимались только посевами на пахотных землях; хозяйства, главы которых занимались возделыванием других земель в дополнение к своим или только возделыванием не своих земель; неземледельческие хозяйства и, наконец, хозяйства, которые сочетали сельскохозяйственную деятельность и ремесленничество¹¹. В сочетании с двумя другими критериями это привело к выделению семнадцати категорий (см. Табл. 4).

На своем съезде в феврале 1926 года статистики, еще не оправившиеся от шока, причиненного чисткой 1924 года, приняли решение опробовать другую классификацию, предложенную Хрящевой¹². Комбинируя четыре главных признака — связь с сельским хозяйством, использование наемной рабочей силы, существование «отчуждения рабочей силы» и характер связи с неземледельческими формами производственной деятельности, — эта сотрудница Статистического управления выделила сорок пять категорий хозяйств. В контексте дискуссии, проходившей в то время вокруг наемной рабочей силы в деревнях и капиталистического характера крестьянских хозяйств, классификационная работа, конечно, могла незамедлительно стать предметом политических возражений, даже обвинений. В данном случае описание располагает больше к анализу, чем к нападкам. Это вынуждает статистиков в большей мере следовать номенклатурной логике, чем создавать профессиональную и социальную классификацию, открывающую путь к более теоретическому анализу. Увеличение числа категорий выражает это устремление. Впрочем, в 1927 и в 1928 году марксистские статистики Коммунистической академии (В.С. Немчинов и Л.Н. Крицман) будут ставить в упрек этот отказ от теории статистиков ЦСУ¹³.

Острые политические споры к тому же побуждают Хрящеву представить еще одну, новую классификацию для обработки дан-

ных динамического обследования 1926 года, которая в гораздо большей мере, чем предыдущие, включает в себя категории марксистского анализа. Хозяйственные отношения как главный критерий классификации служили основанием для выделения различных типов хозяйств. Речь идет об оплачиваемом наемном труде работников, использовании поденной рабочей силы, наличии торгового или промышленного предприятия при хозяйстве, аренде пяти и более десятин земли для ведения хозяйства. Эти критерии были использованы как показатели наличия отношений эксплуатации¹⁴. С другой стороны, уход крестьян «в качестве работников в другие хозяйства на срок не менее чем в 30 дней», отсутствие тяглового скота и орудий пахоты или же сдача земли внаем дают показатели пролетаризации.

Таблица 4

№	По роду производства	По наличию срокового найма	По роду промыслов	
1	I. Чисто земледельческое — только свое хозяйство	С наймом сроковых рабочих		
2		Без найма сроковых рабочих		
3	II. Земледельческое — свое и чужое или только чужое	С наймом сроковых рабочих		
4		Без найма сроковых рабочих		
5	III. Неземледельческие хозяйства	Без найма сроковых рабочих	Владельцы торгово-промышленных заведений	
6			В промыслах только рабочие	
7			В промыслах только кустари и ремесленники	
8			Владельцы торгово-промышленных заведений	
9			С прочими смешанными промыслами	
10	IV. Смешанного типа — земледелие и промыслы	С наймом сроковых рабочих	В промыслах только рабочие	
11			В промыслах только кустари и ремесленники	
12			Владельцы торгово-промышленных заведений	
13			С прочими смешанными промыслами	
14			Без найма сроковых рабочих	В промыслах только рабочие
15				В промыслах только кустари и ремесленники
16				Владельцы торгово-промышленных заведений
17	С прочими смешанными промыслами			

Хрящева действительно стремилась к тому, чтобы не сводить социальное описание к схематической структуре¹⁵. В своей главной статье 1925 года она подчеркивала комплексный характер деятельности в сельских хозяйствах в этот период времени на территории СССР, чтобы обосновать разработку классификации, которая все это будет учитывать. Она ссылается, в первую очередь, на позицию, отстаиваемую комиссией Рабоче-крестьянской инспекции, которой было поручено изучение работ, выполненных ЦСУ¹⁶:

«В комиссии по ознакомлению с работами ЦСУ при сельхоз. секции НК РКИ мною была предложена группировка по определенно отобраным по сумме признаков типам: капиталистического и пролетаризированного хозяйств; все же остальные хозяйства предполагалось группировать по комбинации найма и отчуждения рабочей силы, в пределах типов — по размерам стоимости продукции полеводства, скотоводства и суммы дохода от промыслов. В результате обмена мнений в комиссии получилась схема группировки по 48 типам хозяйств, каждый из которых предполагалось группировать по размерам: по сумме средств производства (скот рабочий + инвентарь + постройки), а также по сумме валового дохода от полеводства, животноводства и промыслов»¹⁷.

Работа этой комиссии уже была прямым вмешательством политики в разработку статистики, приспособленной к строительству социалистического общества. Изложив свои замечания по поводу недостатков классификации, предложенной этой инстанцией, Хрящева предлагает свою классификацию:

«Разница той типологической группировки с предлагаемой теперь заключается в том, что в схеме комиссии отпуск рабочей силы на сторону исходил из неясного принципа отношения к своему хозяйству — все равно земледельческому или неземледельческому, — т.е. скорее выражал место занятия промыслом, что прямого отношения к приходному бюджету хозяйства не имеет. В этом случае социальное положение промышленника не принимается во внимание. Отпускающими хозяйствами будут все, где работа (торговля, подряды, извоз, работа на фабрике, ремесло) производится не дома, не в данном хозяйстве. Не отпускающими будут те, где члены семьи работают дома, хотя бы продукт труда шел заказчику.

В этом пункте заключается принципиальная разница с нашей группировкой, где мы выдвигаем классовое положение лиц в промысле — рабочий и кустарь-ремесленник, т.е. самостоятельный производитель»¹⁸.

Эта сотрудница статистического управления стремилась отразить всю сложность социального начала, в частности учесть

промежуточные положения, и не терять элементы, перешедшие из дореволюционных времен. Делая это, она, хотя и марксистка, вступает в противоречие с большевистским тезисом о разрыве с прежним социальным строем и с провозглашением Октябрьской революции событием, положившим начало новому обществу.

От рода занятий — к социальным классам

Такая же дилемма возникала в иной форме для статистических работников, которые создавали классификационные критерии для переписей 1920-х и 1930-х годов. Они ввели, в частности, классификацию населения по роду «занятий» и «профессиям» в 1920 году¹⁹. По переписи 1897 года, проведенной в иерархическом обществе, построенном в соответствии с системой, определенной сводом законов, занятое население было подразделено главным образом в зависимости от типа производства, института или учреждения, где люди работали²⁰. Какой-либо вопрос по поводу положения в занятии, в противоположность практике некоторых европейских государств, имевшей место в это время, не ставился. Во Франции, например, вопросник переписи 1872 года требовал уточнения «положения в профессии», с тем чтобы различать предпринимателей и наемных работников, рабочих и служащих²¹. В России статистики проводили только одно разделение — между главным занятием и побочным занятием, но зато в гораздо более подробных описаниях, чтобы получить в достаточной степени точную и разнообразную информацию. Из-за смещения очень разнородных понятий этот вопрос привел к таким ответам, в которых указывался только тип производства — в ремесленничестве или в промышленности. А рабочие не отделялись от предпринимателей²².

В 1920 году статистики ЦСУ уточнили классификацию по критериям занятия, стремясь, насколько это было возможно, привести ее в соответствие с классификацией, применяемой в других европейских государствах:

«Глубокое осознание необходимости единства государственной статистики во всей стране и достижения сравнимости материалов, собираемых в различных государствах, нашло себе полное отражение в положении о русской Государственной статистике, опубликованном 30 июля 1918 года²³.

В этом положении впервые говорится о согласовании работ по русской статистике с работами по статистике других государств и признается необходимым участие представителей русской статистики в работах Международного Статистического Института, Конгрессов и других международных учреждений и собраниях по вопросам международной статистики»²⁴.

Статистики стремились использовать номенклатуру профессий, рекомендованную по результатам сессии Международного статистического института в Чикаго в 1893 году и впоследствии дополненную²⁵. Тем не менее из-за поспешности и материальных трудностей при проведении этих переписей в них была использована классификация, состоящая лишь из пятидесяти пяти положений в занятии, а обозначения профессий использовались только в некоторых случаях²⁶. Эта классификация самодельного населения тогда была представлена как новшество в практике демографических переписей в России. А вопрос, касавшийся сельского хозяйства, отражал стремление статистиков привлечь во внимание сложность положения в занятии:

Вопрос 12. Сельское хозяйство

а) занят ли в сельском хозяйстве и считает ли это занятие главным
б) имеет ли в нем специальность и какую
в) работает ли в своем хозяйстве и как (хозяин с наемными рабочими, хозяин без наемных рабочих, член семьи)
г) если работает по найму, то здесь или на стороне
д) был ли занят сельским хозяйством до войны 1914 г., с войны до октября 1917 г. ²⁷

Содержание вопросов показывает стремление статистиков как можно точнее выявить положение людей в занятии и их действительный статус по отношению к производственной деятельности, преобладающей в этот период, то есть сельскому хозяйству²⁸.

Две основные формы занятости выделяются в трех вопросах о занятии, которые задавались в ходе переписи: различие проводится, с одной стороны, между самостоятельным работником, работающим на себя, и наемным работником, а с другой — между главным занятием и занятием побочным. Было и в самом деле очень важно выявить с достаточной точностью ситуации с двойной занятостью, в частности, когда переплетались многие занятия различного типа, например, такие, как торговые и сельскохозяйственные, ремесленнические и торговые. В этой области статистики ЦСУ столкнулись с такого же рода вопросами, как и их коллеги из других европейских стран, которые в конце XIX и в начале XX века пытались зафиксировать переходные положения между ненаемным трудом и трудом наемным, между статусом мелкого товаропроизводителя и статусом наемного работника²⁹.

Трудности в определении статусных различий в обществе, в котором производственные формы и формы занятости претерпевали резкие изменения, да еще были объектом политических споров, делали применение международной профессиональной номенклатуры еще более деликатным³⁰. Обозначению «зая-

тия» отводилось, таким образом, привилегированное место в вопросниках переписей по сравнению с вопросом о профессии с целью воспроизвести во всей его сложности положение людей на работе. Преобразования, имевшие место в деревне со времен реформы Столыпина, и последствия Первой мировой, а затем и гражданской войны, повлиявшие на экономическую деятельность, увеличили число промежуточных ситуаций в деятельности и занятости.

Когда появляется Маркс

Когда проводилась перепись 1926 года, использовался вопросник о занятиях такого же типа, правда, с некоторыми модификациями, рассчитанными на то, чтобы выявились социальные классы в марксистском понимании. Но различие между главным и побочным занятием было сохранено. Напротив, специально для сельскохозяйственных занятий не было поставлено никакого отдельного вопроса³¹. Наконец, понятие «положение в занятии», которое уже до этого использовалось в некоторых европейских переписях, было включено в вопросник:

Вопрос 12. Занятие, положение в занятии и отрасль труда

	Основное занятие	Побочное занятие
а) ремесло, промысел, работа, должность и специальность в них		
б) положение в занятии (хозяин, член артели, одиночка, служащий, рабочий, помогающий в занятии, член семьи)		
в) если хозяин, то работает ли с наемными рабочими или только с членами своей семьи		
г) наименование учреждения, заведения или предприятия с обозначением рода производства, где служит, работает или хозяйствует и адрес его		

В новом «обществе трудящихся», которое строилось, главное социальное разделение проходило по отношению к наемному труду. В ряду показателей, используемых в новой классификации, положение в занятии составило главный критерий подразделения лиц. А вот тип предприятия или производства и характер выполняемой работы использовались во вторую очередь³². Основное усилие статистиков было направлено на то, чтобы уточнить рамки каждой используемой категории, поскольку общество периода нэпа, как и дореволюционное общество, характеризовалось огромным числом ситуаций, которые были

промежуточными между наемным трудом и занятостью без использования наемного труда. Вместе с тем самая большая трудность заключалась в разработке профессиональной номенклатуры, которая была бы способна служить основанием для анализа, осуществляемого в категориях социальных классов. Замена понятийной формы «группа», которая использовалась с XIX века, на понятийную форму «класс» ясно выражает такое устремление. И тем не менее это походило скорее на компромисс в языке, чем на действительное появление понятия, полезного для анализа. Трудности в создании инструментария, приспособленного к фиксации результатов наблюдения за обществом, переживающим период трансформаций как в городе, так и в деревне, осложнялись политической действительностью, навязываемой большевистской властью.

Как свидетельство трудностей в приспособлении теоретических положений о социальных классах к социально-профессиональному миру, статистики разработали номенклатуру из семи классов, которая предстала как компромисс между марксистским анализом социальных классов, некоторыми элементами большевистского способа высказываний и установлением категорий на базе критерия отношения к наемному труду соответствующих лиц. Прежде всего, все рабочие были сгруппированы в один-единственный класс, а все другие наемные работники — в класс служащих. «Роль в производстве» каждого лица составила главный критерий дифференциации между двумя классами:

«К рабочим относятся лица, занятые непосредственно по производству и перемещению материальных ценностей или по уходу за производственными механизмами. К служащим — лица, участие коих в производстве выражается в форме нематериальных услуг, связанных непосредственно с производством (руководство производственным процессом и его техническая организация, учет и контроль работ, хранение и распределение продуктов) или с обслуживанием населения (охрана безопасности и здоровья населения, культурно-просветительская работа и пр.)»³³.

Вместе с тем статистики не были уверены в безусловной правильности такого разделения: «Граница между этими двумя понятиями не вполне устойчива, вот почему классификация некоторых форм занятости в рабочем классе или классе служащих может быть спорной»³⁴.

Пять других классов отличались по различным типам лиц, не принадлежащих к наемным работникам. Люди независимых профессий были подразделены на три различных класса. Класс людей «свободных профессий», появившийся в ходе переписи городского населения 1923 года, включал в себя «лиц, близких

по своему профессиональному составу к служащим», но которые не были наемными работниками. «Это небольшая по численности группа лиц, по преимуществу интеллигентного труда, которых не коснулся процесс огосударствления занятий (вольнопрактикующие врачи, учителя, живущие частными уроками и пр.)»³⁵. При таком определении эта категория предстает скорее как исчезающая группа, чем как нарождающийся класс.

Хозяева подразделялись на два различных класса «самостоятельных производителей», для чего главным критерием, по которому в них зачислялись лица, была «степень, в коей выражен в их работе элемент предпринимательства». Использование наемных работников послужило главным показателем для распределения этих самостоятельных тружеников между классом «хозяев с наемными рабочими» и «хозяев, работающих только с членами своих семей и членами артелей»³⁶, группы, вероятно, наиболее многочисленной в сельской местности.

Класс *одиночки* напоминает категорию, которая использовалась во французских переписях с 1896 по 1936 год³⁷. По определению статистиков ЦСУ в 1926 году, «одиночками считаются как работающие у себя на дому без рабочих и без чьей-либо помощи, так ходящие в одиночку по домам и выполняющие какую-либо работу по заказу, не нанимаясь на срок (например, поденные прачки, дровоколы, стекольщики, чинящие посуду и т.п.)»³⁸. Члены групп — одиночки рассматривались как класс, который представляет собой «уже элемент полупролетарского характера», так как их статус определялся как мало отличающийся от статуса наемных рабочих, находящихся на содержании. Подобно последним, они тоже в силу своего положения могли в любой день оказаться наемными работниками. Несложный характер их снаряжения не позволял, впрочем, классифицировать их как самостоятельных хозяев — мелких производителей. Например, «маляр или пильщик, выполняющий сегодня частные заказы, может завтра наняться рабочим на завод или на постройку»³⁹. Как и во французских переписях, эти лица, работающие в одиночку и находящиеся на стыке статуса самостоятельного производителя и статуса наемного работника, стали рассматриваться как «одиночки» в социальном плане, то есть были отнесены к временному статусу, призванному исчезнуть в новом строящемся социалистическом пролетарском обществе.

В соответствии с этой номенклатурой, сделавшей отношение к наемному труду, особенно к наемному труду рабочего, главным критерием классификации лиц, ценилось отображение пролетарского общества в стадии формирования, в то время как все другие категории строились и истолковывались по отношению к этой модели. Номенклатура занятий выходила здесь на социальную классификацию, в которой «хозяева, использую-

щие наемных рабочих», образовывали класс, который «в той или иной мере эксплуатировал труд другого»⁴⁰.

Некоторые индивидуальные ситуации было трудно включить в перечень категорий в соответствии с критерием отношения к наемному труду. Например, как классифицировать безработных и военнотружеников? Вместе с тем гораздо больше трудностей вызывал у статистиков статус членов семьи, помогающих в занятии. В то время он был характерен для наибольшей части семейных сельских хозяйств и для части торгово-ремесленных предприятий.

Статистики ЦСУ обосновывали выделение в отдельный класс членов семьи, помогающих в занятии, следующим образом:

«В большинстве случаев здесь мы имеем дело с трудом, стоящим на грани профессионального труда и домашнего хозяйства (женский труд в крестьянском хозяйстве).

С рабочими эту категорию лиц сближает та исполнительная подчиненная роль, которая принадлежит им в процессе производства, но родственная связь с главой хозяйства делает их социальное положение отличным от положения лиц наемного труда. Этим обуславливалась необходимость выделения этой своеобразной группы в особый класс»⁴¹.

Но и в последнем случае лица, следовательно, не могут быть классифицированы на основе только критерия отношения к наемному труду. Их положение в организации труда, подчиненное или нет, имело совсем другую природу. Почти так же, как и в случае с «одиночками», их положение делало дихотомию «хозяин — наемный работник» мало работающей, чтобы учесть социально-экономические структуры мира производства и труда при нэпе. Наемным работникам в полном смысле этого выражения, то есть лицам, отдававшим внаем свою рабочую силу за вознаграждение, противопоставлялись хозяева. Но наряду с наемными работниками, близкие к ним по характеру отношений эксплуатации, но отличные от них по способу вознаграждения и близко стоящие к хозяевам в силу их родственных связей, стояли семейные помощники. Можно ли было рассматривать их, как и «одиночек», в качестве «находящихся на пути пролетаризации», а следовательно, рано или поздно ставить их в один ряд с рабочими или служащими?

Чтобы установить подразделения внутри некоторых классов этой профессиональной номенклатуры, к этому положению в занятии был добавлен критерий принадлежности к особому роду деятельности⁴². Пересечение, в частности, сельскохозяйственной и рабочей деятельности, например, позволяло сделать анализ процессов дифференциации наемного труда в сельском хозяйстве более тонким, подразделяя сельскохозяйственных рабочих на две подгруппы: подгруппу сель-

скохозяйственных рабочих, занятых в хозяйствах крестьянского типа, и подгруппу рабочих, трудящихся на сельскохозяйственных предприятиях.

Наконец, третий критерий — по типу осуществляемой работы — вводил дополнительные подразделения, позволявшие в еще большей мере учесть тонкости в рассматриваемых категориях⁴³. Целью этого было установление «чисто профессиональных» категорий внутри каждого из уже выделенных больших производственных секторов посредством сочетания многих показателей. А именно — специальности, точного указания занимаемого места, квалификации и отношения к собственности на средства производства. Путем введения социальных подразделений в разделения профессиональные были в результате получены 1208 различных профессиональных категорий в десяти производственных секторах, образовывавших столько же подразделений внутри каждого из основных классов. Например, в секторе железнодорожного транспорта была представлена категория металлургов, в свою очередь, подразделяющаяся по девятнадцати различным специальностям, в ряду которых были клепальщики, жестянщики, монтеры, слесари, механики, токари и т.д.⁴⁴ Даже если, как это нередко случалось, эти подкатегории выражали не столько специальность, сколько реально сложившуюся профессию, классификация, утонченная таким образом, представляла собой способ, который препятствовал сведению анализа категорий рабочего мира исключительно к одному разделению на социальные классы. Выражаемое таким путем многообразие используемых подкатегорий внутри каждого из крупных социальных классов позволяло осуществлять поперечное прочтение внутри специальностей всей классификации.

На пороге бесклассового общества

Профессиональные номенклатуры, использованные для обработки данных переписей 1937 и 1939 годов, также основывались на классификации по роду занятости. В 1937 году разделение между активным населением и неактивным населением, намеченное в 1926 году, было доведено до завершения, поскольку советское население оказалось сосредоточенным прежде всего именно в этих двух больших группах⁴⁵. Разделение лиц по социальным группам затем было проведено и внутри этих двух больших категорий. Термин «социальные группы» был заменен термином «классы». Когда еще раз была проведена перепись в 1939 году, в ней использовалась категория «общественные группы», являвшаяся более нейтральной формулировкой, в которой не содержалась идея социальной стратификации⁴⁶. По сути дела, классовый подход в этом анализе отсутствовал. В под-

готовленных текстах сталинский СССР больше не выглядел обществом с иерархией антагонистических классов. Советские руководители в своих выступлениях в тот период подчеркивают, что в обществе произошли коренные изменения и что с 1917 года страна развивалась в направлении бесклассового общества. Перепись 1937 года уже должна была отразить эти изменения в цифровых показателях, как об этом свидетельствует публикация в «Правде»:

«Самый характер переписного листа, утвержденного правительством, отражает новые условия, в которых будет проходить перепись 1937 года. Нет уже в переписном листе вопроса о классовой принадлежности, и самый термин “классы” отсутствует в этой переписи, ибо она проводится в преддверии бесклассового общества»⁴⁷.

За рубежом также эти высказывания были восприняты коммунистическими партиями различных стран. Во Франции в 1936 году газета «Юманите» писала:

«Эта перепись [1937 года] должна дать точную статистическую картину невиданных изменений, произошедших в отношениях между десятками миллионов жителей СССР. Во время последней переписи 1926 года еще продолжали существовать пережитки капитализма, которые ныне принадлежат истории. Тогда было 845 000 хозяев, в первую очередь кулаков, использующих наемную рабочую силу.

С того времени социальная категория “хозяин, использующий наемную рабочую силу”, исчезла, а в новых переписных листах исчезло даже само выражение “класс”, ибо эта перепись проходит в преддверии бесклассового общества»⁴⁸.

Иллюзия действительности создается в выступлениях. Вместе с тем профессиональные категории, разработанные статистиками, свидетельствуют о том, что существующее общество в 1937 году еще весьма социально диверсифицировано. Номенклатура остается очень разнообразной, когда речь идет о самостоятельных мелких производителях или тех, кто работает в кооперативах. Наряду с двумя большими социальными группами рабочих и служащих устанавливаются еще семь групп, объединяющих различные категории работающих самостоятельно или в кооперативах. Шесть из них относятся исключительно к миру деревни, объединяя крестьян или кустарей: колхозники, занятые в сельском хозяйстве, прочие колхозники, индивидуальные хозяйства, колхозники, работающие в промышленности, кустари, объединенные в кооперативы, кустари вне кооперативов. Фактически сам факт работы в кооперативе служит главным разделительным критерием в рядах самодеятельного сельского населения. Аналогично дело обстоит с рабо-

чими и служащими. Наконец, одна категория оставлена для лиц свободной профессии.

Существенное изменение произошло в 1939 году; социальная классификация была ужата всего до восьми категорий: городские и сельские рабочие, городские и сельские служащие, колхозники, кооперированные кустари, некооперированные кустари, крестьяне-единоличники, не трудящиеся, и к этим категориям добавлялась еще одна — «не указавшие общественной группы». Был утвержден новый словарь занятий, отличающийся от того, что существовал в 1937 году⁴⁹. Ранее использовавшиеся категории были ликвидированы, например «лица свободных профессий» и «церковнослужители». Общая логика состояла в том, чтобы устранить любое занятие, которое невозможно было включить в группы рабочих, крестьян и служащих, работающих в государственных учреждениях. Начало разрабатываться троичное представление общества, состоящее из рабочих, крестьян и служащих. И статистики шли на уступки в этом вопросе.

Вместе с тем они стремились сохранить дифференцированное описание, вновь устанавливая весьма подробную номенклатуру занятий. Они включили в нее новые должностные функции, появившиеся в советском обществе, в частности, такие, которые осуществлялись новыми кадрами и руководителями коллективизированных организаций, например, государственными и партийными работниками, председателями колхозов и секретарями партийных комитетов. Были также сохранены специальности или профессии, имевшиеся в номенклатуре, использовавшейся в 1920-х годах: например, ткачи, плотники, врачи. В целом, в соответствии с марксистской терминологией, тридцать шесть категорий были распределены между производственными занятиями (двадцать четыре) и непроизводственными занятиями (двенадцать)⁵⁰. Различные специальности, профессии или должностные функции были перечислены внутри каждой из этих категорий. Большое число классификационных категорий 1939 года стало результатом наложения одних критериев, принадлежащих к различным реестрам, на другие.

Сохранение исключительно дифференцированной профессиональной номенклатуры как инструмента обработки данных в 1920, 1926, 1937 и 1939 годах позволяет заметить разнородность советского общества, несмотря на то что наряду с этим существовали глобальные показатели основных социальных групп, представленные в итоговых таблицах. Посредством этих цифр, невзирая на политические выступления, статистики из ЦСУ продолжали учитывать сохраняющееся многообразие профессионального мира и советского общества в целом. И если по многим пунктам классификации и категории, используемые в 1920, 1926 и 1937 годах, представляются близкими к класси-

фикациям и категориям, используемым в некоторых европейских странах в то время или гораздо раньше, то сохранение в СССР понятия о характере занятости как главного критерия организации профессиональных классификаций может быть объяснено особым образом, который проливает свет на политическое значение этой части статистической работы. Уже в 1926 году профессия не противопоставлялась занятию⁵¹. А к концу 1930-х годов занятие остается единственным критерием классификации, и используется только термин «профессия», в том же смысле, что и термин «занятие», чтобы обозначить рабочее положение лиц внутри детализированной номенклатуры. В 1939 году использование понятия «профессия» преследует, следовательно, только описательную цель, но ни в коей мере не является инструментом исследования. Что же касается употребления понятия «занятие», в социальном плане более нейтрального, то оно не наводит на мысль о существовании социальных групп, а следовательно, не мешает использованию понятия социальных классов в отображении действительности, когда это понятие еще употребляется.

«Предписание» идентичности и конструирование национальных категорий¹

В своей политике позитивной или негативной дискриминации — которая может принять форму самых жестоких репрессий — государство опирается на категории, конструирование которых служит основанием для оказания помощи той или иной части населения или же, напротив, исключения этой категории. Стигматизация лиц в зависимости от их принадлежности к определенным группам: кулакам и другим «социально чуждым элементам», депортированным народам — представляет собой одно из наиболее очевидных доказательств важности феномена «предписания идентичности» для государственного управления населением в СССР². И тем не менее эта форма дискриминации является лишь одним — и не самым частым — случаем использования предписанных идентичностей и группировки по категориям в отношении советских граждан. Статистическое управление оказывается единственным местом, где лицом к лицу сталкиваются те, кто занимается предписанием идентичности: политические руководители, сотрудники репрессивных органов или управленцы — и те, кто становится объектом этого процесса: то есть «обычные» граждане, которые иногда узнают себя в созданных категориях, на свой манер отвечая на вопросы переписей и опросов.

Другие демографические источники, находящиеся в пользовании статистиков, равноценны по значимости с переписью населения: гражданское состояние служит основной формой регистрационного учета личности и следует за ней всю жизнь, а свидетельства о рождении оказываются одним из главных административных документов, удостоверяющих социальную принадлежность человека. В СССР процедура регистрации населения в городах выходила за рамки простого подсчета и становится способом удостоверения личности. С этой точки зрения, она имеет большее значение, чем запись актов гражданского состояния. Дело в том, что политические власти на местах опираются на эти сведения при проведении политических действий по управлению городским пространством, а следовательно, имеют возможность в даль-

нейшем использовать их для дискриминационных действий в области решения квартирного вопроса или предоставления прописки. С 1932 года новым источником сведений о личностях становится паспорт. Это происходит особенно тогда, когда паспорт становится основным документом, удостоверяющим личность городских жителей и дающим возможность отличить лиц, нелегально проживающих в городе, от лиц, имеющих на это законное право³. Наконец, трудовая книжка составляет еще одну форму регистрации, используемую в ходе приема людей на работу. Эта книжка определяет, таким образом, их вхождение в состав самодельного населения и в особую профессиональную среду. Установление многочисленных других административных категорий послужило, в ряде случаев временно, основой для применения дискриминационных политических мер. Например, так было в случае с социальными характеристиками женщин, служившими основанием для определения первоочередности в проведении бесплатных аборт в начале 1920-х годов⁴, с установлением неравного доступа к потребительским благам при введении карточной системы распределения продуктов питания⁵ или при получении гражданских прав⁶.

Разнообразие таких административных практик делает невозможным сведение всех этих различных форм регистрации к процессу предписания идентичности, который проводился бы государством согласно четко сформулированным принципам. Если бы это было так, то вся совокупность документов, использующих различные категории, а вместе с ними и советская дискриминационная политика должны были бы следовать единой логике. Между тем в 1920-х и 1930-х годах конструирование новых форм социальной идентичности проходило под влиянием противоречивых сил и разнообразных практик. Различные социальные акторы обладали несхожей культурой и прибегали к различным практикам, результатом которых вовсе не обязательно становилась единая, внутренне целостная и эффективная форма предписания идентичности. Люди, которые создавали принципы и источники этой политики, то есть собственно категории классификации и кодифицированные обозначения, работали в различных учреждениях (статистических службах, горсоветах, репрессивных органах, наркоматах) и заканчивали разные учебные заведения. А те люди, которые впоследствии совершали действия, сообразуясь с соответствующими сведениями, в частности те, кто вел регистрацию и использовал эти сведения, чтобы идентифицировать, помогать или дискриминировать и ущемлять, также действовали в соответствии со своей собственной культурой, образованием, подготовкой и выполняемой функцией.

Применение разработанных категорий также отличалось многообразием. Оно зависело от толкования, которое ему давал

каждый человек, и если для статистиков оно было основано на научных принципах и укладывалось в общую схему описания населения, то для НКВД оно было ориентировано исключительно на подозрения, а в случае политических руководителей было нестабильным и менялось в ходе политических перипетий.

Деятели, которые вмешивались в разработку формуляров и разработку категорий, а затем и в их применение, было множество, а они сами тоже были продуктами различных научных и управленческих культур. В тех случаях, когда эти культуры уходили корнями в давнюю историю, в которой революция не была переломным моментом, дореволюционное наследие оставалось основополагающим в проведении работы по разработке категориального аппарата. В иных случаях какое-нибудь непосредственное событие или реагирование на политические преобразования становились определяющими в этой деятельности.

Эти столкновения разнообразных культур показывают границы анализа, основанного на понятии предписания идентичности. По сути дела, становится невозможным согласиться с тем, что статистические представления могут быть использованы для прямого достижения целей определенной политической концепции. Не менее затруднительно предположить, что каждый человек сможет узнать себя в навязываемых обозначающих формах, так как эти формы разнообразны, изменчивы, а нередко и просто противоречивы. Разработка и использование национальных категорий особенно ясно демонстрируют границы данного подхода. Этот же пример позволяет проиллюстрировать сложный характер взаимодействия между «долгим» и «коротким» временем, между различными управленческими культурами руководителей, научных работников и людей, ответственных за осуществление полицейского контроля. Результатом этого взаимодействия становится определенная административная организация населения, подразделение его на группы, а затем действия в соответствии с этими группировками и делениями или же независимо от них.

Языки, расы и народы

На протяжении длительного времени административный аппарат Российской империи, а затем СССР упорно и последовательно развивал логику «национального» или «этнического» самоопределения жителей страны. В противоположность Соединенным Штатам, стране иммигрантов, которая основывала свои критерии национального разделения на расовой принадлежности и стране происхождения, не доводя до логического завершения этнографические соображения⁷, русские управленцы увязывали организацию населения империи с его

территориальной экспансией, а следовательно, и колонизаторской миграцией. Продолжавшееся в XVII, XVIII и XIX веках расширение территории вынуждало административный аппарат уточнять, модифицировать и обновлять способ описания населения. Вместо того чтобы делать акцент на установлении истоков происхождения, русские этнографы, а затем и статистики предпочли вписаться в фольклорную тематику, которая подчеркивала важность форм лингвистической и религиозной практики, равно как и форм образа жизни как источника национально-этнической определенности⁸. Вместе с тем они не отказываются от классификации по расам, основывающейся на классификационной концепции, которая была господствующей во второй половине XIX века. С этой точки зрения Россия предстает как самая большая лаборатория, в которой велись разработки национального принципа как основы для описания и анализа населения, а также как юридической, политической и административной категории.

С начала XVIII века в основополагающих демографических источниках — подсчетах, переписях, церковно-приходских книгах и книгах записей актов гражданского состояния — используются критерии различия, которые сегодня квалифицировали бы как этнические. Они строились уже очень давно на базе соотношения между правом и колониальным восприятием лиц. Со следующего века национальная дифференциация оказывается частично включенной в кодекс законов, который определял со всей блистательной детализацией социальную стратификацию общества Российской империи⁹. Наряду с мещанами и купцами, разделенными на гильдии, дворянами (потомственными или личными), духовенством и крестьянами, фигурировали также инородцы. На этих критериях в Российской империи и строился способ административной идентификации лиц.

К концу XIX века все еще не закончившийся поиск привел к сближению между этнографическими, юридическими и расовыми описаниями населения. Он устанавливал параллельный, а в ряде случаев и противоречивый синтез между нормативным подходом и подходом научным к построению классификаций. Первые словари языков, религий и национальностей были установлены по случаю переписи городского населения в конце XIX века, особенно в ходе первой переписи населения империи в 1897 году¹⁰. Как итог многих колебаний в этом деле, они предвосхищают классификации, которые позднее будут разработаны советскими статистиками. Они охотно смешивают родной язык, народность и национальность. Разделение по человеческим расам, преобладающее в антропологической литературе того времени, приводит к тому, что результаты переписных операций представляются в форме рационально выраженных кла-

сификаций, основывающихся на принципах, претендующих на научность. Число наименований, обозначающих подразделения, оказывается значительным, но они охватывают только несколько основных групп населения. Эта разумная классификация явно опирается на «мифическую» концепцию формирования России вокруг ядра, образуемого русским народом, в которую затем вливаются народы мусульманские (обозначаемые родовым термином «татары»), северные (финны) и народы Востока (бурят-монголы). Вместе с тем эти классификации не приобретают универсально значимого характера, так как кодификации различны в зависимости от местожительства в Европейской части России, в Сибири, в Средней Азии или на Кавказе. Статистик, наблюдающий народы, обладающие различным статусом внутри империи, все еще остается под впечатлением двойного видения — колонизатора и этнографа.

Расплывчатость и неопределенность в вопросе об определении принципов, на которых основывается перепись народов, и о значении классификаций, использованных в 1897 году¹¹, сохраняются в первых советских переписях: неуверенность в том, что хотели определить (племя, народ, народность), и в выборе критериев определения (родной язык, личное заявление, указание, сделанное ведущим опрос, и т.п.). Авторы колеблются между оценкой ассимиляции и установлением «подлинной» национальности, якобы носящей культурный и физический характер. Использование родного языка, начиная с переписи 1897 года, становится крайним средством, избранным для определения категорий, четко воспринимаемых статистиками, ответственными за эту операцию¹².

Двойственность и неточность понятия проявляется всякий раз, когда организаторы этой переписи вынуждены классифицировать население, которое для них было малознакомым, плохо узнаваемым, сложным, или же когда культуры оказывались явно привязанными к религии. Несоответствие между тем, какую этническую принадлежность указывал сам опрошиваемый, даже если она подтверждалась, и его внешностью в глазах русского человека — этнографа или статистика — было совершенно очевидным.

На этой стадии, как нам кажется, у статистиков складывается первое представление о различии: «национальность» как бы была выражением идентификации, более поздней, чем собственно кодификация по переписным операциям, всего того, что охватывали понятия «народ» или «народность». Различие между этими понятиями свидетельствует о невозможности воспринимать целостно народы империи, расчлененные между совокупностью, политической по своей природе, которая состоит из населения, близкого к русским, и позже будет обозначаться

термином «национальность», с одной стороны, и другой совокупностью, антропологической по своей природе, включающей в себя население, организованное в племена и кланы. Однако институциональное закрепление этих категорий уже тогда шло полным ходом благодаря проведению переписи. Конструкция, разработанная после революции, которая наполнила термин «национальность» административным содержанием, начала складываться уже тогда.

Работа, проделанная статистиками царской администрации, свидетельствовала об исключительно многообразном восприятии народов и их названий. Словарь, опубликованный по случаю переписи 1897 года, содержал приблизительно 230 сгруппированных обозначений, наряду с кодификацией почти 120 классов, выполненной на основе расовых представлений о человеческом существе¹³. Эта классификация имеет двойный смысл. С одной стороны, колонизация повлекла за собою диверсификацию народов, признанных таковыми, и этот феномен был усилен процессом интеграции регионов в составе империи. Вместе с тем создание новых народов не следует непосредственно за присоединением новых территорий. Оно вызывает необходимость организовывать и направлять экспедиции этнографов с целью изучения особенностей деятельности присоединенных народов, а также их лингвистических, культурных и антропологических особенностей, чтобы создать сколько-нибудь научную базу для этих классификаций. До отправки таких экспедиций совсем недавно присоединенные или труднодоступные регионы были мало изучены, а их население временно группировалось по общим категориям, как, например, народы Памира, чьи разнообразные внутренние составляющие статистики еще не различали. С другой стороны, раз колонизация проводилась, многие народы были перегруппированы, чтобы усилить кажущуюся однородность регионов, подвергшихся колонизации.

Народы, национальности, территории

Эта работа над классификацией народов продолжается вплоть до 1937 года. Революция почти не меняет хорошо укоренившуюся ранее практику, несмотря на оживленность споров по поводу роли национальностей в установлении власти большевиков. В действительности подлинный разрыв с этой практикой имел место после 1926 года. Комиссия по изучению племенного состава населения России (КИПС), созданная Российской академией наук, учредительное собрание которой состоялось 17 февраля 1917 года, работала до 1929 года. В 1927 году она опубликовала «Список народностей Союза Советских Социалистических Республик»¹⁴, послуживший

основой для переписи 1926 года¹⁵. Этот список был более подробным, чем списки XIX века, однако классификационные принципы продолжали базироваться на расовой и лингвистической структуризации населения. Список был таким: индоевропейцы, яфетиды, семиты, финно-угры, самоеды, турки, монголы, тунгусо-маньчжуры, палеоазиаты, дальневосточные культурные народы¹⁶. Почти целиком на том же принципе будет строиться и классификация, использованная для переписи 1937 года. Вместе с тем на этот раз список показателей расширился, хотя они и оказались сгруппированными в меньшее число классов. Вместо 188 народов, включенных в список в 1926 году, в 1937 году осталось 109, а национальности, которым были даны территории-эпонимы (узбеки — Узбекистан, таджики — Таджикистан и т. д.), с тех пор включают в себя большее число других народов. Более тесная связь, устанавливаемая под влиянием национальной политики между административной территорией и национальными обозначениями, подталкивает к перегруппировкам такого рода. Закрепление форм территориального разделения в 1920-х годах сыграло важную роль в этом процессе.

Поиски, продолжавшиеся с 1897 по 1937 год, шли в двояком плане. Прежде всего, следуя глубоко сциентистской логике и сохраняя колониальное этническое восприятие народов, статистики тесно взаимодействовали с этнологами в деле построения и развития рациональной классификации народов империи. Введя, начиная с переписи 1920 года, принцип определения каждой личностью своей национальной принадлежности (каждый человек должен был сам указать, к какой национальности, как он полагает, он принадлежит), статистики принимают положение, широко разделяемое международным сообществом статистиков. Стремясь разработать научную классификацию общества, они устанавливают исключительно насыщенный перечень национальностей. Вместе с тем он несет на себе прежний религиозно-колониальный след: внутри неправославных или неславянских народов мы находим значительно большее число подразделений, чем у славян или у народов, которые издавна входили в состав империи.

Классификация населения, живущего на территории нынешнего Таджикистана, особенно характерна для сложившейся ситуации. В перечнях национальностей, опубликованных для переписей 1897, 1920 и 1926 годов, это население все более и более разделялось на многочисленные народности (см. таблицу в приложении к этой главе). Народы Памира, которые в конце XIX века были еще плохо изучены, первоначально были слиты в одно расплывчатое родовое обозначение — гальчи, или горные таджики. Однако работы этнографов вели к увеличению разнообразия наименований. Каждая долина Памира станови-

лась местом, дающим название новому народу. Так, в 1926 году статистики, следуя рекомендациям комиссии по изучению народов, отказались от термина гальчи, но назвали ишкашимцев, ваханцев, шугнанцев и язгулямцев. Некоторые подразделения все еще остаются расплывчатыми, например, бартангцы были слиты с шугнанцами. Позже, в переписи 1937 года, будут изменены названия этих народностей, так как тогда уже была создана Таджикская республика. В обозначениях останутся только таджики и ишкашимцы, тогда как все другие наименования, перечисленные в словарном списке того года, будут рассматриваться как подлежащие отождествлению с таджиками. Категория ишкашимцев была сохранена, так как в состав Таджикистана входил Горный Бадахшан, который получил статус автономии, потому что там проживала эта группа населения. Административно-политическая реорганизация СССР привела, таким образом, к приданию привилегированного положения народам, которые позволяли обеспечить четкую связь между территориями и народами.

В то же время стремление реорганизовать Советское государство на основе административно-территориальной реформы привело к установлению сложной иерархии административно-территориальных единиц. Национальная основа многочисленных подразделений, доходящая до выделения самоуправляемых национальных поселков¹⁷, давала повод для размышлений о перегруппировке национальностей вокруг прочных ядер, которые стояли бы в центре административно-политической реорганизации. Этот период нес на себе также печать политического стремления отрицать существование социальной стратификации в СССР. Поэтому национальный критерий стал главным критерием стратификации. С 1932 года, когда были введены паспорта, этот документ опирался на прочную юридическую основу¹⁸. Административно-географическая организация территории и юридическое удостоверение личности каждого привели к тому, что национальный критерий утратил свою этнографическую значимость. Зато он обрел официальный статус административно-юридического обозначения.

В 1920-х годах коренизация превалировала в национальной политике. В этой политической ориентации преимущество отдавалось использованию национальных языков и культур в различных административных составляющих СССР, равно как и доступу к власти национальных элит. В 1937 году от всего этого остались одни отдаленные воспоминания. Стремление подчеркнуть построение Советского государства вызывало утверждение о превалировании русской национальности и отбрасывание нерусских национальных обозначений. В одной из статей, опубликованных в «Правде» по случаю переписи 1937 года, подчеркивался сделанный выбор:

«Против ожидания, никаких особых трудностей опрос рабочих-националов не представил. Они четко ориентировались в вопросе о свободном выборе национальности. В одной квартире произошел весьма любопытный диалог. Я опрашивал молодого рабочего, мордвина по национальности. Он давно живет среди русских, воспитывался в русской школе, отлично говорит, читает и пишет по-русски.

— Ваша национальность? — спросил я.

— Русский, — ответил он быстро.

— Как русский, ты же мордвин! — удивился его товарищ.

— Я родился мордвином, — поправил опрашиваемый. — Но сейчас гораздо больше имею общего с русскими, чем с мордвинами. Могу я записать себя русским? — обратился он ко мне.

— Конечно.

В другой семье я встретился с не менее интересным случаем. Китаец женат на русской. У них одиннадцатилетний ребенок.

— Как вы определяете национальность ребенка? — спросил я.

Родители переглянулись. Затем отошли в сторону и начали тихо совещаться. Наконец, отец ребенка подошел ко мне и сообщил результаты обсуждения: хотя сын внешне и похож на китайца, но так как он родился в СССР, живет среди русских, учится в русской школе, китайского языка не знает, а знает только русский — родители решили записать его русским»¹⁹.

Переговоры и авторитарные предписания

Напряженное противоречие между сокращением позиций посредством введения классификационной сетки, в которой превалировал административный критерий, и традицией, требовавшей увеличения этнических категорий, усиливалось из-за вмешательства различных сил, которые активно участвовали в дискуссии. Это были политические руководители, желавшие совместить территориальное деление, институциональные формирования и аналитическую сетку; статистики, привязанные к реальной обстановке и сознававшие сложность перехода от национальной самоидентификации респондента к статистическим обобщениям, и, наконец, этнографы и лингвисты, приверженцы эссенциалистской концепции, основанной на многовековой традиции.

С этого времени работа по составлению вопросов для формуляров переписи вызывает необходимость всесторонних переговоров не только между этими различными силами, но и между центральными и региональными деятелями, которые участвовали в переписи²⁰.

Показательно то, что произошло в Грузии. Сначала все было, как в Таджикистане, о чем мы только что рассказали. Но поскольку Грузия раньше вошла в состав Российской им-

перии (между 1800 и 1811 годами), она была хорошо исследована русскими этнологами. Во время переписи 1897 года были обозначены многие народы, объединенные в четыре большие группы: картвелы, мингрельцы, сванеты и лазы (смотри таблицу в приложении к этой главе). Среди картвелов были выделены подгруппы в соответствии с логикой последовательного вхождения Грузии в состав империи. Ингилойцы, мтиулетинцы, пшавы, гушины и хевсуры были сведены в одну группу под названием ингилойцы. Имеретины были поставлены отдельно.

В 1926 году работы комиссии по изучению племенного состава населения России и статистики устранили последние из отмеченных подразделений, сгруппировав все картвельские народы под одним названием «грузины», но они еще делали различие между мингрельцами, лазами и сванами. После этого состоялись переговоры между грузинскими руководителями, пожелавшими оставить только одно название — грузины, и руководителями статистической службы, которые хотели сохранить прежние деления²¹. Грузины обратились в Центральный Исполнительный Комитет СССР, чтобы подчеркнуть опасность ослабления единства Грузии, если будет продолжаться такое деление и учет таких народов, как мингрелы, что, по их мнению, является пережитком царизма.

Эта административная логика достигает цели в 1937 году. Все народы Грузии оказываются сгруппированными под одним названием — грузины, хотя словарь национальностей сохраняет в своих формах более сложную классификацию по сравнению с классификацией 1926 года, но используемую просто как промежуточное средство, нужное для кодификации. В нем мы находим более тридцати названий, распределенных по пяти подгруппам, хотя и не определенных в качестве таковых. Этот словарь предназначался только для счетчиков и, следовательно, не ставил под вопрос тот принцип группирования, который был результатом политического решения и который как раз и станет основой структурирования и публикации полученных результатов.

Казаки тоже создавали различные проблемы из-за смешения социального, юридического и этнического статусов. Определенные численности народностей и противоречия, существующие между национальной определенностью и региональным восприятием национальных расслоений, в данном случае были более сложными. В империи казаки составляли весьма своеобразную группу. Будучи потомками свободных защитников окраин империи, образуя население исключительно мобильное и неконтролируемое до конца XVII века, они мало-помалу были включены в юридическую классификацию империи и располагали большой самостоятельностью. Будучи изначально крестьянами-

солдатами, в конце XVIII века и в XIX веке они становятся свободными крестьянами. Предоставленные им привилегии сделали их очень преданными царскому строю. Поэтому они воспринимались как социальная группа, стоящая в стороне, как своего рода орден в юридической иерархии империи и как особая этническая группа из-за особой социальной и особенно семейной организации, а также из-за своего места жительства на окраинах империи.

Это своеобразие оказалось утраченным после революции. Поскольку они первоначально стали на сторону защитников царя, казаки на какое-то время подверглись страшным репрессиям²². С первых же месяцев 1919 года они были уничтожены или высланы с территорий, примыкающих к Дону. Они уже не составляли особую социальную группу, а стали такими же крестьянами, как и другие земледельцы. Они больше не составляли и особой этнической группы, которая имела бы официальное признание, а Статистическое управление почитало, что будет лучше всего не выделять их как таковых. Однако при проведении переписи 1926 года Статистическое управление Северо-Кавказского края, расположенное в Ростове-на-Дону, объявило о возможности провести подсчет численности казаков²³. Уверенные в правомерности своего требования, обусловленного местной спецификой, эти статистики попросили утвердить для их региона специальный вопросник, включающий вопрос, идущий сразу же вслед за вопросом о национальности и сформулированный так: «Являетесь ли вы казаком?» Ответ на вопрос должен был давать сам респондент. ЦСУ не согласилось с этим требованием, исходившем от краевого исполкома, а Центральный Исполнительный Комитет встал на сторону последнего.

В своем предисловии к сборнику, представляющему результаты переписи²⁴, Авдей Гозулов пытается оправдать требование статистиков Ростова-на-Дону. По его мнению, постановка этого вопроса не подрывает принцип единства программ переписи, так как некоторые народы были выделены по критериям принадлежности к племени. Он считает, что быть казаком — это одновременно психологический и социальный признак, выражающий широкую концепцию определения некоторой «поднародности». Он, в частности, говорит о *морфологии* казаков, несущей на себе отпечаток своеобразной семейной и переселенческой истории. Впрочем, он вновь возвращается к этой идее морфологического подхода в одной из последующих итоговых работ²⁵, в которой развивает аргумент о существовании групп, не являющихся ни национальными, ни социальными, а основывающихся на элементах пересекающихся признаков. Он показывает, например, что существуют великорусские, украинские, черкесские и прочие казаки. Это

различие не было принято после окончания переписи, оно так и осталось единственным поводом для проведения подсчета численности казаков в течение всего советского периода.

Невозможный компромисс

Дискуссия, развернувшаяся вокруг перечня национальностей, используемого для переписи 1939 года, оказалась весьма поучительной в свете новых политических забот того времени. Критика переписи 1937 года была направлена прежде всего против этого перечня. Вместе с тем, помимо ее ярко выраженного политического содержания, эта критика свидетельствовала также о существовании реального спора по поводу оснований классификаций. В итоговой работе, написанной по этому поводу, Борис Урланис с большой точностью описал историю американских переписей, где подчеркнул противоречивость американских определений расы, которым он противопоставил советские институциональные и антропологические определения национальностей²⁶. Вслед за Боярским²⁷ и Гозуловым²⁸ он выявляет в них следы колониального формирования Соединенных Штатов, хотя эти авторы (все трое) совершенно откровенно демонстрировали восхищение американскими переписями. Авторы перечня национальностей, со своей стороны, вновь стремятся делать последовательные шаги, обращаясь за консультациями в институты, специализирующиеся по данному вопросу, но в то же время сталкиваются с необходимостью принимать в расчет новые административно-территориальные организации. Начинается переписка между Статистическим управлением, Институтом этнографии и Институтом языка и мышления Академии наук. Она свидетельствует о различных уровнях формальных давлений, которым подвергаются учреждения, занимающиеся вопросом национальностей. Одно из таких давлений задается тем определением национальностей, которое дал Сталин в ряде нормативных текстов. Работник, ответственный за разработку этого перечня в Статистическом управлении, стремится применить его и разделяет народы СССР на три категории: нации, национальные группы и народности; национальные меньшинства, которые на всей национальной территории СССР не имеют точного географического сосредоточения; этнографические группы²⁹. Институт этнографии дает аналогичное объяснение³⁰.

Этот принцип должен был оставаться вне критики и обязательным для всех, но возникало множество трудностей при установлении действительной связи между официальным определением национальностей и формой его применения на практике. Список, предложенный отделом переписей, подвергся острой критике как со стороны Института языка и мышления, так и со стороны Института этнографии. Помимо критических

аргументов, которые оставались в рамках научного анализа, свойственного этнографическим исследованиям тех лет (касающихся, в частности, равнозначности используемых наименований), формулировка некоторых критических замечаний выражала действительное опасение за расхождение со сталинским критерием классификации. По окончании целой серии письменных консультаций Статистическое управление подспудно приходит к выводу, что отобранные критерии оказываются неспособными практически работать, и тем самым оправдывает принятое решение, которое состояло в том, что просто давало алфавитный перечень национальностей:

«В список включены все народы (155) и все языки (141), представленные в Советском Союзе, независимо от их численности. [...]

Народы и языки Советского Союза перечисляются в алфавитном порядке. Пришлось отказаться от соблазнительной мысли заново пересмотреть научную классификацию народов и языков. Это было не под силу составителям списка. [...]

Составители не могли также дать группировки народов СССР и с точки зрения их распределения по известным историческим категориям: нация (национальность), национальная группа и этнографическая группа. Ведь «нация — это исторически [далее следует определение, данное Сталиным]», а в распоряжении составителей списка не было достаточно материала по всем этим признакам»³¹.

Эта констатация неудачи оправдывает отказ Статистического управления от классификации национальностей по этнографическим и антропологическим критериям. В 1926 году национальности были сгруппированы в большие этнолингвистические семьи (индоевропейскую, тюркско-монгольскую и т.п.); в 1939 году они были сгруппированы по количественному, алфавитному или административному критерию. Будучи раз и навсегда зафиксированы, соответствующие категории продолжали определять действия администраторов даже после утери ими всякой научной обоснованности. Политическое значение этой новой территориально-административной организации было велико, поскольку ее принципы легли в основу крупных статистических операций. Административная практика взяла в этом верх над научной культурой статистиков.

Регистрация — гражданское состояние — статистическая культура

Разработка формуляров гражданского состояния³² также способствовала все более и более точному определению идентичности, которое опиралось на категории, тяготевшие к сформулированным Москвой репрессивным и политическим концеп-

циям. Однако инициаторами выработки элементов идентификации, которые легли затем в основу арестов и депортаций целых народов, не были репрессивные органы. В таком контексте выбор, который должны были делать статистики, оказывался решающим, а их решимость следовать научному подходу — не менее важной.

С 1918 по 1922 год свидетельство о рождении помимо минимальных данных, относящихся к самому факту рождения³³, содержало еще только сведения о профессиях отца и матери. Этот источник социальной идентификации был унаследован от приходской регистрации, которым пользовались до революции, и указывал на сословия. Образец, принятый в 1922 году, более формалистический и структурированный, явно свидетельствовал о вмешательстве статистиков в его разработку для получения новых демографических сведений: возраст родителей, число родившихся и выживших детей. В то же время другие формы, удостоверяющие личность, остались без изменения. Национальность появляется в свидетельстве, принятом в 1926 году, в форме, которая демонстрирует еще мало устоявшийся характер этого источника идентификации, поскольку различные примеры ответов (русский, украинец, белорус, еврей и т.п.) приведены в самом свидетельстве, чтобы помочь работнику записать актов гражданского состояния и записать ответ на не всегда понятный вопрос. По всей видимости, в основе перечисления примеров не лежала никакая специальная логика, если таковая не исходила разве что из предполагаемой относительной значимости различных национальных групп. Однако ничто не отсылает к институционально закрепленному списку, речь в большей мере идет об интуитивном восприятии значения существующих национальностей. Новые рамки, определяющие прописку лица, напротив, оказываются гораздо более действенными в 1931 году, а особенно — в 1934 году, то есть когда национальность становится центральным пунктом идентификации личности. В свидетельстве о смерти, принятом в 1934 году, национальность фигурирует отныне в ряду основных личных данных (имя и пол), тогда как в предыдущих — она появлялась только вслед за сведениями о причине смерти. Наконец, бюллетень не содержал больше примеров, как если бы это было уже понято всеми работниками отделов записи актов гражданского состояния и, более того, вообще всеми людьми.

Эти преобразования явились плодом переговоров между различными законодательными и административными инстанциями, которые начались в 1920-е годы. Законодательные органы настаивали на наименьшем количестве показателей. Различные семейные кодексы не меняли положения, которые определяли процедуру и обязательно вносимые в акт гражданского состояния указания. В 1918 году первый свод законов, ре-

гулирующих акты гражданского состояния, уточняет, что записи должны следовать модели, подготовленной центральным отделом актов гражданского состояния, и что, пока ожидается выход этой модели, они должны соответствовать модели, представленной в самом этом своде. При записи акта рождения необходимо было указать день, час и место рождения, пол ребенка, его имя и фамилию, место постоянного жительства, возраст родителей и сколько всего детей родилось у родителей. В 1936 году новый семейный кодекс не требует давать никаких новых обязательных указаний.

Напротив, формуляры записи актов гражданского состояния были отредактированы на основе инструкции НКВД, согласованной с Наркомюстом. В действительности эти инструкции стали результатом обсуждения между НКВД и Комиссариатом Рабоче-крестьянской инспекции и только затем были одобрены Комиссариатом юстиции³⁴. Вмешательство Статистического управления подтверждается, с одной стороны, наличием большого числа нормативных текстов и перепиской между этими управлениями. НКВД не был инициатором включения вопроса о национальности в различные бюллетени. Формуляр, опубликованный 1 января 1925 года, не содержал в себе этого вопроса³⁵. В сентябре 1925 года этот вопрос опять-таки не упоминался в ходе совещания работников органов записи актов гражданского состояния, которые обсуждали новый семейный кодекс еще за шесть месяцев до начала распространения новых формуляров³⁶. Напротив, именно Статистическое управление требует введения раздела «национальность» как элемента удостоверения личности в этих формулярах сразу после переписи 1926 года. В 1927 году, когда вопрос о национальной принадлежности был включен в бюллетени актов гражданского состояния, Статистическое управление высказало пожелание, чтобы инструкции НКВД, определяющие порядок заполнения формуляров по записи актов гражданского состояния, были изменены. И предложило уточнить их положения, указывая, что в них «следует отмечать только одно наименование национальности (народности), отнюдь не смешивая ее ни с вероисповеданием, ни с подданством (гражданством)»³⁷. Со своей стороны, НКВД не высказал никакой заинтересованности в том, чтобы вносить в инструкции изменения³⁸. НКВД в то время несколько не заботились об уточнениях и природе ожидаемых ответов, в то время как статистики придавали этому огромное значение. Национальность пока еще не стала действующей категорией. Она интересовала только статистиков, которые делали из нее приоритетную категорию исследования, даже более значимую, чем социальное положение. Расплывчатость, которая господствовала вокруг ее определения, привлекала внимание только Статистического управления.

Парадоксальный факт: национальные категории становятся, таким образом, важным элементом идентификации лиц в основном под влиянием Статистического управления, а не репрессивных органов. Но для того чтобы они могли реально стать источником удостоверения личности, понятия, разработанные этими людьми, еще должны были стать близкими понятиями тех людей, которые их использовали. В сталинском СССР репрессивное использование идентификационного обозначения было одним из существенных элементов обращения описательной категории в категорию удостоверяющую, так как люди в то время были очень чувствительны к опасностям того или иного рода.

В действительности данные, происходящие из демографических регистрационных записей, в частности из переписей, довольно редко использовались в репрессивных целях для установления личностей, принадлежащих к определенным категориям, которые становились объектом массовых репрессий. В июле 1921 года, например, В.А. Антонов-Овсеенко³⁹ докладывал, что при подавлении одного из самых известных восстаний против молодой советской власти, *антоновщины* в Тамбовской области, он использовал переписные листы для выявления «врагов»⁴⁰. Таким образом он подготовил «список бандитов и их семей, составленный по переписи 1917 г. Список кулацких семей в бандитских селах и возбуждение вопроса перед Центром о массовой высылке этих семей из губернии»⁴¹. В число «врагов» люди попали, не потому что они совершили конкретные действия, а потому что могли их совершить в силу принадлежности к определенным социальным категориям населения, выявленным во время переписи. Но эта перепись, послужившая для такого использования, была подготовлена до того, как свершилась Октябрьская революция, и проводилась Временным правительством. В ней были задействованы аналитические и квалификационные категории, разработанные не теми людьми, кто приспособил их в качестве инструментария для проведения репрессий. Поэтому здесь речь идет не о сходстве между различными концепциями, а об отклонениях при использовании одного и того же источника, созданного в отличном социально-политическом контексте и не предназначенного для такой цели.

Гораздо позже, в 1937 году, за четыре месяца до выхода приказа НКВД за номером 485, по которому сотни тысяч поляков были высланы или расстреляны⁴², руководство НКВД Белоруссии пожелало использовать опросные листы для того, чтобы выявить представителей других национальностей. Оно потребовало от Статистического управления Белоруссии сообщить «фамилию, имя, отчество, точный адрес, место работы, возраст, год

рождения»⁴³ поляков и лиц других национальностей. Предназначалось ли все это для того, чтобы провести предварительный отбор?

Статистическое управление Белоруссии, проявив явную растерянность, передало этот запрос в Статистическое управление в Москве. Мы не знаем, каков был ответ, поскольку он был передан по телефону! Эта попытка НКВД использовать переписи для репрессивных целей, вполне вероятно, для пополнения информационных данных, которыми оно располагало, выглядит как признак сближения репрессивных действий и статистической практики, которые с тех пор употребляют отчасти один и тот же язык для описания и удостоверения личностей. Но такого рода примеры все же были достаточно редкими и требуют особой осторожности в своих истолкованиях.

Использование категорий на местном уровне и дискриминационная политика

Многочисленные дискриминационные меры в социальной сфере — в получении жилища, бесплатной медицинской помощи, приеме на работу, в системе продовольственных карточек — практиковались с первых лет после Октябрьской революции. Различия проводились между трудящимися и нетрудящимися, с одной стороны, «социально чуждыми» классами и классом рабочих и крестьян — с другой. Дискриминация по национальному признаку, апогей которой пришелся на период между 1937 годом и смертью Сталина, начала применяться позднее, и она хорошо иллюстрирует то, как некоторые действия, построенные непосредственно на основе государственных установок, постепенно сближаются с представлениями статистиков⁴⁴.

До середины 1920-х годов национальность не упоминалась в документах демографической регистрации, кроме переписей. Она появляется в регистрационных бюллетенях людей, прибывших в Москву в 1927 году. Зато она была с самых первых лет представлена в профессиональных формулярах ЦСУ, но вначале не сопровождалась разъяснениями. В то время она рассматривалась как один из статистических критериев наряду с другими, который, по всей видимости, не связывался с политикой позитивной или негативной дискриминации.

Фактически эта категория стала широко использоваться с подачи статистиков, а другие ведомства не вмешивались и сначала ею не пользовались. Вместе с тем такое использование будет постепенно входить в практику вместе со статистическим употреблением. Например, в Москве дискриминация по национальному признаку была в ходу в области миграции, получения жилья и трудоустройства⁴⁵. В административных инструкциях, разработанных или полученных муниципалитетом, а так-

же при приеме на работу отделом трудоустройства городского управления, были постепенно изменены используемые категории удостоверения личности. Вопросы этнической принадлежности начинают волновать муниципальное управление столицы в конце 1920-х годов. Данные о национальном составе населения, полученные в ходе переписи 1926 года, навели администраторов и партийное руководство на мысль о необходимости этнической сегрегации. Секретарь городского комитета партии просит у ЦК разрешения на составление карты расселения национальных групп в Москве, чтобы бороться против возникновения кварталов с преобладанием одной национальности. Сталин отклоняет такое предложение, говоря, что это вне компетенции городского комитета, и секретарь этого комитета подчеркивает, что создание этнических островков внутри СССР отнюдь не является задачей пролетарской революции и что необходимо, напротив, устранять условия, способствующие дроблению города по национальному признаку, так как такие условия мешают объединить всех жителей вокруг главной задачи, задачи строительства социализма⁴⁶.

Различные органы статистической администрации и партии в то время еще не нашли общего языка. Категории, предложенные статистиками, не были приняты политическими и репрессивными органами.

В 1934 году намечается поворотный момент. НКВД готовит инструкцию, о которой мы располагаем только косвенными сведениями из другой инструкции, направленной ЦК ВКП(б) Московскому городскому комитету партии, в которой говорится, что во исполнение постановления ЦК ВКП(б) за № 1245/2 Центральный Комитет рекомендует обратить особое внимание на националистические источники отмеченных случаев саботажа в соответствии с инструкцией НКВД № 132/64 от 13 августа 1934 года о национальностях и их отношении к советской власти⁴⁷.

В этой инструкции НКВД были названы национальности, враждебные советской власти. В ней были выделены две группы народов, представлявших особую опасность. В первую из них вошли советские немцы, корейцы, финны, латыши, литовцы и поляки, которых следовало постепенно устранять с предприятий города, в особенности с руководящих постов. В отношении второй группы (евреи, армяне, крымские татары, чеченцы, ингуши, осетины) требовалась повышенная бдительность. Органы НКВД должны были немедленно информироваться обо всех случаях проявления недовольства условиями труда, советской властью и т.п. со стороны лиц этой категории⁴⁸.

Национальная категория становится полностью употребительной. Вместе с тем постепенный переход от первых ограничений в отношении «социально чуждого» населения к ограничениям сугубо национального свойства следует логике, относящейся в боль-

шей мере к специфическим критериям идентификации, чем к систематической формализации, основанной на научном подходе, национальных определений, которые разделяли бы все советское население, как это делали статистики. Разница была весьма значительной. В инструкции НКВД упоминались лишь некоторые национальности.

Первая группа, рассматриваемая как наиболее враждебная, соответствует тем народам, которые происходили из враждебных СССР зарубежных наций: советские немцы, корейцы, финны, латыши, литовцы и поляки⁴⁹. В данном случае иностранное и национальное (этническое) оказалось смешанным в одной и той же характеристике. Множество инструкций ставило клеймо на этих народах, определяя их как национальные диаспоры и выдвигая против них тяжкие подозрения. Так, ссылаясь на «исключительно национальный характер» террористических организаций, использующих этническое родство между немцами и советскими немцами, один из таких документов приказывал организовать специальный учет жителей немецкого происхождения в каждом районе города, установить контроль над жителями, которые находятся в постоянном контакте с лицами немецкого происхождения, уделяя особое внимание возможным контактам с немецкими гражданами (работниками посольства Германии в Москве или представителями немецких предприятий)⁵⁰.

Вторая группа, составленная более странным способом, удивительным образом предвосхищает будущие высылки некоторых народов. Помимо евреев и армян к ней относятся крымские татары, чеченцы, ингуши и осетины, то есть народы, подвергшиеся высылкам в период между 1941 и 1945 годами⁵¹.

Сближение обозначений «иностранец» и «национальность» было, однако, осуществлено весьма частичным образом, поскольку созданная номенклатура затрагивала лишь несколько наций и не была связана с «научной» логикой классификации, ни даже с особой колониальной логикой различий между советскими народами. Полицейская регистрация и репрессии, которые на ней основывались, оставались, таким образом, отдельно стоящими по отношению к статистической регистрации или происходили от иных управлений, а не от НКВД. Это особенно хорошо иллюстрирует расхождение между общими представлениями о национальном начале и репрессивными формами, которые отнюдь не следовали за этими концепциями, фокусируясь на весьма специфических группах, а не на рационально сконструированном выражении описания национального качества. Национальные категории, указываемые репрессивными органами, не укладываются в одну особую классификационную логику. Они остаются не тождественными тем категориям, которые постепенно разрабатывались статистическими органами. Как раз наоборот, речь идет о катего-

риях, которые из всей целостности населения выделяют только национальности, связанные с каким-нибудь потенциально враждебным государством. Следовательно, пока еще нет слияния линии сталинских репрессий в середине 1930-х годов и линии статистических построений.

Начиная с 1932 года НКВД располагает по городским жителям своим собственным источником идентификации личности — паспортами. Введение этого документа свидетельствует о продолжающейся эволюции в восприятии национальной категории у деятелей полицейских органов. На первом этапе национальность объявляется путем самоопределения, а позднее, с 1938 года, НКВД принимает меры к тому, чтобы она устанавливалась гораздо более строгим образом и независимо от заявлений самих лиц:

«Если родители немцы, поляки и т.д., вне зависимости от их места рождения, давности проживания в СССР или перемены подданства и друг., нельзя записывать регистрирующегося русским, белорусом и т.д. В случаях несоответствия указанной национальности родному языку или фамилии, как, например, фамилия регистрируемого Попандопуло, Мюллер, а называет себя русским, белорусом и т.д., и если во время записи не удастся установить действительную национальность регистрирующихся, графа национальности не заполняется до предоставления заявителями документальных доказательств»⁵².

Согласно этому циркуляру, паспорт должен был содержать в себе личную фотографию, на которую может опираться работник, выдающий паспорт, чтобы оспаривать национальную принадлежность, заявленную получателем. Таким образом, национальность перестает быть основанной на утверждении, удостоверяющем личность со стороны самих индивидов, и становится теперь предписываемой полицейским функционером.

Использование демографических источников карательными органами и насильственное предписание идентичности

Разработка опросных листов переписей, так же как и регистрационных бланков для записи актов рождения, брака и смерти, не была продиктована стремлением установить контроль или обеспечить удостоверение личности граждан. Опросный лист переписи 1937 года не был нацелен на то, чтобы собрать точные данные по каждому жителю СССР. Напротив, социальная идентификация пока остается еще довольно неопределенной. Все вопросы, которые могли бы дать точное описание сведений о личности, не были включены в последний опросный лист, если не считать указания национальности и религии. Цель

переписи и разработка вопросника не были направлены на установление надзора над населением. Устранение вопросов о миграциях делало невозможной будущую идентификацию бывших кулаков, устранение вопросов о семейных структурах затрудняло использование переписи для установления семейных связей, то есть процедуры, которая нередко использовалась в периоды репрессивных действий с целью расширить круг виновных. Сильнейшее политическое вмешательство, которым ознаменовалась эта перепись, не дало возможности для такого использования. Сталин оказывал давление на разработчиков в том плане, что требовал свести круг поставленных вопросов к предельному минимуму. Это показывает, что перепись не задумывалась со стороны руководства как средство контроля.

На протяжении всего периода времени, когда велись допросы по процессам 1937 года против сотрудников Статистического управления, внимание было сосредоточено прежде всего на вопросах численности или характера описательных категорий. Например, Квиткина обвиняли в том, что он сохранил старые категории городов и населенных пунктов, тем самым скрывая ритмы урбанизации, или в том, что он использовал перепись 1937 года для демонстрации провала сталинской политики, указывая на снижение численности населения как следствие коллективизации.

Категории, использованные при проведении переписи или при записи актов гражданского состояния, следовательно, не были неточным отражением категорий, которыми манипулировали политические руководители, в особенности Сталин, чтобы описать состояние общества и населения. Для них вопрос состоял не в том, чтобы каждого человека наделить точно определенной национальной принадлежностью, как это было в случае с переписью, а в том, чтобы установить некоторых лиц, связанных с определенными группами.

Так, инструкция НКВД № 485 от 11 августа 1937 года, относящаяся к первой волне массовых репрессий против населения (если не считать репрессии против казаков в начале 1920-х годов), вводит образец, используемый затем неоднократно. Она была написана после инструкции № 447 от 30 июля 1937 года, положившей начало крупным чисткам, и в ней уточняется, что она «касается только поляков, которые были шпионами и т.п.». Очевидно, что национальная категория тогда еще не мыслится как чистая категория, а нередко служит своего рода социальным клеймом или анафемой. Достаточно быть поляком, чтобы оказаться причисленным к шпионам, а это уже оправдание для ареста как можно большего числа лиц этой национальности⁵³.

Такие инструкции НКВД, как те, по которым немцам, живущим в Москве, нужно было регистрироваться уже с 1934 года, свидетельствуют о своеобразном процессе удостоверения личности. Цель состояла не в том, чтобы каждый точно указывал

свою национальность, как это было во время переписи, а в том, чтобы выявить лиц, связанных с определенными группами. Эта логика не противоречила логике обозначения «социально чуждых» элементов, независимо от того, были ли они выходцами из дворян, служителей культа или кулаков. Анафема, поводом для которой служит национальное происхождение, соединяется с анафемой, основанной на социальном положении. Классификационное описание населения и введение процедуры удостоверения личности носят пока частичный характер и осуществляются НКВД время от времени.

Поэтому представляется затруднительным в данном случае утверждать, что переписи сами по себе могли ориентировать репрессивную политику, предписывая идентичности. Вместе с тем они оказались включенными в общий процесс внесения изменений в процедуры удостоверения личности, который приводил к использованию некоторого числа признанных категорий, в частности, некоторых национальных категорий и расплывчатых определений социальной стратификации, построенной на основе трех-четырёх главных групп. Лица, которые не могли быть включенными в эти категории, рассматривались в таком случае как «социально чуждые» или как «социально опасные», а потому и подлежащие преследованию.

Позиция сопротивления, занятая статистиками, пытавшимися сохранить классификации, которые они считали обоснованными и необходимыми для обеспечения преемственности в описании социально-экономических преобразований, показывает, до какой степени этот процесс предписания идентичности был противоречивым и конфликтным и представлял важность только для части политических, административных и социальных деятелей. Организаторы переписи 1937 года обвинялись в том, что они не приняли в расчет изменения статуса национальности в советском мире, следовательно, обвинялись в том, что упорствовали в своем выборе линии, диктуемой этнографическим подходом, вместо того чтобы основываться на новом административном делении страны.

В рамках репрессивной политики Сталина глобальные цифры обладали особой значимостью. Некоторые репрессии основывались на более или менее точных статистических данных. Особый случай в этом плане представляет инструкция от 30 июля 1937 года «Преследование бывших кулаков, уголовников и прочих антисоветских элементов»⁵⁴, в которой было дано точное число лиц, подлежащих аресту и расстрелу в каждом районе. Тем не менее, по всей видимости, эти количественные установки были построены не на основе демографических источников, а направлялись местными отделениями НКВД и партийными ячейками⁵⁵. НКВД, вероятно, использовал свои собственные досье для определения направляемых цифр, даже если анализ

населения, потенциально подлежащего преследованию, и делался на основе переписей и других статистических источников не на уровне отдельных лиц, а чтобы получить общую картину локализации населения особых категорий или дать приблизительные расчеты. Сам Молотов нередко требовал уточнений касательно величины той или иной группы населения. Так, после аннексии прибалтийских государств он справлялся по поводу национального состава этих стран в Статистическом управлении. Тем не менее эти вопросы непосредственно не были связаны с репрессивной политикой, а включались в общий процесс использования цифр в целях управления экономикой и обществом.

Конструирование идентичностей: биография и сеть отношений

Все более частое использование категорий идентификации в политических целях не следовало единой и логичной схеме. Расхождение между этнографическими дебатами, которые определяли принципы переписи, и процессом административного введения формуляров было очень четким. Практика административной регистрации индивидов была отчасти вызвана страхом — нередко весьма смутным — перед представителями определенных категорий населения. Применявшиеся при этом социальные и национальные характеристики не отличались особой логичностью, тогда как в отношении конструкции индивидуальных идентичностей можно выделить три противоречивые тенденции.

Первая из них связана с категориями, которые создавались различными учреждениями и в дальнейшем влекли за собой дискриминационные (а зачастую и репрессивные) меры или же акты позитивной дискриминации. Эти категории были связаны с идентичностями, которые, в свою очередь, рассматривались как «объективное» явление как статистиками, так и сотрудниками НКВД, хотя этот «объективный характер» понимался ими по-разному. Для первых, например, национальные признаки менялись вместе с процессами ассимиляции. Для вторых же требовалось точно устанавливать «подлинных» немцев и «подлинных» греков, и таким образом выявлять тех, кто точно не указывал свою национальность.

Вторая тенденция распространяется в учреждениях и на предприятиях позже, она связана с развитием формы автобиографической идентификации, ставшей обязательной при вступлении в партию⁵⁶. Эти автобиографии свидетельствуют о многогокости идентичности каждого. Введенные для того, чтобы вынудить каждого говорить правду и не скрывать своего прошлого, в особенности подозрительного прошлого, они толкали

каждого человека к участию в создании представления о себе на основе собственного рассказа о своей жизни, поступках, совершенных в прошлом, и о своем происхождении. Таким образом, формирование представления о человеке было включено в динамический процесс взаимодействия между восприятием каждым человеком своей собственной жизни и тем, что от него ожидалось формально. Тем не менее автобиографическая форма, представлявшая собой последовательность рассказов, в течение жизни множество раз повторяемых, но нередко измененных и приспособленных к контексту, не очень способствовала определению различных коллективных, национальных, социальных или политических показателей, которые в институциональном порядке могли бы быть приписаны лицам. Она фиксировала более сложное и более расплывчатое представление о биографии человека.

Наконец, судебные процессы и репрессии 1930-х годов выдвигают на первый план принадлежность к некой сети, кругам и привлекают внимание к связям между людьми. Идентификация каждого человека происходит на основании его знакомств — в том числе самых дальних — и тех мест, которые он посещает. Индивид, таким образом, определяется исходя из сети его отношений с людьми в гораздо большей мере, чем из его личных атрибутов. Ориентиром для идентификации человека служат окружающие его люди: те, с кем он работает, живет бок о бок, его друзья и товарищи по учебе. Символом этой работы по фиксации этих идентичностей может стать то, что имена соседей того или иного человека в стенограммах процессов и допросов выделяются особо (их всегда писали жирными буквами). При чтении таких документов внимание обращалось на имена людей, а следовательно, и прежде всего, на установление их связей и сетей их знакомств⁵⁷. Эта сложная форма административно-политического определения личности оставалась, тем не менее, достаточно расплывчатой, приспособляемой к каждой особой ситуации обвинения в отдельности. Она оставалась столь же непредсказуемой, сколь и напичканной угрозами, затрудняя сокрытие сведений, так как невозможно было знать априори то, что может послужить поводом для ареста. Вместе с тем очевидно, что эта основанная на отношениях идентичность становилась основополагающим элементом личной идентичности и не соответствовала — так же как и (авто)биографическая идентичность — формам предписания коллективной, национальной и социальной идентичности.

Приложение

Таджики и грузины в период между 1897 и 1970 годами

В нижеследующих таблицах даны названия, которые использовались для обозначения народов, живших главным образом на территории нынешнего Таджикистана и современной Грузии, при проведении различных переписей с 1897 по 1970 год. Жирным шрифтом выделена *национальность* в 1937 и в 1970 годах и *народность* в 1926 году, с которой связано рассматриваемое наименование.

Таджики

1897	Комиссия изучения племен	1926	1937	Книга «Народы СССР» (1958)	1970
таджики = таджики	тоджики, таджики = таджики, ягнобцы	тоджики, таджики = таджики	тоджик = таджик	тоджики, таджики = таджики	тоджик = таджик
гальчи, горские таджики = гальчи	горные иранские племена, горные таджики, гальча = таджики, ишканимцы, ваханцы, шугнанцы, язгулямцы (народы Памира)	горные таджики, гальча = таджики	памирские, горные таджики = таджик		чагатай, чагатай = таджик хардури, хардири = таджик памирские таджики, припамирские таджики = таджик
				баджавидж = баджуйцы	баджуйцы, баджуйцы, баджавидж, баджаведж = таджик
	хутни = шугнанцы			хунона (самоназвание) = шугнанцы	барвозцы, барвозидж, барвози = таджик
	бартангцы = шугнанцы	бартангцы = шугнанцы	бартангцы = таджик	бартангидж (самоназвание) = бартангцы	бартангцы, бартовангидж, бартанги = таджик
	ваханцы, вахи, бух = ваханцы	ваханцы; бух, вахи = ваханцы	ваханцы, хик, бух, вох, вахи = таджик	бух (самоназвание) = ваханцы	ваханцы, хик, бух, вох, вахи, вахидж = таджик
		горогцы = таджик	горогцы = таджик		горогцы = таджик
	ишканимцы, ишканими = ишканимцы	ишканимцы; ишканими = ишканимцы	ишканимцы; ишканими = ишканимцы	Ишкочуми (самоназвание) = ишканимцы	гунджи, гундедж, гунди = таджик
					ишканимцы, ишкочуми, ишкочуми = таджик
	орощорцы = шугнанцы		мунджанцы = таджик		мунджанцы, мунджони = таджик
			орощорцы = таджик		орощорцы, рощорвидж = таджик

1897	Комиссия изучения племен	1926	1937	Книга «Народы СССР» (1958)	1970
картвельская или иверская группа	рушанцы, рушники=шутанцы		рушанцы, рушунки=таджик	рухен (самоназвание)= рушанцы	рушанцы, рушони, рыхен=таджик
			хуфцы=таджик	хуфидж (самоназвание)= хуфцы	сарыкольцы=таджик
					шахдаринцы, шахдарачи=таджик
	шугнанцы	шугнанцы	шугнанцы, хутнони, шугтин=таджик		шугнанцы, хутнони, хутни=таджик
	ягноби, ягнобцы=ягнобцы	ягнобцы	ягнобцы=таджик	ягнобцы=ягнобцы	ягнобцы, ягноби=таджик
	язгулямцы, юздом=язгулямцы	язгулямцы; юздом, зтамит=язгулямцы	язгулямцы, юздом, зтамит=таджик	зтамик (самоназвание)= язгулямцы	язгулямцы, язгуломи, зтамик=таджик
цыгане=цыгане			кхайбаи=таджик среднеазиатские цыгане, джути, кашкари, люли, мазанг, молтани (с таджикским языком)=таджик	мазанг, джути, люли (самоназвание)= цыгане	цыгане, люли, джути, мазанг, мутати=цыгане
		араторцы=таджик	араторцы, гальча=таджик		
		бареджъ=шугнанцы	бареджъ=таджик		

1897	Комиссия изучения племен	1926	1937	Книга «Народы СССР» (1958)	1970	1897
картвельская или иверская группа			грузины	картвельская (южнокавказская) группа	грузины	грузины=картвельские (самоназвание)
					картвель=грузины—I	
ингилойцы, мтиулетинцы, пшавы, тушины, хевсуры, тушцы= грузины	пшавы, туши (тушинцы), хевсуры, хевсуры, пшавы, туши (тушинцы)= грузины	хевцы (мохеве), хевсуры, пшавы, туши (тушинцы)= грузины	мтиулетцы, пшавы, тушины, хат, хевсуры, хиву=грузины—I	хевсуры, пшавы, мтиулеты, хевсуры=грузины — II	хевсуры, пшавы, тушины, хевсуры=грузины — II	тушины, хевсуры, пшавы, мтиулеты, ингилойцы=грузины (локально-этнографич. группы)
ингилойцы	ингилой=грузины	ингилой=грузины	енгилойцы, ингилой=грузины — I		ингилойцы, гюрджи=грузины — V	
гурийцы, имеретинцы, имеретинцы	гурийцы, имеретинцы=грузины	имеры (имеретинцы)= грузины	гурийцы, гюрджи, имеретинцы, имеры=грузины — I	гурийцы, имеретинцы=грузины (территориальные группы)	гурийцы, имеретинцы=грузины (локально-этнографич. группы)	
			картвелы, картвелы= грузины — II			
	джавахцы, картвельцы, кахетинцы, клардцы, джигиды, клардцы, маховцы, месхидцы, мтиулетцы, рачинцы, сохитцы, таойцы= грузины	джавахцы, кахи (кахетинцы), клардцы, джигиды, клардцы, маховцы, месхидцы, мтиулетцы, рачинцы, сохитцы, таойцы= грузины	джавахцы, йерли, картвельцы, кахетинцы, кахетинцы, клардцы, клардцы, кобулетцы, месхидцы, месхидцы, меред, месхидцы, рачинцы, сохитцы, таойцы, тивулы=грузины — I	рачинцы, лечхумцы, картвельцы, гурдальцы, джавахцы, кахетинцы, мохевцы, месхидцы=грузины (территориальные группы)	картвельцы, гурдальцы, гурдальцы, джавахцы, джавахцы, месхидцы, месхидцы, месхидцы, месхидцы, месхидцы=грузины — II	картлийцы, кахетинцы, моховцы, рачинцы, месхидцы, месхидцы, месхидцы, джавахи (локально-этнографич. группы)=грузины
аджарцы=аджарцы	аджарцы=грузины	аджарцы=грузины		аджары (самоназвание)= аджарцы	аджарцы, аджарцы=грузины — III	аджарцы (локально-этнографич. группы)= грузины

1897	Комиссия изучения племен	1926	1937	Книга «Народы СССР» (1958)	1970	Книга «Народы России» (1995)
грузины=грузины						грузины=грузины
б) мингрельцы					врачи=грузины — IV	
мингрельцы=мингрельцы	мегрелы, мингрельцы=мегрелы	мегрел, мегрелы, мингрельцы=мегрелы	мегрелы, маргали, мингрельцы=грузины — IV	мегрелы (самоназвание)=мингрелы	мегрелы, мингрелы, маргали=грузины — VII	мегрелы=мегрелы (субэтнические группы)
в) лазы	архавцы, атинцы, виццы, лазы, хойцы, чан=лазы	архавцы, атинцы, виццы, лазы, хойцы, чан=лазы	лазы, архавцы, атинцы, ахварцы, виццы, йон, хопцы, чаны, чхалыц=грузины — III	лазы (самоназвание), чаны (самоназвание)=лазы	лазы, чаны=грузины — VI	лазы=лазы (субэтнические группы)
г) сванеты						
сванеты=сванеты	чолурцы, лахамульцы, лашхцы, лентхцы, сванеты, сваны	чолурцы, лахамульцы, лашхцы, лентхцы, шван, сваны=сваны	сваны, лахамульцы, лашхцы, лентхцы, мушван, сванеты, чолурцы, шванар, шон=грузины — V	сваны (самоназвание)=сваны	сваны=грузины — VIII	сваны=сваны (субэтнические группы)
	бацбии, бацы, цова-туши=бацбии	бацбии, бацы, цова-туши = бацбии	бацбии, бацав, бацы, цова-тушины=грузины — II	бацбии (самоназвание)=цова-тушины	цова-тушины, бацбийцы, бацав=грузины — IX	

Размышление о методе случайного отбора

Составление выборок несплошных наблюдений также стало предметом дискуссии между статистиками в 1920-х и 1930-х годах. В то время, особенно в 1920-е годы, когда выборки «наудачу» еще не стали общей практикой в международном сообществе статистиков, обсуждения в СССР также приобрели политический смысл. В частности, в случае с сельскохозяйственной статистикой политическая значимость чисел, отражающих урожайность, преобразования в деревне и достижения коллективизации, взяла верх над методологическими дискуссиями, и это в стране, которая была новатором в этой области с конца XIX века¹.

В середине 1950-х годов в статье, опубликованной в «Journal of the Royal Statistical Society», подчеркивалось: «Во время Первой мировой войны и сразу после нее [...] именно в России наиболее интенсивным образом велась работа в области выборочного исследования»². В начале 1920-х годов выборочное исследование населения становится основным источником цифровой информации для советских руководителей и статистиков ЦСУ. Совершенствование этого метода наблюдения, возникшего в 1870-е годы, продолжавшееся до 1917 года, ознаменовалось множеством методологических инноваций, которые революция не только не прервала, но даже, напротив, способствовала им. Главные вопросы, поднятые в это время и в 1920–1930-е годы, продолжали оставаться в центре дискуссий о технологии построения показателей, отстаиваемых советскими статистиками. Поэтому необходимо коротко вернуться назад к дореволюционному периоду, чтобы лучше понять суть этих научных обсуждений, не избежавших влияния политических соображений.

До 1914 года распространению такого способа наблюдения в значительной степени способствовало проведению статистических исследований местными управленческими службами земств. Многообразие использования цифровых данных для местных социальных целей требовало изобретательности в методологических поисках, осуществляемых статистиками³. Трудности в проведении опросов на местах вызвали значительные мето-

дологические нововведения, ставшие продуктами аналитического поиска, проводимого на стыке вопросов, поставленных практикой проведения опросов и статистической теорией, которая сама была весьма новаторской в конце XIX века в Европе⁴.

Способ, рожденный требованиями управления

Как и в других европейских странах, выборочный опрос применялся в России из-за невозможности проводить сплошное исследование всякий раз, когда какому-либо управлению нужно было собрать на обширной территории сведения, необходимые для разработки экономических или социальных мероприятий. С середины 1870-х годов из-за недостатка средств местное отделение Центрального статистического комитета российского государства отказалось от проведения сплошного исследования касательно экономики и условий жизни в административном регионе проживания казаков на Тереке и решило провести обследование только некоторых частей этой территории⁵. Были выбраны поселения, обозначенные как «типичные», поскольку их характеристики рассматривались как «среднестатистические» по отношению ко всем рассматриваемым поселениям⁶.

«Типичным», в представлениях сторонников такого опроса, является селение, которое имеет больше всего характеристик, общих для наибольшего числа поселений определенного района. «Средним»⁷ считается поселение, имеющее основные характеристики, которые имеют поселения обследуемой территории. Это была первая попытка провести несплошные наблюдения, что было вызвано в большей мере материальными затруднениями, чем теоретическим выбором, и проводились они с 1876 по 1881 год⁸.

В дальнейшем по тем же самым принципам в России было проведено много опросов. Сталкиваясь с нарастающей потребностью в статистических данных, с одной стороны, а также со значительными бюджетными трудностями — с другой, земские статистические отделения проводили их все чаще и чаще со второй половины 1880-х годов. В частности, это происходило под воздействием статистического отделения Московского юридического общества⁹. Комиссия в составе его членов в 1887 году определила организационную процедуру проведения несплошных наблюдений в земствах, разграничивая их осуществление по отношению к проведению сплошной переписи населения.

Несплошное наблюдение рассматривалось как дополнение, но отнюдь не как заменитель сплошного исследования крестьянских хозяйств. Такой опрос по выборкам, отобранным по сознательному выбору единиц¹⁰ среди всего населения, которое уже участвовало в переписи, проведенной в ходе предшествующего сплошного исследования, должен был дать возможность

более тонко проанализировать социально-экономические характеристики определенной территории. Это чаще всего делалось в сравнительном плане, для изучения социально-экономических различий в деревнях. Тонкость операции состояла, таким образом, в установлении однородных районов и отборе «типичных селений», позволяющих выявить различия между районами. Критерии, используемые для выделения этих районов и определения условий перехода от частичных результатов к обобщению, давали основание для развертывания теоретических и методологических дискуссий в сообществе земских статистиков в ходе их конференций и съездов до 1914 года¹¹.

На съезде русских статистиков 1887 года было уточнено понятие «типичности». Типичным было признано такое селение, которое соединяло в себе «наиболее значимые экономические черты и особенности каждого отдельного района». Вместе с тем идея о замене всей совокупности селений данного района только одним из них, которое могло бы представить их, не сопровождалась уточняющими указаниями применительно к процедуре определения типичности, или же применительно к определению количества единиц, выбранных для обследования. Как и в других европейских странах, спор по поводу определения репрезентативности и технологии отбора оказался несколько запоздалым. Он был характерен для периода 1895–1925 годов¹².

Первые частичные опросы в земствах были монографиями «типичных поселений». А частичный опрос, несомненно, и есть такая монография. Выполненный применительно к совсем незначительному количеству, он, несмотря на это, в глазах статистиков конца XIX века претендовал на получение данных всеобщей значимости, так как в нем обследовался тип, который представлял характерные черты, среднестатистические для данного населения. Статистики оправдывали этот метод обследования, ссылаясь на его широкое применение в то время в естественных науках.

Механический отбор, первая форма случайного выбора

Первые выборки, наводящие на мысль о случайности, были придуманы А.А. Кауфманом¹³ в ходе исследований по сельскому хозяйству. Они были проведены им в Сибири с 1887 по 1890 год для министерства государственных имуществ¹⁴. По всей видимости, он был первым, кто использовал отбор единиц по жребию, вместе с тем не отказываясь от типичности при отборе селений. Но даже если в буквальном смысле слова он и не осуществлял случайный отбор (доля отобранных хозяйств варьировалась от одной четверти до одной шестой в зависимости от сельских районов), то все же делал выборку по методу, который он называл «механическим отбором». Речь шла о процедуре, которая опи-

ралась на удачу, а потому фактически уже основывалась на случайности, даже если это слово пока еще и не употреблялось.

В то время механический отбор не выполнялся чисто наудачу в том смысле слова, как это понимается в настоящее время. И хотя выборка делалась из единиц, отобранных в порядке арифметической прогрессии (из пяти на пять или десяти на десять, например), то первый номер, напротив, не определялся чисто наудачу, поскольку чаще всего он соответствовал первому названию в списке, используемом как основа для отбора. Этот список составлялся заранее в определенном порядке — алфавитном или каком-нибудь еще.

До середины 1890-х годов выборка делалась на основе сочетаний между принципом механического отбора и методом выбора типичных селений. Первое выборочное исследование на основе случая, не в сочетании с выбором обследуемых типичных единиц, было проведено в 1896 году А.В. Пешехоновым в Козельском уезде Калужской губернии¹⁵. Статистику необходимо было провести для земства выборочное исследование, включая изучение бюджетов 8% хозяйств. Но из-за того что он не располагал данными предварительно проведенного сплошного опроса, чтобы иметь возможность выделить однородные районы и типичные деревни, он делал выборку по методу механического отбора одного хозяйства из десяти. Это было выполнено на основе извлечения порядковых номеров 1, 11, 21, 31 и т.д., следуя тому порядку наименований, которые были представлены в списке. В данном случае никакое использование отбора типичных выборок не имело места.

Использование этого метода выборки в гораздо большей степени было продиктовано необходимостью, чем предпочтением, и не было напрямую связано с действительным разрывом с методом выбора типичных единиц. Напротив, эта процедура была представлена статистиком как способная «дать гарантию типичности» отобранных хозяйств¹⁶. Это замечание очень хорошо иллюстрирует, насколько переход к случайному отбору в России был в то время результатом последовательных шагов, сделанных наугад, вкупе с экспериментами различного рода. Тем не менее, как только была задействована случайная выборка, она сразу же привела к разрыву связи, которая до тех пор неизменно соблюдалась, между опросами, нацеленными на «одну часть целого», и сплошной переписью.

Переход к понятию репрезентативности

Понятие о репрезентативности было выдвинуто на съезде статистиков Московского юридического общества. Одна из принятых резолюций уточняет условия, в которых выборочные опросы могут приниматься во внимание:

«7) При выборе селений для подробного описания должны быть выполнены два неперемennых условия:

а) чтобы типичность селения была основана на объективных признаках, определяемых по данным предыдущего сплошного исследования, и

б) чтобы число единиц каждого типа, предназначенных к подобному описанию, было пропорционально общему числу этих же единиц в данной местности»¹⁷.

Это новое предписание соблюдать пропорциональность при построении выборки из типичных селений по отношению ко всей совокупности деревень дает первичный набросок формулы о статистической репрезентативности. Умы статистиков были готовы принять механический отбор в качестве технологии составления выборок, дополняющей метод типичных выборок единиц. Статистики земств в дальнейшем испробовали экспериментальным образом различные формы комбинирования этих двух методов отбора единиц для исследования лиц, хозяйств, домашних хозяйств или деревень.

Исследование, проведенное в Вятской губернии в период между 1900 и 1902 годом, служит тому примером¹⁸. Статистики этого земства, вынужденные по финансовым причинам отказаться от идеи сплошной переписи, попытались составить выборку, которая, как им казалось, была способна дать верное представление обо всей целостности, посредством контроля а posteriori за соответствием структуры этой выборки структуре населения, выявленной в ходе сплошной переписи 1880 года. Нововведение оказалось существенным: на основе разделения всей территории губернии на однородные районы они распределили деревни по различным группам, выстроенным в соответствии с критерием средней величины сельских хозяйств предприятий, и отобрали одну пятую часть деревень в каждой из групп в соответствии с принципом типичных селений. И хотя выборка была составлена по методу выбора типичных единиц, статистики посчитали, что она содержит в себе достаточно большое число обследованных единиц, чтобы дать им возможность в конце работы составить «представление об изучаемой совокупности» (статистический термин «репрезентативность» пока еще не был использован). В действительности они стремились выдвинуть на первый план типичность деревень и хозяйств, включенных в выборку, так как, по их мнению, идея о способности выборки дать правильное представление обо всей данной совокупности оставалась тесно связанной с типичностью. Они делали это, сравнивая средние и относительные величины, полученные посредством выборочного исследования, с данными первой сплошной переписи 1880 года.

Способ, которым статистики из Вятки отбирали деревни, подлежащие обследованию, строго следя за их пропорцио-

нальным распределением по всей территории губернии, на- поминает способ, которым норвежский статистик Киэр в то же время¹⁹ определял репрезентативный опрос. Он определял его как «частичное исследование, при котором изучению подвергается большое число разрозненных населенных пунктов, разбросанных по всей территории таким образом, что вся совокупность обследуемых населенных пунктов образует в миниатюре всю территорию»²⁰. Эти статистики посчитали, что контроль над закономерным распределением изучаемых деревень по всей территории, охватываемой опросом, и численность выборки позволяют им считать, что этот опрос может «представлять» всю целостность. Таким образом, в России был сделан решительный шаг к введению понятия репрезентативности, не повлекший, вместе с тем, за собой отказа от типичности.

После 1900 года различные попытки проведения выборочных исследований на различных уровнях совершенствовались технические приемы отбора выборок. Протокол опроса на пяти уровнях, с включением выборки на трех уровнях, проведенного В.Г. Громаном²¹ в пензенском земстве с 1911 по 1913 год, стал в этом отношении образцовым. Он сделал набросок основ метода, который использовался и в конце 1920-х годов, когда сознательный отбор единиц для выборочных исследований делался в сочетании со случайным отбором.

Для изучения преобразований, происходящих в сельских хозяйствах, и условий жизни в деревнях Громан уже в 1910 году предложил проект исследования на трех уровнях, где сочетались различные методы, использовавшиеся в то время в России²². Он обосновывал такой выбор необходимостью включить в анализ различные социальные явления со всеми их закономерностями и многообразием:

«Комбинирование же методов выборочного исследования, монографического описания и сплошного учета при условии точного разграничения круга явлений, подлежащих исследованию каждым из этих методов, дает полную возможность как уловить закономерности общественной жизни, так и учесть все явления, отличающиеся друг от друга интересующими исследователя признаками»²³.

По мнению Громана, комплексность анализа социальных явлений оправдывала такую процедуру проведения исследования. Познание всей целостности оказывалось неотделимым от познания различий, которые разделяла ее, отношений взаимной зависимости между социально-экономическими явлениями и факторами, вызывающими вариантность последних. Выбор используемого метода должен был, таким образом, находиться в зависимости от типа рассмотренных факторов²⁴.

Анализ «главных факторов», факторов первичного порядка должен был восходить к сплошным исследованиям. А анализ факторов вторичного порядка входил уже по преимуществу в специфику выборочных исследований. Наконец, изучение последствий принадлежало монографической области. Эти усилия по определению значимости применения различных методов сопровождалось указаниями по пропорции отбора и технологии составления выборок для применения в выборочных исследованиях.

Теоретизация выборочности

На съездах статистиков, которые проходили после 1900 года, в ходе дискуссий о технологии определения выборок все больше выражалась озабоченность тем, как связать с практикой управленческой статистики самые последние достижения теоретической статистики. А.А. Чупров²⁵ сыграл в этом деле главную роль. Он стал, в частности, одним из тех, кто вслед за В.И. Борткевичем занялся изучением вопроса о репрезентативности отобранных выборок. Участвуя в статистических подсекциях различных съездов естествоиспытателей и врачей, он обеспечил связь между университетской статистикой и управленческой статистикой земств. Два его ученика, С.С. Кон и Н.С. Четвериков²⁶, внесли вклад в развитие исследований по теории вероятностей в 1910-х годах. Но тем человеком, который в первую очередь оказался на стыке административной статистики и статистики университетской, стал А.Г. Ковалевский. Он довел до конца теоретические поиски, предпринятые Чупровым и относящиеся к конструированию стратифицированных выборок, и сформулировал математическую трактовку оптимального размещения по стратам за десять лет до того, как в Соединенных Штатах это сделал Джерси Нейман²⁷. Книга Ковалевского по статистике «Основы теории выборочного метода»²⁸, опубликованная в 1924 году, свидетельствует о высоком уровне, которого в России достигли теория и практика выборочных исследований в этот период. Она показывает также преемственность в развитии методологической и теоретической мысли в период между началом XX века и первым десятилетием после революции.

На вопросы, которые ставили репрезентативность изучаемой «части» и условия обобщения частичных результатов, уже были получены некоторые ответы на европейском уровне после сообщения, сделанного Киэром на съезде в Будапеште в 1901 году, в России — в результате введения расчета вероятностей в процедуру отбора выборок В.И. Борткевичем, еще до того, как он уехал работать в Берлинский университет в конце XIX века, и А.А. Чупровым. Борткевич предложил воспользоваться исчис-

лением вероятностей, чтобы установить расхождения между структурой отобранной выборки и структурой генеральной совокупности и таким способом выявить уровень репрезентативности полученных результатов на основе рассмотренной выборки. Чупров, в свою очередь, в 1900 году на XI съезде естествоиспытателей и врачей выступил с сообщением о принципах случайной выборки. Через десять лет, в 1910 году, он выступил с более развернутым докладом о принципах случайной выборки и мерах уточнения итоговых суждений. По этому случаю он затронул теоретические вопросы, которые ставила конструкция стратифицированной выборки. Он подчеркнул, в частности, заинтересованность в том, чтобы «предварительно разбить изучаемую массу на более однородные части и лишь в пределах таких частей ставить исследование на почву выборочного метода»²⁹. Вместе с тем он уточнил, что «этот вариант метода недостаточно еще разработан теоретически, и условия, при которых он представляется целесообразным, не вполне выяснены»³⁰.

Обстановка статистического брожения, сложившаяся в начале 1920-х годов, обострила поисковую мысль в этом вопросе. Основной предмет споров между статистиками по поводу методов составления выборок остался идентичным предмету дискуссий конца XIX века: как изучать массовые явления с помощью частичных опросов, ничего не теряя при этом в целостном информационном характере переписи или сплошного исследования, которые при всей их теоретической привлекательности очень трудно организовать практически?

Новый вопрос, поставленный послереволюционной ситуацией, особенно волновал статистиков: из-за медлительности в использовании переписи первых лет советской статистики давали очень мало результатов, а следовательно, обладали слабой практической полезностью. В 1924 году не были завершены ни рассмотрение результатов сельскохозяйственной переписи 1916 и 1917 годов, ни рассмотрение демографических и сельскохозяйственных переписей 1920 года. Положение, о котором нередко сигнализировали статистики региональных бюро ЦСУ, связанное с повторами через короткие промежутки времени переписей всякого рода в первые годы существования советской государственной статистики, не только не позволяло полностью выявить их результаты, что само по себе понятно. Но даже когда такие результаты оказывались выделенными, они уже не давали верного фотографического отображения положения, существующего на момент их публикации³¹. В силу этого они не могли целиком сыграть роль информационных методов для разработки мероприятий социально-экономической политики государства.

Эта ситуация, а также рост числа текущих исследований, нехватка персонала в период гражданской войны и сокращение

штатов в конце 1921 года привели к тому, что стала быстро распространяться практика проведения выборочных исследований внутри самого ЦСУ. Вместе с тем оставалось еще необходимым уточнить методологию, подходящую для различных типов обследования. Эти вопросы стали предметом особо острого обсуждения в связи с сельскохозяйственной статистикой.

В 1923 году, перед выходом книги А.Г. Ковалевского³² случайная выборка вступала в противоречие с анализом социального многообразия. Как было возможно наиболее точно увязать метод случайного отбора единиц для исследования и необходимость работать при столь разнообразном населении и учитывать особенности подгрупп, составляющих его и имеющих уже известные характеристики? Этот вопрос был разрешен в 1924 году Ковалевским, который представил теоретическое обоснование оптимального размещения единиц по странам.

Его работа была новаторской благодаря предложенной им математической трактовке этой проблемы. Оригинальным был прежде всего метод построения референтных выборок населения. Для изучения населения, характеризующегося своим разнообразием, он предложил установить относительно однородные районы так, чтобы внести большую точность в оценку признаков генеральной совокупности населения, исходя из оценки результатов обследования, которое проводилось в первое время отдельно по различным слоям. В данном случае вклад Ковалевского состоял в том, что он предложил математическую трактовку идеи, сформулированной Чупровым в 1910 году.

В частности, он использовал дисперсию или среднее квадратическое отклонение какой-то характеристики от ее средней величины. Чем меньше дисперсия, тем более точной оказывается числовая оценка переменной. Как необходимо действовать, чтобы предельно уменьшить дисперсию внутри разнородного населения? Районирование выборки позволяет сделать это при условии, что слои будут сами оставаться как можно более однородными. Но как в таком случае будет влиять величина выборки? В контексте нерайонированной выборки ее величина должна быть тем большей, чем более высокой является распыленность изучаемого признака в генеральной совокупности. Если же дисперсия района остается слабой, то дело будет обстоять так же и для его выборки. Поэтому нет никакой необходимости в том, чтобы такой малодисперсный район был представлен выборкой с высокой численностью. Главное здесь состоит в выборе однородных районов. С этой целью статистики должны, следовательно, строго следить за тем, чтобы устанавливать районы, в которых дисперсия рассматриваемого признака является слабой. Значение переменной будет тем более точным, чем по возможности наиболее слабой окажется дисперсия в каждом районе, а следовательно, цель состоит в том, чтобы добиться

снижения дисперсии всей совокупности выборки. Пропорция отбора каждого района рассчитывается исходя из учета среднего квадратического отклонения каждого района. Она оказывается тем меньшей, чем слабее колебания рассматриваемого критерия, и тем большей, чем более сильными оказываются колебания.

Другая особенность выступления Ковалевского состояла в том, что он связал бесповторный механический отбор с районированной выборкой, построенной посредством разделения разнородной генеральной совокупности на некоторое число более однородных и более мелких совокупностей, называемых районами. По мнению этого статистика, в случае проведения социального опроса «наиболее точные результаты будут получены именно посредством механического отбора, а не посредством случайной выборки»³³, а формулы оценки ошибок, используемые в случае случайной выборки, могут быть применены к механическому отбору. Ковалевский, следовательно, считает, что бесповторный механический отбор гарантирует более точную величину оценочных суждений, поскольку степень точности, достигнутой таким путем, усиливается построением районированной выборки³⁴.

Он полагает, что таким образом восстанавливает внутри районов условия, которые позволяют оперировать посредством механического отбора в условиях репрезентативности, сравнимых с условиями, гарантируемыми случайной выборкой. Осуществляя это действие в процессе составления выборок, он комбинирует механический отбор, который принадлежит к области случайной выборки, и сознательный выбор, который обычно ассоциируется с селекцией типичных единиц и монографией. Оперируя таким методологическим выбором, он сохраняет связь, которая представляется характерной для русской статистики того времени, между идеей репрезентативности и понятием типа. Таким способом он вновь включает практику в математическую формализацию.

С этой точки зрения работа Ковалевского предстает как синтез исчисления вероятностей в статистической теории и вклада по практическому опыту земских статистиков в построение выборок. Ковалевский входит в число тех людей, которые сделали возможным в России переход от статистики, сильнейшим образом привязанной к практике на местах, к статистике, подверженной математизации, что обеспечило переход между двумя различными институциональными формами производства статистических данных.

Вместе с тем, подобно тому как область, открытая А.А. Чупровым в 1910 году, осталась неразработанной вплоть до появления этого труда, он не находил применения в управленческой статистике советского государства. И все это несмотря на очень широкое распространение практики проведения выбороч-

ных исследований в различных отделах ЦСУ на протяжении всех 1920-х годов. В конце этого десятилетия, не упоминая о результатах, установленных Ковалевским, статистики этого управления все еще вели спор о необходимости выбора между составлением выборок по механическому отбору и выбором районов и типичных единиц, в частности в области сельскохозяйственной статистики³⁵.

Разнообразные формы выборочных исследований в двадцатые годы

На фоне бурного сбора статистических данных 1920-е годы характеризуются проведением многочисленных выборочных исследований и их разнообразным использованием. Такое положение объясняется также «статистическим энтузиазмом», который вызвал мобилизацию целого корпуса профессионалов для службы в статистической администрации советского государства. С 1920 года выборочное исследование становится приоритетным направлением в период между двумя переписями, методом базового анкетирования, применяемого в текущей статистике. Применяемый в самых разнообразных областях, от сельскохозяйственной статистики до статистики транспортных перевозок и демографической статистики, он сначала использовался главным образом как добавление к переписи.

И хотя всеобщая перепись, при всей ее символической значимости, оставалась грандиозной общенациональной операцией по подсчетам народонаселения, она, вместе с тем, регулярно сопровождалась выборочными исследованиями специфических объектов, в частности выявлением изменений в структурах и характере деятельности сельскохозяйственных предприятий. Уже в 1916 году организация первой всероссийской сельскохозяйственной переписи сочетала как саму перепись, так и выборочное исследование. Ее результаты были получены на основе выборки переписных карточек, составленной посредством механического отбора, что делалось с целью сократить сроки публикации ее результатов³⁶. Тот же принцип был использован для разработки данных сельскохозяйственной переписи 1917 года.

Из-за гражданской войны перепись 1919 года в действительности была проведена в форме выборочного исследования 10% сельских хозяйств, расположенных в типичных районах. Несмотря на нередко встречающуюся путаницу в названиях выборочного исследования и переписи, практика проведения выборочных исследований становится все более самостоятельной по отношению к переписи, и их результаты в 1920-х годах находят все большее применение.

С 1919 года выборочные исследования становятся приоритетным направлением в текущей сельскохозяйственной статисти-

стике. Первые из них касались оценок величины урожаев, которые делались два раза в год, весной и осенью. Вместе с широким применением текущих статистических опросов в других областях они быстро стали частью повседневной работы как Центрального статистического управления, так и местных отделений. Предназначенные для наблюдения за изменениями в деревнях, динамические обследования, проводившиеся в конце XIX века с составлением выборок хозяйств, отбираемых в типичных районах, продолжались до конца 1920-х годов. Их принцип был даже распространен на другие области, например, на подсчеты естественного движения населения и образование. Наконец, продолжалось и разнообразилось изучение бюджета домашних хозяйств применительно к различным категориям населения. И хотя обязательность репрезентативности оставалась для всех статистиков центральной проблемой забот при выборе технологий составления выборок, споры о соответствующих преимуществах сознательного выбора и случайного отбора не переставали быть оживленными.

Годовые исследования урожайности в рамках текущей статистики проводились тем подразделением статистического управления, которое было ближе всего к населению, подвергнутому исследованию, то есть уездными отделениями. Выборки строились на основе случайного отбора, как это и мыслилось в то время в соответствии с технологией механического отбора, выполняемого исходя из списка домашних хозяйств какого-нибудь населенного пункта. Масштабы выборочного исследования по отношению к численности сельскохозяйственного населения постоянно росли с 1920 по 1926 год. В 1921 году ими были охвачены 2% населения, в 1922 году — 3%, с 1923 по 1925 год — 5%, а с 1926 года этот показатель достигает 10%³⁷. По причине их политической значимости эти исследования становились предметом оживленных обсуждений между статистиками, а также в рамках ЦСУ и других управлений, в особенности в плановом управлении и в Комиссариате земледелия. Они и в самом деле служили основанием для оценок объема урожая, а следовательно, в последующем служили и для установления пропорций в распределении реквизиций.

Исследования по питанию занимали особое место в текущей статистике ЦСУ. Появившиеся в 1880-х годах, они получили развитие во время Первой мировой войны с целью изучения изменений в продовольственном обеспечении и выработки мер по обеспечению продовольствием населения³⁸. Практикуемые в широком масштабе и систематическим образом, эти исследования все более отдалялись от форм изучения бюджета, из которых когда-то вышли, и становились источником текущей статистики. Статистическое управление проводило такие исследования с февраля 1919 года дважды в год. Вскоре они стали

предназначаться главным образом для оценки уровня и состава пищевого потребления в домашних хозяйствах, а также для разработки производственного и потребительского баланса сельскохозяйственных продуктов, в особенности зерновых³⁹. Когда их проведение прекратилось в 1928 году, эти опросы направлялись на выяснение положения более чем в 10 000 городских семей и 25 000 сельских⁴⁰.

Наблюдение за структурами и изменениями, область типичных единиц

Другие способы обследования, такие, как динамические исследования и изучение бюджетов, часто применялись в дополнительном порядке в 1920-х годах. Они имели то общее, что основывались на выборке, отобранной в ряду типичных районов, выделенных внутри какого-нибудь округа, где проводился опрос в соответствии со специфическими критериями.

В 1919 году сельскохозяйственные динамические обследования практиковались в России уже в течение двух десятков лет. Они имели целью прослеживание изменений и дифференциации условий жизни и производства в крестьянских хозяйствах. Их проведение продолжалось и в первые годы большевистской власти⁴¹. Цель этих опросов, предназначенных первоначально для «выявления характера и тенденций развития сельского хозяйства на основе ведения постоянного статистического наблюдения на определенной территории небольшой площади в каждой области Советской Республики»⁴², состояла в «изучении динамики типов хозяйствования», то есть «динамики классов в сельском хозяйстве»⁴³. А.И. Хрящева, которая была руководителем отдела обследований по динамике сельского хозяйства ЦСУ, считая, что составление случайных выборок самостоятельно не может быть пригодным для такого применения, полагала, что необходимо в предварительном порядке прибегать также к построению типичных районов, чтобы «с достаточной точностью определить те совокупности и единицы, которые подлежат обследованию»⁴⁴. В этой области законы случая не могут полностью заменить человека.

Выборки сельскохозяйственных динамических исследований строились в таком случае в два этапа: посредством сочетания метода сознательного выбора с целью определения типичных районов и механического отбора с целью выбрать хозяйства для исследования. Какая-либо область сначала подразделялась на округа, становящиеся местом проведения исследования, настолько однородные, насколько это возможно было сделать с точки зрения «экономических, естественных и исторических показателей», взятых как критерии их дифференциации. В каждом из них выделяются затем районы, состоящие из нескольких селе-

ний, характеристики которых оказываются наиболее близкими к средним характеристикам округа. Затем проводится сплошное исследование, нацеленное на обследование всех хозяйств одного и того же отобранного района. Общая численность рассмотренных хозяйств должна соответствовать пропорции отбора, зафиксированной на общенациональном уровне со стороны ЦСУ, которая обычно составляла 10%. В Саратовской области, например, ежегодно с 1924 года отслеживались 32 000 хозяйств, составляющих как бы обсерваторию для наблюдений за сельскохозяйственной деятельностью и за местными крестьянскими хозяйствами⁴⁵.

С методологической точки зрения динамические исследования представляли собой компромисс не только между выборочным и сплошным исследованием, но и между сознательным и случайным выбором. Они позволяли не допускать полного разрыва со всей целостностью и идеей основательности, которую эта целостность обеспечивала получаемой информацией, той основательности, которую, казалось бы, было способно обеспечить только сознательное разделение совокупности.

А вот первые исследования бюджетов семейных хозяйств, проведенные ЦСУ, использовали монографию. Этот метод, хотя он и оставался предметом споров по поводу его научной пригодности, все еще пользовался в то время преимуществами, идущими от сомнения, и практиковался в целом ряде опросов, осуществляемых в 1920-х годах. Изучение бюджетов семейных крестьянских хозяйств оставалось предметом научного обследования. Это изучение, нацеленное в первую очередь на оценку продукции сельских семейных хозяйств, составляло источник информации о социально-экономическом положении в деревне и в этом качестве регулярно включалось в сельскохозяйственные динамические исследования. Первые обследования крестьянских бюджетов, выполненные ЦСУ с 1919 года, не нацеливались на большую выборку, в частности из-за трудностей с проведением исследований в деревне во время гражданской войны. По периоду 1918–1919 годов были опубликованы результаты, относящиеся только к 257 хозяйствам, распределенным по пяти областям, а в 1920–1921 годах только те результаты, которые относились к 379 хозяйствам в четырнадцати областях⁴⁶. После окончания гражданской войны выборка обследуемых хозяйств была значительно расширена, хотя все еще и составляла совсем небольшую величину внутри каждой области. В 1922–1923 годах она включала в себя 2 134 хозяйства, в 1923–1924 годах — 3 660 и в 1924–1925 годах — более 9 000⁴⁷.

Главная цель состояла в том, чтобы осуществить тщательное изучение источников доходов и их использования для хозяйствования и личного потребления. Даже процедура обследования объясняет такой выбор: эти опросы каждый год осу-

ществлялись статистиками областного отделения во время поездок в деревни, обычно совершаемых в июне—июле. Выборка основывалась, как и в прошлом, на сознательном выборе хозяйств, расположенных в подвергаемых исследованию округах, однородных с точки зрения сельскохозяйственной практики. Критерии, используемые для определения их типичности, наминали критерии, которые использовали земские статистические отделения и которые требовали принимать во внимание главные «экономические, естественные и исторические характеристики» каждого округа. Как и в прошлом, количество задаваемых вопросов оставалось значительным. Оно могло превышать тысячу, что, конечно же, делало проведение исследования затруднительным и надоедливым! В период между 1919 и 1921 годами такая тяжеловесность процедуры обследования и трудности гражданской войны сильно замедляли обработку получаемых данных. Так, результаты 257 изучений бюджетов с 1918 по 1919 год были опубликованы ЦСУ только в 1921 году. До 1928 года использовались лишь частичные результаты каждого из проведенных опросов, да и то каждый раз с опозданием⁴⁸.

Какие методы исследования приемлемы для социалистической статистики?

Расширение сферы применения выборочных исследований в 1920-х годах послужило поводом для большого числа дискуссий касательно технологий составления выборок, а также и по вопросам сравнительной выгодности выборочного исследования и сплошной переписи. Как вообще можно провести границу между этими двумя формами исследования социально-экономических явлений? В этих дискуссиях настойчиво упоминались два обязательных требования. Требование репрезентативности составленной выборки стало центральным пунктом для всех статистиков, в особенности для работников, ответственных за проведение исследований в статистическом управлении. В свою очередь, требование обязательной применимости на местах подстегнуло в гораздо большей степени их коллег из региональных отделений. Вместе с тем один факт остался безусловным: в конце 1920-х годов выборочное исследование заменило собой перепись в области текущих исследований социально-экономических явлений и их развития.

И действительно, сплошной учет не подходит для наблюдения за экономической конъюнктурой. Переход с середины 1920-х годов от статистической продукции, широко принимающей в расчет социальное исследование, к статистике, все более сосредоточенной на экономическом анализе, сопровождается изменениями в использовании методов исследования. Тяжеловес-

ность обработки сплошных исследований и запоздание с публикацией полученных данных все время дают пищу для новых и новых критических выступлений. Кроме того, выборочное исследование предстает как тем более приоритетный инструментарий текущей статистики, по мере того как начинается размышление в категориях показателей экономической жизни и с ежегодным прослеживанием их изменений.

И если в конце 1920-х годов перепись все еще остается базовой операцией по проведению подсчета, то уже одно только распространение выборочных исследований влечет за собой необходимость сделать переоценку ее применения. Необходимость подводить сплошные балансы в различные моменты времени для того, чтобы располагать полноцветной фотографией населения или экономического сектора, разумеется, не ставится под вопрос. А вот вопрос о частоте проведения переписей ставится, с одной стороны, по причине их большой стоимости, а с другой — из-за стремления располагать орудиями ежегодного исследования, приспособленными к требованиям планирования и управленческой бухгалтерии.

Выборочное исследование применяется, таким образом, как орудие наблюдения за социально-экономическими показателями и их изменением в период между двумя переписями. В это время, когда преобладало политическое стремление к изменению экономической системы, выбор наиболее подходящего орудия для наблюдения за преобразованиями в структурах сельскохозяйственного, ремесленного и промышленного производства вызвал многочисленные методологические споры среди статистиков, в особенности тех из них, которые изучали изменения в сельском хозяйстве и в рядах крестьянства. Политическая значимость исследований по сельскому хозяйству объясняет живость методологических споров в этой области. Вопрос о репрезентативности выборочных исследований стоял в центре этих споров. Сомнения, которые выражали сами статистики, давали повод для формулирования обвинений политического характера.

Репрезентативность в сопоставлении с практикой

Трудности, возникшие при прослеживании изменений в сельском хозяйстве после 1917 года, оказались тем более существенными из-за того, что в первой половине 1920-х годов на первом месте стояли проблемы продовольственного обеспечения населения, вызванные сначала гражданской войной, а затем голодом в 1921–1922 годах. Эта ситуация тяжким бременем давила на все дискуссии в ходе всероссийского съезда русских статистиков в январе 1923 года. Главным вопросом на нем был вопрос о технологиях отбора данных в текущей сельскохозяй-

ственной статистике⁴⁹. Уже в ходе съезда статистиков 1922 года Н.И. Дубенецкий призвал к осторожности в применении выборочных исследований и выразил некоторые сомнения в правомерности их систематического применения без учета особенностей обстановки:

«Тридцатидворное обследование как метод исчисления абсолютных размеров посевной площади, количества скота и т. д. по коэффициентам годовых изменений более или менее прочным основанием может быть лишь для одного–двух лет, непосредственно следующих за сплошной переписью, и только для районов, не затронутых каким-либо катастрофическим или паническим действующим на население явлением. В результате более продолжительного применения его нагромождение годичных ошибок может сильно исказить действительность»⁵⁰.

В период, когда наблюдается большая подвижность населения и происходят значительные колебания в сельскохозяйственном производстве, как можно вообще применять выборочное обследование, в особенности с целью проследить основные изменения, если при этом мы не располагаем прочной основой выборочного обследования на весь данный период? В таком случае сугубая осторожность по отношению к выборочным исследованиям, как объяснил тогда же Н.Я. Воробьев, совсем не означает отказа от этого метода. Она свидетельствует, напротив, о стремлении к его применению, но при соблюдении условий, обеспечивающих его правомерную пригодность:

«Где же лежит причина этого отрицательного результата: в самом выборочном методе, в способах его применения, в агентствах-регистраторах? Разумеется, не в самом методе, который теоретически строго обоснован, а в его применении. Требуется разрешить вопрос: возможно ли применение выборочного метода в текущей сельскохозяйственной статистике в условиях настоящего времени?»⁵¹

В действительности за этим вопросом скрывался другой вопрос, который систематически ставился в 1920-х годах: кто является самым надежным, самым достойным доверия агентом для сбора информации о посевных площадях, урожаях и поголовье скота? От ответа на этот вопрос зависел выбор метода исследования. Подразумевались два вопроса. С одной стороны, можно ли доверять спискам домохозяев, составленным в управленческих целях сельскими советами для проведения отбора репрезентативной выборки? С другой стороны, после того как такой список будет установлен, кто мог бы снабжать регулярным образом статистические отделения пригодной для использования информацией? Этот вопрос тянул за собой другой вопрос, который вновь и вновь поднимался с конца XIX века: о том,

кем являются сельскохозяйственные корреспонденты. В январе 1928 года качество их работы и уровень квалификации персонала, ответственного за организацию и контролирование сбора сельскохозяйственных данных в деревнях, все еще оставался в центре дискуссий на совещании по проблемам сельскохозяйственной статистики, участниками которого были представители местных отделений ЦСУ. Это было представлено как второй источник ошибок в проведении обследований, существующий уже на уровне сбора самой информации⁵². Сугубо политическая природа этого вопроса становится понятной в контексте того, что определение урожайности было главным не только с практической стороны, но и в происходивших тогда политических конфликтах.

В наиболее общем плане в ходе совещания статистиков споры по поводу репрезентативности выборок рождались уже из замечаний, которые делались представителями местных подразделений ЦСУ о практических трудностях при соблюдении этого требования на местах. Эти вопросы находили дополнительный отклик с 1927 года в преддверии первого пятилетнего плана и коллективизации в деревне. Статистическая отчетность ЦСУ оказалась подчиненной двойной логике планирования и коллективизации, а цели обследований по динамике и изучению бюджетов в этом контексте подверглись повторному обсуждению. Их исследовательская цель была заново определена в соответствии с новыми директивами по работе, навязанными статистической службе. Отныне главной целью было построение показателей плана и выявление классовой структуры в деревне.

Споры между статистиками на совещании 1928 года свидетельствовали о непреодолимой трудности, которую испытывали некоторые из них в том, чтобы найти способы практического применения понятия репрезентативности какой-то выборки. Вопросы, поставленные о динамических обследованиях, служили для этого хорошей иллюстрацией. В 1927 году в ходе первой реорганизации ЦСУ цели сельскохозяйственных динамических обследований были заново определены. Отныне требовалось, чтобы статистики изучали в приоритетном порядке классовые отношения в деревне, во всяком случае в большей мере, чем процессы преобразований в хозяйствах и в сельскохозяйственной экономике в целом. Их работы должны были обеспечить детальное изучение социально-классовых различий на селе, продолжая при этом давать достаточную информацию об условиях производства и потребления в сельских хозяйствах.

Споры на совещании 1928 года сосредоточились на двух взаимосвязанных пунктах: цели динамических исследований и пригодность метода типичных районов. Большинство присутствующих статистиков соглашались с тем, что выборки типич-

ных районов не являются репрезентативными в математическом смысле слова и что увеличение числа обследуемых хозяйств ничего в этом плане не меняет⁵³. А.М. Брянский, со своей стороны, настаивал на том, что уже само распространение результатов этих исследований является сложным делом, так как при этом надо будет учесть не только вес гнезд, но и различный вес разных социальных признаков. Отвечая на эти критические замечания, другие статистики, остававшиеся приверженцами использования этого метода обследования с целью изучения процессов преобразований в деревне, подчеркивали, вслед за А.И. Хрящевой, что вопрос о репрезентативности по-разному стоит в этих конкретных случаях. Действительно, говорили они, эти исследования не являются репрезентативными для изучения классовой структуры в какой-то отдельно взятый момент в статическом количественном плане, но и цель их иная. Зато, подчеркивали они, эти опросы остаются пригодными для выражения того, что Хрящева называла «репрезентативностью процессов», наблюдаемых на последовательной основе в течение нескольких лет применительно к одним и тем же хозяйствам, находящимся в установленных для этой цели районах⁵⁴. А некоторые из них утверждали, что значимость результатов динамических исследований в некоторых случаях оказывается даже более высокой, чем значимость обследований по выборкам, отобраным механической выборкой.

Представители областных отделений ЦСУ, со своей стороны, поставили вопрос о репрезентативности динамических исследований с точки зрения в гораздо большей степени прагматической, чем теоретической, а именно — с точки зрения их местного использования. Их непосредственно заботила необходимость иметь возможность дать ответы, удовлетворяющие все более настойчивую потребность в цифрах, которую выражали руководящие партийные или административные работники на местах. Представители местных статистических органов говорили, что из-за «нерепрезентативности данных динамических переписей для мелких территорий невозможно было распространять эти данные на все крестьянские хозяйства *района*⁵⁵ и, таким образом, они были не в состоянии удовлетворить вышеуказанный спрос»⁵⁶. И в самом деле, новое территориально-административное деление, которое должно было служить рамками для разработки и осуществления целей планирования в регионах и для оценки результатов, осложняло использование данных, которые были получены исходя из типичных районов. Последние с 1919 года определялись на основе прежнего деления на бывшие административные губернии царского государства. Положение оказывалось тем более сложным в тех губерниях, в которых новое административное деление на *районы* уже было введено. Действительно, хотя это административное

подразделение должно было заменить старые деления, то есть *волости*, территория района не была точно такой же, так как его площадь была большей. Это изменение в масштабах повлекло за собой необходимость заново определить типичные районы, подвергаемые обследованию на основе динамических переписей, а это со всей очевидностью ставило проблему сохранения преемственности данных, используемых для изучения преобразований в деревне такими переписями.

Наконец участвовавшие в совещании статистики, бывшие выходцами из прежних земских отделений, выразили сомнения по поводу использования случайных выборок для изучения социальных явлений. Проследивание эволюции в социальных группах в деревне казалось им несоместимым с такой технологией. Человеческая рука все еще представлялась им более предпочтительной по сравнению с законами случая. Итоговая резолюция конференции по этому вопросу несет на себе отпечаток их колебаний. Было решено установить несколько групп стабильных хозяйств в ограниченном числе районов с целью наблюдения за тем, что получило название «социально-органических изменений»⁵⁷.

Новые способы использования цифр и методологические компромиссы

Протокольная запись обследования по трем уровням, предложенного В.С. Немчиновым, специалистом по сельскохозяйственной статистике и членом коллегии ЦСУ и Госплана, несет на себе отпечаток этих обсуждений. Стремясь выразить сложность изучаемых явлений и ответить на требования всех уровней запрошенной информации, статистик сочетает различные методы, которыми в то время пользовались в ЦСУ. Сначала должна проводиться сплошная перепись по всем хозяйствам типичных районов, отобранных по методу сознательного выбора с целью собрать данные о средствах производства и социально-экономических признаках хозяйств. На втором этапе выборка, составляющая одну шестую хозяйств, должна быть построена посредством механического отбора внутри всех хозяйств, отобранных для первого этапа проведения опроса. Эта вторая фаза работы имеет целью собрать сведения о сельскохозяйственных продуктах, предназначенных для рынка, а также о производственных издержках. Наконец, монографические обследования бюджета, осуществленные по типичным хозяйствам, рассматриваются как дополняющие проведенный опрос с целью, которая всегда ставилась перед этими обследованиями с конца XIX века, — углубить изучение всех сторон сельскохозяйственной экономики.

Как и система опросов в несколько этапов, предложенная Громаном в 1910 году и построенная в соответствии с типом све-

дений, подлежащих сбору, такая схема, казалось бы, отвечала стремлению старых земских статистиков продолжать построение типичных районов для того, чтобы создать базу обследований для динамических исследований, добывая данные, необходимые в рамках нового разделения статистического труда, которое диктовало новое политическое использование цифр.

Немчинов предложил также форму методологического компромисса между сплошной переписью и выборочным исследованием с целью принять во внимание те трудности, о которых неоднократно сигнализировали различные региональные подразделения ЦСУ, считавшие, что выборочные исследования не позволяют им «вычислять точно коэффициенты ежегодных изменений, особенно в соотношении динамики спекулятур и т.д.»⁵⁸ Под видом идеи об «уплотненной статистике» он представил построенный по иерархической схеме механизм применения сплошного и выборочного обследования в отношении одной и той же территории, характеризующейся как типичный район, и одного и того же объекта изучения, в зависимости от вопросов, подлежащих изучению:

«Это — идея уплотненной статистики как в отношении территории, так и объектов исследования. Примером уплотненной статистики является сочетание в одних и тех же гнездах, в одном и том же году динамической переписи и полного бюджетного обследования крестьянских хозяйств. В соответствии с этим изучение обобщественного сектора сельского хозяйства сочетается с изучением классового расслоения в гнездовых переписях»⁵⁹.

Методологический компромисс, заложенный в этом представлении, проявился в словесных выражениях, используемых для объяснения метода, которому необходимо следовать. Например, выборочные исследования в типичных районах обозначались посредством выражения «переписи по районам» (*гнездовые переписи*). Это, по всей видимости, значило, что в таком представлении конструкции статистического знания интерес в изучении, нацеленном на целое исходя из части, превалировал над представлением об изучении части этого целого. Такая форма компромисса между искомым идеалом сплошного характера переписи и практикой проведения опросов только по отдельным частям целого, из-за невозможности провести опрос всех без исключения лиц, отвечала стремлению не отказываться от анализа происходящих процессов. Такой анализ должен был проводиться средствами динамических исследований. Таким образом, этот способ обследования предлагался в качестве дополнения к формам изучения бюджета, использование которых все более и более склонялось в сторону анализа «классовой структуры» и расчетов экономических показателей

планирования. На совещании в январе 1928 года статистики единодушно посчитали, что взаимодополняемость этих двух типов обследования оправдывает их применение на одних и тех же территориях, подвргающихся обследованию⁶⁰.

Эти различные методологические рассуждения свидетельствуют о стремлении статистиков приспособить их орудия производства к новому политическому применению статистики, все больше служащей разработке планов и контролю над их результатами как в области сельскохозяйственного производства, так и в области производства промышленного. Этот новый контекст административного заказа повлек за собою новое приспособление процедур проведения опросов, которые практиковались до того времени, к новой логике использования данных.

Механизм обследования, утвержденных на совещании в результате обсуждений, был очень сложным. Сначала было принято решение о принятии принципа проведения сплошной сельскохозяйственной переписи каждые десять лет. В промежуточный период наблюдение за ситуацией и развитием сельскохозяйственного производства и населения, занятого в сельском хозяйстве, должно было осуществляться при помощи выборочных исследований, каждая форма которых должна была соответствовать различным способам применения получаемых данных. Так, например, годовой расчет элементов сельскохозяйственного производства, необходимых для разработки плана, должен был стать областью применения двух выборочных исследований, из которых одна должна была проводиться весной, а вторая осенью, на основе выборки, устанавливаемой посредством механического отбора. Установление сельскохозяйственных счетных балансов должно было основываться на регулярных бюджетных записях, то есть письменно выраженных показателях доходов и расходов семейных крестьянских хозяйств. Опросные листы, явно более краткие по сравнению с опросными листами традиционных форм изучения бюджета, гораздо легче укладываются в регулярно проводимые опросы. На основании этого факта они входят в область текущей статистики.

Сама концепция форм изучения бюджетов, заново определяемая прежде всего в соответствии с потребностями планирования и политики коллективизации, претерпевает глубокие изменения. Но изменение формы этих опросов приводит и к изменениям в их сущности. Простая регистрация доходов и расходов в учетных целях одерживает верх над монографиями. Они не отбрасываются, но их производство оказывается ограниченным и сводится к двум в год. Сама процедура проведения опроса оказалась, разумеется, затронутой таким преобладанием учетной формы в бюджетных исследованиях и была заново определена в количественном отношении. С одной стороны, командировки все больше и больше уступали место заполнению анкет самими

крестьянами, и эти анкеты регулярно собирали добровольные корреспонденты. С другой стороны, одна и та же анкета предназначалась и для построения сельскохозяйственного баланса, и для изучения сельскохозяйственного производства. Поэтому в 1928 году количество этих счетных балансов крестьянских семейных хозяйств можно было считать в целом доведенным до уровня в 15 000–20 000 на временном промежутке в пять лет. В 1928–1929 годах от крестьян потребовали заполнить три различных документа — кассовую тетрадь, амбарную книгу и рабочий дневник. Способы подсчетов продукции и работы в этих различных документах были установлены в соответствии с такими же принципами подсчетов, как и те, что ложились в основу составления плана. По этой причине не должны были больше проводиться опросы по питанию.

Это обеднение обследования социальных явлений в интересах повышения роли учетных расчетов, необходимых для плана, вызвало несколько возражений со стороны статистиков, участвовавших в январском совещании 1928 года. Н.Я. Воробьев, бывший руководитель статистического отделения земства Костромы, заявил с сожалением: «Чем больше развиваются элементы плановости, тем больше сужается круг работы статистики; работа статистики все больше будет сливаться с оперативно-учетной деятельностью, охватывающей все стороны жизни»⁶¹. С 1928 года экономические расчеты, связанные с планом и проведением коллективизации, решающим образом изменили методы и технологию государственной статистики. «Великий перелом» в статистике произошел также в сфере применяемых средств.

Смещение центров тяжести в 1930-е годы

В начале 1930-х годов применение несплошного наблюдения было совершенно четко заново определено в рамках «практики учетно-статистической работы»⁶². Это выражение показывает, что сфера приложения учета расширилась, а вот некоторые элементы статистического знания сузились. Несплошное наблюдение, о котором сообщается в учебнике по статистике, подготовленном под руководством Ястремского и Хотимского⁶³ и изданном в 1936 году, охватывало:

- «Обследование качества продукции: когда по нескольким на выборку взятым пробным экземплярам получают представление о качестве всей продукции данного предприятия;
- предварительное определение урожая, когда на основе нескольких пробных обмолов вычисляют сбор с 1 га во всем сохозе или колхозе;
- обследование рабочих бюджетов, когда обследуется по всему Союзу небольшое число рабочих семей и по данным этого об-

следования рассчитывают рабочее потребление, структуру бюджета и т.д. для всего рабочего класса СССР»⁶⁴.

Как и в 1920-х годах, быстрота осуществления и наименьшие затраты при проведении выборочных исследований выдвигались как аргументы в пользу оправдания их широкого применения. Вместе с тем появился новый аргумент. Он состоял в том, что такие исследования позволяли осуществлять наилучший контроль над регистрацией данных. Они служили также для оценки результатов выполнения планов в самых различных областях, например, таких, как обеспечение жильем или сельское хозяйство. Например, одно выборочное исследование было проведено в 1935 году. Его цель состояла в том, чтобы оценить положение в строительстве жилья и потребности населения в нем⁶⁵. Если точнее, речь шла о подведении итогов по количеству построенных квартир в 1932–1934 годах и об оценке жилищных условий рабочих и служащих, проживающих в одиночку или семьями в этих квартирах.

Формы выборочных исследований в сельском хозяйстве в силу необходимости сместились в сторону более глобального использования сельскохозяйственных опросов, практикуемых статистической службой в связи с коллективизацией и строительством новых структур сельскохозяйственных предприятий, то есть колхозов, совхозов и машинно-тракторных станций (МТС). Вместо опросов посредством вопросников и командировок на места стала применяться технология сбора данных, близкая к учетной логике. Сведения получались, как и в промышленности, на основе данных, сообщаемых в бухгалтерских документах совхозов, МТС и колхозов⁶⁶. Базовые цифровые данные, касающиеся хозяйств колхозников, рабочих и служащих, а также индивидуальных хозяйств, черпались из отчетности сельских советов в каждом конкретном случае. Кроме того, каждый год публиковались цифровые отчеты по результатам выполнения плана в сельском хозяйстве. Таким образом, производство статистических данных приняло форму текущего учета, которая решительно отдалялась от углубленного обследования социально-экономических явлений. Административный источник данных занял главное место в сборе данных, осуществляемом статистиками или агентами, поставленными под их контроль.

В таком контексте применение выборочных исследований подверглось адаптации, и их метод претерпел изменения. Выборочные исследования, проведенные в 1920-х годах с целью определить ошибки в опросах о посевных площадях, были прекращены⁶⁷. Предпочтение перед ними было отдано исчерпывающим сведениям, предоставляемым руководителями совхозов, колхозов и сельских советов. Методы статистики сельскохозяйственной рентабельности также претерпели изменения. Сельскохозяйственный корреспондент, базовый агент по сбору све-

дений, из-за подозрений в том, что он занижает полученные данные, в 1930 году был заменен «полномочным статистическим агентом»⁶⁸.

С 1933 года метод оценки сельскохозяйственной продуктивности на основе выборочных исследований был изменен. Выбор гнезд посредством механического отбора сохранился, но применялся иначе. В некоторых случаях поля под зерновыми культурами разделялись на полосы, ограниченные в соответствии с определенными площадями, рассчитанными в квадратных метрах. Количество зерен, полученных из срезанных и собранных во время урожая колосьев, в расчете на одно гнездо из отобранных полос, служило для расчета средней урожайности на квадратный метр, а позже — на гектар. В иных случаях для того, чтобы оценить состояние зерновых на корню посредством механического отбора по списку колхозов, расположенных в порядке возрастания урожайности, составлялась колхозная выборка⁶⁹. С 1935 года выборочность применялась в дополнение к сплошному учету с целью контроля над численностью и составом поголовья скота в колхозах и совхозах. Годовой подсчет поголовья скота в этих коллективных структурах осуществлялся административным способом на основе предоставления ими инвентаризационных документов. Зато численность поголовья скота, находящегося в личном владении, по крестьянским семьям оценивалась посредством выборочных опросов на основе контрольных посещений, осуществляемых агентами, проводящими перепись в хозяйствах отобранной выборки, составляющей не менее 10% хозяйств. В данных случаях проведение опросов связывалось с контролем.

Новые формы применения государственной статистики в 1930-е годы затронули также и динамические переписи, которые были прекращены с 1930 года. Изучение бюджетов в ходе череды трансформаций, которые они претерпели в конце 1920-х годов, также оказалось затронуто тем, что его методы были приспособлены к новым целям. Обследования стали проводиться по преимуществу среди рабочих и колхозников.

Способы, которыми устанавливались выборки для обследования бюджетов рабочих семей, показывают вместе с тем, что метод отбора типичных единиц остался преобладающим для этого рода опросов. Семьи выбирались в ряду типичных групп, построенных по признакам, считавшимся типичными по отношению к другим критериям, среди которых фигурировали занятость лиц в промышленности, квалификация и заработная плата. А как только типичные группы устанавливались, семьи отбирались посредством механического отбора.

Это сочетание метода типичных единиц и механического отбора, по всей видимости, было характерным для выборочных исследований на протяжении 1930-х годов, то есть так же, как и в предыдущее десятилетие.

Сочетание случайности и отбора типичных единиц

В начале 1930-х годов отбор посредством сознательного выбора района для исследования и типичных единиц все еще широко применялся на практике, в частности в области сельскохозяйственной статистики. В базовом учебнике по статистике, опубликованном ЦСУ в 1936 году⁷⁰, его продолжают представлять как дополняющий случайный отбор:

«Оба метода отбора (при правильном их употреблении) отнюдь не противоречат друг другу, а, напротив, взаимно друг друга дополняют.

Типичная выборка предполагает, что отбор производится не на всей совокупности в целом, а из каждой типической группы отдельно. В пределах же типической группы отбор производится в порядке случайной выборки»⁷¹.

Авторы далее уточняют:

«Собственно случайная выборка, т.е. случайный отбор из всей совокупности в целом, менее точен, чем отбор из каждой типической группы в отдельности»⁷².

И даже если учесть то, что работа А.Г. Ковалевского еще не упоминалась в главе этого учебника, посвященного выборочным исследованиям, все равно следует признать в нем одну из базовых идей выборочного исследования по районам, выдвинутых в 1924 году. Вместе с тем здесь произошло некоторое отклонение: вместо разделения всей совокупности в целом на возможно наиболее однородные районы, его авторы проводят разделение на «типические группы». Хотя такое представление, по всей видимости, и вписывается в уже отмеченную скобку в теории Ковалевского между разделением на районы со специфическим характером и разделением на однородные районы, оно вместе с тем приобретает непосредственное теоретическое и практическое значение, которое представляется как имеющее совершенно иной смысл. Это сочетание выбора «типических групп» со случайной выборкой, именуемое здесь «районированным случайным отбором» или же «типическим районированием», отвечает потребности в оперировании сначала формами сознательно обоснованного разделения реальности на категории, пригодные для анализа классовой структуры или различных типов структур сельскохозяйственного или промышленного производства:

«Из общей площади посевов необходимо отобрать какое-то относительно небольшое число участков, средний урожай которых совпадал бы со средним урожаем всей площади.

Если организовать выборочный отбор по собственно случайному методу, то нужно было бы разбить всю посевную площадь

на участки и затем, произведя жеребьевку, отобрать те из них, на которые выпал жребий.

Такой способ отбора при достаточном числе отобранных участков дал бы в отношении среднего урожая вполне удовлетворительные результаты. Более выгодно, однако, разбить всю посевную площадь на типические группы. Вся посевная площадь может быть разбита по видам хозяйств (совхозы, колхозы, единоличники).

Уже такое разделение создает частные совокупности с более однородным урожаем. Поэтому выборка, произведенная в пределах каждого вида хозяйств в отдельности, дает более точный результат»⁷³.

В таком свете случайная выборка, следовательно, не может рассматриваться иначе как внутри предварительного разделения реальности рукой специалиста, руководимой марксистской теорией анализа экономики и общества. Можно позволить себе действовать наудачу только в жестких рамках, очерченных разумным человеческим суждением, которое в данном случае является политическим. В этом пункте стратификация в представлении, выраженном в этом учебнике 1936 года, существенно отличается от представления, сформулированного Ковалевским в 1924 году.

Вместе с тем она заимствует у него один из приемов, который в более широком плане является, по всей видимости, весьма характерным для всей русской административной статистики как до, так и после 1917 года. Дело в том, что механический отбор считается способным давать более точные результаты по сравнению с выборкой в строгом смысле слова «случайной»:

«Тем самым механическая выборка приобретает, хотя и не в значительной степени, свойства типической выборки и, следовательно, дает более точные результаты, чем собственно случайный отбор»⁷⁴.

И здесь мы опять находим связь, которая представляется как характерная черта русской и советской административной статистики в период между 1900 и 1940 годами, — связь между концепцией механического отбора и идеей типической выборки, поскольку отбор дает те же преимущества, что и сознательный выбор типических единиц при условии равномерного распределения по всей совокупной массе единиц выборки. Ключ к пониманию этого отношения в учебнике дается несколько позже:

«При механическом отборе совокупность делится на множество районов по какому-либо механическому способу, в пределах же района отбирается только 1 единица, причем отбор этой единицы, теоретически говоря, должен быть произведен по жребико»⁷⁵.

Рассуждение является таким же, как и рассуждение Ковалевского. Механический отбор требуется для того, чтобы разделить всю совокупность в целом на очень большое число районов, которые должны быть тем меньшими, чем более высокой является степень пропорции отбора. Такой прием позволяет гарантировать равномерность распределения единиц выборки по всей совокупной массе, а следовательно, и слабую «колеблемость» изучаемого признака. Ковалевский показал, что сочетание механического отбора и выделения как можно более однородных районов позволяет увеличить степень точности результатов выборочного исследования. Авторы учебника, со своей стороны, полагают, что механический отбор, выполненный в категориях, построенных по методу типической выборки, дает более точные результаты по сравнению с выборкой, полученной сугубо случайным способом.

Таким образом, оказалось узаконенным построение а priori таких категорий, которые соответствовали марксистскому анализу деления общества на классы. Кроме того, был найден способ примирить форму случайной выборки, которая содержала в себе допущение идеи о сохранении неопределенности, с политическим стремлением контролировать статистический инструментарий. Точно так же, наконец, теория вероятностей могла быть представлена как не противоречащая волюнтаристскому действию государства.

Типическое, таким образом, не отступало перед случайным. Его использование в 1930-е годы оказалось приспособленным к строительству коллективизированной экономики и общества.

Сохранение сомнений по отношению к случайности

В середине 1930-х годов использование случайной выборки все еще оставалось предметом колебаний и дискуссий между статистиками. Оно связывалось с опросами определенного типа и технологией механического отбора. В ходе чисток, которые последовали за проведением переписи 1937 года, напряженные отношения, существовавшие внутри Статистического управления, способствовали тому, что и технические обсуждения оказались этим омраченными.

Один пример позволяет судить, как отразились в местных условиях политические споры вокруг методов выборки.

В Саратове, как и в других регионах, многочисленные конфликты между руководителем областного управления народнохозяйственного учета и партийными статистиками ознаменовали период 1934–1937 годов. В марте 1936 года, за десять месяцев до переписи 1937 года, разногласия возникли из-за применения механического отбора для составления выборки. Результаты какой-нибудь случайной выборки и идущие из цент-

ра политические директивы, конечно же, могли не совпадать. По этой причине построение колхозной выборки посредством механического отбора оказалось в центре резких обвинений против руководителя Саратовского областного управления народнохозяйственного учета Е.И. Ковалева⁷⁶, послуживших одной из причин его исключения из партии:

«В секторе бюджета колхозов имеется вредительство, выразившееся в заведомо неправильном отборе колхозов для обследования, которые по инструкции ЦУНХУ отбирались механически, несмотря на то что сама инструкция ЦУНХУ — без политического содержания»⁷⁷.

Как может не удивлять то, что статистическая инструкция не имеет политического содержания? Для партийной ячейки регионального отделения управления народнохозяйственного учета Саратова это, однако, не оказалось столь очевидным, а поэтому ее руководитель продолжает:

«По этой инструкции, в результате механического отбора, попали хозяйства с низкой материальной обеспеченностью, что дает снижение экономического положения колхозов нашей области. Ковалев, будучи начальником обл. УНХУ и непосредственно руководя сектором колхозных бюджетов, проводил, благодаря этой инструкции, вредительский принцип бюджетного обследования колхозников»⁷⁸.

Такое же обвинение, предъявленное несколько раньше статистикам партийным активистом М.П. Телегиным, который приступил к работе в мае 1937 года, позволяет провести аналогию с ситуацией в Саратове, где кампания чисток затронула региональные отделения управления народнохозяйственного учета с лета 1937 года⁷⁹:

«Необходимо срочно перечистить аппарат обл. УНХУ. Отбор хозяйств в секторе бюджетов колхозников механический, никуда не годный метод, который и приводит к неправильному отбору. Политическая беспечность налицо. Необходимо критически относиться к работе специалистов. [...] Мне кажется, что инструкция по отбору вредительская, а мы ее приняли. Мы не знали, что в ЦУНХУ разоблачены вредители и шпионы»⁸⁰.

Голос партии, голос центра, голос М.П. Телегина находил отзвук в кампании обвинений, проводимой партией против всех органов ЦУНХУ, заподозренного в искажении действительности посредством чисел. Логика плана плохо сочеталась с неопределенностью и случайностью. Нерешительность статистиков в отношении использования некоторых понятий придавала тем большую значимость политической аргументации. Поэтому, поскольку случайная выборка не включала в себя всех индиви-

дов, используемый метод с еще большей легкостью давал возможность для нагнетания подозрений во вредительстве, так как критерии выборки были исключительно в руках статистиков, а не в руках партийных руководителей. Сталкиваясь с результатами, не соответствующими политическим установкам, было удобнее обвинить статистиков во вредительстве и утверждать, что механический отбор служит для них прикрытием. Впрочем, до Второй мировой войны он так и остался наиболее распространенным методом случайной выборки, которым пользовались советские статистики⁸¹.

Заключение

Вклад в историю сталинизма

Поставив человека в центр анализа формирования управленческих механизмов сталинского государства, мы рассматривали поведение каждого индивида как результат, с одной стороны, его собственного опыта и взаимодействий, участником которых он оказывался на различных этапах своего жизненного пути. Стремясь лучше понять поведение людей, мы отталкивались от того смысла, который они сами придавали своим действиям.

Решение рассматривать людей как активных создателей социального начала, а не как его пассивных субъектов, ведет к анализу власти не как некоего устройства, созданного и контролируемого одной личностью (личной власти) или одной группой лиц (олигархии), а как результата взаимодействия между теми, кто правит, и теми, кем правят. Это заставляет поставить вопрос о способах участия различных субъектов в формировании власти и в ее действиях. Потому так важно, с одной стороны, выявить случайности, сопутствующие приходу руководителей к власти и удержанию ее в их руках, а с другой — поле маневра людей, которые олицетворяют власть, и тех, кто ей подчиняется. Господство и подчинение конструируются внутри определенной схемы взаимодействия, анализировать которую следует не статическим, а динамическим образом.

Чем быстрее изменяются элементы политико-институциональных рамок, тем более разнообразными оказываются жизненные пути индивидов, пересекающих различные временные режимы¹. Персонал одного и того же учреждения состоит из людей с исключительно неоднородным личным, семейным, профессиональным и социальным опытом, что, в свою очередь, обуславливает существование самых различных вариантов прочтения ими настоящего.

Решение воссоздать историю формирования сталинского государства, отталкиваясь от судеб персонала администраций, вовсе не означает, что мы готовы забыть о роли, которую играют сами институты. Внутри этих учреждений собраны люди, наделенные ответственностью и занимающие определенное положение в иерархии общей структуры правления.

Объединяя различных людей, эти государственные органы представляют собой пространство встреч, знакомств, общих интересов и конфликтов. Так, действия статистиков и политических руководителей, упоминаемых в этой книге, испытывают влияние пройденного ими ранее жизненного и профессионального пути и возникших тогда знакомств и отношений. Они задаются и изменяются и под воздействием внутренних особенностей учреждений, в которых эти люди служат. Идентичность каждого человека определяется как его профессиональным окружением, так и его происхождением, карьерой, событиями, активным или пассивным участником которых он является на протяжении всей своей жизни. Сама работа в статистическом управлении оказывала влияние на поступки и реакции тех или иных сотрудников. Сам контекст определяет характер отношений между людьми: друг или враг, коллега или соперник.

Так учреждение становится феноменом *per se*. Создание или преобразование того или иного учреждения вызывает важные изменения в игре общих интересов, солидарности и конфликтов, которые возникают внутри него и влияют на принимаемые решения и действия. С этой точки зрения, решение включить Статистическое управление в состав Госплана в 1930 г. — отнюдь не маловажная деталь. Важность его отлично понималась всеми, кто принадлежал к этим или другим ведомствам. Новое определение сферы полномочий каждого из учреждений вело к изменению полномочий, ролей, позиций их сотрудников.

Сотрудничество, согласие или сопротивление?

Авторы появившихся в последние годы работ пытаются истолковать в категориях сотрудничества и сопротивления различные формы активного участия (или, напротив, отказа от него) советских граждан в претворении в жизнь решений большевистского руководства, а затем Сталина и его окружения. Внимание историков привлекли, в первую очередь, акты противодействия, «бунта» со стороны населения². Кажется заманчивым попробовать применить эти категории к анализу функционирования Статистического управления. В таком случае следовало бы считать, что статистики участвуют в формировании сталинского государства самым недвусмысленным образом. Действительно, после революции они создают одно из его базовых учреждений, а чуть позже некоторые из них будут безропотно заменять отстраненных в результате чистки коллег, иногда даже выступая с критикой их работы. Статистики являются привилегированными наблюдателями всех катастроф, происходящих в СССР в течение двух десятилетий, и в процессе сбора данных неминуемо констатируют лживость официальной информации. Составляемая ими статистика смертности лучше

любого другого документа служат доказательством голода 1933 г., категорически отрицаемого политической властью. Углубленно изучая деревню, они стремятся оценить демографические последствия коллективизации. Зная о том, что сведения о гражданском состоянии происходят из различных источников, но не имея доступа к данным, находящимся в руках НКВД, они понимают, что не располагают информацией о численности умерших и родившихся в лагерях.

Статистиков, таким образом, можно считать сотрудниками государства, которое превратило жизнь миллионов в трагедию. Их можно, в частности, подозревать в участии в великой лжи, ведь они, как никто другой, знали, какая дистанция лежит между исходными, необработанными данными и публикуемой информацией, между страшными следами провалов и речами об успехах. Хотя руководители ЦСУ — за редким исключением — непосредственно не участвуют в проведении репрессий против своего управления, они, тем не менее, безропотно наблюдают за идущими в нем чистками. Те, кто приходит на освободившиеся места, не могут не знать, что стало с их предшественниками.

Наконец, уже в силу самой природы своей работы статистики, казалось бы, соглашались участвовать в политическом проекте, целью которого является глубочайшая трансформация всего поведения людей, создание плановой экономики и общества, управляемого по команде сверху.

Одновременно статистики описывают различные демографические катастрофы и составляют отчеты, которые — при всей их осторожности — бросают свет на неприглядную реальность. Более того, они противятся искажению цифр, например в 1934 и 1937 гг., когда сухим, но точным языком административных записок и докладов описывают размах человеческой трагедии, происходящей в стране. Вообще, на протяжении 1920–1930-х годов статистики до последнего защищают результаты своих исследований, даже тогда, когда эти данные противоречат официальным заявлениям вождей. И даже тогда, когда угроза нависает над их собственной работой или даже жизнью, они порой не останавливаются перед обращениями — иногда весьма резкими по тону — непосредственно к этим руководителям. В 1934–1935 годах они оказывают сопротивление всеильному НКВД, доказывая несостоятельность аргументов, выдвигаемых его руководством.

В результате подобного сопротивления статистики становятся в глазах Сталина и его ближайшего окружения «вредителями» и «врагами народа». Их обвиняют в организации заговоров с целью свержения существующего строя и относят к категории контрреволюционеров, посягающих на сами устои коммунизма, диктатуры пролетариата и однопартийной системы. За этим следует арест и для многих — лагеря или расстрел. Те, кому удается

выжить, вынуждены в дальнейшем довольствоваться менее квалифицированной работой и низшими должностями, что приводит к потере ими связей и идентификации со своим профессиональным кругом.

В большинстве случаев сотрудничают и оказывают сопротивление одни и те же люди. Это смешение позиций наглядно показывает, насколько категории сопротивления/сотрудничества, нередко используемые при изучении авторитарных государств, оказываются в данном случае недостаточными. Такой подход служит для изучения позиций скорее народных масс, чем интеллектуальных элит. Именно поэтому понятие «сопротивления» является центральным, тогда как «сотрудничество» истолковывается скорее в терминах «примыкания», «согласия». Поведение крестьян³ и горожан зачастую изучается через призму отчетов органов безопасности⁴. Иногда «согласие» трактуется в более широких рамках возникновения особой коммунистической культуры⁵. Такого рода вопрос требует, однако, разъяснений, иначе велик риск того, что в ходе использования эти понятия будут сведены к идее бунта или пассивности.

Говорить о сопротивлении или сотрудничестве — значит предполагать, что у действующих лиц есть не просто ясное намерение, но и вполне определенный план, выходящий за рамки простого бунта против непосредственных представителей власти. Кроме того, термин «сопротивление» ассоциируется с идеей скорее группового поведения, чем индивидуальной позиции. В действительности проявления бунта или несогласия являются выражением не столько сопротивления, сколько того, что население СССР не понимает сталинского замысла, или даже того, что таковой вообще никогда не существовал в виде сколько-нибудь продуманного и сформулированного проекта. До тех пор, пока мы продолжаем мыслить категориями намерений, интенциональности, мы остаемся верны объяснениям детерминистского типа, которые склонны упускать из виду существование неопределенностей и колебаний в поведении всех участников этой исторической драмы. Говорить о сопротивлении — значит утверждать, что соответствующие группы не просто реагируют на действия местной власти (которую они считают ответственной за переносимые ими невзгоды), но и выражают свою враждебность по отношению к политическим решениям, преследующим цель строительства новой системы власти и организации общества⁶. В советском контексте, однако, крестьянский бунт мог быть и всего лишь ответом на насильственное изъятие зерна, то есть логичной реакцией, принимающей формы насилия, на действия тех, кто вел обыски и изымал хлеб. Называть сопротивлением эти действия значит приписывать им измерение, которого они в действительности не имели. Зато бунт против коллективизации, воспринятой как попытка до основания раз-

рушить существующий уклад крестьянской жизни, может быть трактован как форма сопротивления.

Историк этого периода сталкивается и с другой проблемой, затрагивающей скорее поведение элит и связанной с изучением полицейской логики сталинизма. Приписывая рациональность оппозиционным актам и движениям, мы превращаем их в сопротивление, в то время как сами их авторы, подвергшиеся за них преследованиям, могли отнюдь не воспринимать их в этом качестве. По мнению Майкла Дэвида-Фокса, «государство может как пропустить случай сопротивления, так и выдумать его, создать, сконструировать»⁷. Сталинская полицейская и судебная машина основывалась на доносах и разоблачениях, которые помогали сформировать ту логику, которая a posteriori может быть истолкована как совершенно определенные формы сопротивления⁸.

Сталинские процессы различали три типа оппозиционного поведения. Первый из них основывался на предполагаемом идеологическом родстве: речь идет о разоблачениях тех или иных лиц как троцкистов, бухаринцев, зиновьевцев и т.д. Во втором случае обвинение касалось организации сети индивидуальных связей и отношений, за которой могла стоять попытка организовать настоящий заговор с целью подрыва сталинского государства изнутри. Наличие любого круга знакомств и связей, профессионального или дружеского характера, могло стать основанием для таких подозрений. Наконец, третий вид обвинений — во вредительстве — имел целью разоблачение действий, которые трактовались как проявление стремления подорвать основы существующего строя. Эти три типа обвинений, используемые при подготовке судебных процессов, формулировались репрессивными органами, а не обвиняемыми. При этом элементы обычной профессиональной деятельности могли быть интерпретированы следователями НКВД при помощи этих категорий. Так, плохо выполненная — в силу некомпетентности или отсутствия заинтересованности — работа могла быть истолкована как вредительство, а собрание группы служащих в рамках вполне обычной профессиональной деятельности использовалось — в том случае, если один из членов группы подвергался впоследствии аресту, — как доказательство создания ими контрреволюционной организации. Самый обычный акт из сферы профессиональной жизни мог быть воспринят как проявление оппозиционного поведения.

Такая инструментализация фактов в репрессивных целях вынуждает к величайшей осторожности при интерпретации и реконструкции идей и действий изучаемых нами индивидов и групп людей. Эта задача осложняется тем, что под давлением репрессивных органов сами обвиняемые зачастую перенимали навязываемую им трактовку фактов. Поэтому, как нам пред-

ставляется, необходимо пойти дальше простого истолкования в категориях сотрудничества и сопротивления и искать иные ответы на вопрос о природе участия каждого в этой трагической истории.

Прежде всего, кто обладает властью строить авторитарное государство и осуществлять репрессии? Возможно ли выявить такое намерение, сопровождаемое соответствующими результатами? Не будет ли более продуктивным поставить вопрос процесса формирования власти в контекст взаимодействия между индивидами и между группами, находящимися внутри определенного институционального и политического поля, границы которого меняются под влиянием случайных обстоятельств и внешних событий, например войн или голода? С одной стороны, каково соотношение между авторитарным навязыванием решений Сталиным и некоторыми другими членами Политбюро — и действиями (нередко принимавшими форму насилия) носителей власти в органах центральной администрации и на местах? С другой стороны, в какой степени определенная пассивность индивидов дает простор стратегиям власти? Как увидеть и описать сложное взаимодействие, которое позволяет той или иной форме насилия со стороны власти осуществляться в определенный момент истории? Как определить роль каждого в закладывании фундамента для неограниченной власти? Являются ли люди простыми объектами решений и стратегий Сталина и его Политбюро, или же каждый человек на своем собственном уровне принимает участие в создании и поддержании такого государства?

Эти вопросы особенно важны для изучения центральной администрации. В отличие от рабочих и крестьян управленческие элиты имеют непосредственный доступ к центральной власти. В силу этого они являются частью механизма этой власти. Такое положение отсылает к вопросу участия во власти административных и экономических элит вишистской Франции⁹, фашистской Италии, нацистской Германии. В данных случаях речь гораздо чаще идет не о проявлениях насилия или бунтарства, а о соучастии. Так возможно ли вообще использовать термины сотрудничества или сопротивления для анализа участия чиновников высшего эшелона в мероприятиях, проводимых существующей политической властью? Именно так был поставлен вопрос Франсуа Блок-Лене и Клодом Грюзоном, высокопоставленными французскими чиновниками, авторами книги, анализирующей их опыт работы в период Виши¹⁰. Подобный вопрос стоял и за недавней дискуссией о личности Рене Кармиля, первого директора учрежденной Петеном Национальной статистической службы, являющейся прямой предшественницей современного INSEE (Национального института статистики и экономических исследований)¹¹.

Изучение позиции советских статистиков по отношению к своей работе и к требованиям политических руководителей в 1920–1930-е годы дает ответ на эти вопросы. В центре сталинской государственной администрации смешались отсылки к сталинским категориям мышления и видения реальности и профессиональные ценности, частично унаследованные от дореволюционных времен, а частично обусловленные требованиями строительства экономики и общества нового типа. Конфликты между статистиками и высшим руководством, характерные для 1920–1930-х годов, свидетельствуют о трудностях и даже отходе первых приспособлять методы производства статистических данных (а иногда и подгонять сами цифры) к пожеланиям или требованиям вождей. Конфронтация принимает форму противоречивых и быстро меняющихся директив и мероприятий.

Именно в этом коренится одна из главных характерных черт сталинского способа правления: отсутствие со стороны политических вождей ясного, логичного и понятного руководства к действию, адресованного администрации, частично объясняет провал попыток построить крепкое и спаянное здание сталинского государства. Это отсутствие спаянности имело одно парадоксальное следствие: развитие хрупких «пространств свободы», внутри которых находили временное убежище сталинские управленцы — до тех пор, пока их не настигали новые ограничения и запреты. В такие моменты относительной свободы они создавали инструментарий, соответствовавший их собственным концепциям, которые нередко заметно отличались от взглядов политического руководства страны.

Замысел статистиков можно отнести к области социальной инженерии, хотя это понятие и может показаться несколько анахроничным для того времени¹². Согласно этому видению, статистика должна была стать фундаментом для строительства современного государства. Находясь выше политики, она служила бы целям действительного управления обществом. Инструменты статистики позволяли бы описывать окружающую действительность и давать советы по поводу ее трансформации и совершенствования. Политический проект оказывался в подчиненном положении по отношению к научному, который одновременно являлся и социальным проектом. Бросая свет на скрытые стороны реальности, статистика определяла поле возможного. Она становилась необходимым дополнением политики. Такого рода проект может быть квалифицирован как объективистский или даже сциентистский. Он, однако, заметно отличается от большевистской, а затем сталинской концепции «научного государства».

Согласно последней, хотя познание и должно служить для ориентации действий политиков, политический проект предшествует научному. Наука имеет, таким образом, иной социальный

статус, ее роль состоит не в том, чтобы определять политический замысел, а в том, чтобы обеспечивать его успешное осуществление. Она уже не ставит своей главной задачей обнаружение скрытого, ведь «социалистическая реальность» считается построенной. Наука, следовательно, служит этому строительству, обеспечивает его основания и легитимность. Если она этого не делает, ее клеймят как «буржуазную» и судят с позиций идеологии. В результате она сама подлежит реконструкции: новой теории политического и социального начала должен соответствовать новый анализ «реальности».

Вместе с тем такой проект все же не может отнять у статистики ее центральной роли. Политическая власть основывает свою легитимность на науке, а статистика представляет собой один из главных инструментов «научного правления». Это тем более верно в случае регулируемых сверху общества и экономики: административное планирование, опирающееся на цифры, является здесь центральным элементом управления людьми и ресурсами. Такой проект противоречив по самой своей сути. Статистические данные необходимы, чтобы обеспечить его научный характер, но они должны, в то же время, служить доказательством правильности проводимой политики и, более того, легитимировать само государство (когда речь идет, например, о результатах пятилетних планов или коллективизации). В такой ситуации всякое расхождение между цифрами и политическими речами становится неприемлемым.

Эти два замысла (статистиков и вождей) можно рассматривать как два полюса с возможными промежуточными позициями. Именно такую позицию занимали работники Госплана, учреждения, сначала соперничавшего со Статистическим управлением, а затем возглавившего последнее. Госплан использовал статистические данные для разработки планов, которые вначале лишь намечали основные линии развития экономики, а впоследствии стали определять все до малейших деталей. Не ограничиваясь формулированием целей, Госплан задавал и вымышленные цифры, которые должны были стать и нередко становились показателями, регистрируемыми в будущем.

В этих условиях наличие двух типов профессионального поведения не могло не привести к конфронтации. Это противоречие, заложенное в государственной статистической администрации с 1919 года, углубляется в 1924 году. Вскрытие этого конфликта и изучение истории его разрешения проливают свет как на способ сталинского правления, так и на природу советского государства. Эволюция этого столкновения может многое сказать о процессе строительства СССР.

Наконец, можно ли говорить о всеобъемлющем сопротивлении сталинизму? Это понятие, на наш взгляд, представляет собой скорее конструкт историков. Даже в работах о советской

деревне, которые широко используют подобные концепции¹³, речь идет только о местных конфликтах, которые вовлекают отдельных индивидов и группы людей, стоящие на соседних уровнях социальной организации. В случае же военной оккупации и установления коллаборационистского режима люди, сотрудничающие с ним, и те, кто оказывает ему сопротивление, могут быть сравнительно легко отделены друг от друга. Точно так же в момент революционного разлома, например в 1917 г., сопротивление может быть понято как оппозиция новому политическому строю. Но через несколько лет, когда уже будут созданы, согласно определенной схеме, все институциональные формы, большинство проявлений оппозиционности будет носить местный характер, то есть разворачиваться внутри отдельной географической зоны или одного учреждения, которое уже не будет восприниматься как часть системы, против которой необходимо а priori вести борьбу¹⁴. И только реконструкция а posteriori позволяет интерпретировать их как формы сопротивления. Это, однако, не представляет интереса для понимания природы действий индивидов.

Вновь о понятии сталинского государства

Помогая заметить пространства автономного самовыражения и проявления бунтарства, использование категорий сотрудничества и сопротивления позволяет поставить под вопрос само понятие тоталитарного государства. Этот подход, однако, оставляет в стороне вопрос процесса формирования сталинского государства и его природы¹⁵.

Более того, он может оказаться препятствием для исследования, так как в конечном счете мыслить категориями сотрудничества и сотрудничества означает оставить в стороне сложный вопрос о социальных базах любого государства, используя понятие сталинского государства как данность. Между тем государство не является чисто институциональной конструкцией, изолированной от общества и представляющей собой, в некотором роде, продукт деятельности руководящих элит. С одной стороны, последние приходят к власти в совершенно определенном политическом и социальном контексте. С другой стороны, оказавшись на вершине, они удерживаются там лишь благодаря тому, что приспособливают свои стратегии к реакциям гражданского общества на их способ правления. Государство является социальным продуктом, созданным самими людьми, и удержание власти какой-либо группой есть результат ее взаимодействия с обществом. Это взаимодействие может происходить как в форме грубого и резко выраженного насилия, так и в более распространенной форме символического насилия¹⁶. В сталинском государстве одно вовсе не исключало другого. Это вы-

зывает двойкий вопрос: о степени и, главное, природе поддержки существующего режима населением и различными группами.

Было бы ошибкой считать ее чем-то пассивным. Так, она может быть результатом конфликтов, которые привели к возникновению определенного компромисса. Такая форма поддержки чутко реагирует на изменения и никогда не является окончательной. В другом случае она может стать продуктом индивидуальных или коллективных стратегий, имеющих целью достижение некоторых типов материальных и символических благ или же определенного социального и профессионального положения. Включить эти формы социальной логики в анализ строительства сталинского государства необходимо, чтобы объяснить процесс его формирования, а главное — его сохранения¹⁷. Кроме того, споры вокруг тоталитаризма нередко затемняли сложность организации управления и вообще форм сталинского правления. Подобно тому как в первые послереволюционные годы власть большевиков опиралась на управленческий аппарат, состоящий из царских служащих, сталинское правительство тоже не опиралось на совершенно однородный управленческий персонал. Вплоть до конца 1930-х годов в нем накладывались один на другой различные слои служащих и профессионалов. Вплоть до чисток социальный мир советских учреждений нес на себе печать разнообразия, пусть и тускневшего со временем.

Понимание деятельности центральной власти исключительно как всевластия коммунистической партии или единоличного командования единиц (Политбюро и самого Сталина) ведет к недооценке действенной роли самого управленческого мира. Деятельность различных учреждений была направлена на то, чтобы приводить в исполнение законы и постановления руководства страны. Поэтому мир администраторов представляет собой пространство, насыщенное напряженными противоречиями и поисками компромиссов. Любое возражение, любая трудность в применении какого-либо законодательного текста могут много сказать как о проекте вождя, так и об отношении к нему населения и самих функционеров. Изучение провалов системы помогает в таком случае понять ее логику. С этой точки зрения, изучение функционирования такой стратегической администрации, как Статистическое управление, оказывается особенно важным для понимания командно-управленческой практики людей, находящихся у власти.

Для анализа механизмов сталинской власти можно было использовать два подхода. Один заключался бы в поисках изначального замысла, в воссоздании исходных намерений, в выявлении неуклонного стремления построить государство, форма которого была бы определена еще в середине 1920-х годов. В этом случае было бы необходимо обнаружить в речах и действиях вождя такие признаки, которые позволили бы отыскать ран-

ние следы подобного плана. То есть сталинизм рассматривался бы как система, которая берет свое начало в момент смерти Ленина (а возможно, и раньше) и развивает затем одни и те же стратегии на протяжении всей своей истории или, по меньшей мере, до установления безраздельной личной власти Сталина после чисток 1937 и 1938 годов.

Другой путь, как нам кажется, более точно воссоздает всю сложность социально-политических процессов. История сталинского периода предстает как процесс постоянной «подгонки» и «отладки» в условиях отсутствия у Сталина определенного предварительного замысла. Или же, если говорить о таком замысле, то цель его следует видеть в том, чтобы установить и как можно дольше сохранить все более единоличную власть. Это позволяет увидеть сталинизм в ином свете. Он может рассматриваться как интерактивный процесс, в котором сам Сталин, конечно же, играет центральную роль, но вместе с тем принимает решения и совершает действия, не следуя заранее определенной логике, а реагируя на ситуации, которые он считает неблагоприятными, на возникающие конфликты и противоречия. Речь идет скорее о логике решений и действий шаг за шагом, чем о прямолинейном, четко определенном и непротиворечивом замысле. Столкновение разнородных, а часто и противоречащих друг другу замыслов, обоснований, строящихся на разных, мало связанных принципах, объясняет действия субъектов. Сталинская власть основывается прежде всего на полном отсутствии какой-либо легитимности, способной обеспечить власть или господство. Именно в таких расплывчатых и неустойчивых рамках развиваются конфликты между полюсами, отстаивающими различные виды легитимности, покоящиеся на неодинаковых основаниях.

Изучение одного, отдельно взятого учреждения позволяет охарактеризовать способ сталинского правления. Речь идет о том, чтобы управлять прежде всего руководителями, а не всем населением. Сталина заботило в первую очередь обладание рычагами своей власти, а не уважение со стороны общества. Последнее становится предметом внимания лишь постольку, поскольку является объектом контроля¹⁸. В историографии нередко подчеркивается исчезновение в Советском Союзе гражданского общества. И хотя эта идея и не вынесена в центр нашего анализа, она, тем не менее, позволяет подчеркнуть невозможность отделить размышление о модели управления от вопроса о типе общества. В данном случае отношения господства в гораздо большей степени подчинены цели сохранения личной власти, чем идее социального преобразования.

Это влечет за собой важный парадокс. Если замысел большевиков может быть представлен прежде всего как проект глубочайшего социального потрясения, то совершенно иначе дело

обстоит с системой сталинского правления, которая не подчинена идее осуществления определенного социального проекта. Это различие фундаментального порядка, так как оно стоит в центре важного «недопонимания» между теми людьми, которые, с одной стороны, участвовали в формировании государства и его управленческого аппарата, и теми, кто, с другой стороны, разрушал результаты их действий, систематически ставя под вопрос распределение полномочий и саму власть органов и учреждений, на функционировании которых государство, собственно, и держалось. В силу этого стоит говорить не столько о сталинском государстве, сколько о «сталинском типе правления».

Мы подчеркивали, до какой степени 1933 и 1937 годы были критическими. Будучи следствием провала политики конца 1920-х годов и сильного социально-экономического дисбаланса, события этих лет кладут конец попыткам управленческих элит создать современное государство и одновременно служат окончательному установлению безраздельной власти Сталина. Но они свидетельствуют также о провале диктатора в его попытке полностью разрушить связи знакомства, признания и солидарности между людьми и группами, то есть те связи, которые служат препятствием для установления тотальной власти над обществом.

Власть, легитимность и насилие

Вопрос о природе этого способа правления затрагивает, таким образом, отношения как между административным аппаратом и правителями, так и между самими администраторами, независимо от того, работают ли они в одном учреждении или нет. Эти отношения складываются из властных отношений, основанных на признании определенных форм легитимности. Под легитимностью мы понимаем признание обществом ряда прерогатив, которые дают некоторым лицам или учреждениям (занимающим особые позиции в процессах принятия решения или обладающим компетентностью в определенной сфере) право решающего голоса при принятии решения. Власть вытекает из признания этой легитимности совокупностью лиц и учреждений, которым адресованы эти решения.

Вопрос, поставленный выше, не нов. Изучая бюрократию, Макс Вебер рассматривает различные типы господства и легитимности¹⁹. В «Кризисе культуры» Ханна Арендт ставит вопрос о природе власти в современных режимах и о роли революции. Не является ли революция единственным источником легитимности в авторитарных государствах, лишенных как сакральной, так и демократической легитимности?

В истории, анализируемой здесь, существует постоянное напряжение между властью и легитимностью. Только это позво-

ляет понять как наблюдаемую динамику, так и невозможность построить государство, то есть признаваемую всеми структуру власти, которая основывается на иерархических отношениях, опирающихся на признание власти людей, стоящих на вершине политического Олимпа. Поддержание легитимности власти предполагает определенную устойчивость знаков, служащих базой для ее признания. Когда позиции двух учреждений, природы иерархических связей между ними или же совокупность знаний, признаваемых в качестве выражения их специфической компетентности, систематически испытывают потрясения, эти знаки теряют отчетливость. С этой точки зрения, в основе способа функционирования большевистского, а затем сталинского государства лежит неразрешимое противоречие. Это государство было построено в первую очередь на разрушении всех существовавших ранее принципов легитимности и символов власти. В самой своей основе утверждение процесса большевистской революции подразумевало, что власть и легитимность являются не абстрактными понятиями, а принципами, находящимися в процессе непрекращающегося становления и все нового и нового переопределения. В силу этого они оказываются в центре борьбы и переговоров между индивидами и учреждениями. Эта реальность приобретает особое значение внутри административных органов: для того чтобы политический центр мог играть здесь свою роль распорядителя и посредника в конфликтах власти, ему необходима легитимность, служащая основанием его власти. Между тем в первые послереволюционные годы различные источники легитимности продолжают конкурировать друг с другом, что приводит к возникновению особых органов, которые служат инструментом навязывания власти в условиях невозможности основать последнюю на признаваемой всеми легитимности.

Изучение этого вопроса затрудняется еще и тем, что поддержание власти центра основывается на систематическом переосмотре отношений власти и символов легитимности. Вновь и вновь повторяющиеся беспорядочные изменения правил игры также служат делу поддержания власти. Что бы ни происходило: провоцирование внутренних конфликтов; поддержка поочередно то парткома, то руководства учреждения в их борьбе друг с другом; отбор (согласно не всегда отчетливым критериям) сотрудников для участия в комиссиях по чистке — всеми этими способами центральное политическое руководство препятствует установлению стабильных отношений власти. Благодаря этому оно становится единственным арбитром, от воли которого зависит стабилизация или резкая смена политического курса. Утверждение такой формы беспорядка служит поддержанию определенного порядка, находящегося под контролем политических или административных органов, внешних по отношению

к учреждениям, о которых идет речь. Таким образом, советское руководство само закладывает фундамент острого противоречия в механизмах функционирования власти, провоцируя риск того, что уже ничто — за исключением революционного наследия, которое, впрочем, теряет свою силу с течением времени, — не будет обеспечивать власть и легитимность самих вождей.

Другое внутреннее противоречие свойственно попыткам построить легитимное сталинское государство. В условиях отсутствия теократического или демократического основания утверждение научного характера государства и его способа правления служит легитимации власти. В то же время оно создает внутри учреждений основу и другой формы легитимности: профессиональную. Сотрудники учреждений, имеющих отношение к науке, получают доводы в свою пользу, которые позволяют им отстаивать легитимность своих профессиональных позиций и дискурса. Стремление обосновать легитимность своих действий посредством научной аргументации ведет к установлению внутри государственных административных органов двух параллельных и конкурирующих форм легитимности: политической и профессиональной. Это противоречие усиливается еще и тем, что политическое руководство нуждается в компетентности этих профессионалов, не будучи при этом способным их контролировать. Профессиональная логика, основанная на научном способе мышления, ускользает из-под политического контроля.

Второй элемент напряженности связан с формой контроля, вытекающей из описанного выше явления. Изучение столкновений, которые стремится спровоцировать политическая власть, является основополагающим для понимания того, каким образом правители могут манипулировать институтами, стремясь их ослабить. Цель этой тактики — вызвать потерю тем или иным учреждением части своей легитимности. Вместе с тем эта игра может натолкнуться на ускользающую из-под ее контроля институциональную логику: любое учреждение включает в себя одну или несколько профессиональных групп, членов которых объединяет общая практика или образование. Создавая идентичность, администрация порождает взаимосвязи внутри группы и закладывает фундамент модели власти, которая строится на легитимности, признаваемой всеми членами сформированного таким путем профессионального корпуса. Но эта легитимность и здесь ускользает из-под влияния правителей и вступает в конкуренцию с их собственной политической легитимностью.

Наконец, процесс выработки новых отношений власти ставит также вопрос о природе связей между индивидуумами. Это тем более важно в случае, когда речь идет об обществе, руководители которого провозглашают своей целью уничтожение связей, основанных на национальной или социальной принадлежности. Какие вертикальные, иерархические, или горизонталь-

ные связи образуют основу властных отношений? Следует ли согласиться с теми авторами, которые утверждают, что связи, возникающие в ходе взаимного надзора всех над всеми, доминируют над отношениями власти, оставляя тем самым в стороне вопрос легитимности?²⁰ Следует ли предположить, что в условиях их постоянного пересмотра иерархические связи перестают выполнять отведенную им функцию в определении форм власти? Дело обстоит иначе. В действительности существуют альтернативные вертикальные формы, которые приводятся в действие в определенные моменты, при этом в другие моменты оказываются задействованы горизонтальные формы.

Стремление сначала укрепить, а затем разрушить различные формы власти лежит в основе разнообразных проявлений насилия: от оказания поддержки определенной группе оппозиционеров внутри отдельного учреждения до прямого вмешательства путем чисток или арестов. Основанием такого насилия служит, в первую очередь, упорное стремление лишить стабильности все возможные формы власти. Необходимо еще понять задействованные здесь механизмы. Они основаны на стремлении разрушить всякую сеть личных связей, построенную вокруг дружеских, профессиональных, служебных отношений. В первое время конфликты между учреждениями, споры и дискуссии используются для создания «разломов» и провоцирования чисток. Сталинское насилие достигнет апогея в 1937 году, когда будет доведена до своего предела та логика увольнений, исключений из партии и чисток, которая пронизывала жизнь советских учреждений с середины 1920-х годов. Тогда же в полной мере проявит себя и новая форма насилия, свидетельствующая о невозможности покончить с дисбалансами, возникшими в начале 1930-х годов. Инструментализация конфликтов между учреждениями и индивидами окажется недостаточной, вызывая необходимость подключить механизмы забвения и стирания памяти. Инициатива этих репрессий, таким образом, замыкается на фигуре Сталина, а их осуществление является прерогативой НКВД. Пределов для насилия больше не существует.

Средства познания и формы его использования

При рассмотрении государства не извне, а изнутри, то есть с точки зрения его внутреннего функционирования, способов правления и действия и роли людей в его формировании, неизбежно встает вопрос о том, как создавались инструменты познания и производства информации, циркулирующей внутри управленческого аппарата. Анализ процесса выработки и упрощения статистических данных неразрывно связан с изучением функционирования сталинского государства. В частности, чтобы понять природу и логику власти, необходимо оце-

нить уровень и содержание информации, которой располагали руководители партии и правительства. Здесь статистика может дать отличный материал для размышлений. Перед нами встают два дополняющих друг друга вопроса. Какими числовыми данными располагали политические руководители? К каким иным источникам информации имели доступ статистики в своей работе по интерпретации собираемых данных и, с другой стороны, в попытках построить гипотезы, которые определяли бы направление и принципы их деятельности в будущем?

Распространение статистической информации претерпело значительные изменения в 1920–1930-е годы. Оставаясь достаточно широким вплоть до середины 1920-х годов, оно сильно сокращается начиная с 1926 года, особенно в области социальных и демографических данных. В 1930-е годы оглашению подлежат весьма скудные сведения. В этот период только отчеты для внутрипартийного пользования, доступные узкому, строго регламентированному кругу людей, содержат какую-либо синтетическую информацию о положении дел в стране.

Безусловно, дистанция по отношению к источникам является привычным делом для специалистов по советской истории. Но такая дистанция удваивается в результате стремления не только понять способ производства информации, но и увидеть, как она циркулировала внутри различных инстанций власти и администрации, претерпевая при этом изменения и даже искажения под воздействием различных типов институциональной логики использования этих данных. Это подтолкнуло нас оставить привычную для историка проблему намеренной фальсификации данных, чтобы заняться распахшкой другого участка: вопросом обработки информации внутри административных учреждений. Этот подход может не только помочь историку лучше использовать имеющиеся в его распоряжении источники, но и пролить свет на само функционирование управленческого аппарата и всей системы власти.

За сравнительную историю

Форма сталинской власти, ее крайне репрессивный характер, дистанция между политическим и социальным началом — все эти элементы, как кому-то, возможно, покажется, должны затруднить использование при анализе и интерпретации советской истории инструментов, которые были заимствованы у специалистов, изучающих иные эпохи и территории.

Обращаясь к изучению сталинских времен, историк оказывается поставлен перед выбором: рассматривать их как самостоятельный феномен, отдельно от всего остального, или же включать в общую историю России? Должен ли он вести себя так, как если бы СССР не имел российского прошлого, как если бы вожди

сталинских времен появились на свет только вместе с Октябрьской революцией? Сам факт изучения только институциональных форм сталинской власти или конфликтов, возникающих в ходе борьбы за власть между отдельными людьми и кланами, привычка отыскивать в действиях руководителей определенную логику и политические стратегии — все это увеличивает дистанцию между сталинской властью и обществом. Поступая таким образом, историк принимает как факт, не ставя под сомнение, разрыв с гражданским обществом, который превратился в СССР в систему правления. Между тем сама страна продолжала жить, а зоны автономии — развиваться²¹. Это подтверждает необходимость включить администраторов в изучение «повседневного» функционирования сталинского государства и анализ способов его действительного или символического господства.

Исключительный характер множества ситуаций, создаваемых сталинским способом правления, еще не означает невозможность применить сравнительный подход. С этой целью можно было бы использовать такие хорошо уже сегодня разработанные концепции, как тоталитаризм и коммунизм. Так, можно провести сравнение между СССР 1930-х годов и нацистской Германией²² и фашистской Италией, а в другом случае применить идентичную схему прочтения по отношению к маоистскому Китаю, полпотомской Камбодже и сталинскому СССР²³. И в том, и в другом случае история этих стран изучается прежде всего через призму государственного насилия, что парадоксальным образом ведет к забвению самого человека.

Именно поэтому, на наш взгляд, не следует останавливаться только на этих парадигмах сравнения. При этом было бы ошибкой считать, что, обращаясь с целью сравнения и к другому историческому опыту, историк пытается банализировать советский опыт и смягчить его трагический характер²⁴. Используя аналитические методы, заимствованные из других областей исторической науки, ставя вопросы, не являющиеся специфическими для этого периода и места, мы не отрицаем и не забываем исключительный характер советской истории. Напротив, ибо речь идет о том, чтобы понять и описать социальный фундамент этой системы. Люди шли за Сталиным, поддерживали его, оплакивали его смерть. Другие, не примыкая к режиму, продолжали работать, делать карьеру, лавируя между различными ограничениями и формами принуждения. Кто-то был молчаливым свидетелем чисток, обрушивавшихся на ближайших коллег, а затем сам, в свою очередь, становился их жертвой.

Все они стремились проложить свой путь, построить свою судьбу в условиях смешения беспорядка и видимого порядка. Случай Статистического управления, как нам кажется, доказывает, что мир советских учреждений и администраций не является исключением.

Многочисленные источники, использованные для описания того, как формировалось Статистическое управление, позволяют проследить жизненный путь людей в профессиональном и социальном плане как до прихода в это учреждение, так и в различные моменты его истории. Однако нам не всегда удавалось найти сведения об их судьбах после ухода с этой работы.

Главным источником, на который мы опирались, были личные дела и картотеки, сохранившиеся в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ). Эти личные дела заводились на каждого сотрудника при его поступлении на работу в Статистическое управление. Такие документы содержат, помимо обычных сведений о месте и дате рождения, возрасте, поле, более специальные данные, которые требовалось указывать в изучаемый период советской истории: национальность в официальном понимании этого слова, социальное положение и происхождение, образование, владение иностранными языками, партийную или профсоюзную принадлежность, профессиональную карьеру до поступления на работу в данное учреждение, равно как и различные должности, занимаемые в нем. Наконец, в ряде случаев указывается и причина ухода с работы.

Эти личные дела иногда содержат в себе и другие документы: автобиографии, рекомендации, доносы, сведения о политическом прошлом человека. В личных делах, которые заводились в 1920-х годах, автобиографии отсутствуют. Так, среди тысячи просмотренных личных дел мы нашли только 96, где были автобиографии, причем до полутора десятка из них были написаны уже в начале 1930-х годов. А все остальные — во второй половине 1930-х годов. Доносы были только в четырех личных делах.

Дополнительные источники позволили нам проверить степень достоверности и полноты личных дел. Для этого мы использовали списки личного состава, составленные в алфавитном порядке или по отделам. Наконец, внутренние административные приказы и распоряжения о принятии на работу и об увольнении помогли заполнить кое-какие пробелы.

Чтобы установить лиц, репрессированных и расстрелянных в Москве, мы использовали картотеки в правозащитном обществе «Мемориал» (<http://www.memo.ru>). Таким путем мы смогли отыскать многие даты кончины, которые стали известны в результате замечательной работы, проведенной этим обществом по сохранению памяти жертв политических репрессий.

Разумеется, невозможно было охватить все 9 691 личное дело, хранившееся в РГАЭ, то есть дела приблизительно 90% сотрудников, работавших в разное время в Центральном статистическом управлении до 1939 года. Списки личного состава, которые мы нашли, за редким исключением, относятся ко всем годам.

Мы познакомились с этими личными делами выборочно и анонимно. Фамилии были использованы исключительно в сортировке дел и списков и в отрыве от самих сведений. В дальнейшем они не сохранялись. При сопоставлении личных дел и списков мы выбирали фамилии людей, начинавшиеся на буквы А, Б или Ж, что составило примерно 10% личных дел (если точно — 997). В их числе было 58 дубликатов, то есть дел одного и того же сотрудника, принятого на работу в разное время.

Дополнительный список, включающий в себя примерно 300 лиц, — это были руководители отделов и их заместители.

Эти источники оказались вполне надежными. Многие проверки позволяют дать такую оценку. Сохранились личные дела от 80% до 90% сотрудников, чьи имена встречаются в алфавитных списках за 1920-е и 1930-е годы. Личные дела, относящиеся к началу 1920-х годов, составляют 87%, к началу 1930-х — уже только 78%, а к периоду после 1937 года их число становится весьма незначительным (относящихся к 1938 и 1939 годам — чуть больше 30%). Причины таких пробелов нам с достаточной точностью установить не удалось. Сокращение числа личных дел, относящихся к 1930-м годам, несомненно, связано с многочисленными напряженными ситуациями и дезорганизующими мероприятиями, которые стали характерными для этого периода, но, может быть, также оно связано и с тем, что личные дела, еще хранившиеся в начале Второй мировой войны, позже были уничтожены или утрачены во время эвакуации из Москвы. Не исключено также, что часть этих материалов все еще хранится в архивах нынешнего Государственного комитета по статистике (Госкомстат), который пока не передал их в РГАЭ. Многочисленные сопоставительные проверки привели нас к мысли о том, что эти пробелы несколько не наносят ущерба репрезентативности нашей подборки, за исключением 1938 и 1939 годов, что делает невозможным рассмотрение вопроса о смене личного состава во время и после крупных чисток 1937 и 1938 годов.

В то же время имена примерно 10% сотрудников, чьи личные дела разыскали, не фигурируют ни в каких списках. В 1932 го-

ду их доля оказалась самой большой (порядка 20%). Это объясняется большой реформой, которая затронула в то время как само ведомство, так и вызвала замену кадров, что естественно повлекло за собою некоторую дезорганизацию и создало пробелы со списками. В дело вмешиваются и кое-какие иные факторы, такие, как замена фамилии женщин после их замужества.

В заключение необходимо сказать, что охват личного состава является, таким образом, вполне исчерпывающим, а пробелы не создают существенных отклонений в анализе, за исключением периода 1938 — 1939 годов. Иногда, правда, недостает некоторых сведений: например, не указаны даты ухода с работы в Центральном статистическом управлении в 12% личных дел. В таких случаях мы восстанавливали даты ухода посредством случайного отбора какого-нибудь другого личного дела из общего состава с аналогичным годом поступления на работу. Такой же метод установления недостающих данных был применен, чтобы заполнить другие пробелы (день и месяц рождения, день и месяц поступления на работу и ухода с работы и т.д.). Все это позволило придать отбору единообразие, не нарушая вероятность и сохраняя соотношения между переменными величинами.

Личные дела, хранящиеся в РГАЭ (фонд 1562)

Индивидуальные личные дела личного состава:

Оп. 307 (4 395 дел), 308 (213 дел), 309 (1 857 дел), 310 (1 553 дела), 311 (1 673 дела).

Списки личного состава:

Оп. 301 — Рукописный алфавитный список, сделанный в конце августа — начале сентября 1920 года, затем обновлявшийся до февраля 1923 года по мере надобности. Самый последний из уходов с работы, имеющийся в этом списке, датируется 20 июня 1923 года, после чего список, по всей видимости, больше не использовался. Должности людей (ранги и отделы) в ЦСУ указываются.

Оп. 30. Д. 10 — Алфавитный список сотрудников ЦСУ, составленный 16 ноября 1927 года (в самих данных дата не записана). Список, который в последующем не обновлялся. Включает всех сотрудников, работавших в ЦСУ со времени его создания (с уже отмеченными пробелами).

Оп. 30. Д. 3 — Организационная схема ЦСУ, сделанная 22 апреля 1924 года, указывающая список личного состава по отделам, подотделам, должностям и квалификации.

Оп. 30. Д. 37 — Организационная схема ЦСУ по состоянию на 9 марта 1928 года, если судить по показателям, но начатая несколько раньше (вероятнее всего, 18 февраля 1928 года) и исправленная 9 марта, указывающая личный состав по отделам и подотделам, должности и квалификации.

Оп. 30. Д. 46 — Организационная схема ЦСУ по состоянию на 1 января 1929 года, указывающая личный состав по отделам, подотделам, секторам, секциям, должностям и квалификации.

Оп. 30. Д. 56 — Организационная схема социально-экономического сектора Госплана (СЭС) по состоянию на 1 января 1930 года, с указанием личного состава по группам, должностям, квалификации и зарплате.

Оп. 30. Д. 69 — Организационная схема СЭС по состоянию на 1 января 1930 года, с указанием личного состава по секциям, должностям, квалификации, зарплате, году поступления, статусу (постоянный или временный), а также с указанием партийной принадлежности, образования, года и места рождения, социального происхождения и домашнего адреса.

Оп. 30. Д. 71 — Организационная схема ЦУНХУ по состоянию на 1 апреля 1932 года, указывающая личный состав по отделам и подотделам, должностям, квалификации и зарплате.

Оп. 30. Д. 71 — Организационная схема ЦУНХУ по состоянию на 1 января 1933 года (и исправленная 1 августа 1933 года), с указанием личного состава по секциям, группам, должностям, квалификации и зарплате.

Оп. 30. Д. 105 — Организационная схема ЦУНХУ по состоянию на 1 января 1934 года, с указанием личного состава по секциям, группам, должностям и квалификации.

Оп. 30. Д. 106 — Организационная схема ЦУНХУ по состоянию на март 1934 года (вероятно, в конце месяца), с указанием личного состава по секциям, группам, должностям, квалификации и зарплате.

Оп. 30. Д. 173 — Организационная схема ЦУНХУ по состоянию на 1938 год (месяц не уточняется), с указанием личного состава по отделам и секторам, должностям, квалификации и зарплате.

Оп. 2. Д. 791 — Организационная схема ЦУНХУ по состоянию на 20 марта 1939 года, с указанием личного состава по отделам, секторам, должностям, квалификации и зарплате.

Благодарности

Эта книга — произведение, исполненное в два голоса. Как вообще возможно через несколько лет совместной работы разделить то, что принадлежит одному, а что другому? Поэтому наши благодарности будут общими, без попыток разделить то, что каждый из нас сумел получить из опыта общения и обмена мнениями с другими людьми.

Мы хотели бы особенно горячо поблагодарить работников архивов и наших российских коллег, во всем оказывавших нам огромную поддержку. Елену Тюрину, директора РГАЭ, которая была всегда исключительно внимательна ко всем нашим просьбам, а также ее коллег, всегда готовых проявить полнейшую доброжелательность по отношению к нам. Написание этой книги без них было просто невозможно.

Огромную помощь нам всякий раз оказывали Галина Кузнецова, архивариус в ГАРФ, Лариса Малашенко и Лариса Роговая, архивариусы в РГАСПИ. Обмен мнениями с нашими коллегами, московскими демографами и историками, в особенности с Александром Авдеевым, Олегом Хлевнюком, Ириной Троицкой, Анатолием Вишневским и Сергеем Захаровым, стимулировал и обогащал наши размышления. Мы выражаем им за это нашу горячую благодарность.

Другие друзья — Сергей, Наташа, Александр, Светлана, Елена и Галя в Москве, Зоя, Алла и Наташа в Саратове всегда находили возможность помочь нам в отыскании того или иного источника. И кроме того, их дружба была для нас бесценной еще и в том, что они во многом облегчали нам наши заботы, связанные с трудностями длительного пребывания далеко от дома.

Во Франции мы пользовались поддержкой многих учреждений, в ряду которых INED, CNRS, EHESS, и особенно Центр изучения русского мира и университет Анже.

Мы понимаем, что остаемся особыми научными должниками по отношению к четырем лицам: Алену Дерозьеру, Марку Ферро, Маурисио Грибауди и Эрве Ле Бра, дружеские и одно-

временно требовательные замечания которых всегда способствовали углублению наших мыслей.

Мы получили большую пользу от обмена мнениями с нашими коллегами и друзьями из объединения «История и критика источников и методов» (INED), в особенности с Катрин Бонвале, Франс Герен-Пас, Камель Катебом и Сесиль Лефевр, а также из Центра изучения русского мира (EHESS/CNRS), в частности с Владимиром Береловичем, Сабиной Дюллен, Екатериной Гусевой, Клаудио Инжерфломом, Натали Муан, Никола Вертом, Габором Риттерспорном и Алессандро Станзиани, входящими в число многих других наших друзей, как Эмилия Кустова, а также Тамара Кондратьева и Лидия Прокофьева, которые читали части русского издания.

Зарубежные коллеги много раз откликались на наши запросы и подбадривали нас. В их ряду мы хотели бы в особенности поблагодарить Доминику Арель, Шейлу Фицпатрик, Дэвида Кертцера, Моше Левина, Дональда Рэли и Стивена Уиткрофта.

Наконец, мы выражаем свою благодарность Кристофу Прошассону, предложившему опубликовать эту книгу в серии «Прошассону, предположившему опубликовать эту книгу в серии «Прошассону и история», Хьюгу Жаллону за все то доверие, которое он нам оказал, а также Игорю Александрову (РОССПЭН), который исправлял русский перевод.

Примечания

Введение

¹ Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с фр. М.: ЦентрКом, 1996. См. также: Friedrich C.J., Brezinski Z.K. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge: Cambridge University Press, 1956. История тоталитарного подхода представлена: Traverso E. Le Totalitarisme, le XX siècle en débat. Paris: Seuil, 2001.

² Пайпс Р. Русская Революция: В 2 т. М.: РОССПЭН, 1990.

³ Конквест Р. Большой террор. Рига: Растниеск, 1991. Этой книге предшествовала другая: Conquest R. Sanglantes moissons. Paris: Robert Laffont, 1995.

⁴ Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933 гг. / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2001.

⁵ Orwell G. Littérature et totalitarisme. Essais, articles, lettres. Vol. II. Paris: Ivrea, 1996, цит. по: Traverso E. Op. cit. P. 387–388.

⁶ По этому поводу см.: Werth N. De la soviétologie en général et des archives russes en particulier // Le Débat. 1993. № 77. P. 127–144.

⁷ По этому поводу см. сводное описание: Werth N. L'historiographie de L'URSS dans la période post-communiste // Revue d'études comparatives Est-Ouest. 1999. № 30(1). P. 81–104.

⁸ Ferro M. La Révolution de 1917. Paris: Aubier, 1976; Idem. Des soviets au communisme bureaucratique. Paris: Gallimard-Julliard, 1980.

⁹ Lewin M. The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia. New York: Pantheon Books, 1985.

¹⁰ Getty J.A., Manning R.T. (eds.). Stalinist Terror. New Perspectives. Cambridge: Cambridge University Press, 1993; Getty J.A. Origins of the Great Purges. The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933–1938. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

¹¹ Werth N. De la soviétologie...; Fitzpatrick S. Stalinism — New Directions. London; New York: Routledge, 2000; Kotkin S. 1991 and the Russian Revolution: Sources, Conceptual Categories, Analytical Frameworks // The Journal of Modern History. 1998. № 70(2). P. 384–425; Shearer D. From Divided Consensus to Creative Disorder: Soviet History in Britain and North America // Cahiers du monde russe. 1998. № 39(4). P. 559–591.

¹² Ingerflom C. Oublier l'État pour comprendre la Russie (XVI–XIX siècles): excursion historiographique // Revue d'études slaves. 1994. № 66(1). P. 125–134; Blum A. Oublier l'État pour comprendre la Russie? (XIX–XX siècles) // Ibid. P. 135–145; Dullin S. Les interprétations françaises du système soviétique // Dreyfus M. et al. Le Siècle des communismes. Paris: Les Éditions de l'Atelier, 2000. P. 47–66. См. также: Kott S. Pour une histoire sociale du pouvoir en Europe communiste: introduction thématique // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 2002. № 49(2). P. 5–23.

¹³ Desrosières A. La Politique des grands nombres. Histoire de la raison statistique. Paris: Éditions La Découverte, 1993; Blum A., Desrosières A.,

Gousseff C., Magaud J. Compter l'autre // Histoire et Mesure. 1997. № 1–2(13).

¹⁴ Desrosières A., Thévenot L. Les Catégories socioprofessionnelles. Paris: La Découverte, 1988; Thévenot L. La politique des statistiques: les origines sociales des enquêtes de mobilité sociale // Annales. 1990. № 6. P. 1257–1300; La Gorce G., de. L'individu et la sociologie — soixante ans d'études de la mobilité sociale // Revue de synthèse. 1991. № 2. P. 237–263.

¹⁵ Арендт Х. Там же.

¹⁶ Там же. С. 18.

¹⁷ Блюм А. Родиться, жить и умереть в СССР. М.: Новое Издательство, 2005.

¹⁸ По поводу концепции автономии общества см.: Ferro M. Y a-t-il trop de démocratie en URSS? // Annales ESC. 1985. № 4. P. 811–827; Блюм А. Там же; Werth N. Les formes d'autonomie de la «société socialiste» // Stalinisme et nazisme, histoire et mémoire comparées. Paris: Editions Complexe-ИНТ-СНRS, 1999. P. 145–184.

¹⁹ Верт Н. Государство против своего народа: насилие, репрессии, террор в Советском Союзе // С. Куртуа и др. Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии / Пер. с фр. М.: Три века истории, 1999; Holquist P. La question de la violence // Dreyfus M. et al. Le Siècle des communismes. P. 123–143; Viola L. Peasant Rebels Under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. New York — Oxford: Oxford University Press, 1996.

²⁰ Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 1996; Квашонкин А., Кошелева Л., Роговая Л., Хлевнюк О. Большевицкое руководство. Переписка, 1912–1927 годы. М.: РОССПЭН, 1996.

I. Большое недоразумение

1. Истории жизни

¹ Российская социал-демократическая рабочая партия была создана спустя два года на первом съезде, проходившем в Минске. Второй съезд, состоявшийся в Лондоне в 1903 году, привел к расколу между большевиками, возглавляемыми Лениным, и меньшевиками, которыми руководил Мартов.

² Mespoulet M. Statisticiens des *zemstva*: Formation d'une nouvelle profession intellectuelle en Russie dans la période pré-révolutionnaire (1880–1917). Le cas de Saratov // Cahiers du monde russe. 1999. № 40(4). P. 573–624.

³ Автобиография П.И. Попова, дата не указана (вероятно, написана в 1931 или 1932 году); РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 105. Оп. 1. Д. 29. Л. 5–15.

⁴ Архив Тулы; точные данные затерялись.

⁵ Mespoulet M. Statistique et révolution en Russie. Un compromis impossible (1880–1930). Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2001; Kassov S. Russia's Unrealized Civil Society // Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia / Ed. E. Clowes. Princeton: Princeton University Press, 1991.

⁶ Пюрупа Александр Дмитриевич (1870–1928), политический деятель, работал в статистическом отделе земства, находился в тюремном заключении и в ссылке до революции. С 1917 года заместитель наркома, а затем нарком продовольствия, в дальнейшем занимал ответственные посты в большевицком правительстве до своей кончины.

⁷ Попов П.И. Государственная статистика и В.И. Ленин // Вестник статистики. 1924. Вып. XIV(1-3); см. также: РГАЭ. Ф. 105. Оп. 1. Д. 29. Л. 6 (Автобиография П.И. Попова).

⁸ Тогда он уже частично не выполнял таких функций и скончался в 1928 году.

⁹ Mespoulet M. Statistique et révolution en Russie; Stanziani A. L'Économie en révolution. Le cas russe, 1870-1930. Paris: Albin Michel, 1998.

¹⁰ В 1917 году министерства были переименованы в народные комиссариаты, а министры — в народных комиссаров. Совет министров, вследствие этого, назывался Советом Народных Комиссаров.

¹¹ Письмо товарищу Сталину, товарищу Молотову, 15 янв. 1939, копия от 24 янв. 1939 // РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 92. Д. 161. Л. 40.

¹² РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 82. Оп. 2. Д. 536. Л. 56-57.

¹³ ЦК ВКП(б). Кадровое руководство — личные дела работников // РГАСПИ. Д. 276167.

¹⁴ Там же.

¹⁵ ЦА ФСБ (Центральный архив Федеральной службы безопасности). Д. 7978.

¹⁶ См. главу 3.

¹⁷ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 30. Д. 37. Л. 288 об.

¹⁸ ЦА ФСБ. Д. 7978.

¹⁹ По «шахтинскому делу», первым получившему широкое освещение в газетах, проходили инженеры, обвиненные в саботаже. Начатое в конце 1927 года, оно «освещалось» «Правдой» 10 марта 1928 года. Оно знаменует собой начало наступления против «буржуазных» инженеров и техников того поколения, которое сформировалось еще до революции, одновременно с развертыванием новой политики формирования и набора технических кадров: Bailes K.E. Technology and Society under Lenin and Stalin. Origins of the Soviet Technical Intelligentsia, 1917-1941. Princeton: Princeton University Press, 1978.

²⁰ ЦА ФСБ. Д. 7978.

²¹ Там же.

²² Служебная записка «О составе работников ЦУНХУ», направленная Петерсом, Гроссманом и др. 3 апреля 1937 года Яковлеву, позже пересланная Молотову: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 531. Л. 48-55.

2. Прошлое на службе у настоящего

¹ Эта глава основана на статье: Blum A., Mespoulet M. Le passé au service du présent. L'administration statistique de l'Etat soviétique entre 1918 et 1930 // Cahiers du monde russe. 2003. № 44. В ней можно найти много таблиц, которые не воспроизводятся в этой главе. Две детальных таблицы можно посмотреть также в приложении к данной работе на сайте <http://www-census.ined.fr/histarus>.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 31. Л. 128-129.

³ ЦСУ — Центральное статистическое управление. В дальнейшем для его обозначения мы будем использовать название Статистическое управление или русскую аббревиатуру ЦСУ.

⁴ Kremontsov N. Stalinist Science. Princeton: Princeton University Press, 1997; Bailes K.E. Technology and Society under Lenin and Stalin. Origins of the Soviet Technical Intelligentsia, 1917-1941. Princeton: Princeton University Press, 1978; Dullin S. Des hommes d'influence: les ambassadeurs de Staline en Europe, 1930-1939. Paris: Payot, 2001;

Holquist P. La société contre l'État, la société conduisant l'État: la société cultivée et le pouvoir d'État en Russie, 1914-1921 // Le mouvement social. 2001. № 196. P. 21-40.

⁵ Mespoulet M. Statistique et révolution en Russie. Un compromis impossible (1880-1930). Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2001. Стоит обратиться к этой работе, где можно найти более полные данные о различных положениях, затрагиваемых в настоящей главе, по поводу развития статистики земств с 1880 по 1910 год и институциональных преобразований статистической работы в период Первой мировой войны.

⁶ Таблица на <http://www-census.ined.fr/histarus>.

⁷ Holquist P. La société contre l'État, la société conduisant l'État.

⁸ Михайловский В.Г. Василий Николаевич Григорьев (некролог) // Вестник статистики. 1925. Вып. XXI(4-6).

⁹ Поляк Г.С. Статистические силы республики // Вестник статистики. 1920. № 9-12. С. 121-132.

¹⁰ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 30. Д. 3.

¹¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 30. Д. 11.

¹² Единообразие в программы и опросные листы было введено еще на первом собрании статистиков земств в 1887 году. В них вносились коррективы и уточнения в ходе каждого из последующих съездов. Стандартизированные опросные листы обсуждались, разрабатывались и использовались в самых различных провинциях, а результаты сборов сведений, проведенных в различных регионах, сопоставлялись.

¹³ Mespoulet M. Statistique et révolution en Russie.

¹⁴ Декрет Совета Народных Комиссаров о народной статистике // Сборник законов и декретов Рабоче-крестьянского правительства. № 55, 31 июля 1918 г. Ст. 611. В дальнейшем мы будем обозначать этот источник как *Сборник законов*.

¹⁵ Попов П.И. Организация государственной статистики. Рабочий документ конгресса русских статистиков, 8-16 июня 1918 года. С. 3-5: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 28.

¹⁶ Там же. С. 4.

¹⁷ По этому вопросу, в частности, см.: Dupâquier J., Dupâquier M. Histoire de la démographie. Paris: Perrin, 1985; Desrosières A. La Politique des grands nombres. Histoire de la raison statistique. Paris: Editions La Découverte, 1993.

¹⁸ Для более детальных уточнений по этому вопросу см.: Mespoulet M. Statistique et révolution en Russie. Chapitres V et VI.

¹⁹ Данные, которые приводятся в дальнейшем в этой главе, были получены благодаря изучению приблизительно тысячи личных дел работников Центрального статистического управления, поступивших на работу с 1918 по 1939 год. Это исследование было проведено на выборочной основе из расчета примерно 10% всех личных дел, хранящихся в РГАЭ. Изучение было осуществлено анонимным способом. Детальное описание проделанной работы приведено в приложениях к этой книге, а также на сайте <http://www-census.ined.fr/histarus>. Там же приводятся перечень данных, таблицы и схемы.

²⁰ Blum A., Mespoulet M. Le passé au service du présent.

²¹ Orlovsky D. The Hidden Class: White-Collar Workers in the Soviet 1920s // Making Workers Soviet. Power, Class and Identity/ Eds. L. Siegelbaum, R.G. Suny. Ithaca-London: Cornell University Press, 1994. P. 220-252.

²² Список сотрудников Центрального статистического управления, имеющих между собой родственные связи // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 30. Д. 11. Л. 102-103.

²³ Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 1996; Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2001; Осокина Е. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. М.: РОССПЭН, 1998.

²⁴ Семьдесят девять человек из семисот восьмидесяти: Список сотрудников Центрального статистического управления, имеющих между собой родственные связи // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 30. Д. 11. Л. 102–103. Фактически их должно быть в два раза больше, чем указанное число родственных связей, поскольку наличие такой связи включает по меньшей мере два лица. В 1924 году родственника в ЦСУ имели семьдесят человек, которые и определяли тридцать семь родственных связей (из них тринадцать составляли супружеские пары, девять детей, двадцать восемь братьев и сестер): ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 603.

3. Чистка как средство управления

¹ Эта и следующая глава появились в печати в иной редакции под названием: Blum A. La purge de 1924 à la Direction centrale de la statistique // *Annales, Histoire, Sciences Sociales*. 2000. № 2. P. 249–282.

² Кржижановский Глеб Максимилианович (1872–1959), член социал-демократической партии с 1893 года, активный революционный деятель до Первой мировой войны, Председатель Госплана в 1921 году, вице-президент Академии наук СССР с 1929 по 1939 год, директор Энергетического института Академии наук СССР с 1930 года вплоть до своей кончины.

³ Управление по планированию экономики, первым руководителем которого он был.

⁴ Доклад Кржижановского (о плане) // XIII съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 426 (заседание девятое, 28 мая 1924 года).

⁵ ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 374. Оп. 28. Д. 603. Л. 34–37 (доклад заместителю комиссара [Рабоче-крестьянской инспекции] тов. Янсону комиссии по проверке личного состава ЦСУ, без даты).

⁶ Рапорт о покушении на тов. Оганесова, подписанный — «Члены бюро ячейки РКП(б) ЦСУ», 27 декабря 1924 года // ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 603. Л. 210–215.

⁷ Машино-тракторная станция, на которой сосредоточивались орудия производства, используемые в сельском хозяйстве.

⁸ Личные дела членов Коммунистической партии.

⁹ Народный Комиссариат Рабоче-Крестьянской Инспекции. Об этом комиссариате см.: Иконников С.И. Организация и деятельность РКИ с 1920 по 1925 год. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960; Nérard F.-X. Entre plainte et délation: les «signaux» en URSS (1928–1939) // *Revue d'études comparatives Est-Ouest*. 1999. № 30(1). P. 5–30; Idem. Les organes du contrôle d'Etat et les journaux dans l'URSS de Staline: des auxiliaires de la police politique? // *Cahiers du monde russe*. 2001. № 42(2–4). P. 263–278.

¹⁰ Докладная записка в Политбюро ЦК РКП(б), тов. Сталину, от ответственных партработников Центр. Статист. Управ. // ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 603. Л. 95–97.

¹¹ Центральное Статистическое Управление СССР. К новой жизни // *Правда*. 1924. 20 июля. С. 2.

¹² Письмо Оганесова Попову, датированное 30 июля 1924 года // ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 603. Л. 90.

¹³ Постановление Коллегии Рабоче-крестьянской инспекции от 30 октября 1924 года // ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 603. Л. 34–37.

¹⁴ ОГПУ, или ГПУ — Объединенное государственное политическое управление.

¹⁵ Доклад партийной ячейки ЦСУ, июнь 1924, Оргбюро ЦК РКП(б) // ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 603. Л. 114–116.

¹⁶ Протоколы заседаний комиссии Центральной контрольной комиссии и Рабоче-крестьянской инспекции по проверке личного состава сотрудников ЦСУ, с 4 по 12 ноября 1924 года // ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 603. Л. 43–71.

¹⁷ Там же. С. 5.

¹⁸ Доклад комиссии по проверке личного состава ЦСУ заместителю Народного Комиссара тов. Янсону // ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 603. Л. 34–37.

¹⁹ Там же.

²⁰ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 603. Л. 220–224.

²¹ Эта отставка была принята: ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 603. Л. 220–224.

²² «Заявление Попова П.И. о принятии его в члены партии», Протоколы Политбюро, № 29. П. 27, 16 октября 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 469.

²³ Он был принят на работу 26 января 1925 года на должность статистика первого класса.

²⁴ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 603. Л. 260.

²⁵ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 603. Л. 259.

²⁶ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 603. Л. 38–42.

²⁷ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 603. Л. 252–252 об.

²⁸ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 603. Л. 250–251.

²⁹ Fitzpatrick S. Education and Social Mobility in the Soviet Union – 1921–1934. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.

³⁰ Комиссии по проверке личного состава ЦСУ, Замнаркому тов. Янсону. Вероятно, 26 ноября 1926 года // ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 603. Л. 34. Эти данные взяты из личных дел. По данным партийной ячейки, более половины личного состава неправильно указывали свое социальное происхождение.

³¹ О разделении по классовым признакам или по признакам выполняемой работы см.: Fitzpatrick S. L'identité de classe dans la société de la NEP // *Annales ESC*. 1989. № 44(2). P. 251–272.

³² В политбюро ЦК РКП(б), тов. Сталину, от ответственных партработников Центр. Статист. Управ. // ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 603. Л. 95–96.

³³ *Правда*. 1924. 20 июля. С. 2.

³⁴ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 603. Л. 89–90.

³⁵ Комиссии по проверке личного состава ЦСУ, Замнаркома тов. Янсону // ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 603. Л. 34.

³⁶ Там же.

³⁷ «Заявление», подписанное членами бюро партийной ячейки ЦСУ // ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 603. Л. 210–212.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Practices of Denunciation in Modern European History // *The Journal of Modern History*. 1996. № 68(4).

⁴¹ Fitzpatrick S. Signals from Below: Soviet Letters of Denunciation of the 1930s // *The Journal of Modern History*. 1996. № 68(4). P. 831–

866; Nérard F.-X. Entre plainte et délation; Fitzpatrick S., Gellately R. Introduction to the Practices of Denunciation in Modern European History // The Journal of Modern History. 1996. № 68(4). P. 747–767.

⁴² ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 603. Л. 106–108 (копия письма, отпечатанного на машинке, датировано 30 июня 1924 года), 109–110 (письмо, отпечатанное на машинке, без даты).

⁴³ Там же.

⁴⁴ Boltanski L. L'Amour et la Justice comme compétences. Trois essais de sociologie de l'action. Paris: Métailié, 1990; Boltanski L. La dénonciation // Actes de la recherche en sciences sociales. 1984. Vol. 51.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 603. Л. 118–118 об.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 603. Л. 106–108.

⁴⁸ Boltanski L., Thévenot L. De la justification. Les économies de la grandeur. Paris: Gallimard, 1991.

⁴⁹ Boltanski L. L'Amour et la Justice...

⁵⁰ По поводу языка, рожденного революцией, см.: Figes O. The Russian Revolution of 1917 and Its Language in the Village // The Russian Review. 1997. № 56(3). P. 323–345.

⁵¹ Черносотенцы представляли собой силовые организации крайне правого толка, они были особенно активными в XIX веке и в начале XX века, нападали на евреев и либеральные элиты, не останавливаясь перед убийствами.

⁵² Этой теме, к примеру, посвящены следующие публикации: Practices of Denunciation in Modern European History (дореволюционный период); Kozlov V. Denunciation and Its Functions in Soviet Governance: A Study of Denunciations and Their Bureaucratic Handling from Soviet Police Archives, 1944–1953 // Journal of Modern History. 1996. № 68(4). P. 867–898; Fitzpatrick S. Signals from Below.

⁵³ Протокол № 4 собрания партийной ячейки Центрального статистического управления // ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 603. Л. 193.

⁵⁴ К таким же выводам приходит Шейла Фицпатрик в своей статье, см.: Fitzpatrick S. Signals from Below.

4. Ученый, администратор и большевик

¹ Письмо Михайловского Каменеву, заместителю председателя Совета Народных Комиссаров СССР // ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 603. Л. 252–252 об.

² Desrosières A. La Politique des grands nombres. Histoire de la raison statistique. Paris: Editions la Découverte, 1993.

³ Holquist P. La société contre l'État, la société conduisant l'État: la société cultivée et le pouvoir d'État en Russie, 1914–1921 // Le mouvement social. 2001. № 196. P. 21–40.

⁴ Открытое письмо тов. Зиновьеву и тов. Бухарину о статистике, 28 июня 1924 г. // РГАЭ. Ф. 105. Оп. 1. Д. 51. Л. 1–7.

⁵ Открытое письмо в редакцию журнала «Плановое хозяйство» // ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 603. Л. 225–226.

⁶ «Осередили» (сделали «средняками») — указывает на перемены, проведенные в деревне.

⁷ Зажиточный крестьянин.

⁸ Бедный крестьянин.

⁹ Политический отчет Сталина XIV съезду Коммунистической партии. Стенографический отчет. 3-е изд. М.: Государственное изд-во, 1926. С. 43–44.

¹⁰ Первая версия письма с поправками, сделанными рукой Попова, была написана с использованием еще более резких выражений. Их мы приводим в скобках.

¹¹ Здесь и далее подчеркнуто П.И. Поповым.

¹² Этот вопрос рассматривался на двух заседаниях Политбюро. Первое состоялось 3 декабря 1925 года, «О работе ЦСУ в области хлебофуражного баланса» (Протоколы Политбюро, № 93 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 533); второе — 10 декабря 1925 года (Протоколы Политбюро, № 94 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 534). Эти заседания проходили с участием, в частности, Бухарина (только первое), Каменева, Рыкова, Сталина, Троцкого. Вопрос освещался Куйбышевым, Яковлевым (обоими как ответственными за НК РКИ), Поповым, Струмилиным и Цилько (только на втором заседании). Стенограмма обсуждений сохранилась в РГАЭ: Ф. 105. Оп. 1. Д. 71. Л. 1–19 («Выборки из стенограммы заседания Политбюро ЦК РКП(б) с текстом выступления Попова по докладу Куйбышева о работе ЦСУ»).

¹³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 2. Д. 192. Л. 1–2; с рукописными поправками автора в РГАЭ: Ф. 105. Оп. 1. Д. 72. Л. 1–3. Опубл.: Квашонкин А.В. и др. Большевицкое руководство. Переписка, 1912–1927. М.: РОССПЭН, 1996.

¹⁴ Бюллетень ЦСУ. № 105.

¹⁵ См. прим. 12 выше.

¹⁶ Доклад комиссии ЦСУ по вопросам о пересмотре Рабоче-крестьянской инспекцией хлебофуражного баланса за 1925–1926 годы (утвержден на заседании коллегии ЦСУ 18 декабря 1925 года) // Приложение к протоколу № 415 заседания коллегии ЦСУ от 18 декабря 1925 // РГАЭ. Ф. 105. Оп. 2. Д. 138. Л. 5–7.

¹⁷ Стенографический отчет XIV съезда партии. С. 546.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 264.

²⁰ По поводу обращения к идее объективности в XIX веке см.: Porter T.M. Trust in Numbers. The Pursuit of Objectivity in Science and Public Life. Princeton: Princeton University Press, 1995.

²¹ Российский Госплан был создан в 1921 году и становится Госпланом СССР в 1923-м. В его обязанности входила разработка планов. Он напрямую подчинялся самой высшей инстанции власти в стране, осуществлявшей управление экономикой, — Совету Труда и Оборона, возглавляемому самим Лениным. Первоначально его возглавлял Кржижановский, а позднее — Цюрупа в 1924–1925 годах.

²² Прохождение в Совете Народных Комиссаров Союза ССР на заседании 23 июня 1925 года. Вопрос о положении статистического дела в Союзе ССР // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 809. Л. 171–217.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Отметим, что большинство выступлений этих людей, группирующихся вокруг Громана, будет использовано в процессе над «трудовой крестьянской партией» и над меньшевиками в 1930 и 1931 годах. Таким образом, уже в 1925 году вокруг этого человека собираются единомышленники, статистики и экономисты, оппозиционно настроенные по отношению к Попову и руководству ЦСУ. Все это напоминает о более давнем противостоянии этих двух людей, берущем начало еще в военные годы.

- ²⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 809. Л. 195 об. (с. 50).
- ²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 809. Л. 99 об. (с. 58). В протоколе курсивом.
- ²⁸ С различного рода решениями, принимавшимися Политбюро и Советом Народных Комиссаров относительно Статистического управления, можно познакомиться на сайте <http://www-census.ined.fr/histarus>.
- ²⁹ По поводу трактовки вопросов такого типа, касающихся французской администрации во время Второй мировой войны, см.: Baruch M.-O. *Servir l'Etat Français: l'administration en France de 1940 à 1944*. Paris: Fayard, 1997.
- ³⁰ Desrosières A. *La Politique des grands nombres*.
- ³¹ Porter T.M. *The Rise of Statistical Thinking, 1820–1900*. Princeton: Princeton University Press, 1986.
- ³² Stanziani A. *L'Economie en révolution. Le cas russe, 1870–1930*. Paris: Albin Michel, 1998; Holquist P. *La société contre l'Etat, la société conduisant l'Etat*.
- ³³ Krementsov N. *Stalinist Science*. Princeton: Princeton University Press, 1997.
- ³⁴ Dullin S. *Des hommes d'influence*. Paris: Payot, 2001; Bailes K. *Technology and Society under Lenin and Stalin. Origins of the Soviet Technical Intelligentsia, 1917–1941*. Princeton: Princeton University Press, 1978.
- ³⁵ Desrosières A. *La Politique des grands nombres*.
- ³⁶ «О работе ЦСУ в области хлебофуражного баланса», Протоколы Политбюро, № 93 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 533.
- ³⁷ Выборки из стенограммы заседания Политбюро ЦК РКП(б) с текстом выступления Попова по докладу Куйбышева о работе ЦСУ // РГАЭ. Ф. 105. Оп. 1. Д. 71. Л. 1–19.
- ³⁸ Протоколы Политбюро, № 93. П. 4 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 534.

II. Администратор и бюрократ

5. Будет буря

- ¹ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик, раздел II. М.: Отдел опубликования законов управ. делами СНК и СТО, 1929. Статья 19, 1926.
- ² Собрание законов... Статья 32, 1926; Протоколы Политбюро, № 9. П. 14, 1926 // ГАРФ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 545.
- ³ Вместе с Бухариным, Коллонтай, Куйбышевым, Крицманом, Урицким, Преображенским, Пятаковым и Радеком.
- ⁴ Мирный договор между Россией и Германией (а также Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией), заключенный 3 марта 1918 года в Брест-Литовске на невыгодных условиях для России, которая теряла более четверти своего населения и территории, в частности Прибалтийские государства, Польшу, Украину и Финляндию.
- ⁵ Пайпс Р. *Русская Революция: В 2 т. М.: РОССПЭН, 1990*.
- ⁶ Карр Э. *История Советской России. Кн. 1. Большевицкая революция. 1917–1923*. М.: Прогресс, 1990; Ferro M. *La Révolution de 1917*. Paris: Aubier, 1976.
- ⁷ Автобиография // ЦГАМО (Центральный государственный архив Московской области). Ф. 320. Оп. 1. Д. 73. Л. 21–32.

- ⁸ Wheatcroft S.G. *The Crooked Mirror of Soviet Economic Statistics* // Davies R.W., Harrison M., Wheatcroft S.G. *The Economic Transformation of the Soviet Union. 1913–1945*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 26.
- ⁹ Сам Осинский, а также Керженцев, Дмитриев, Смит-Фалькнер, Черных и Крицман были членами партии. Пашковский, Зейлингер, Красильников, Немчинов, Обухов и Громан членами партии не были.
- ¹⁰ Евгений Пашковский (1868–1939) родился в дворянской семье и никогда не был большевиком. С 1891 по 1918 год после двух лет учебы в Политехническом институте Санкт-Петербурга работал статистиком в различных земских учреждениях. В 1900 году занимает свою первую должность директора бюро в Уфе, где он и встретился с Поповым.
- ¹¹ Осинский Н. Положение и ближайшие задачи государственной статистики // *Вестник статистики*. 1927. № 1. С. 14–33.
- ¹² Там же. С. 14.
- ¹³ ЦА ФСБ. Д. 10809.
- ¹⁴ Иосиф Адольфович Трахтенберг (1883–1957) родился на Украине в семье торговцев. Учился на юридическом факультете в Томске, затем в Парижской русской высшей школе общественных наук.
- ¹⁵ В 1930-х годах он будет занимать различные административные должности или должности политического руководителя в учреждениях мира литературы, искусства, издательского дела и радиовещания. Он умер в 1940 году.
- ¹⁶ Davies R.W. *The Industrialization of Soviet Russia I. The Socialist Offensive. The Collectivization of Soviet Agriculture, 1929–1930*. London: The McMillan Press, 1980.
- ¹⁷ Протоколы Политбюро, № 28. П. 18, 27 мая 1926 года // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 562.
- ¹⁸ См., в частности: Как был разрушен нэп. Стенограмма Пленумов ЦК ВКП(б), 1928–1929: В 5 т. / Под ред. В.П. Данилова, О.В. Хлевнюка, А.Ю. Ватлина и др. М., 2000.
- ¹⁹ Письмо Н. Осинского А.И. Рыкову и И.В. Сталину от 12 декабря 1927 года // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 55. Д. 1338. Л. 1–4, см.: Квашонкин А.В. и др. *Большевицкое руководство. Переписка, 1912–1927*. М.: РОССПЭН, 1996. С. 357–361.
- ²⁰ Там же. С. 358.
- ²¹ Там же.
- ²² Протоколы Политбюро, № 12. П. 11, 1 марта 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 675; этот вопрос был поставлен в повестку дня на заседании Политбюро 23 февраля, но затем был перенесен.
- ²³ О пленумах партии 1928 года см., в частности: Как был разрушен нэп. Стенограмма Пленумов ЦК ВКП(б), 1928–1929.
- ²⁴ Протоколы Политбюро, № 12. П. 11, 1 марта 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 675.
- ²⁵ Donald R. *Revolution on the Volga. 1917 in Saratov*. Ithaca–London: Cornell University Press, 1986.
- ²⁶ Гимпельсон Е.Г. *Советские управленцы, 1917–1920*. М.: РАН, 1998. С. 99.
- ²⁷ На базе этого института был создан в 1924 году Институт народного хозяйства имени Плеханова.
- ²⁸ Коммунистическая академия заменила Социалистическую академию в конце 1923 года. Обладая статусом научного учреждения, она имела своей задачей «изучение и разработку вопросов, касающихся истории, теории и практики социализма», а также «подготовку науч-

ных работников по социализму» (Большая Советская Энциклопедия. Т. 33. 1938. С. 707). См.: David-Fox M. *Revolution of the Mind: Higher Learning Among the Bolcheviks, 1918–1929*. Ithaca: Cornell University Press, 1997.

²⁹ Заместители управляющего: Шмидт, Крицман, Пашковский (Протоколы Политбюро, № 15. П. 14, 13 марта 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 677); члены коллегии: Немчинов, Смит-Фалькнер, Зейлингер, Обухов, Громан, Красильников, Серета, Дмитриев, Гайстер, Петров и Мудрик (Протоколы Политбюро, № 16. П. 15, 22 марта 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 678).

³⁰ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 30. Д. 37. Л. 280.

³¹ Он и в дальнейшем будет совмещать должности научного работника и управленца от науки, партийца. Как широко известный исследователь арктических территорий он станет героем Советского Союза в 1937 году, будет заместителем президента Академии наук СССР в 1938 по 1942 год и директором Института теоретической геофизики Академии наук.

³² Вопросы статистики. 1995. № 11. С. 78.

³³ Cox T. *Peasants, Class and Capitalism: The Rural Research of L.N. Kraitsman and His School*. Oxford: Clarendon Press, 1986. Положения, предложенные его группой, станут, однако, объектом резкой критики со стороны партии с 1928 года. Эта группа проповедовала идею о том, «что надо дать советскому сельскохозяйственному сектору возможность развиться до уровня капиталистической стадии, прежде чем он сможет перейти к социализму, то есть коллективному использованию земель». Репрессированный в 1937 году, он скончается в тюрьме в следующем году.

³⁴ Gross Solomon S. *The Soviet Agrarian Debate: A Controversy in Social Science, 1923–1929*. Boulder: Westview Press, 1977.

³⁵ Первый пятилетний план охватывает период 1928–1932 годов. Решение о начале его осуществления было, однако, принято только в конце 1928 года.

³⁶ Протоколы Политбюро, № 101. П. 22, 5 октября 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 761.

³⁷ Членами коллегии на 1 января 1931 года были: Минаев Сергей Владимирович (руководитель сектора), Чербенка Владислав Марьянович (заместитель председателя секретариата организации), Мендельсон Абрам Соломонович, Смулевич Болеслав Михайлович, Бинеман Яков Михайлович, Петров Александр Ильич, Хмельницкая Елизавета Леонидовна, Немчинов Василий Сергеевич, Красногорский Аркадий Абрамович, Губерман Семен Емельянович (Список руководящих работников сектора экономики и статистики на 1 января 1931 года // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 30. Д. 69. Л. 1).

³⁸ Центральный Комитет ВКП(б). Материалы о деле контрреволюционной «крестьянской трудовой партии» и группе Суханова — Громана (Из материалов следственного производства ОГПУ), сентябрь 1930 года // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71. Д. 30.

³⁹ Wheatcroft S.G., Davies R.W. *The Crooked Mirror of Soviet Economic Statistics*.

⁴⁰ По соображениям удобства мы в дальнейшем все же будем называть этот орган Статистическим управлением.

⁴¹ Собрание законов... Статья 15, 11 января 1932 г. Его заместителями становятся С.В. Минаев (ст. 16) и С.Г. Струмилин (ст. 17). В состав коллегии, кроме того, входят И.Н. Балашев, И.А. Трахтенберг,

Б.М. Смулевич, А.И. Кристин, А.А. Красногорский, С.М. Мазлах, А.С. Мендельсон и А.И. Петров (ст. 34; Протоколы Политбюро, № 84. П. 43\21, по согласованию // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 868); В.С. Немчинов и З.Л. Миндлин (ст. 94) несколько позже, но с конца апреля того же года тоже становятся членами коллегии. Список сотрудников ЦУНХУ СССР по положению на 1 апреля 1932 года // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 30. Д. 71. Л. 1.

⁴² О мерах взыскания в отношении работников ЦУНХУ: Приложение к п. 10 пр. ПБ № 126, 16 декабря 1932 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 911.

⁴³ Н. Ежов входил в число ближайших приверженцев Сталина. В то время он возглавлял отдел кадров секретариата ЦК партии, в частности, в его обязанности входил контроль над кадрами местных аппаратов партийных организаций, над руководителями предприятий и «спецами», подозреваемыми в антипартийной деятельности. В 1935 году он становится секретарем ЦК и назначается председателем Центральной контрольной комиссии.

⁴⁴ ЦА ФСБ. Д. 10809; О мерах взыскания в отношении работников ЦУНХУ: Приложение к п. 10 пр. ПБ № 126, 16 декабря 1932 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 911.

⁴⁵ Moine N. *Passeportisation, statistique des migrations et contrôle de l'identité sociale* // *Cahiers du monde russe*. 1997. № 38(4). P. 587–600.

⁴⁶ К.П.И. Попову он не имеет никакого отношения.

⁴⁷ В состав коллегии в то время, на 1 июля 1933 года, входили Осинский, его заместители Краваль, Струмилин и А.С. Попов, а также Трахтенберг, Мендельсон, Петров, Миндлин, Членов, Богданов, Гатовский, Кристин, Куванин, Дубнер, Первухин, Уряшзон, Романов и Журевский (Личный состав ЦУНХУ на 1 июля 1933 года и на 1 августа 1933 года // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 2. Д. 737. Л. 1).

⁴⁸ Приложение к п. 10 пр. ПБ № 128, 16 января 1933 г. «О Госплане Союза и ЦУНХУ» // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 913.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Ивницкий Н.А. Голод 1932–1933 годов: кто виноват // *Участь русского крестьянства* / Под ред. Ю.Н. Афанасьева. Т. 1. М.: РГГУ, 1996; Траугер М.Б. Урожай 1932 года и голод 1933 года // Там же; Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН, 2001; Командующие великим голодом: пребывание Молотова и Кагановича на Украине и на Северном Кавказе. 1932–1933 / Под ред. В. Васильева, Ю. Шаповала. Киев: Генеза, 2001.

⁵¹ Adamets S., Blum A., Zakharov S. *Disparités et variabilités des catastrophes démographiques en URSS* // *Dossiers et recherches*. № 42. Paris: INED, 1994; Vallin J., Meslé F., Adamets S., Pyrozkhov S. *A New Estimation of Ukrainian Losses During the 30's and 40's Crises* // *Population Studies*. 2002. № 56(3); Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание, документы и материалы / Под ред. И. Зеленина и др. Т. 3. Голод: 1930–1933. М.: РОССПЭН, 2001. С. 866–887.

⁵² Запись актов гражданского состояния.

⁵³ Положения этой главы развивают различные элементы статьи, опубликованной в «Cahiers du monde russe». Мы благодарим редакцию этого журнала за разрешение воспроизвести их параллельно в этой работе: Blum A. *A l'origine des purges de 1937: l'exemple de l'administration de la statistique démographique* // *Cahiers du monde russe*. 1998. № 1–2. P. 169–196.

⁵⁴ Эту комиссию возглавлял Межлаук, в то время председатель Госплана.

⁵⁵ Сикра становится в 1936 году заведующим сектором статистики народонаселения в Статистическом управлении.

⁵⁶ Начальник сектора статистики населения и здравоохранения ЦУНХУ Госплана СССР Каплун. Докладная записка Заместителю начальника Центрального Управления Нар. Хоз. Учета Госплана СССР тов. Кравалоу И.А. // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 107. Л. 144–146 и сл.

⁵⁷ Протоколы Политбюро, № 1. П. 3, доложенный Сталиным 20 февраля 1934 года, «О ЦУНХУ» // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 939; Хлевнюк О.В., Квашонкин А.В., Кошелева Л.П., Роговая Л.А. Сталинское Политбюро в 30-е годы: Сборник документов. М.: АИРО-XX, 1995.

⁵⁸ Рапорт Начальнику сектора статистики населения и здравоохранения тов. Каплуну, «О результатах обследования состояния учета естественного движения населения в Сев.-Кавказск. Крае» // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 131. Л. 15.

⁵⁹ Каплун С. Материалы к итогам естественного движения населения за 1933 год. 31 марта 1934 г. // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 107. Л. 169–182.

⁶⁰ Курман М.В. Сводный отчет о результатах обследования постановки учета естественного движения населения, произведенного сотрудниками ЦУНХУ, УНХУ УССР и Ивановского ОблУНХУ в марте 1934 г., 4 апреля 1934 г. // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 132. Л. 56–66.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же.

⁶³ В то время соответственно председатель Комиссии партийного контроля и Комиссии советского контроля.

⁶⁴ Пояснения к докладной записке тов. Вознесенского «О статистике народонаселения» // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 107. Л. 156–168.

⁶⁵ По поводу этой реформы см.: Benvenuti F. The «Reform» of the NKVD, 1934 // Europe-Asia Studies. 1997. № 49(6). P. 1037–1056; Кукурин А.И., Петров Н.В. Лубянка: ВЧК — ОГПУ — НКВД — МГБ — МВД — КГБ, 1917–1960: Путеводитель // Россия XX века. Документы. М., 1997.

⁶⁶ Собрание законов... Статья 36, 10 июля 1934 г.; Волков А.Г. Перепись населения в СССР 1937 года. История и материалы. Экспресс-выпуск // Серия «История статистики». Вып. 3–5. Т. II. М.: Музей статистики Госкомстата СССР, 1990. С. 196.

⁶⁷ ЦОАГС: Центральный отдел записи актов гражданского состояния. Его возглавил М.М. Алиевский.

⁶⁸ Алиевский М.М. Докладная записка «О состоянии учета естественного движения населения», Народному комиссару внутренних дел СССР, тов. Ягоде, 19 февраля 1935 г. // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 107. С. 120–127.

⁶⁹ Доклад заместителя начальника ЦУНХУ Кравала Народному комиссару внутренних дел Ягоде, 10 апреля 1935 г. // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 107. Л. 152–155.

⁷⁰ Роза Сифман, тем не менее, в 1937 году не была отстранена. Она будет продолжать работать в сфере демографической статистики и после Второй мировой войны.

⁷¹ Руководитель группы Организ. штатной отчетности Гроссман, ответственный контролер Нестеровский, «О естественном движении населения», Председателю Комиссии партийного контроля тов. Ежову; передано Ежовым тов. Сталину 23 июня 1935 г. // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 107. Л. 128–133.

⁷² 1 апреля 1937 г. он будет уволен и репрессирован.

⁷³ 7 апреля 1937 г. она будет уволена и репрессирована.

⁷⁴ «О естественном движении населения».

⁷⁵ Протоколы Политбюро, № 29. П. 9, 2 июля 1935 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 969.

⁷⁶ Протоколы Политбюро, № 31 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 969.

⁷⁷ Приложение к протоколу Политбюро № 30. П. 227, 21 сентября 1935 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 971) и постановление от 21 сентября 1935 года Совета Народных Комиссаров СССР и Центрального Комитета партии «О естественном движении населения». Это постановление было опубликовано в Собрании законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР (М., 1935. Раздел I. Статья 53, 19 октября 1935).

⁷⁸ Начальник ЦУНХУ Госплана СССР Краваль, «Рождаемость, смертность и прирост населения в СССР за 10 мес. 1936 года (по отчетным данным с 97%-м охватом числа загсов)», Секретарю ЦК ВКП(б) т. Андрееву А.А., председателю СНК СССР т. Молотову В.М., Народному комиссару внутренних дел СССР т. Ежову Н.И., Заместителю председателя СНК СССР т. Межлауку В.И., 5 января 1937 г. // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 107. Л. 204–207.

6. Крайнее решение

¹ ЦА ФСБ. Д. 7978.

² Протоколы Политбюро, № 97. П. 33\10, 23 марта 1932 г., по согласованию 20 апреля 1932 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 881; постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 13 августа, а также «Материалы протокола заседания коллегии ЦУНХУ» // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 738. Л. 1; Проведение выборочной переписи населения 1932 г. // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 738. Л. 35.

³ Постановление Совета Народных Комиссаров СССР // Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. Раздел I. М., 1932. № 29. Статья 186, 22 апреля 1932 г.

⁴ Различные варианты вопросников 1933, 1934, 1936, 1937 и 1939 годов представлены на сервере <http://www.census.ined.fr>. Ниже мы частично повторим различные детали, встречающиеся в издании: Волков А.Г. Перепись населения СССР 1937 года. История и материалы. М., 1990. С. 27–28.

⁵ Протоколы Политбюро, № 136. П. 56\32 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 921.

⁶ Протоколы Политбюро, № 9. П. 125\115, 26 июня 1934 г., по согласованию 22 июня 1934 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 947.

⁷ Протоколы Политбюро, № 35. П. 176, 16 декабря 1935 г., по согласованию 15 декабря 1935 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 973; № 1. П. 1 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 974; № 2. П. 272 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 975; № 3. П. 1 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 976.

⁸ Постановление Совета Народных Комиссаров от 28 апреля 1936 года.

⁹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 106. Л. 2.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 106. Л. 4.

¹¹ Помимо исходных документов, ссылки на которые представлены в предшествующих примечаниях, можно ознакомиться с работой: Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно». Всесоюзная перепись населения 1937 года. М.: Наука, 1996. Там представлен исчерпывающий сравнительный анализ этих трех проектов.

¹² Этот документ был найден НКВД в квартире А.С. Попова, заместителя начальника ЦУНХУ, в 1937 году: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 200. Л. 135–136.

¹³ Волков А.Г. Перепись населения СССР 1937 года.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Отчетный доклад тов. Сталина о работе ЦК ВКП(б). Раздел 3: Повышение материального и культурного уровня трудящихся // XVII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1934. С. 24–25; Правда. 1934. 28 янв.

¹⁶ Правда. 1935. 4 дек. См. также: Tolts M. The Failure of Demographic Statistics: A Soviet Response to Population Troubles: Paper to the general conference of the Union internationale pour l'étude scientifique de la population, Salvador-Bahia, Brazil, August 18–24, 2001.

¹⁷ Вероятно, речь идет о беседе Сталина и Осинского, которая состоялась 25 февраля 1934 г. См.: Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина, 1934–1935 // Исторический архив. 1995. № 3. С. 122.

¹⁸ Брандгендлер сам сообщает об этом на допросе после ареста: ЦА ФСБ. Д. 5719.

¹⁹ Это перекликается с замечанием Сталина, приведенным выше и происходящим из источника, не зависящего от последнего.

²⁰ ЦА ФСБ. Д. 8328.

²¹ Там же. Письмо, сохранившееся в архивах, почти полностью подтверждает подлинность этого сообщения. См. далее в этой главе.

²² Там же. АЧК — район Азовского и Черного морей.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Протоколы Политбюро. П. 129, 16 января 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 983.

²⁶ В состав комиссии еще входили Гегечкори, Цагурия, А. Гайстер, Рубинштейн, А. Челинцев, А. Барбэ, Г. Козлов.

²⁷ Записи Сельскохозяйственного отдела ЦК ВКП(б) о ЦУНХУ, о предварительных результатах Всесоюзной переписи населения 1937 и 1939 гг. и другие записи (1937–1957) // РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 537.

²⁸ Там же.

²⁹ «О предварительных результатах Всесоюзной переписи населения», отправлено Кравалем Сталину и Молотову 11 февраля 1937 года // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 22а. Д. 1096. Л. 16–29, а также: РГАЭ. Ф. 1562. Точная ссылка утеряна.

³⁰ Там же.

³¹ «Доклад о естественном движении населения за десятилетний период с 17 декабря 1926 по 6 января 1937 г.», направленный И.А. Кравало Курманом, 14 марта 1937 г. // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 107. Л. 90–95.

³² По версии одной из бесед, состоявшейся после его освобождения из мест заключения: Kurman M.V. Mémoires de M.V. Kurman // Cahiers du monde russe et soviétique. 1993. № 4. P. 589–629. Эта беседа была записана Анатолием Вишневым: Le destin d'un démographe: portrait sur le fond d'une époque // Cahiers du monde russe et soviétique. 1993. № 4. P. 577–588.

³³ ЦА ФСБ. Д. 2791.

³⁴ «Доклад о естественном движении населения за десятилетний период с 17 декабря 1926 по 6 января 1937 г.», направленный И.А. Кравало Курманом, 14 марта 1937 г. // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 107. Л. 90–95.

Этот доклад частично представлен в: Блюм А. Родиться, жить и умереть в СССР. М.: Новое Издательство, 2005. С. 33–34.

³⁵ ЦА ФСБ. Д. 2791.

³⁶ Подчеркнуто Молотовым красным карандашом.

³⁷ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 537. Л. 81.

³⁸ Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина, 1936–1937 // Исторический архив. 1995. № 4. С. 47.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 537. Л. 129–155.

⁴⁰ Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина, 1936–1937. С. 48, 50.

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 537. Л. 124, 18 мая 1937 г.

⁴² Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина, 1936–1937. С. 47.

⁴³ ЦА ФСБ. Д. 8328.

⁴⁴ Пути Курмана несколько раз пересекались во время его ссылки с путями Брандгендлера. В.Н. Максимова рассказала о судьбе Брандгендлера, см.: Максимова В.Н. Из воспоминаний (20–30-е годы) // Вопросы статистики. 1996. № 10. С. 78–87.

⁴⁵ Постановление Объединенных президиумов ЦК и Московского областного комитета Союза госучреждений «О системе заработной платы и расходовании фондов заработной платы в ЦУНХУ СССР», проект, декабрь 1937 // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 2. Д. 758. Л. 6.

⁴⁶ В этой «контрреволюционной группе» были также Межлаук, Г.И. Смирнов, Квириг, Парзян, Месяцев, Фипзон и Троицкий (ЦА ФСБ. Д. 9444).

⁴⁷ Волков А.Г. Перепись населения СССР 1937 года.

⁴⁸ Из 160 оставшихся в живых в начале 1937 года людей, упомянутых в данной работе, которые не занимали сугубо политические посты на высоком уровне и хотя бы несколько деталей биографии которых, по меньшей мере год рождения, известны, 52 были расстреляны в течение 1937 и 1938 годов, 66 скончались после 1938 года, участь 43-х осталась неизвестной, но и среди них многие, вероятнее всего, были арестованы. См. биографии, представленные на сайте <http://www-census.ined.fr/histatus>. Мы надеемся, что в конечном счете сможем более подробно рассказать об этих репрессиях.

⁴⁹ Проект предложений в докладной записке, подписанной Писаревым и Хотимским, 19 августа 1937 г. // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 200. Л. 1198.

⁵⁰ Постановление Совета Народных Комиссаров от 27 сентября 1937 г. // Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР; Протоколы Политбюро, № 54. П. 13, по согласованию 23 сентября 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 992.

⁵¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 1063. Л. 104–108.

⁵² В главах 9 и 10 этой книги более детально рассматриваются изменения, внесенные в некоторые вопросы.

⁵³ «Всем начальникам УНХУ союзных и автономных республик, краев, областей и округов», письмо, датированное 17 апреля 1938 г., за подписью Писарева, исполнявшего обязанности начальника бюро Всесоюзной переписи населения // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 1032. Л. 1–2.

⁵⁴ В письме управляющему статистикой республики Удмуртия говорится: «Бюро Всесоюзной переписи населения сообщает, что при анализе численности населения по спискам населенных мест к переписи 1939 года, для этой конкретной цели возможно пользоваться данными 1937 года как одним из контрольных материалов». Письмо

подписано Бозиним, заместителем начальника ЦУНХУ: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 200. Л. 150.

⁵⁵ Лозунги к переписи 1939 г. (проект) // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 1033. Л. 245–246.

⁵⁶ Правда. 1938. 29 нояб.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 285. Л. 57–111.

⁵⁹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 285. Л. 120–121. Список шестидесяти девяти районов, в которые циркуляр был направлен, прилагается к телеграмме.

⁶⁰ Речь идет о численности населения, полученной до перераспределения специальных контингентов.

⁶¹ Докладная записка, направленная в Союзнархозучет Госплана СССР начальником бюро переписи населения тов. Бозиним 28 февраля 1939 года, от УНХУ Украины, Киев; подписано тов. Рябичко, начальником управления и начальником бюро переписи населения УНХУ Украины, и Булгаковым, зам. начальника бюро переписи населения // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 285. Л. 145–147.

⁶² В итоге общая численность населения Украины достигнет 30 848 000 жителей, то есть почти на один миллион больше, чем численность населения, оцениваемая в первоначальных прикидках ЦСУ Госплана СССР. См.: Население СССР на 17 января 1939 года по областям, областным центрам, городам, рабочим поселкам и селам, согласно данным переписи населения 1939 года. М.: Госполитиздат, 1941. С. 8.

⁶³ Валентина Хетагурова была женой офицера Красной Армии, служившего на Дальнем Востоке. Ее использовали, чтобы бросить призыв девушкам, молодым комсомолкам, отправиться на Дальний Восток и уравновесить огромный численный перевес мужского населения, который там сложился. Само собой разумеется, число уехавших девушек было несоизмеримо малым по отношению к дефициту численности населения, отмеченному на Украине.

⁶⁴ П.И. Попов был тогда начальником отдела сельского хозяйства Госплана РСФСР.

⁶⁵ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 92. Д. 161.

⁶⁶ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 536. Л. 11, письмо, датированное 19 февраля (год не указан, предположительно 1940-й).

⁶⁷ «О переписи населения 1939 г.», секретарю ЦК ВКП(б) тов. И.В. Сталину, председателю Совета Народных Комиссаров СССР тов. В.М. Молотову; подписано Вознесенским, председателем Госплана при Совете Народных Комиссаров СССР, и Саутиным, начальником ЦУНХУ Госплана СССР, датировано мартом 1939 года // РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 92. Д. 161. Л. 44–49. День не указывается, и мы не уверены, что этот документ был передан адресатам.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Сталин И.В. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), 10 марта 1939 г. М., 1939. С. 24.

⁷⁰ «Об итогах всесоюзной переписи населения 1939 г.», направлено 5 апреля 1940 г. Молотову (председателю Совета Народных Комиссаров), Вознесенскому (председателю Госплана) и Сабурову (зам. председателя Госплана), подписано Старовским, начальником ЦУНХУ Госплана СССР // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 536. Л. 44–77.

⁷¹ Население СССР с разделением на городское и сельское по СССР, республикам, население городов с более 50 000 жителей // Правда. 1939. 2 апр.; Возрастная структура, грамотность, уровень образова-

ния и распределение по национальным и социальным группам населения СССР // Правда. 1940. 29 апр.

⁷² Ястремский Б., Хотимский В. Теория математической статистики. М.: Планхозгиз, 1930.

⁷³ ЦА ФСБ. Д. 9444.

⁷⁴ Цейтлин Т.Я., Соколова Е.П., Курман М.В. К методологии планирования населения на вторую пятилетку, на материалах Ленинградской области. Л., 1932.

⁷⁵ Курман М.В. Четверть жизни. С. 1.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Именно Борис Троицкий, бывший член президиума Госплана, позже тоже арестованный, чьи пути пересеклись с путями Курмана в тюрьме на Бутырке, расскажет ему историю доклада, который он написал и передал Сталину. Курман же в своих мемуарах указывает, что этот доклад был адресован Сталину, Молотову и Кагановичу. Там же. С. 15.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же. С. 20.

⁸¹ ЦА ФСБ. Д. 2791.

⁸² Максимова В.Н. Из воспоминаний (20–30-е годы). С. 85–86.

⁸³ Это отрывок из письма, отправленного из ссылки его матери, в котором он воспроизводит письмо, направленное в Верховный Суд. Оно было приведено В.Н. Максимовой. Там же. С. 85–86.

⁸⁴ До конца 1930-х годов результаты записи актов гражданского состояния внутри ГУЛАГа не передавались центральным статистическим органам. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. История народонаселения СССР, 1920–1959 годы. М., 1990.

⁸⁵ Benvenuti F. The «Reform» of the NKVD, 1934 // Europe-Asia Studies. 1997. № 49(6). P. 1037–1056; Solomon P.H. Soviet Criminal Justice under Stalin. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

7. Бюрократическая анархия

¹ Такая ситуация наблюдалась и в других учреждениях. См.: Stern-Heimer S. Administration for Development: The Emerging Bureaucratic Elite, 1920–1930 // MacKenzie-Pintner W., Rowney D.R. (eds.). Russian Officialdom: The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century. London; New York: Macmillan, 1980.

² Источником статистических данных, приведенных в этой главе, является анонимный анализ произвольной выборки тысячи профессиональных личных дел служащих Статистического управления, работавших с 1918 по 1939 год. Эта подборка приводится в конце настоящей работы; полные данные, а также многочисленные схемы и таблицы, иллюстрирующие положения этой главы и полученные в результате анализа личных дел, можно найти на сайте <http://www-census.ined.fr/histarus>.

³ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XXXVI. М.: Планхозгиз, 1930.

⁴ То есть достигший четырнадцатилетнего возраста.

⁵ Полляк Г. Статистические силы республики // Вестник статистики. 1920. № 9–12. С. 120–132.

⁶ Lewin M. La Grande mutation soviétique. Paris: La Découverte, 1989; Вишневецкий А.Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998.

⁷ Как и в сегодняшней России, защита кандидатской диссертации предшествовала защите докторской диссертации.

⁸ Его карьера кадрового партийца в управленческом аппарате на этом не заканчивается. После того как он руководил различными институтами в годы Второй мировой войны, он назначается заместителем заведующего отделом агитации и пропаганды Московского областного комитета ЦК ВКП(б) в 1946 году, затем ответственным редактором газеты «Московская правда» с 1948 по 1950 год. Он оставляет этот пост и становится заведующим кафедрой политэкономии Московской высшей торговой школы. В 1953 году становится заместителем начальника планово-экономического управления Министерства торговли. Затем, до выхода на пенсию в 1962 году, он будет занимать различные руководящие посты в управленческом аппарате. Он скончался в 1975 году.

⁹ Для него тоже эта должность станет лишь этапом в карьере, типичной для кадрового партийца. С 1939 по 1947 год он будет председателем Госплана РСФСР, затем заместителем председателя Госплана СССР, уполномоченным Госплана СССР на Украине с 1948 по 1957 год, заместителем председателя Государственного экономического совета при Совете министров СССР с 1958 по 1961 год. Наконец, он назначается послом в Гвинею с 1962 по 1964 год, когда уходит в отставку. Он скончался в 1982 году.

¹⁰ David-Fox M. *Revolution of the Mind: Higher Learning Among the Bolsheviks, 1918–1929*. Ithaca: Cornell University Press, 1997.

¹¹ Fitzpatrick S. *Education and Social Mobility in the Soviet Union — 1921–1934*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.

¹² Максимова В.Н. Из воспоминаний (20–30-е годы) // Вопросы статистики. 1996. № 10. С. 78–88.

¹³ Там же. С. 83.

¹⁴ ЦА ФСБ. Д. 8328.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Записка, датированная 25 апреля 1938 г. // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 536. Л. 90–92.

¹⁸ Эта последняя записка сохранилась в архивах. Он не уточняет, передал ли он ее Саутину вместе с предыдущей запиской. Хотя, конечно, это не исключено.

¹⁹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 536. Л. 91.

²⁰ «Об итогах Всесоюзной переписи населения 1939 года», отчет Старовского, направленный Молотову, Вознесенскому и Сабурову // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 536. Л. 44–77.

²¹ Подробнее в главе 6.

²² Список литературы, изымаемой из обращения издательства Союзоргучет // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 1063. Л. 94–101. Этот список был прокомментирован и воспроизведен А. Блюмом, см.: Blum A. *L'origine des purges de 1937: l'exemple de l'administration de la statistique démographique* // *Cahiers du monde russe*. 1998. № 1–2. P. 169–196.

²³ Термин заимствован у Раймона Арона, см.: Aron R. *Démocratie et totalitarisme*. Paris: Gallimard, 1970. Он рассматривается Клодом Лефором, см.: Lefort C. *La Complication. Retour sur le communisme*. Paris: Fayard, 1999.

²⁴ Aron R. *Démocratie et totalitarisme*. Ch. 16.

²⁵ О деятельности других управлений в 1930-х годах см.: Dullin S. *Des hommes d'influence: les ambassadeurs de Staline en Europe, 1930–1939*. Paris: Payot, 2001.

²⁶ Lefort C. *La Complication*.

²⁷ Эта идея вынуждает его занять позицию, далекую от выводов Франсуа Фюре и Мартина Малиа.

²⁸ Здесь затрагиваются вопросы, ранее поставленные Ханной Арендт. См.: Arendt H. *La Crise de la culture: huit exercices de pensée politique*. Paris: Gallimard, 1989.

²⁹ Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996; Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001.

III. Ученый и политик

8. Какая наука нужна социалистическому обществу?

¹ Krementsov N. *Stalinist Science*. Princeton: Princeton University Press, 1997; Lecourt D. Lyssenko. *Histoire réelle d'une «science prolétarienne»*. Paris: PUF, 1995; Graham L. *Science in Russia and the Soviet Union: A Short History*. New York: Cambridge University Press, 1993.

² Теоретический анализ разногласий, противоречий, напряженности, а также примирений и компромиссов см.: Boltanski L., Thévenot L. *De la justification. Les économies de la grandeur*. Paris: Callimard, 1991.

³ По поводу размышлений о «реализме» статистики см.: Desrosières A. *Entre réalisme métrologique et conventions d'équivalence: les ambiguïtés de la sociologie quantitative* // *Genèses*. 2001. № 43. P. 112–127.

⁴ Кауфман А.А. Теория и методы статистики. Руководство для учащихся и для лиц, посвящающих себя статистическому труду. 1-е изд. М.: Сытин, 1912; 4-е изд. М.: ЦСУ, 1922. Закон больших чисел указывает, что чем большей является величина выборки, полученной из подсчета населения, тем ближе к среднему эмпирическому среднему.

⁵ О Кетле и понятии «среднее» см.: Porter T. *The Rise of Statistical Thinking, 1820–1900*. Princeton: Princeton University Press, 1986. Ch. II, IV; Desrosières A. *Masses, individus, moyennes: la statistique sociale au XIXe siècle* // *Hermès*. 1988. P. 41–64; Thévenot L. *Statistique et politique. La normalité du collectif* // *Politix*. 1994. № 25. P. 5–20.

⁶ Кауфман А.А. Теория и методы статистики. С. 222.

⁷ Porter T. *The Rise of Statistical Thinking, 1820–1900*. Chapter VI; Stigler S.M. *The History of Statistics. The Measurement of Uncertainty before 1900*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1986.

⁸ Старовский В.Н. Азбука статистики / Под ред. И.А. Кравая. М.: Союзоргучет, 1936. С. 9.

⁹ Там же.

¹⁰ Английский историк Генри Томас Бокль (1821–1862) был весьма противоречив, чем можно объяснить выбор примера, сделанный Старовским. Бокль защищал применение эмпирических методов в изучении истории. Старовский, как и другие советские статистики (в частности, Боярский), ссылается здесь на его труд «История цивилизации в Англии» (London: J.W. Parker & Son, 1857. 2 vols.). В русском переводе он вышел в Петербурге в 1895 году.

¹¹ Старовский В.Н. Азбука статистики. С. 9.

¹² Там же. С. 10.

¹³ Там же.

¹⁴ Сергей Александрович Ефремов (1876–1939), вице-президент Академии наук Украины с 1922 года, был арестован 21 июля 1929 года

за «создание подпольной организации “Союз за освобождение Украины”». На судебном процессе, проходившем с 9 марта по 19 апреля 1930 года в Харькове, был обвинен в заключении тайного сговора с Польшей с целью отторжения Украины от СССР. Был приговорен к десяти годам заключения и умер в лагере в 1939 году.

¹⁵ Старовский В.Н. Азбука статистики. С. 10–11.

¹⁶ Там же. С. 11. В своих работах Маркс множество раз прибегает к средней величине, чтобы выразить законы, которые он хочет продемонстрировать, оправдывая использование для этого больших чисел. Например, он использует ее, чтобы описать свою теорию стоимости («Капитал», том I); он использует также понятие среднего человека, ссылаясь на книгу Кетле «Социальная физика или очерк о развитии способностей человека», не прибегая к другим комментариям (Маркс, «Капитал», том II, часть 1).

¹⁷ По поводу этих процессов см.: Werth N. Histoire de l'Union soviétique de L'Empire russe à la Communauté des Etats indépendants, 1900–1991. Paris: PUF, 2001; Jasny N. Soviet Economists of the Twenties: Names to be Remembered. Cambridge University Press, 1972.

¹⁸ Ястремский Б.С., Хотимский В.И. Элементы общей теории статистики. М.: Союзоргучет, 1935.

¹⁹ Там же. С. 11.

²⁰ Смит М. Основы статистической методологии. Т. 1. Москва—Петроград: Госиздат, 1923.

²¹ Ястремский Б., Хотимский В. Теория математической статистики. М.: Планхозгиз, 1930.

²² От имени физика и философа Маха.

²³ Речь идет об Ирвинге Фишере. Некоторые из его работ, касающихся показателей, были переведены в журнале ЦСУ «Вестник статистики» в середине 1920-х годов.

²⁴ Ястремский Б., Хотимский В. Теория математической статистики.

²⁵ Desrosières A. La Politique des grands nombres. Histoire de la raison statistique. Paris: Editions La Découverte, 1993; Louçã F. Nikolai Kondratiev and the early consensus and dissensions about history and statistics // History of Political Economy. 1999. № 31(1). P. 169–205.

²⁶ Осинский Н. Что значит учет. М.: Союзоргучет, 1932. См. также: Елисева И.И., Плошко Б.Г. История статистики. М.: Финансы и статистика, 1990.

²⁷ Осинский Н. Что значит учет. С. 5 и далее.

²⁸ Там же.

²⁹ Крейнин Г.С. Элементарный курс статистики. М.: Союзоргучет, 1938. С. 5.

³⁰ Старовский В.Н. Советская статистическая наука и практика // История советской государственной статистики: Сб. М.: Госстатиздат, 1960. С. 16.

³¹ Ястремский Б.С., Хотимский В.И. Элементы общей теории статистики.

³² Смит М. Основы статистической методологии. Т. 2: Методология экономической статистики. Москва—Петроград: Госиздат, 1924.

³³ Виноградова Н.М. Теория индексов. Л., 1930.

³⁴ Новосельский Н.М., Подольский Ю.А. Наглядные пособия по теории статистики. М.: Союзоргиздат, 1938.

³⁵ Некраш Л.В. Курс общей теории статистики. М.: Госпланиздат, 1939. См. по этому вопросу итоговую статью: Мересте У. Развитие

индексной теории и некоторые вопросы повышения эффективности индексного метода // Вестник статистики. 1972. № 4.

³⁶ Заседание членов методсовета по вопросу обсуждения программы техминимума по бухгалтерии и по теории статистики, протокол № 3, 13 февраля 1934 г. // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 749. Л. 138–154.

³⁷ Ястремский Б.С., Хотимский В.И. Элементы общей теории статистики. С. 29–30.

³⁸ Например: Крейнин Г.С. Элементарный курс статистики. С. 11.

³⁹ По этому вопросу см.: Armatte M., Desrosières A. Méthodes mathématiques et statistiques en économie: nouvelles questions sur d'anciennes querelles // Beaud J.-P., Prévost J.-G. L'Ère du chiffre, systèmes statistiques et traditions nationales. Montréal: Presse du Québec, 2000. P. 431–481; Desrosières A. La commission et l'équation: une comparaison des plans français et néerlandais entre 1945 et 1980 // Genèses. 1999. № 34. P. 28–52. Подробнее о влиянии статистиков, экономистов и работников сферы планирования на разработку генерального учетного плана после Второй мировой войны см.: Vanoli A. Une histoire de la comptabilité. Paris: La Découverte, 2002.

⁴⁰ О значении этих размышлений в международном плане см.: Gans H.A., de. Population Forecasting 1895–1945: The Transition to Modernity. Dordrecht, 1999. Между тем об СССР в этой книге речь не идет.

⁴¹ Многие из этих расчетов были представлены на 19-м заседании Международного института статистики в Токио в январе 1929 года и были опубликованы в «Бюллетене Международного института статистики» (Т. XXV. № 3. Гаага, 1931. С. 59–88). См. также: Птуха М.В. Перспективные исчисления народонаселения УССР. Очерки по статистике населения. М.: Госстатиздат, 1960. С. 441–453. Птуха там дает другой прогноз на менее отдаленную перспективу — на второй пятилетний план.

⁴² Цейтлин И.Я., Соколова Е.П., Курман М.В. К методологии планирования населения на вторую пятилетку. На материалах Ленинградской области / Под ред. И.Я. Цейтлина. Л.: Издание ЛНИИТа, 1932.

⁴³ Там же.

⁴⁴ См.: Gans H.A., de. Population Forecasting 1895–1945.

⁴⁵ Mespoulet M. Statistique et révolution en Russie. Un compromis impossible, 1880–1930. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2001.

⁴⁶ Quetelet A. Sur l'homme et le développement de ses facultés, ou essai de physique sociale. Paris: Bachelier, 1835.

⁴⁷ Durkheim E. Les Règles de la méthode sociologique. Paris: Alcan, 1895.

⁴⁸ Durkheim E. Le Suicide, étude de sociologie. Paris: Alcan, 1897.

⁴⁹ Topalov C. (dir.). Laboratoires du nouveau siècle. La nébuleuse réformatrice et ses réseaux en France (1880–1914). Paris: Editions de l'EHESS, 1999.

⁵⁰ Гернет Михаил Николаевич (1874–1953) закончил юридический факультет в Московском университете, где он преподавал с 1874 по 1917 год. После революции поступает на работу в Санкт-Петербургский психоневрологический институт (1917–1919), а позже возвращается в Московский университет. В ноябре 1918 года он параллельно работает в Статистическом управлении, где руководит отделом моральной статистики начиная с мая 1920 года. Он организует работу по статистике беспризорных детей в Комиссариате просвещения. Уходит из Статистического управления в 1931 году. В 1947 году становится лауреатом Сталинской премии за свой труд «История царской тюрьмы».

⁵¹ Например: Гернет М.Н. Социальные факторы преступности. М., 1905.

⁵² Птуха М.В. Очерки по теории статистики населения и моральной (диссертация на степень магистра политической экономии и статистики) // Записки Юридического факультета императорского Петроградского университета. СПб., 1916.

⁵³ Здесь мы воспроизводим основные положения статьи Александра Авдеева, Алена Блюма и Ирины Троицкой «История статистики аборта в СССР» (Население. 1994. № 4–5. С. 903–934). Мы благодарим Александра Авдеева и Ирину Троицкую за то, что они разрешили использовать выдержки из этой статьи.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Ronsin F. La Grève des ventres: propagande néo-malthusienne et baisse de la natalité française, XIX–XXe siècle. Paris: Aubier-Montaigne, 1980; Le Bras H. Marianne et les lapins. L'obsession démographique. Paris: Orban, 1991.

⁵⁶ Engelstein L. The Keys of Happiness, Sex and the Search for Modernity in Fin-de-Siècle Russia. Ithaca—London: Cornell University Press, 1992.

⁵⁷ Русское слово. 1914. 4 июня.

⁵⁸ Преамбула закона от 18 ноября 1920 года, в публикации: Декрет КПСС и Советского правительства о народном здравоохранении. М., 1958. С. 63.

⁵⁹ Эти карточки содержали в себе указания возраста женщины, ее национальности, профессии, места жительства (в городе или деревне), семейного положения, жилищных условий, числа беременностей, родов и аборт, продолжительности родов.

⁶⁰ Аборты в 1926 году. М., 1929.

⁶¹ Постановление Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров СССР «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах», 27 июля 1936 г. Опубликовано в сборнике: Постановления КПСС и Советского правительства об охране здоровья народа. М., 1959. С. 264. За ним следовало постановление Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров «О правилах получения разрешения на аборт по медицинским причинам», 22 ноября 1936 г.

⁶² Начальник Центрального Управления Народнохозяйственного учета при Госплане СССР И. Саутин, «О рождаемости и росте населения СССР в первом квартале 1938 года», Председателю Совета Народных Комиссаров СССР тов. Молотову В.М., Председателю Госплана СССР, тов. Вознесенскому (черновик докладной записки с поправками), 22 января 1938 г. // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 1063. Л. 124–129.

⁶³ Начальник Центрального Управления Народнохозяйственного учета при Госплане СССР И. Саутин, «О недостатках работы по борьбе с незаконными абортами», Зам. председателя СНК СССР тов. В.Я. Чубарю; Нарком здравоохранения СССР тов. М.Ф. Болдыреву; Прокурору Союза ССР тов. А.Я. Вышинскому; Секретарю ВЦСПС, тов. Москалову, январь 1938 г. // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 1063. Л. 116–119.

⁶⁴ Гернет М.Н. Самоубийства в СССР 1922–1925 // ЦСУ. Статистика СССР, Отдел моральной статистики. Т. 35. М., 1927. С. 11.

⁶⁵ По поводу русской классификации и споров, которые противопоставили советских представителей другим участникам международной конференции, посвященной четвертому пересмотру международной классификации болезней, см.: Gross-Solomon S. Les statistiques de santé publique dans L'Union soviétique des années vingt: coopération internationale et tradition nationale dans un cadre postrévolutionnaire // Annales de démographie historique. 1996. P. 19–44.

⁶⁶ Об истории классификации причин смерти см.: Vallin J., Meslé F. Les causes de décès en France de 1925 à 1978. Travaux et documents, cahier № 115. Paris: INED/PUF, 1988. По поводу философии, которой следовали при этой классификации, см.: Fagot-Largeault A. Les Causes de la mort: histoire naturelle et facteurs de risque. Institut interdisciplinaire d'études épistémologiques. Paris, 1989.

⁶⁷ Gross-Solomon S. Les statistiques de santé publique dans L'Union soviétique des années vingt.

⁶⁸ Полная классификация публикуется там же.

⁶⁹ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001.

⁷⁰ Rittersporn G. Le message des données introuvables: l'État et les statistiques du suicide en Russie et en URSS // Cahiers du monde russe. 1997. № 38(4). P. 511–524.

⁷¹ По этому вопросу, в частности, см.: Avdeev A. La mortalité des enfants en Russie et en URSS: état des recherches. Paris: Miméo, 1999.

⁷² Глебовский С.А., Гребенщиков В.И. Детская смертность в России. Общественное и частное призрение в России. СПб., 1907; Куркин П.И. Детская смертность в Московской губернии и уездах в 1883–1897 годах. М., 1902; Куркин П.И. Смертность малых детей. СПб., 1911; Новосельский С.А. Главнейшие данные по демографии и санитарной статистике России. Календарь для врачей на 1916 г. / Под ред. П. Булатова. Ч. II. Пг., 1916. С. 66–67; Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России. Пг., 1916.

⁷³ Новосельский С.А. О тесноте связи между рождаемостью и детской смертностью // Вестник статистики. 1925. № 4–6. С. 1–21; Новосельский С.А., Паевский В.В. Смертность и продолжительность жизни в СССР. М.: Планхозгиз, 1930; Птуха М.В. Смертность 11 народностей Европейской России в конце XIX века // Очерки по статистике населения. М.: Госстатиздат, 1960. С. 241–278.

⁷⁴ Хоменко А.П. Смертность младенцев на Украине в зависимости от возраста матери и очередности рождения ребенка // Советская демография за 70 лет. Из истории науки. М.: Наука, 1987. С. 217–228; Птуха М.В. Смертность 11 народностей...; Томилин С.А. Социально-гигиеническая оценка детской смертности. По материалам международной и украинской статистики. Харьков, 1930.

⁷⁵ Доклад, адресованный Народному Комиссару Здравоохранения тов. Каминскому, подписанный временно исполняющим обязанности Управляющего ЦУНХУ Госплана СССР Поповым, от 14 августа 1936 г. // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 107. Л. 216–216 об.

⁷⁶ Начальник отдела населения и здравоохранения ЦУНХУ Госплана СССР Хотимский. Детская смертность в СССР, 15 августа 1936 г. // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 107. Л. 217.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Начальник ЦОАГС НКВД СССР, майор госуд. безопасности Солодов, «Доклад Центрального отдела актов гражданского состояния НКВД СССР о работе по учету естественного движения населения за

1939 год», май 1940 г. // ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1396. Л. 1. Адресат не указан. Доклад за следующий год был адресован заместителю народного комиссара внутренних дел.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Воробьев Н.Я. Всесоюзная перепись населения 1926 г. М.: Госстатиздат, 1957. С. 16.

⁸¹ РГАЭ. Ф. 1562. Д. 336. Л. 44–49.

⁸² Mespoulet M. Statistique et révolution en Russie.

⁸³ Под «общественной работой» подразумевалась форма деятельности в интересах общества и политической пропаганды с целью убедить население в преимуществах социалистического строя и побудить членов общества участвовать в его построении.

⁸⁴ Воробьев Н.Я. Всесоюзная перепись населения 1926 г. С. 43.

⁸⁵ Там же. С. 44.

⁸⁶ По поводу конкретных примеров см.: Mespoulet M. Personnel et production du bureau de statistique de la province de Saratov. Histoire d'une professionnalisation interrompue (1880–1930). Thèse de doctorat. Paris: EHESS, 1999.

⁸⁷ ЦХДНИСО (Центральное хранилище документов новейшей истории Саратовской области). Ф. 594. Оп. 1. Д. 946. Л. 97.

⁸⁸ ЦХДНИСО. Ф. 342. Оп. 1. Д. 3. Л. 23.

⁸⁹ ЦХДНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 946. Л. 100.

⁹⁰ ЦК ВКП(б). Материалы по делу контрреволюционной Трудовой крестьянской партии и группировки Суханова — Громана (Из материалов следственного производства ОГПУ) // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71. Д. 30.

⁹¹ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову, 1925–1935: Сборник документов. М.: Россия молодая, 1995.

⁹² ЦК ВКП(б). Материалы по делу...

⁹³ ЦК ВКП(б). Материалы по делу... Допрос от 1 августа 1930 г.

⁹⁴ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову, 1925–1935. С. 198.

⁹⁵ Там же. С. 199.

9. Выделение классов в бесклассовом обществе

¹ Desrosières A., Thévenot L. Les Catégories socioprofessionnelles. Paris: La Découverte, 1988.

² Ibid.; Boltanski L. Les Cadres: la formation d'un groupe social. Paris: Edition de Minuit, 1982.

³ См., в частности: Cadiot J. Organiser la diversité: la fixation des catégories nationales dans l'empire de Russie et en URSS (1897–1939) // Revue d'études comparatives Est/Ouest. 2000. № 31(3). P. 127–149.

⁴ По поводу системы социальной иерархии в России до 1917 года см.: Leroy-Beaulieu A. L'Empire des tsars et les russes. Paris: Robert Laffont, 1990; Riasanovsky N.V. Histoire de la Russie des origines à 1984. Paris: Robert Laffont, 1988; Freeze G. The Soslovie (Estate) Paradigm and Russian Social History // American Historical Review. 1986. № 91(1). P. 11–36.

⁵ По этому поводу см., в частности: Fitzpatrick S. L'identité de classe dans la société de la NEP // Annales ESC. 1989. № 44(2). P. 251–272; Idem. L'usage bolchevique de la «classe» // Actes de la recherche en sciences sociales. 1990. № 85. P. 70–80; Idem. Ascribing Class. The Construction of Social Identity in Soviet Russia // Journal of Modern History. 1993. № 65(4). P. 745–770.

⁶ Gross-Solomon S. The Soviet Agrarian Debate: A Controversy in Social Science, 1923–1929. Boulder: Westview Press, 1977.

⁷ См.: Werth N. La Vie quotidienne des paysans russes de la Révolution à la collectivisation, 1917–1939. Paris: Hachette, 1984.

⁸ Григорий Иванович Баскин (1866–1937) был земским статистиком. Возглавляя статистическое бюро земства в Самаре с 1910 года, он оставался его руководителем, когда оно стало районным отделением ЦСУ в октябре 1918 года, и занимал эту должность до 1926 года включительно. Одновременно он был консультантом головной организации. Классификацию сельских хозяйств, которую он предложил в 1913 году, см.: Немчинов В.С. Опыт классификации крестьянских хозяйств // Вестник статистики. 1928. № 1. С. 47–80.

⁹ См., в частности: Хряцева А.И. К вопросу о принципах группировки массовых статистических материалов в целях изучения классов в крестьянстве // Вестник статистики. 1925. № 1–2. С. 47–80.

¹⁰ См., в частности, работы Н.Н. Черненко, П.П. Румянцев и П.А. Вихляева.

¹¹ Хряцева А.И. К вопросу о принципах группировки... С. 71.

¹² Немчинов В.С. Опыт классификации крестьянских хозяйств; Тезисы доклада В.С. Немчинова «О социально-экономических группировках крестьянских хозяйств». ЦСУ СССР, Статистическая конференция Советского Союза, 15 января — 5 февраля 1927 г. М., 1927. С. 48.

¹³ Немчинов В.С. О социально-экономических группировках крестьянских хозяйств. С. 48.

¹⁴ Там же. С. 50.

¹⁵ Хряцева А.И. К вопросу о принципах группировки...

¹⁶ По поводу работы этой комиссии см. главу о чистке 1924 года.

¹⁷ Хряцева А.И. К вопросу о принципах группировки... С. 70.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Об истории использования профессиональных классификаций в ходе переписей см.: Dupâquier J., Dupâquier M. Histoire de la démographie. Paris: Perrin, 1985. Ch. 10; Desrosières A. Éléments pour l'histoire des nomenclatures professionnelles // Pour une histoire de la statistique. T. I. Paris: INSEE-Economica, 1977. P. 155–231. В том, что касается Англии, см.: Szreter S. The Genesis of the Registrar General's Social Classification of Occupations // The British Journal of Sociology. 1984. Vol. XXXV. № 4. P. 529–546; Szreter S. Fertility. Class and Gender in Britain, 1860–1940. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. По вопросу о классификации безработных в переписях населения во Франции, в Великобритании и в Соединенных Штатах в XIX веке см.: Topalov C. Naissance du chômeur, 1880–1910. Paris: Albin Michel, 1994 (особенно гл. 11 и 14), а также: Topalov C. L'individu comme convention. Le cas des statistiques professionnelles du XIXe siècle en France, en Grande-Bretagne et aux États-Unis // Genèses. 1998. № 31. P. 48–75.

²⁰ Вопросник см.: Григорьянц М. Русские переписи населения: история и современность // Вопросы статистики. 1997. № 3. С. 10; Население. Энциклопедический словарь / Под ред. А.Я. Кваши и др. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1994; а также на сайте <http://www.census.ined.fr/histarus>.

²¹ Desrosières A. Éléments pour l'histoire des nomenclatures professionnelles.

²² Григорьянц М. Русские переписи населения: история и современность.

²³ Этот текст был, в частности, опубликован: Государственная статистика. М.: ЦСУ, 1918.

²⁴ Постановления Международного Статистического Института // Вестник статистики. 1919. № 4–7. С. 33–49.

²⁵ Там же. С. 39. О статистическом интернационализме в XIX веке см.: Brian E. *Statistique administrative et internationalisme statistique pendant la seconde moitié du XIXe siècle* // *Histoire et Mesure*. 1989. № 3/4. P. 201–224.

²⁶ Словарь занятий: Пособие к разработке демографической и профессиональной переписи 1920 года. М.: ЦСУ, 1921.

²⁷ Воробьев Н.Я. Всесоюзная перепись населения 1926 г. М.: Госстатиздат, 1957. С. 95.

²⁸ Вопросник переписи 1920 г. см.: Госкомстат. 70 лет советской государственной статистики: Сборник документов и материалов. М., 1988. С. 20.

²⁹ По этому поводу см.: Desrosières A. *Éléments pour l'histoire des nomenclatures professionnelles*.

³⁰ Анализ аналогичной ситуации в Великобритании в конце XIX века см.: Topalov C. *Une révolution dans les représentations du travail. L'émergence de la catégorie statistique de «population active» au XIXe siècle en France, Grande-Bretagne et aux Etats-Unis* // *Revue française de sociologie*. 1999. № 3. P. 445–473.

³¹ По поводу всей совокупности поставленных вопросов можно обратиться в публикации: Программа и пособия к разработке всесоюзной переписи населения 1926 г. / ЦСУ СССР. М., 1927.

³² Там же. Предисловие.

³³ Там же. С. 3.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 4.

³⁷ Desrosières A. *Éléments pour l'histoire des nomenclatures professionnelles*. P. 163.

³⁸ Воробьев Н.Я. Всесоюзная перепись населения 1926 г. С. 30.

³⁹ Программа и пособия к разработке всесоюзной переписи населения 1926 г.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² См.: Topalov C. *Une révolution dans les représentations du travail*; Desrosières A. *Éléments pour l'histoire des nomenclatures professionnelles*.

⁴³ Программа и пособия к разработке всесоюзной переписи населения 1926 г. С. 5–9.

⁴⁴ Классификация занятий по хозяйствам переписи 1926 г. // Программа и пособия к разработке всесоюзной переписи населения 1926 г. Т. II: Словарь занятий / ЦСУ. М., 1927. С. 11–27.

⁴⁵ Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М., 1991. С. 121–133.

⁴⁶ Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги / Под ред. Ю.А. Полякова. М.: Россия, 1999. С. 163–201.

⁴⁷ Перепись населения в социалистическом государстве // Правда. 1936. 29 апр.

⁴⁸ L'Humanité. 1936. 11 mai. Курсивом набрана часть текста, также выделенная в статье, опубликованной во французской газете.

⁴⁹ Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. С. 206.

⁵⁰ Там же. С. 306.

⁵¹ Во Франции, например, во время переписи 1901 года понятие «специальность» было заменено понятием «профессия», которое затем стало синонимом занятия. См.: Desrosières A. *Éléments pour l'histoire des nomenclatures professionnelles*.

10. «Предписание» идентичности и конструирование национальных категорий

¹ При написании первой части этой главы были использованы материалы из книги: Rallu J.-L., Courbage Y., Piche V. (dir.). *Démographie et ethnicité*. Paris: INED, 1996. Мы благодарим Катрин Гусефф, а также INED за разрешение использовать длинные пассажи из главы: Blum A., Gousseff C. *Statistiques ethniques et nationales dans l'Empire russe et en URSS*. Некоторые элементы были также взяты из сообщения Алена Блюма «Administrative Forms, Demographic Forms and Ascribing Identity» (выступление на конгрессе AAASS, Вашингтон, октябрь 2001).

² Понятие «assignation d'identité» (которое мы переводим здесь как «предписание идентичности»), введенное в научный оборот Шейлой Фицпатрик (Fitzpatrick S. *Ascribing Class. The Construction of Social Identity in Soviet Russia* // *Journal of Modern History*. 1993. № 65(4). P. 745–770), обозначает сложный процесс взаимодействия, в ходе которого государство устанавливает набор категорий (социальных, национальных и др.) и характеризующие их признаки, затем присваивает каждому лицу соответствующую идентичность, а сами объекты такой идентификации постепенно начинают узнавать себя в категориях, к которым они были отнесены.

³ Moine N. *Passeportisation, statistique des migrations et contrôle de l'identité sociale* // *Cahiers du monde russe*. 1997. № 38(4). P. 587–600; Idem. *Le système des passeports à l'époque stalinienne. De la purge des grandes villes au morcellement du territoire* // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*. 2002; Kessler G. *The Passport System and State Control over Population Flows in the Soviet Union, 1932–1940* // *Cahiers du monde russe*. 2001. № 42(2–4). P. 477–504; Gousseff C. *Ouverture et fermeture des frontières soviétiques dans les années 1920: la NEP à tâtons* // *Pour une nouvelle historiographie de l'URSS / Sous la dir. de N. Werth* // *Cahiers de l'ИНТ*. 1996. № 35. P. 119–133; Shearer D. *Elements Near and Alien: Passportization, Policing, and Identity in the Stalinist State, 1932–1952* // *The Journal of Modern History*. 2004. Vol. 76. P. 835–881.

⁴ Avdeev A., Blum A., Troïtskaia I. *L'Histoire de la statistique de l'avortement en Russie et en URSS jusqu'en 1991* // Goldman W.Z. *Women, the State & Revolution. Soviet Family Policy & Social Life, 1917–1936*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

⁵ Осокина Е. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. М.: РОССПЭН, 1998.

⁶ Moine N. *Pouvoir bolchevique et classes populaires: la mesure de privation de droits civiques à Moscou au tournant des années 1930* // *Pour une nouvelle historiographie de l'URSS*. P. 141–160; Idem. *Le Pouvoir bolchevique face au petit peuple urbain: clivages sociaux, assignation des identités et acculturation à Moscou dans les années 1930*. Thèse de doctorat. Lyon: Université de Lyon-II, 2000.

⁷ Schor P. *Histoire des statistiques de la population en France et aux Etats-Unis, XIX–XX siècles*. Thèse de doctorat. Paris: EHESS, 2001.

⁸ Вопрос о важности этнографии в образовании империи рассматривается во многих работах. В том, что касается обобщающих подхо-

дов, например, см.: Clay C.B. Russian Ethnographers in the Service of Empire // *Slavic Review*. 1995; Berelowitch V. Aux origines de l'ethnographie russe: la société de géographie dans les années 1840–1950 // *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1990. № 2–3. P. 265–273.

⁹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демографической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999; Freeze G. The Soslovie (Estate) Paradigm and Russian Social History // *American Historical Review*. 1986. № 91(1). P. 11–36.

¹⁰ Cadiot J. Organiser la diversité: la fixation des catégories nationales dans l'Empire de Russie et en URSS (1897–1939) // *Revue d'études comparatives Est/Ouest*. 2000. № 31(3). P. 127–149; Idem. La Constitution des catégories nationales dans l'Empire de Russie et dans l'Union des républiques socialistes soviétiques (1897–1939): statisticiens, ethnographes et administrateurs. Thèse de doctorat. Paris: EHESS, 2001; Idem. Ethniciser le politique. L'Empire de Russie, l'URSS et l'enregistrement des nationalités (1860–1940). Paris, 2006.

¹¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897. Т. II. СПб., 1905. С. I–II.

¹² Пашканов внес большой вклад в истолкование национального вопроса при проведении переписи 1897 года. По этому поводу см.: Cadiot J. Organiser la diversité.

¹³ Подробные классификации можно найти на сайте <http://www.census.ined.fr/histarus>.

¹⁴ Список народностей Союза Советских Социалистических Республик: Труды Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран / Под ред. И.И. Зарубиной. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1927.

¹⁵ Там же. С. 3.

¹⁶ Программы и пособия к разработке всесоюзной переписи населения 1926 года. Т. VII: Перечень и словарь народностей. М.: Издательство ЦСУ Союза ССР, 1927.

¹⁷ Martin T. The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca; London: Cornell University Press, 2001.

¹⁸ Moine N. Passeportisation, statistique des migrations et contrôle de l'identité sociale.

¹⁹ Завтра перепись населения — заметки счетчика // *Правда*. 1937. 5 янв. С. 2.

²⁰ Cadiot J. Les relations entre le centre et les régions en URSS à travers les débats sur les nationalités dans le recensement de 1926 // *Cahiers du monde russe*. 1997. № 38(4). P. 606–616; Hirsch F. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca; London: Cornell University Press, 2005.

²¹ Cadiot J. Les relations entre le centre et les régions...

²² Holquist P. Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge: Harvard University Press, 2002.

²³ Статистическое управление Северо-Кавказского края, отдел переписи. Казаки Северо-Кавказского края. Итог переписи населения 1926 года. Ростов-на-Дону, 1928.

²⁴ Там же.

²⁵ Гозулов А. Морфология населения. Опыт изучения строения основных свойств населения Сев.-Кав. Края по данным трех народных

переписей — 1926, 1920 и 1897. Ростов-на-Дону: Издание Северо-Кавказского краевого статистического управления, 1929.

²⁶ Урланис Б. История американских цензов (организация и методы переписей в Соединенных Штатах Америки). М.: Госпланиздат, 1938.

²⁷ Боярский А. Переписи населения в капиталистических странах. М., 1938.

²⁸ Гозулов А. Перепись населения в СССР и капиталистических странах. М.: Союзоргучет, 1936.

²⁹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 208. Л. 33–43.

³⁰ «Объяснительная записка к проекту списка национальностей», 29 июня 1938 г. // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 332. Д. 208. Л. 53.

³¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 206. Л. 120–143.

³² Свидетельства о гражданском состоянии, использовавшиеся в различное время, представлены на сайте <http://www.census.ined.fr/histarus>.

³³ Дата рождения, пол, имя и фамилия ребенка, имя, отчество и профессия отца и матери, место постоянного жительства, особые отметки.

³⁴ «В Представительство РСФСР при правительстве СССР», 19 марта 1927 г., ответ на проект «О введении в формы книг а.г.с. статистических карточек» // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 64. Д. 149. Л. 10–11.

³⁵ Инструкция № 18 всем губернским и областным административным отделам; копия — НКВД Союзных и Автономных Республик — О порядке регистрации актов гражданского состояния в сельсоветах, 9 января 1925 г. // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 57. Д. 225. Л. 1–4.

³⁶ Совещание работников ЗАГС 10–15 сентября 1925 г. // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 57. Д. 224.

³⁷ ЦСУ в НКВД, проект инструкции по заполнению формуляров записей актов гражданского состояния // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 64. Д. 149. Л. 72–74.

³⁸ Ответ НКВД ЦСУ // ГАРФ. Ф. 393. Оп. 64. Д. 149. Л. 68–69.

³⁹ Большевикский деятель, в 1920–1921 годах он был направлен в Тамбовскую область, чтобы руководить подавлением крестьянского восстания.

⁴⁰ Мы признательны профессору Жану-Луи Ван Регемортеру, ныне покойному, за то, что он привлек наше внимание к этому тексту.

⁴¹ «Доклад В.А. Антонова-Овсеевко в ЦК РКП(б) о положении дел в Тамбовской губернии и борьбе с повстанческим движением от 20 июля 1921 г.», опубли.: Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. — Антоновщина — Документы и материалы / Под ред. В. Данилова, Т. Шанина. Тамбов, 1994. С. 234.

⁴² Оперативный приказ НКВД СССР № 00485, одобренный Политбюро 9 августа 1937 года и подписанный Ежовым 11 августа 1937 года, сопровождавшийся секретным письмом НКВД «О фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной, пораженческой и террористической деятельности польской разведки в СССР». См., например: Петров Н.В., Рогинский А.Б. Репрессии против поляков и польских граждан. М.: Звенья, 1997; Гулаг 1918–1960. Документы. Россия XX век. М., 2002.

⁴³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 151. Л. 198. Мы благодарим Жюльетт Кадью, указавшую нам на этот документ.

⁴⁴ Некоторые детали, которые нам удалось найти, частично подтверждают предположение Питера Холквиста о воздействии статистичес-

ких представлений на политику высылки народов, но, несомненно, это воздействие не было столь последовательным, как полагает этот автор. Holquist P. To Count, to Extract, and to Exterminate: Population Politics in Late Imperial and Soviet Russia // *A State of Nation. Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin* / Ed. R.G. Suny, T. Martin. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 111–144.

⁴⁵ Gromov A. L'analyse comparative des politiques locales vis-à-vis des «étrangers» en milieu urbain (Paris et Moscou) au cours de l'entre-deux guerres: mimeo. Paris: EHESS, 2001. Мы благодарим Алексея Громова за разрешение воспользоваться материалами его исследований.

⁴⁶ ЦАОДМ (Центральный архив общественных движений Москвы). Ф. 25. Оп. 1. Д. 2015. Л. 25–26. В 1933 году авторы этого проекта, В. Рыбников и А. Калашников, были наказаны. Их тогда обвинили в саботаже в пользу националистических движений, финансируемых зарубежными разведывательными службами. ЦА ФСБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1989. Л. 14, 21. См.: Gromov A. L'analyse comparative...

⁴⁷ ЦАОДМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1927. Л. 3, 24 сентября 1934 г.

⁴⁸ Инструкция № 51/1(с), 21 декабря 1935 г. // ЦАОДМ. Ф. 28. Оп. 3. Д. 1928. Л. 3.

⁴⁹ Там же. По вопросу об истоках репрессий против народов в виде депортации народов, проживающих вблизи советских границ, см.: Martin T. *The Affirmative Action Empire*; Полян П. Не по своей воле: история и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ Мемориал, 2001.

⁵⁰ Инструкция НКВД № 39098, 15 декабря 1935 г. // ЦА ФСБ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 45. Л. 12–16.

⁵¹ Полян П. Не по своей воле.

⁵² Разъясняющее указание Отдела актов гражданского состояния НКВД СССР № 14867178 от 29 апреля 1938 г., опубли.: Петров Н.В., Рогинский А.Б. Репрессии против поляков и польских граждан. С. 36; ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 502; Д. 233(И). Л. 6, опубли.: Moine N. *Passeportisation, statistique des migrations et contrôle de l'identité sociale*.

⁵³ Текст на сайте ассоциации Память <http://www.memo.ru>, а также в томе: Гулаг 1918–1960.

⁵⁴ Текст на сайте <http://www.memo.ru> и в томе: Гулаг 1918–1960.

⁵⁵ Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 1996.

⁵⁶ Kharkhordin O. *The Collective and the Individual in Russia: A Study of Practices*. Berkeley: University of California Press, 1999; Penetier C., Pudal B. (dir.). *Autobiographies, autocritiques, aveux dans le monde communiste*. Belin; Paris, 2002.

⁵⁷ Стенограмма допросов Кондратьева является прекрасной иллюстрацией для этого (см. главу 8).

11. Размышление о методе случайного отбора

¹ Об истории включения вероятностей в статистику в XIX веке см.: Stigler S.M. *The History of Statistics. The Measurement of Uncertainty before 1900*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1986. О введении вероятностных исчислений в научное суждение см.: Daston L. *Classical Probability in the Enlightenment*. Princeton: Princeton University Press, 1988; Gigerenzer G. et al. *The Empire of Chance. How Probability Changed Science and Everyday Life*. Cambridge: Cambridge

University Press, 1989; Hacking I. *The Taming of Chance*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

² Zarkovitch S.S. Note on the history of sampling methods in Russia // *Journal of the Royal Statistical Society, série A*. 1956. Vol. 119. P. 336–338.

³ В этой главе многие детали, относящиеся к дореволюционному периоду, заимствованы из статьи: Mespoulet M. *Du tout à la partie. L'âge d'or du sondage en Russie (1885–1924)* // *Revue d'études comparatives Est-Ouest*. 2000. № 2. P. 5–49. В этой статье более детально рассмотрено введение практики предварительного опроса в России.

⁴ В том, что касается других европейских стран и Соединенных Штатов, см.: Desrosières A. *La Politique des grands nombres. Histoire de la raison statistique*. Paris: Éditions la Découverte, 1993. Chap. 7. См. также сравнительную подборку по трем странам (Норвегия, Россия, Соединенные Штаты) в: *Science in Context*. 2002. Vol. 15. № 3. Вводная статья была подготовлена Аленом Дерозьером. Эйнар Ли — автор статьи о Норвегии «The Rise and Fall of the Sampling Surveys in Norway, 1875–1906», Эммануэлем Дидье написана статья о Соединенных Штатах «The First US Surveys: Representativeness Between Sampling and Democracy», а Мартиной Меспуле — статья о России «From Typical Areas to Random Sampling: Sampling Methods in Russia from 1875 to 1930».

⁵ Ссылки на публикации результатов этих опросов приведены: Гурьев А.А. Происхождение выборочного исследования и первые его опыты в России // *Вестник статистики*. 1921. № 1–4. С. 1–48, в особенности с. 12–13. Казачий район Терек простирался на Северном Кавказе вдоль реки того же названия от Каспийского моря до первых горных вершин Кавказа.

⁶ Эта выдержка из протокола заседания комитета в сентябре 1875 года приводится: Гурьев А.А. Происхождение выборочного исследования и первые его опыты в России. С. 13.

⁷ В смысле «средний человек» по Кетле.

⁸ Можно отметить, что аналогичные попытки провести опросы на отдельных участках территории были осуществлены в Норвегии в то же самое время. См.: Lie E. *The Rise and Fall of the Sampling Surveys in Norway, 1875–1906*. По вопросу о связи, существовавшей в то время между выбором объектов для обследования и территорией, см.: Desrosières A. *La politique des grands nombres*.

⁹ Эта секция была создана в 1882 году как раз по инициативе Александра Ивановича Чупрова (1842–1908), русского статистика последней четверти XIX века, который считается как бы духовным отцом статистики земств. Будучи профессором политической экономии и статистики в Московском университете, он подготовил большое число земских статистиков. Помимо этого, он был членом Международного института статистики с 1885 года. Он был отцом Александра Александровича Чупрова.

¹⁰ В 1920-х годах этот метод получил название «сознательного выбора единиц». Он может быть определен как метод отбора рациональных показателей, заключающийся в выборе объектов для обследования, которые считаются обладающими характеристиками, идентичными тем (средним), которые являются присущими всей рассматриваемой целостности. Мы для этого используем также выражение «разумного выбора».

¹¹ Mespoulet M. *Du tout à la partie*.

¹² Об истории применения понятия представительности в выборочных исследованиях см.: Kruskal W., Mosteller F. *Representative*

Sampling IV: The History of the Concept in Statistics. 1895–1939 // International Statistical Review. 1980. Vol. 48. P. 169–195.

¹³ А.А. Кауфман (1864–1919) был учеником Ю.Э. Янсона. После того как он занимал должность статистика в министерстве земледелия, он стал преподавателем статистики на Санкт-Петербургских высших женских курсах.

¹⁴ Mespoulet M. Du tout à la partie.

¹⁵ А.В. Пешехонов (1867–1933) был статистиком в различных земских управах. Он стал министром продовольствия при Временном правительстве в 1917 г.

¹⁶ Пешехонов А.В. Статистическое описание Калужской губернии. Калуга, 1898. Введение.

¹⁷ Свавитский Н.А. Земские подворные переписи. Москва: Госстатиздат, 1961. С. 57–58.

¹⁸ Гурьев А.А. Происхождение выборочного исследования и первые его опыты в России. С. 38–39.

¹⁹ О методологии Киэра и ее становлении см.: Lie E. The Rise and the Fall of the Sampling Surveys in Norway, 1875–1906.

²⁰ Цит. по: Desrosières A. La Politique des grands nombres. P. 279.

²¹ В.Г. Громан был в то время руководителем статистического отдела земства в Вятке.

²² Работы статистической секции XII съезда естествоиспытателей и врачей. Чернигов, 1912.

²³ Там же. С. 208–209.

²⁴ Там же. С. 210–211.

²⁵ А.А. Чупров (1874–1926) был профессором статистики экономического факультета Санкт-Петербургского политехнического института в 1900-е годы. Выехав за рубеж в 1917 году, он не вернулся в Россию после Октябрьской революции. В последний год своей жизни вел преподавательскую работу в Праге.

²⁶ С.С. Кон (1888–1933) эмигрировал в Париж в 1921 году, а позже жил в Праге, где преподавал теорию статистики в Русском юридическом институте. Н.С. Четвериков (1885–1973) был назначен руководителем методологического отдела ЦСУ в начале 1920 года.

²⁷ Mespoulet M. Du tout à la partie. Об истории развития выборочных исследований в Соединенных Штатах см.: Didier E. The First US Surveys: Representativeness Between Sampling and Democracy.

²⁸ Ковалевский А.Г. Основы теории выборочного метода. Саратов, 1924.

²⁹ Чупров А.А. Выборочное исследование в ЦСУ СССР // Вопросы статистики. М.: Госстатиздат, 1960. С. 258–270.

³⁰ Там же.

³¹ По этому вопросу см.: Mespoulet M. Statistique et révolution en Russie. Un compromis impossible (1880–1930). Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2001. Ch. IX.

³² А.Г. Ковалевский (1892–1933) изучал математику и статистику в Казанском университете. С июля 1921 года по январь 1930-го он руководил демографической секцией статистического отделения Саратовской области. С 1923 года параллельно преподавал статистику в государственном университете, а позже в Саратовском институте планирования, где вел преподавательскую работу до своей кончины в 1933 году. Для получения более подробных сведений о нем см.: Mespoulet M. Personnel et production du bureau statistique de la province de Saratov. Histoire d'une professionnalisation interrompue (1880–1930). Thèse de doctorat. Paris: EHESS, 1999. Tome II. Ch. 7.

³³ Ковалевский А.Г. Основы теории выборочного метода.

³⁴ Для более подробного ознакомления с теоретическими представлениями А.Г. Ковалевского см.: Mespoulet M. Du tout à la partie.

³⁵ Основные вопросы с.-х. статистики на совещании местных работников по с.-х. статистике при ЦСУ СССР // Вестник статистики. 1928. № 1. С. 174–191.

³⁶ Об использовании образца сельскохозяйственной переписи 1916 г. см.: Кон С.С. К вопросу о применении выборочного метода при разработке сельскохозяйственных переписей. Пг., 1917.

³⁷ Mespoulet M. Personnel et production du bureau statistique de la province de Saratov. Ch. 9.

³⁸ См., в частности: Wheatcroft S. Soviet Statistics of Nutrition and Mortality // Cahiers du monde russe. 1997. № 4. P. 525–558; Adamets S. La diversité des mesures de la famine // Ibid. P. 559–586.

³⁹ Adamets S. La diversité des mesures de la famine.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Хрящева А.И. Методы наблюдения динамики сельскохозяйственного хозяйства // Вестник статистики. 1924. № 1–3. С. 83–119.

⁴² Хрящева А.И. К характеристике крестьянского хозяйства революционного времени // Вестник статистики. 1920. № 5–8. С. 84–105.

⁴³ Хрящева А.И. Методы наблюдения динамики сельскохозяйственного хозяйства.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ ЦСУ РСФСР. Пятьдесят лет советской статистики в Саратовской области. Саратов, 1968. С. 102–103.

⁴⁶ Лосицкий А.Е. Обследования питания // Состояние питания сельского населения СССР, 1920–1924 гг.: Труды ЦСУ. 1928. С. 108.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Лосицкий А.Е. Обследования питания.

⁴⁹ Воробьев Н.Я. Об органах статистического наблюдения // Вестник статистики. 1923. С. 101–117.

⁵⁰ Там же. С. 112.

⁵¹ Там же.

⁵² Основные вопросы с.-х. статистики на совещании местных работников по с.-х. статистике при ЦСУ СССР.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ В новом административном делении район заменил волость, которая была прежним подразделением.

⁵⁶ Основные вопросы с.-х. статистики на совещании местных работников по с.-х. статистике при ЦСУ СССР. С. 181.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же. С. 174–175.

⁵⁹ Там же. С. 174.

⁶⁰ Там же. С. 178.

⁶¹ Там же. С. 177.

⁶² Ястремский Б.С., Хотимский В.И. Статистика. Основы общей теории. М.: Союзоргучет, 1936. С. 162.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Коммунальное и жилищное хозяйство за первый квартал 1935 г. / ЦУНХУ Госплана СССР. М., 1935; Коммунальное хозяйство за 9 месяцев 1935 г. / ЦУНХУ Госплана СССР. М., 1935.

⁶⁶ Ястремский Б.С., Хотимский В.И. Статистика. Основы общей теории. С. 131.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Уполномоченный. Эти агенты были отменены в 1937 году.

⁶⁹ Ястремский Б.С., Хотимский В.И. Статистика. Основы общей теории. С. 193.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же. С. 171–172.

⁷² Там же.

⁷³ Там же. С. 172.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же. С. 193.

⁷⁶ Е.И. Ковалев стал жертвой чисток 1937 года.

⁷⁷ ЦХДНИСО. Ф. 342. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–30 об.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Об этом см.: Волков А.Г. Перепись населения СССР 1937 года. История и материалы. М., 1990. С. 52–53.

⁸⁰ ЦХДНИСО. Ф. 342. Оп. 1. Д. 4. Л. 27 об.

⁸¹ С 1939 года случайная выборка в самом непосредственном смысле слова применялась в целом ряде случаев, и в частности при расчетах контрольных показателей урожая.

Заключение

Вклад в историю сталинизма

¹ Lepetit B. (dir.). Les Formes de l'expérience, une autre histoire sociale. Paris: Albin Michel, 1995.

² См.: L'Etat en proie au social // Le mouvement social. 2001. № 196. Этот специальный номер, посвященный СССР, был опубликован в форме отдельной книги: Depretto J.-P. (dir.). Pouvoirs et société en Union soviétique. Paris: Editions de l'Atelier, 2002.

³ Фицпатрик Ш. Сталинические крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН, 2001; Viola L. Peasant Rebels under Stalin — Collectivization and the Culture of Peasant Resistance; Viola L. Popular Resistance in the Stalinist 1930s: Soliloquy of Devil's Advocate // Kritika. 2002. № 1(1). P. 45–70; Виола Л., Журавлев С., Макдоналд Т., Мельник А. Рязанская деревня в 1929–1930 гг. Хроника головокружения: Документы и материалы. Москва—Торонто: РОССПЭН, 1998; Борисова Л., Данилов В., Ивницкий Н., Кондрашин В., Голушкина Т., Гусаченко Т., Николаев А., Тархова Н. Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ. Документы и материалы. Т. 1, 1918–1922. М.: РОССПЭН, 1998.

⁴ Davies S. Popular Opinion in Stalin's Russia. Terror, Propaganda, and Dissent, 1934–1941. Cambridge: Cambridge University Press, 1997; Werth N., Moulic G. Rapports secrets soviétiques, 1921–1991, la société russe dans les documents confidentiels. Paris: Gallimard, 1994.

⁵ Kotkin S. Magnetic Mountain — Stalinism as a Civilization. Berkeley—Los Angeles—London: University of California Press, 1995.

⁶ Viola L. Popular Resistance in the Stalinist 1930s.

⁷ David-Fox M. Whither Resistance? // Kritika. 2000. № 1(1). P. 161–166.

⁸ Rittersporn G.T. Simplifications staliniennes et complications soviétiques: Tensions sociales et conflits politiques en URSS (1933–1953). Paris: Editions Archives contemporaines, 1988; Solomon P.H. Soviet

Criminal Justice under Stalin. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

⁹ См.: Baruch M.O. Servir l'État français: l'administration en France de 1940 à 1944. Paris: Fayard, 1997.

¹⁰ Bloch-Lainé F., Gruson C. Hauts fonctionnaires sous l'Occupation. Paris: Odile Jacob, 1996.

¹¹ Azéma J.-P., Lévy-Bruhl R., Touchelay B. Mission d'analyse historique sur le système de statistique français de 1940 à 1945. Paris: Miméo, 1998.

¹² О социальных инженерах и статистиках XIX века см., например: Desrosières A. L'ingénieur d'Etat et le père de famille. Emile Cheysson et la statistique // Annales des mines. 1986. № 2. P. 66–80; Savoye A. Une réponse originale aux problèmes sociaux, l'ingénierie sociale (1885–1914) // Vie Sociale. 1987. № 8–9. P. 485–505.

¹³ См., в частности, работы, приведенные в прим. 3.

¹⁴ Raleigh D.J. (ed.). Provincial Landscape. Local Dimension of Soviet Power, 1917–1953. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2001.

¹⁵ Blum A. Oublier l'Etat pour comprendre la Russie? (XIX–XX siècles) // Reyue d'études slaves. 1994. № 66(1). P. 135–145; Ingerflom C.S. Oublier l'Etat pour comprendre la Russie? (XVI–XIX siècles): excursion historiographique // Ibid. P. 125–134.

¹⁶ Bourdieu P. Choses dites. Paris: Editions de Minuit, 1987.

¹⁷ См., в частности: Lewin M. Russia/USSR/Russia: The Drive and Drift of a Superstate. New York: The New Press, 1995; Dullin S. Les interprétations françaises du système soviétique // Dreyfus M. et al. Le Siècle des communismes. P. 47–65.

¹⁸ Shearer D.R. Modernity and Backwardness on the Soviet Frontier: Western Siberia in the 1930s / Raleigh D.J. (ed.). Provincial Landscape. P. 194–216.

¹⁹ Weber M. Économie et société. T. I. Paris: Plon, 1995.

²⁰ Kharkhordin O. The Collective and the Individual in Russia: A Study of Practices. Berkeley: University of California Press, 1999. P. 355.

²¹ Ferro M. Les Origines de la perestroïka. Paris: Ramsay, 1990.

²² Burrin Ph., Werth N. Une comparaison historique // Stalinisme et nazisme — Histoire et mémoires comparées / Sous la dir. de H. Rousso. Paris: Editions Complexe—ИИТФ—CNRS, 1999. P. 39–200; Stalinism and Nazism, Dictatorships in Comparison / Eds. I. Kershaw, M. Lewin. Cambridge: Cambridge University Press, 1997; Ferro M. Nazisme et communisme — Deux régimes dans le siècle. Paris: Hachette/Pluriel, 1999.

²³ Куртуа С. и др. Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии / Пер. с фр. М.: Три века истории, 1999.

²⁴ Kershaw I. Qu'est-ce que le nazisme? Problèmes et perspectives d'interprétation. Paris: Gallimard 1992 (оригинальное английское издание: 1985). Эти вопросы рассматриваются под углом зрения историографии нацизма.

Указатель имен

Авилов Б.В. — 40, 48
 Айхенвальд А.Ю. — 126
 Антипов Н.К. — 90
 Антонов-Овсенко В.А. — 219
 Арендт Х. — 5-6, 8, 65, 149, 274
 Арон Р. — 145

Бабаева — 51
 Базаров (Руднев) В.А. — 164
 Баскин Г.И. — 191
 Бергийон Ж. — 178
 Блок-Лене Ф. — 268
 Бляхер Я.В. — 40
 Богословский С.М. — 39
 Бозин Д.Я. — 116
 Бокль Г.Т. — 162
 Борткевич В.И. — 149, 160, 166, 239
 Боули А.Л. — 149, 160, 166-167
 Боярский А.Я. — 111, 138, 215
 Брандгендлер Л.С. — 110-111, 124, 127, 138
 Бриллинг А.Р. — 31
 Брянский А.М. — 251
 Буфатин А.М. — 45
 Бухарин Н.И. — 19, 60, 63, 73, 126, 166

Вебер М. — 147, 274
 Вейцблит И.И. — 128
 Верменичев И.Д. — 11, 21, 107, 110, 136
 Виноградова Н.М. — 170
 Вихляев П.А. — 40
 Вишневский А.Г. — 66-67, 82
 Вознесенский Н.А. — 120
 Волков А.М. — 79
 Воробьев Н.Я. — 31, 40, 249, 255

Гайдарова Г.И. — 45, 50
 Гегечкори М.И. — 107
 Гернет М.Н. — 31, 39, 170, 174, 178

Гибшман А.М. — 97
 Гозулов А.И. — 214-215
 Григорьев В.Н. — 30
 Громан В.Г. — 66-67, 80, 82, 89, 165-166, 238, 252
 Грюзон К. — 268
 Гурьев Ф.Ф. — 39

Даниленко С.С. — 45
 Дегтярь Д.Д. — 137
 Джини К. — 166
 Дмитриев В.Ф. — 79
 Дубенецкий Н.И. — 82, 249
 Дубовиков В.Г. — 39
 Дэвид-Фокс М. — 267
 Д'Эспин М. — 178
 Дюркгейм Э. — 173-174, 178

Егорова — 22
 Ежов Н.И. — 90, 98
 Енукидзе А.С. — 188
 Ефремов В.П. — 39
 Ефремов С.А. — 164
 Заменгов М.Ф. — 39
 Зейлингер В.И. — 80, 89
 Зиновьев Г.Е. — 19, 60, 63, 126, 187-188
 Зюсмилых И.П. — 161, 163

Каблуков Н.А. — 149
 Каганович Л.М. — 87, 95
 Казимиров Н.Я. — 39
 Калинин М.И. — 63, 186-188
 Каменев Л.Б. — 48, 51, 63, 65, 73
 Каплун С.И. — 93-95
 Кармилль Р. — 268
 Кауфман А.А. — 149, 160-161, 235
 Кафенгауз Л.Б. — 67
 Квиткин О.А. — 15, 23-27, 31, 40, 97-98, 101, 104-105, 110, 124, 127-128, 224
 Керженцев П.М. — 80-81, 86

Кетле А. — 158, 160-161, 173
 Кибинев — 45, 51
 Киэр А. — 238-239
 Ковалев Е.И. — 261
 Ковалевский А.Г. — 239, 241-243, 258-260
 Колобов В.М. — 40
 Кон С.С. — 239
 Кондратьев Н.Д. — 82, 89, 163-167, 185-188
 Копин — 47
 Коснор В.В. — 79
 Краваль И.А. — 11, 21, 24, 91, 95-96, 98-99, 102-111, 117, 132, 136, 140-141
 Красильников М.П. — 79, 175
 Кржижановский Г.М. — 41, 87
 Крицман Л.Н. — 67, 80, 86-87, 191
 Крупская Н.К. — 18
 Куйбышев В.В. — 48, 63, 73-74, 95, 141
 Куркин П.И. — 180
 Курман М.В. — 93-95, 97-98, 104, 108-111, 117-118, 124-127, 143, 172

Левин А.А. — 94
 Лексис В. — 149, 160-161
 Ленин В.И. — 15, 18-19, 41, 59, 61, 66, 70, 77, 158, 164, 181, 273
 Леонтьева — 97
 Лефор К. — 147
 Лимкина — 43
 Ломов К.А. — 53-55
 Лосицкий А.Е. — 40, 82
 Любимцев П.П. — 54

Майр Г. — 68, 160
 Макаров — 43
 Макарова — 43
 Максимова В.Н. — 138-139
 Маркс К. — 160, 164, 196
 Масальский В.И. — 40
 Мах Э. — 158
 Межлаук В.И. — 90
 Микоян А.И. — 84
 Милютин В.П. — 11, 85-89
 Минаев С.В. — 11, 88-90, 101
 Митчелл У. — 166-167
 Михайловский А.Г. — 39
 Михайловский В.Г. — 30, 39, 44, 48, 50-51, 59, 66, 68, 82

Молотов В.М. — 21, 65, 88-89, 91-92, 101, 107-109, 118, 120-121, 143, 185, 226
 Молочников — 44-45
 Молчанинов — 48
 Мур Г. — 164, 167
 Мухин — 43

Нейман Дж. — 239
 Некраш Л.В. — 171
 Немчинов В.С. — 80, 88, 90, 106, 139, 191, 252-253
 Неслуховский С.К. — 97
 Новосельский Н.М. — 171
 Новосельский С.А. — 180

Обухов В.М. — 80, 82
 Оганесов Н.С. — 41-43, 48-49, 51-52, 55
 Орджоникидзе Г.К. — 186
 Орженский Д.М. — 160
 Оруэлл Дж. — 6
 Осинский (Оболенский) В.В. — 11, 24, 77-86, 89-91, 98, 102, 104, 123, 132, 141, 143, 168-170
 Осипов Я.А. — 40, 48

Парето В. — 166
 Пашковский Е.В. — 31, 39, 44, 74, 77, 79, 86
 Петен Ф. — 268
 Пешехонов А.В. — 236
 Пирсон К. — 158, 166
 Писарев И.Ю. — 111, 114
 Подольский Ю.А. — 171
 Поляк Г.С. — 39
 Поплавский И.А. — 39
 Попов А.С. — 91, 140, 180
 Попов П.И. — 11, 15-23, 26, 28-29, 31-33, 36, 39, 41-49, 52, 55, 59-66, 68, 74, 77-80, 82-84, 99, 106, 111, 118, 120, 132, 142-144, 158, 170
 Птуха М.В. — 174
 Пятаков Г.Л. — 126

Родин Д.П. — 178
 Рыков А.И. — 66, 68, 73-74, 80, 83-85, 186
 Рюмелин Г. — 160-161

Саутин И.В. — 11, 120, 124, 136, 143, 177

Содержание

Свидерский А.И. — 186	Фарр У. — 178-179
Семенов Т.И. — 39	Фицпатрик Ш. — 150
Середа С.П. — 80	Фишер И. — 166
Сикра Ю.М. — 93	Флоринская А.М. — 97-98
Сифман Р.И. — 97	Фортунов А.Ф. — 160
Смирнов А.П. — 186, 188	
Смирнов М.В. — 80	Хетагурова В.С. — 118
Смирнов Н.И. — 53	Хлевнюк О.В. — 150
Смит-Фалькнер (Смит) М.Н. — 79, 138, 166, 170	Хотимский В.И. — 111, 123, 138, 165-166, 180, 255
Смулевич Б.М. — 106	Хрущев Н.С. — 123-124
Сталин И.В. — 5-9, 11, 15, 19, 24, 41-43, 61-65, 68, 71-73, 83-86, 91-92, 97-100, 103-109, 112, 114, 118-121, 123-124, 127, 129-130, 141, 143-144, 147, 166, 169, 181-182, 185, 188, 189, 215-216, 220-221, 224-225, 264-265, 268, 272-274, 277, 279	Хрящева А.И. — 39, 66-67, 191, 193, 245, 251
Старовский В.Н. — 11, 47, 111, 121-124, 143, 162-164, 167	
Степанов В.В. — 31	Цилько — 73
Столыпин П.А. — 196	Цюрупа А.Д. — 18, 66, 68
Струмилин С.Г. — 74, 89-90	
Телегин М.П. — 261	Чеканинская — 51
Теодорович И.А. — 186	Черных А.С. — 80
Титов — 53	Четвериков Н.С. — 31, 40, 239
Трахтенберг И.А. — 79, 81	Чупров А.А. — 31, 90, 149, 160, 239-242
Троцкий Л.Д. — 73, 77	Чургунов — 53
Урланис Б.Ц. — 215	
Уряшзон — 140	Шапошников Г.И. — 40
Успенская — 97-98	Шишков А.М. — 48, 79
Успенский С.В. — 97	Шмидт О.Ю. — 86

Введение	5
----------------	---

I. Большое недоразумение

1. Истории жизни	15
Павел Ильич Попов	15
Олимпий Аристархович Квиткин	23
Две формы взаимодействия со сталинизмом	26
2. Прошлое на службе у настоящего	28
Преимственность поколений	29
Модернизация государства	31
Наука на службе у государства	32
Разрыв между поколениями	34
Разрыв между представителями разных полов	36
Семейные связи	37
3. Чистка как средство управления	41
Первые шаги	41
Чистка	44
Противостояние	47
«Ваша большевистская идея»	49
«И пошло здесь над нами тиранство»	53
«Внедрять повседневный надзор»	56
Банальность?	57
4. Ученый, администратор и большевик	59
Ученый и политик	59
Ученый и администратор	65
Внешняя конфигурация властей	69
Сопrotивление или недоразумение?	71
Эпилог	73

II. Администратор и бюрократ

5. Будет буря	77
Хлебофуражный баланс, объект контроля	82
Отстранение Осинского	85
Подчинение статистики плану?	87
Великий голод	91
Статистика как доказательство	93
Незавершенное разрешение конфликта	98

6. Крайнее решение	101
Проекты переписи населения	101
Говорить то, что есть, но чего не должно быть	103
Беспорное свидетельство цифр	106
Враги народа	110
Незавершенная нормализация	113
Манипулирование	115
Судьбы трех статистиков тридцатых годов	122
Выводы	128
7. Бюрократическая анархия	131
Стабильность и нестабильность	131
Два резервных источника рабочей силы	132
Атомизация общества: из деревни — в город, с национальных окраин — в центр	135
Солидарность поколений	138
Организация беспорядка	139
Сигналы или инструкции?	141
Провал бюрократического абсолютизма	145
Узы знакомства и узы признания	148
III. Ученый и политик	
8. Какая наука нужна социалистическому обществу?	157
Инструментализация полемики	159
Маркс, буржуазный статистик и средний человек	160
Теории, представшие перед судом	164
Первые робкие шаги в разработке народнохозяйственного учета	167
Учет и планирование численности населения	171
От открытия социального факта к бюрократическому учету	173
Умереть в СССР	177
Переписи населения	182
Приложение. Кондратьевщина — пример использования материалов процессов как источников ...	185
9. Выделение классов в бесклассовом обществе	189
Как классифицировать хозяйства при нэпе	190
От рода занятий — к социальным классам	194
Когда появляется Маркс	196
На пороге бесклассового общества	200
10. «Предписание» идентичности и конструирование национальных категорий	204
Языки, расы и народы	206
Народы, национальности, территории	209

Переговоры и авторитарные предписания	212
Невозможный компромисс	215
Регистрация — гражданское состояние — статистическая культура	216
Создание и использование категорий	219
Использование категорий на местном уровне и дискриминационная политика	220
Использование демографических источников карательными органами и насильственное предписание идентичности	223
Конструирование идентичностей: биография и сеть отношений	226
Приложение. Таджики и грузины в период между 1897 и 1970 годами	228
11. Размышление о методе случайного отбора	233
Способ, рожденный требованиями управления	234
Механический отбор, первая форма случайного выбора ...	235
Переход к понятию репрезентативности	236
Теоретизация выборочности	239
Разнообразные формы выборочных исследований в двадцатые годы	243
Наблюдение за структурами и изменениями, область типичных единиц	245
Какие методы исследования приемлемы для социалистической статистики?	247
Репрезентативность в сопоставлении с практикой	248
Новые способы использования цифр и методологические компромиссы	252
Смещение центров тяжести в 1930-е годы	255
Сочетание случайности и отбора типичных единиц	258
Сохранение сомнений по отношению к случайности	260
Заключение. Вклад в историю сталинизма	263
Сотрудничество, согласие или сопротивление?	264
Вновь о понятии сталинского государства	271
Власть, легитимность и насилие формы	274
Средства познания и формы его использования	277
За сравнительную историю	278
Источники	280
Личные дела, хранящиеся в РГАЭ (фонд 1562)	282
Благодарности	284
Примечания	286
Указатель имен	322

Блюм А., Меспуле М.

Бюрократическая анархия

Статистика и власть при Сталине

Редактор И.В. Александров
Художественный редактор А.К. Сорокин
Художественное оформление А.В. Кубанов
Компьютерная верстка С.В. Шеришорин
Младший редактор Т.А. Марченко
Корректор О.А. Еремеева

ЛР № 066009 от 22.07.1998.

Подписано в печать 1.08.2006. Гарнитура SchoolBookC.
Формат 60×90^{1/16}. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 20,5.

Тираж 1500 экз. Заказ 4216

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)
117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82. Тел.: 334-81-87
(дирекция)
Тел./факс: 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14